3189

1711 — 1911

ЛОМОНОСОВСКІЙ СБОРНИКЪ.

Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

3189

1711—1911

ЛОМОНОСОВСКІЙ СБОРНИКЪ.

Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

306

1111734

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1911 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

1005 15

2002

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 л., № 12).

Архангельская
областная библиотека
им. Н. А. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

А. Грандилевскій. Что знаютъ и что могутъ дать о Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ родные ему Холмогоры и Денисовка? . . 1

І. М. Сибирцевъ. Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. (Его жизнь на родинѣ). 29

С. А. Бѣлокуровъ. О намѣреніи Ломоносова принять священство и отправиться съ И. К. Кирилловымъ въ Оренбургскую экспедицію 1734 г.. 67

С. А. Бѣлокуровъ. Объ отправленіи учениковъ славяногреколатинской Академіи, въ томъ числѣ и Ломоносова, изъ Москвы въ С.-Петербургъ 1735 г. 77

В. Н. Перетцъ. Къ біографіи Ломоносова (Кто былъ «Христофоръ Зубицкій»?) 85

В. В. Куриловъ. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ. 105

П. И. Вальденъ. О трудахъ М. В. Ломоносова по вопросу о растворахъ. 123

Б. Н. Меншуткинъ. О корпускулярной философіи Ломоносова. . . . 151

Б. Н. Меншуткинъ. М. В. Ломоносовъ и флогистонъ. 157

И. К. Сухоплюевъ. Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія. 163

В. И. Рѣзановъ. Трагедіи Ломоносова. 235

П. Н. Столпянскій. Нѣкоторыя данныя къ біографіи Ломоносова, извлеченныя изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за XVIII вѣкъ. 267

П. Л. Маштаковъ. Къ исторіи родины Ломоносова. (Съ 1 картой). . 283

Н. Е. Макаренко. Ломоносовъ и мозаичное дѣло въ Россіи. (Съ 2 портретами). 289

Б. Л. Модзалевскій. Родъ и потомство Ломоносова. (Съ родословной таблицей). 331

В. И. Вернадскій. Объ открытіи кроконта. 345

Что знаютъ и что могутъ дать о Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ родные ему Холмогоры и Денисовка?

Свящ. Аркадія Грандилевскаго.

Неизгладимое, вѣчно живое на страницахъ Русской исторіи имя Михаила Васильевича Ломоносова до сихъ поръ влечетъ своихъ почитателей къ непосредственному ознакомленію и съ далекою родиною самого носителя этого имени. Но безпощадная рука людей и времени стерла всѣ памятники о Ломоносовѣ на его родинѣ и, чтобы дать очеркъ дѣтства и отрочества его, надобенъ настойчивый и долговременный трудъ, дабы собрать все возможное: преданія старины видимо стали исчезать, о Ломоносовѣ преданій мало, да и тѣ всѣ перепутаны, измельчены, искажены его позднѣйшими земляками. Имѣя возможность жить въ Ломоносовкѣ и ежедневно наблюдать весь ея бытъ, равно имѣя тамъ широкій доступъ къ библіотекамъ, архивамъ, къ знатокамъ мѣстной старины и ко всему населенію, я рѣшилъ использовать все это для очерка родины Ломоносова въ ея прошломъ и настоящемъ и для біографіи самого Михаила Васильевича до бѣгства его въ Москву. Мой трудъ является результатомъ 12 лѣтъ предварительныхъ изысканій, и теперь могу сказать, что на родинѣ Ломоносовѣ ничего не осталось внѣ моихъ записей. Приводя отсюда краткія извлеченія, прошу всегда имѣть въ виду, что если въ нихъ окажутся какія-либо хронологическія или исто-

рическія несообразности, въ меньшемъ видѣ разнорѣчія и т. под., то это все зависитъ не отъ личныхъ моихъ соображеній или доводовъ, но исключительно отъ того, какъ опредѣляются факты и ихъ время мѣстными преданіями и документами.

О Ломоносовѣ, какъ жилъ онъ на своей далекой родинѣ до знаменитаго бѣгства въ Москву, невозможно говорить безъ того, чтобы не дать первопачально самый точный очеркъ современной ему родины его, которая была, можно сказать, главною его воспитательницею и оставила въ немъ навсегда неизгладимую печать. Руководясь довольно жизненнымъ еще преданіемъ народа, затѣмъ церковными и разными архивными документами, мы будемъ въ силахъ получить не только всѣ топографическія свѣдѣнія и точную географическую карту Холмогоръ начала XVIII вѣка, но даже выработать и законченную бытовую картину, что всего дороже и желательнѣе.

Еще за сто лѣтъ до Ломоносова существовала обстоятельная опись его родины въ *Писцовой Книгѣ* Мирона Вельяминова, составленная имъ въ 1623—1624 годахъ по руководству отъ бывшихъ описей и документовъ послѣдней четверти XVI вѣка. Точная копія изъ этой Писцовой Книги хранится въ Куростровскомъ церковномъ архивѣ и представляетъ собою довольно обширный документъ [1]). Привожу выдержки наиболѣе существеннаго и интереснаго.

«Въ *Куростровской волости* [2]) погостъ, а на погостѣ церковь «святаго страстотерпца великомученика Димитрія, а другая цер«ковь Великія Христовы Мученицы Екатерины, съ трапезою, де«ревянныя, обѣ вверхъ, а въ церквахъ образа и свѣчи и книги и «всякое церковное строеніе приходное; того жъ погоста церковная

---

1) Подлинная писцовая книга хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ Отдѣлѣ писцовыхъ книгъ, подъ № 39. *Прим. Редакціи.*

2) Куростровская волость въ 1868 г., съ Высочайшаго соизволенія, переименована въ *Ломоносовскую*, а около той поры (въ годахъ 40-хъ и 50-хъ) именовалась Ваймарицкою, Строительскою, — смотря по мѣсту нахожденія Волостного Правленія.

«бѣлая деревня *Ильинская*[1]), а въ ней дворъ: попъ Моисей Ѳе-
«доровъ, церковный дьячекъ—Ивашко Семеновъ, пономарь Сенька
«Власовъ, просвирница Оксиньица, четыре кельи нищихъ, ни-
«гаются отъ церкви Божіей; два мѣста дворовыхъ бобыльскихъ,
«пашни паханыя, и съ отхожею пашнею, что въ *Наль*[2]) *островъ*
«и въ *Ракульской Юрмолѣ*[3]) за *Поповскимъ*[4]) *истокомъ* въ Алек-
«сѣевѣ куту среднія земли три чети съ осьминою въ полѣ, а въ
«двухъ по тому-жъ, да худыя земли четь съ осьминою; сѣна въ
«Наль островѣ 30 копенъ, лѣсу непашеннаго по рѣкѣ по Двинѣ
«и по *Пинегѣ*[5]) четыре десятины. Того-жъ погоста деревни цер-
«ковные тяглые, а Государевы подати платятъ съ волостными
«людьми. Деревня *Семеновская*[6])... пашни паханые съ отхожею
«пашнею, что на *Ёнмезерѣ*[7]), сѣна въ *Зальсской Юрмолѣ*[6]) де-
«сять копенъ... (деревня) *Шиздерская*[8]) подъ *Маткозеромъ*[9]), а
«въ ней Кузьма сынъ *Тутуровъ*[10])... *да перелога*[11]) худыя земли
«четь, сѣна въ Наль островѣ въ *Чудиновѣ наволокѣ*[12]) и въ За-
«лѣсской Юрмолѣ пять копенъ... Что была *деревня на болотцѣ*[13])
«*противъ погоста*..., а денежныхъ доходовъ зъ живущихъ вытей
«за два *горностая*[14]) съ четью горностая, и за *поральскую*
«*бѣлку*[15]) и за *морской оброкъ* съ *Терской*[16]) стороны три алтына

1) Нынѣ отъ нея нѣтъ и слѣдовъ.
2) Наль-островъ и теперь извѣстное мѣсто; тоже и
3) Ракульская Юрмола.
4) Нынѣ Поповъ ручей.
5) И теперь на рѣкѣ Пинегѣ лѣсныя дачи земляковъ Ломоносова.
6) Нынѣ неизвѣстная.
7) Нынѣ озеро Ёмзино съ окружающею площадью.
8) Извѣстная и теперь мѣстность.
9) И теперь существующее съ тѣмъ же названіемъ озеро.
10) Существуетъ дер. Тутуровская — по имени бывшихъ здѣсь Тутуровыхъ.
11) Перелоги—длинные узкіе перевалы земли, сухія полосы между параллельно идущими узкими логовинами и ручьями.
12) Нынѣ просто *Чудиново*.
13) Отъ этого *болотца* съ незапамятныхъ поръ величаютъ Ломоносовку *болотомъ*.
14) Горностай и
15) Бѣлка — продукты прежняго охотничьяго промысла на родинѣ Ломоносова.
16) Морскіе промыслы на Терскомъ берегу Кольскаго полуострова.

«четыре деньги, за *городовое*[1]) и за *заспчное*[2]) и за *ельничное*[3]) «дѣло полчетверти деньги... Въ Куростровской волости погостъ «*Залывской*[4]), а на его погостѣ церковь успенія Пресвятыя Бо-«городицы, деревянная, вверхъ, въ церкви образа и книги и свѣчи «и колокола и всякое церковное строеніе мірское, а воздвигнута «эта церковь въ 127 году; попъ Иванъ Таровъ, пономарь Ивашко «Наумовъ, просвирьница Улитка, а у тое церкви тое же волости «крестьяне дали послѣ писцовъ 127, 128; и 129 и въ 140 го-«дахъ; въ *Стоиновѣ*[5]) паволокѣ пашни средніи земли (и т. д.)... «а денежныхъ доходовъ въ живущихъ вытей... *пищалныхъ*[6]) «полтретьи деньги, загубсково оброку деньга... Куростровской же «волости за крестьяны оброчныя земли и за *рыбныя ловли*[7]) на «оброкѣ деревни *Сивковской*[8]) за Скамкой *Струковымъ*[9]) по об-«рочной 97 году, въ Ракульской Юрмолѣ. *Пековарда*[10]) про-«межъ Мишкаго озера и Чернаго, да *Круглица*[11]) да волочекъ по «копецъ *Долгаго*[12]) озера... Деревни *Заулицкой*[13])... по оброчной «отъ 97 году, отъ *Палишиной*[14]) *горы* по конецъ отъѣзжей, да «пустошка *Кутакинская*[15]) въ межахъ съ *Ловцовою*[16]) *землею*...

---

1) *Городовое дѣло* и теперь еще извѣстно: это доставка разныхъ кладеи и товара въ городъ Архангельскъ по рѣкѣ Двинѣ на *городовыхъ*, т. е. большихъ карбасахъ, вмѣстимостью до 2000 пудовъ груза (тѣ же шняки и баркасы, что на Волгѣ).

2) Вѣроятно, смолокуренное, и нынѣ извѣстное.

3) Иначе — лѣсорубочное.

4) Извѣстенъ и теперь къ юго-востоку въ трехъ верстахъ отъ Куростровa.

5) И теперь извѣстный участокъ — Стоиново.

6) За право охоты огнѣстрѣльнымъ оружіемъ.

7) Прежде богатыя, нынѣ ничтожныя.

8) Нынѣ деревня Сивчевская.

9) Отъ этой фамиліи, уже исчезнувшей, и до сихъ поръ Сивчевская деревня съ окружающимъ его участкомъ именуется Струковымъ. Подобныхъ случаевъ подыскивается много на родинѣ Ломоносова.

10) Мѣста, и теперь извѣстныя съ тѣми же названіями.

11) Мѣста, и теперь извѣстныя съ тѣми же названіями.

12) Мѣста, и теперь извѣстныя съ тѣми же названіями.

13) Нынѣ вошла въ районъ Ломоносовки.

14) Центръ Куростровa, и теперь такъ же именуемый.

15) Отъ слова *Кутъ*, т. е. глухой, самый дальній, укромный уголокъ.

16) Нынѣ неизвѣстно это имя.

«*Деревни Денисовской*[1])... межа сверху отъ *Бутако́вы*[2]) *земли* «снизу отъ *Кишженской*[3]) пустошп... Дер. *Аѳанасьевская*[4]) въ «Налье островѣ въ *Долгихъ*[5]) поженкахъ Якимовская хвостовая. «*Деревни Григорьевской*[6]) пустошь, что деревня *Шахматова*[7])... «Деревни *Луховской*[8]) на узкой *ве́рети*[9]) на *Бору*[10]) промежъ «Куростровомъ и Залывьемъ пашни перелога худыя земли,... за «*Е́зовою*[11]) площадью за перелогомъ противъ *Черныя грязи*[12]) да «источекъ въ *Холу́евное*[13]) озерко... Деревни *Таракановской*[14]) за «Оличкомъ Семеновымъ сыномъ *Бушковымъ*[15]) подлѣ острова *Жа-* «*равинца*[16]) *Ку́рика*[17]) жаровская, въ Ракульской Юрмолѣ плоская «*Лывка*[18]) да озеро *Лодевское*[19]) съ истокомъ рыбные ловли... Про- «тивъ *Посада*[20]) за *Поповскимъ истокомъ*[21]) за *Забо́хоровскою*[22]) «пожнею,... да за *Пековардинскимъ*[23]) озеркомъ пустошка... Цер- «ковная Христова страстотерпца Димитрія по оброчнымъ статьямъ «пустошь *Лукачевская*[24])... *Басовская*[25]) *Борисовская* тожь, а въ

---

1) Нынѣ нѣтъ ея.
2) Неизвѣстна теперь.
3) Нынѣ извѣстный церковно-арендный участокъ.
4) Слилась съ Ломоновскою деревнею.
5) По берегу Долгаго озера.
6) И теперь извѣстна съ тѣмъ же именемъ.
7) Нынѣшніе Ша́хматы, а деревни нѣтъ уже.
8) И теперь есть съ тѣмъ же именемъ.
9) Огородъ.
10) Нынѣшній Борокъ подъ Залывьемъ.
11) И теперь извѣстныя мѣста съ тѣми же именами.
12) И теперь извѣстныя мѣста съ тѣми же именами.
13) Уже неизвѣстно.
14) И теперь извѣстная подъ этимъ именемъ, но чаще именуемая:
15) *Бушковымъ*, по фамиліи ея бывшихъ обывателей.
16) И теперь извѣстное мѣсто съ этимъ именемъ.
17) Маленькая рѣчка.
18) Лужица, жидкая болотинка.
19) Теперь неизвѣстное.
20) Это нижній Холмогорскій посадъ, нынѣ голая площадь близъ Падеры.
21) Нынѣ Попо́въ ручей.
22) Нынѣ церковно-арендный участокъ Бухариха.
23) Площадь и теперь извѣстна, а озера такого уже нѣтъ.
24) И теперь извѣстныя церковно-арендныя земли тѣхъ же названій.
25) И теперь извѣстныя церковно-арендныя земли тѣхъ же названій.

«*Папко́вѣ кутѣ*[1]) средьніе земли осьмина... (Дер.) *Скрыпичев-*«*ская*[2]) тожъ... съ отхожею пашнею, что на *Е́вземицѣ*[3])... (де-«ревня) *Кичиженская*[4])... пашни паханыя... пустошь, что была «деревня *Хмелевская*[5])... Деревни *Нестеровской*[6])... поженка въ «*Янземицѣ*[7]). Деревни *Сивковской*[8])... въ углу возлѣ *вече́туга*[9]), «концомъ къ Долгому озеру, а въ другую сторону по лугу, что отъ «рѣчки изъ *Курополки*[10]) пашни паханые... Деревни *Григорьев-*«*ской*[11])... на волочекъ *Булановской*[12]) росчись на *До́монтовѣ*[13])... «Луховская... на *Зимней сторонѣ*[14]) за Анцами тожь Быстрица... «Деревни *Поколотовской*[15])... пустоши *Пянтушевской*[16]) пожня... «по сотной книги (князя Василія Звенигородскаго) пустоши *черти-*«*щевскіе*[17]). Деревни *Калитинской*[18]) по купчей 107-го году на «*Лѣтней сторонѣ*[19]) тожь Зацѣпинская большая... Деревни *Туч-*«*ковской*[20]) Косте́нинская поженка противъ *Ровдины*[21]) *горы*... съ

---

1) Нынѣ *Пачково*, близъ Ломоносовки.

2) Нынѣ деревня Алферовская, сохранившая только прозвище Скрыпова по фамиліи бывшихъ крестьянъ.

3) Нынѣшнее Е́мзино.

4) И теперь извѣстная съ этимъ именемъ церковно-арендная земля.

5) Уже никакихъ напоминаній нѣтъ.

6) Нынѣ слившаяся съ Ломоносовкой.

7) То же Е́мзино, что и выше стр. 3, примѣч. 7).

8) Уже извѣстная деревня Сивчевская (стр. 4, примѣч. 8).

9) Прямой смыслъ этого слова не ясенъ судя по содержимому здѣсь можно полагать, что *вече́тугъ* — глубокій оврагъ.

10) Та же Курополка рѣка, что и теперь.

11) См. стр. 5, прим. 6.

12) Близъ нынѣшняго Булановскаго озера.

13) Церковный арендный участокъ До́монтово.

14) На зимнемъ берегу Двинской губы.

15) И теперь извѣстная съ этимъ именемъ.

16) Нынѣ неизвѣстна.

17) Нынѣ также на *Чертовомъ носу*.

18) Неизвѣстна теперь.

19) Лѣтній берегъ Двинскаго залива.

20) Съ этимъ именемъ могли быть три деревни: а) нынѣшняя Тушковская, б) Второтушковская, слившаяся съ Алферовскою, и в) Чучковская, слившаяся съ Ломоносовской.

21) Извѣстное и теперь съ этимъ именемъ село и мѣстность въ 6-ти верстахъ отъ Курострова.

«нижняго конца отъ *Петровской земли*[1]). Деревни *Аѳанасьевской*[2]) «*затульной .тьсо*[3]) *ельникъ*[4]) и *верестикъ*, да въ Налѣ островѣ «черемушникъ отъ *станóвъ*[5]) и отъ Лукинской за своею нашею «отъ *Димитріевской*[6]) земли и до Лывы. Деревни *Григорьевской* «по источку возлѣ меньшую *Бáтермолу*[7]) до *клочка*[8]) и до под- «рѣчья и въ истокъ *рыбныя ловли*... Деревни *Осьевской*[9])... сухая «лывка *Вятулька*[10])... и порука въ оброкѣ Иванко Амосовъ «сынъ *Корелятинъ*[11])... Деревни *Настасьевской*[12])... да деревни «*Строительской*[13]) на Вешней сторонѣ простой морской берегъ, «промысель *красной*[14]), рыбная ловля... а порука въ оброкѣ «Якунька Ивановъ сынъ *Пахомовъ*[15])... Куростровской же волости «за крестьяны быль... по *Нижней Нарвы въ Рыбной головы*[16]) «островокъ *Лýповецъ*[17]) и Патракейка не стало, а островокъ снесло «водою»... (Подлинникъ находится въ Писцовой Книгѣ Мирона Вельяминова отъ 560-го листа въ порядкѣ по 578-й).

Представленный документъ, даже и въ этомъ сокращеніи, будучи дополненъ свѣдѣніями изъ другихъ архивныхъ матеріаловъ Куростровской церкви, особенно изъ метрикъ, росписей и памятной книги, затѣмъ выверенный по вервнымъ записямъ мѣстнаго Во-

---

1) Ровдинская церковная Петропавловская арендная земля.
2) См. выше.
3) Спасающій отъ ледохода и весенней воды.
4) Знаменитый Куростровскій ельникъ.
5) Скотскія огороженныя загоны или стойла на пастбищахъ.
6) Нынѣшняя церковная Димитріевщина.
7) И теперь извѣстная Бáтермала.
8) Нынѣ *клóчка*, церковно причтовая пожня.
9) Нынѣ соединилась съ Родіоновскою.
10) Неизвѣстно какая.
11) Потомокъ изъ Корель-колонистовъ, поселившихся въ Холмогорахъ еще съ XV вѣка.
12) Нынѣ слилась съ Ломоносовскою деревнею.
13) И теперь существуетъ съ этимъ же именемъ.
14) Сéмужій.
15) Отъ этой фамиліи и понынѣ зовутъ Строительскую деревню Пахомовой горою.
16) И теперь извѣстное подъ симъ именемъ мѣсто.
17) Подобныхъ Луповцу много исчезающихъ и появляющихся острововъ.

лостного Правленія и выясненный живымъ преданіемъ, является вполнѣ законченнымъ топографическимъ очеркомъ Холмогорскаго округа не только начала XVII вѣка, но и включительно по самый день рожденія Ломоносова. Имѣя поэтому возможность говорить о родинѣ Михаила Васильевича, какою была она въ его дѣтскіе годы, даю краткое описаніе ея.

Деревня, гдѣ родился Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, именовалась тогда *Денисовкою*. Она принадлежала Куростровскому сельскому обществу, состоявшему изъ двадцати одной деревни[1]), кои правильнымъ кругомъ оцѣпляли подошву холма, лежащаго среди низьменной равнины. Въ общемъ они составляли тотъ *Куростровъ*, что и понынѣ носитъ свое названіе отъ временъ еще до-исторической Заволоцкой Чуди; отсюда не далѣе трехъ верстъ къ сѣверу находился нижній Холмогорскій посадъ, уже теперь не существующій.

Въ цѣломъ Холмогорскій округъ въ томъ своемъ районѣ, который заключаетъ родной Ломоносову уголокъ, будетъ группою островныхъ площадей, тѣсно замкнутыхъ сѣтью проливовъ, образующихъ дугу къ сѣверо-западу отъ лѣваго берега Двины. Основаніе этой дуги начинается въ пятидесяти верстахъ къ верху по Двинѣ отъ города Архангельска у такъ называемой Косковой горы и продолжается до Вавчуги верстъ на двадцать пять, а вершина оканчивается Матигорами, въ 15-ти верстахъ отъ Двины. Здѣсь постоянно пестрѣетъ совокупность рѣкъ, ручьевинъ, проливовъ, заливовъ, озеръ, песковъ, луговъ, лѣсовъ, равнинъ, холмовъ, овраговъ, пашенъ, покосовъ, деревень и береговыхъ высотъ. Въ дѣтскіе дни Ломоносова глубока и многоводна была Сѣверная Двина. По высокимъ гористымъ ея берегамъ стояли дѣвственныя хвойныя чащи, а низьмины были обрамлены непро-

---

1) Названія ихъ: 1) Денисовка, 2) Чучковская, 3) Настасьевская, 4) Нестеровская, 5) Аѳанасьевская, 6) Григорьевская, 7) Заулицкая, 8) Поколотовская, 9) Сивчевская, 10) Таракановская, 11) Скрыпово, 12) Тушковская, 13) Осѣевская, 14) Родіоновская, 15) Кичиженская, 16) Тутуровская, 17) Строительская, 18) Луховская, 19) Алферовская, 20) Палишинская, 21) Второтушковская.

ходимымъ черноѣсьемъ. Сыпучіе пески тогда не были извѣстны и морскія суда безпрепятственно проходили до Вавчуги и даже въ прилегавшія къ ней Двинскіе рукава, гдѣ теперь въ лѣтнюю пору не проходитъ и лодья. Гористый правый берегъ Двины между Вавчугою и Косковою, именуемый *Чухченемскимъ*, прилегаетъ къ главному Двинскому рукаву того же наименованія; лѣвая сторона ударяетъ въ высокій длинный островъ *Ухта*, въ былое время разстилавшійся на двадцати верстахъ протяженія. Онъ былъ покрытъ живописнымъ сосновымъ *Боромъ*, о чемъ напоминаетъ теперь только селеніе «Боровъ». Съ западной стороны Ухтостровъ отдѣлялся Вашкаринскимъ, нынѣ Богоявленскимъ рукавомъ, и здѣсь на протяженіи лѣваго берега развертывался лѣсистый Богоявленскій островъ, а отъ него на югъ высокій Зальвскій край.

Противъ знаменитаго Вавчужскаго ручья въ лѣвомъ берегѣ Двины существовала глубокая лагуна, изъ которой начинались два рукава: къ сѣверу—Куростровской, къ югу—Быстрокурской; обогнувъ черезъ 15 верстъ колѣно, они соединялись противъ Холмогорскаго посада въ общую рѣку *Падрокурку*, нынѣ Холмогорку, и опять возвращались въ Двину. Тѣ части рукавовъ, которыми окаймлялся восхитительный *Наль островъ*, назывались *Быстрокурою* и *Курополкою*; круглое колѣно Быстрокурки зовется *Матигоркою* и ею окаймляется живописная высокая пзрытая оврагами мѣстность, именуемая *Матигорами*, когда-то прежде на всѣхъ холмахъ покрытая борами и еловыми рощами, а теперь сохранившая это украшеніе только кое-гдѣ. На этомъ высокомъ берегу Падрокурки былъ раскинутъ Холмогорскій посадъ изъ двухъ отдѣльно стоявшихъ частей, которыя въ общемъ занимали мѣсто на четырехъ верстахъ протяженія и назывались нижнимъ и верхнимъ посадами. Къ востоку отъ города разстилалась лѣсистая равнина до рѣчки Курьи и за нею возвышалась покрытая лѣсомъ очень холмистая мѣстность, занятая Курейскими селеніями. Противъ Холмогорскаго посада, на другой сторонѣ рѣки вздымался съ плоскаго пригорка непроходимый *Куростровскій ельникъ* въ видѣ узкой овальной рощи и съ востока къ нему

примыкалъ высокій насыпной военный валъ. Между ельникомъ и Куростровомъ открывалась низменная площадь, изрытая озерами и ручьевинами,—это *Ормола*. Къ юго-востоку отъ Куростровa, по правому берегу Куроволки тоже сначала разстилалась гладкая равнина *Езовская*, а за нею шла лѣсистая Ровдпско-Залывская возвышенность съ селеніями тѣхъ же названій.

Наль-островъ съ высоты Куростровскаго берега являлся живописной луговой равниной верстахъ на пятнадцати длины и на семи въ ширину. Края этой площади обрамлены были еловыми рощами со стороны Быстрокурья и черноѣсьемъ по сѣверному краю, а на восточномъ и западномъ концахъ высились сухіе боры. Внутри весь островъ испещренъ былъ озерами и ёрошвами, изобиловавшими рыбою, а на берегахъ ихъ и въ ельникахъ имѣлось неистощимое изобиліе птицъ, ягодъ, грибовъ. За Наль-островомъ открывалась уже материковая земля, и теперь занятая хвойнымъ лѣсомъ; тамъ, на берегу рѣки, высится холмистый участокъ, занятый Быстрокурскимъ селеніемъ. Самый Куростровъ будетъ центромъ только что описанныхъ мѣстъ Холмогорскаго округа и онъ при Ломоносовѣ выдѣлялся особою красотою своихъ главныхъ деталей. Кругъ деревень на подошвѣ холма тонулъ въ густыхъ зарослях черноѣсья, изъ нихъ выросталъ изрытый нашпями, со всѣхъ сторонъ правильный, равномѣрный подъемъ по радіусу въ полторы версты. Центръ составлялъ наивысшую точку возвышенности и занятъ былъ живописною еловою рощею, одинъ край которой на окатѣ у Палишина близко подходилъ къ усадьбѣ Ломоносова, а другой, противоположный (Уткино) уклонялся на сѣверо-востокъ и за нимъ находилась группа деревень, получившая съ очень давнихъ поръ и до послѣдняго времени извѣстное наименованіе залѣсья. Здѣсь, въ этой рощѣ, открывался широкій просторъ дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ Ломоносова, отсюда еще при немъ вѣковые гиганты шли на постройку Димитріевской церкви. Лѣтъ сорокъ тому назадъ весь ельникъ этотъ исчезъ.

Не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что Ломоносовъ первоначально росъ совершенно тѣмъ же сыномъ природы, какъ и всѣ его сверстники въ родной ему деревнѣ, но изъ окружавшей его живописной и переполненной разнообразіемъ обстановки, при особенной впечатлительности своей натуры, онъ выносилъ и усвоялъ гораздо болѣе, чѣмъ кто-либо иной. Горячо любилъ Ломоносовъ свою далекую родину; много мыслей, чувствъ и словъ посвящено ей въ его безсмертныхъ твореніяхъ.

Перейдемъ къ бытовой обстановкѣ. Возстановить забытую картину прошлаго здѣсь труднѣе, чѣмъ въ топографическомъ очеркѣ. Къ упомянутымъ выше общимъ источникамъ нужно присовокупить еще и трудъ личнаго ознакомленія съ тѣми уголками Холмогорскаго края, гдѣ до сихъ поръ обычаи, говоръ и весь укладъ жизни крестьянъ сохранились въ своей типичной первобытной чистотѣ, именно въ томъ видѣ, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ жили вообще на всей родинѣ Ломоносова[1]). Мало сбереглось такихъ любопытныхъ мѣстечекъ, но все же они есть, хотя уже и наканунѣ крупныхъ перемѣнъ. Отсюда и почерпается вся окончательная полнота описанія, потому что иначе архивные матеріалы и народная молва будутъ во многомъ неясны, сомнительны и очень кратки.

Денисовская деревня, гдѣ родился Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, въ его время представляла собою безпорядочную кучу дворовъ, разбросанныхъ по высокому обрыву праваго берега Курополки, въ близкой смежности съ прежнимъ церковнымъ погостомъ, отъ котораго отдѣлялась только широкимъ оврагомъ. Между домами и вокругъ нихъ ютились огороды и хлѣбныя поля, а сзади пролегала мимоѣзжая дорога. По общему преданію, мѣсто дома Ломоносова опредѣляется особнякомъ въ юго-восточномъ углу нынѣшней школьной Ломоносовской усадьбы,

---

1) Могу указать на свой трудъ подъ заглавіемъ «О населеніи Озерковскаго округа Холмогорскаго уѣзда», представленный Отдѣленію Русскаго языка и Словесности Имп. Академіи Наукъ въ 1907 году.

гдѣ нынѣ стоитъ домъ наслѣдниковъ Александра Гавриловича Шубнаго, родъ которыхъ будто бы имѣетъ какое то фамильное свойство съ потомствомъ Ломоносовыхъ.

Крайне однообразны были постройки прежней Денисовки: и у богача, и у бѣдняка строились домы одного плана и типа, при чемъ еще только недавно они стали исчезать, замѣняясь новыми сооруженіями. Всѣ равно заботились о прочности, теплѣ, а не объ изящности домовъ, поэтому массивная толща стѣнъ, подслѣповатыя окна, узкія двери, рубленые углы, крыша въ два ската, изолированная выступомъ на фасадѣ свѣтелка, широкій скотный дворъ, примыкавшій къ жилью, обязательная повѣть, или сѣновалъ вверху двора и бревенчатый взъѣздъ въ широкія ворота повѣти,—вотъ все, чѣмъ характеризовался снаружи всякій домъ современной Ломоносову Денисовки. Единственными, такъ сказать, наслѣдными украшеніями были расписныя ставни, балкончикъ на чердакѣ и прицѣлины, т. е. рѣзныя отдѣлки подъ крышею и вокругъ оконныхъ косяковъ, иногда крашеная досчатая обшивка угловыхъ концовъ. Половина фасада, занятая свѣтелкою, всегда выступала саженя на двѣ и болѣе впередъ, а та часть, которая отступала назадъ, строилась въ такой ширинѣ, чтобы можно было внутри помѣстить большой возъ и съ запряженою въ него лошадью. Это были сѣни; и наружныя ворота, обязательно съ фасада, устанавливались такъ, чтобы въ нихъ можно проѣзжать на конѣ или по крайней мѣрѣ затянуть широкія возовыя рѣзвальни. Изъ этихъ сѣней вела колѣичатая лѣстница вверхъ, гдѣ тоже имѣлись широкія сѣни съ кладовыми для платья, сундуковъ и припасовъ, и откуда былъ ходъ въ свѣтелку, чистую кухню и на повѣть. Подъ свѣтелкою подвальная часть назначалась для храненія муки и хлѣба, а рядомъ дѣлали широкую черную кухню, гдѣ собственно и жила вся семья, потому что верхи служили тогда тѣмъ же точно, что у насъ теперь гостиная, зала или парадная пріемная. Внутренняя обстановка не блестѣла изысканностію. Лубочныя картины, своедѣльная мебель, дешевенькая окраска, штукатурка или оклейка обоями и прежде и теперь выдѣляли чистыя помѣ-

щепія отъ черныхъ, гдѣ оставались голыми и потолокъ, и стѣны, а на полу царила грязь. Что касается общей обыденной обстановки, то всѣ принадлежности домашняго скарба каждый, можно сказать, дѣлалъ самъ для себя: здѣсь тачали сапоги, ткали полотна и рѣдину, валяли сукна и зимнюю обувь, шили одежду, выдѣлывали кожу, изготовляли инструменты для ремесль и принадлежности сельскаго хозяйства включительно до деревянной посуды. Во всякомъ домѣ имѣлись тѣ или иные мастера, такъ что та или иная обстановка всецѣло зависѣла отъ личнаго труда; покупали на деньги только глиняную, стеклянную, мѣдную посуду, слесарныя издѣлія, предметы роскоши и больше ничего. Дворовое хозяйство по сіе время осталось тѣмъ же, чѣмъ было и до Ломоносова, дворовыя постройки всѣ такъ же однообразны, какъ современныя Михаилу Васильевичу.

Родители Михаила Васильевича Ломоносова были довольно зажиточными людьми. Кромѣ собственаго дома со всѣми добавленіями къ нему, они имѣли усадьбу, на которой, въ сѣверную сторону отъ жилья, существовалъ глубокій прудъ, гдѣ Василій Дороѳеевичъ Ломоносовъ разводилъ рыбу и держалъ водяную домашнюю птицу, а сынъ его Михаилъ хлопоталъ надъ кормомъ и сохранностью этихъ живыхъ насельниковъ пруда. Мѣстные старожилы точно опредѣляютъ это мѣсто и засоренный Ломоносовскій колодезь, по лучшимъ указателемъ его была желѣзная рѣшетка, найденная въ 1865 году при разработкѣ школьнаго сада,—рѣшетка, которою Ломоносовъ закрывалъ выходъ воды изъ пруда въ рѣку, чтобы вбѣгавшая съ пригорка струя, стремясь къ береговому обрыву, не уносила рыбу съ собою. Гдѣ эта рѣшетка, теперь неизвѣстно. Судя по тому, какъ объясняетъ народное преданіе планъ старинной Денисовки, мѣсто дома Ломоносовыхъ уединенно замыкало сѣверо-западную окопечность деревни, ибо прежнюю Денисовку уничтожило двинскими льдами и водоразливами, между тѣмъ какъ Ломоносовская усадьба, къ ней принадлежавшая, осталась неприкосновенною. Значитъ Денисовка, отсюда разбрасывалась къ юго-западу по широкому, уже уничто-

женному крутому береговому выступу. Мѣстные старожилы еще помнятъ послѣдніе дома подлинной Денисовки и помнятъ, что даже впереди находились поля; и вотъ, въ какія-нибудь 70 лѣтъ рѣка Куроволка отнесла саженъ триста отъ берегового мыса противъ мѣста дома Ломоносова, подвинувшись вплоть къ его усадьбѣ.

Домъ Ломоносова занималъ самое веселое мѣсто въ центрѣ нѣсколькихъ деревень. Отсюда раскрывался чудный видъ на Наль-островъ, Матигоры, Холмогоры и отдаленные берега Двины. Вблизи на юго-востокъ высились два храма, мимо оконъ пролегала всегда людная дорога въ сосѣднія селенія, къ церквамъ и въ городъ Холмогоры. Все это вносило ежедневное разнообразіе въ мысли, чувства и отношенія Михаила Васильевича Ломоносова, все помогало его быстрому духовному и физическому развитію.

Сами сообщественники Ломоносова, т. е. современные ему крестьяне всего Куростровa и Денисовки въ частности, обладали живымъ дѣловымъ направленіемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ все, что имѣется въ преданіяхъ, архивахъ, въ разныхъ памятникахъ прошлаго. И нельзя говорить, что будто бы бѣдно, убого, нравственно забито было это населеніе. Самъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ сыномъ далеко не *«бѣднаго рыбака»* и не влачилъ свои дѣтскіе годы *«въ жалкой рыбачьей лачугѣ»*, но жилъ, какъ говоритъ преданіе, въ очень благоустроенномъ домѣ и росъ среди солидныхъ, уважаемыхъ и даже зажиточныхъ людей.

Жители Куростровскаго селенія, когда тамъ былъ Ломоносовъ, пользовались прежде всего очень богатыми пахотными надѣлами и наилучшими въ Архангельскомъ краѣ покосами. Открытые подъ выгоны луга изобиловали отличнымъ кормомъ для домашняго скота. Земля и дворовое хозяйство составляли основную и весьма доходную статью крестьянскаго благосостоянія. Разумѣется, примитивные способы необходимой выработки всѣхъ земельныхъ угодій требовали въ высшей степени упорнаго, тяжелаго, даже часто изнурительнаго труда, но отъ него тамъ никто

не отказывался и самъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ личнымъ опытомъ зналъ, что такое трудовой хлѣбъ, что такое крестьянская жизнь. Впрочемъ, одно земледѣліе еще далеко не вполнѣ удовлетворяло холмогорское населеніе, которое кромѣ содержанія отъ земли имѣло всегда нужду и въ деньгахъ, потому что общее изобиліе доводило продукты сельскаго хозяйства до послѣдняго безцѣнка, и торговый обмѣнъ этихъ матеріаловъ не покрывалъ производимыхъ расходовъ даже и на умѣренныя надобности каждой семьи. Являлась живая потребность въ ремеслахъ, промышленности, въ частныхъ заработкахъ и спеціальной торговлѣ. Еще Мironъ Вельяминовъ указывалъ въ своей писцовой книгѣ, что Куростровскіе крестьяне его времени (конецъ XVI и начало XVII вѣка) занимались *елшничьимъ* (лѣсорубочнымъ) и *засѣчьимъ* (смолокуреннымъ) *дѣломъ*, какъ промысловымъ, и за права на него платили особую пошлину; затѣмъ у нихъ существовалъ *родовой* [1]) промыселъ, въ понятіе о которомъ должно войти и существованіе плавучихъ магазиновъ, или *каюковъ*, съ давнѣйшихъ поръ ходившихъ по Двинѣ со всевозможнымъ товаромъ для распродажи его на береговыхъ заселенныхъ пунктахъ; — *охотничье дѣло*, рыбная ловля по рѣкамъ и озерамъ, семужій промыселъ, морской на всѣхъ побережьяхъ Бѣлаго моря въ области Двинской губы и даже на Кольскомъ полуостровѣ. Въ юношескіе годы Ломоносова всѣ эти занятія его единообщественниковъ имѣли самый широкій и напряженный ходъ, потому что множество судостроительныхъ верфей въ Холмогорахъ и Архангельскѣ требовали массу лѣса, смолы, звѣринаго сала, а тысячи рабочихъ нуждались въ хлѣбѣ, рыбѣ, мясѣ, одеждѣ и т. д. Поэтому сверхъ упоминаемаго въ Писцовой книгѣ земляки Ломоносова знали плотничье (деревня Строительская), канатное, парусное, кожевенное, столярное, слесарное и другія ремесла включительно по горшечное, которое тоже приносило хорошую выручку (анекдотъ о Петрѣ Великомъ и Холмогорскихъ горшкахъ). Подрастающій Ло-

---

1) См. выше, примѣчаніе 1, стр. 4 къ выдержкамъ изъ Писцовой книги.

моносовъ всегда видѣлъ въ домѣ своемъ и вокругъ безпрерывную смѣну самаго разнообразнаго кипучаго труда; былъ и онъ такимъ же труженикомъ, какъ и всѣ его сверстники, даже многимъ болѣе тѣхъ, если имѣть въ виду сложное хозяйство и морское дѣло его отца. Этотъ трудъ навсегда развернулъ въ Ломоносовѣ энергію, настойчивость, разносторонность и въ свое время былъ прекраснымъ воспитательнымъ пособіемъ; ему была знакома охота, рыболовство, лѣсная рубка, судовая гонка, торговля рыбою, звѣринымъ саломъ, какъ спеціальныя занятія отца, въ которыя тотъ душевно хотѣлъ посвятить своего единственнаго сына.

Теперь еще нѣсколько словъ и относительно общаго нравственнаго облика роднаго Ломоносову населенія начала XVIII вѣка. Живыя преданія стариковъ, частію сохранившіеся и теперь порядки стариннаго уклада жизни въ незатронутыхъ современностью уголкахъ Холмогорскаго края, довольно категорично говорятъ, что тогда всѣ крестьяне отличались очень скромными запросами и въ высшей степени симпатичными отношеніями. Никому изъ молодежи до совершеннолѣтія не позволяли пить вина, о табакѣ совсѣмъ не знали и о горячихъ напиткахъ тоже. Шумъ, безобразія, крикъ, ссоры, брань, сквернословіе ни на гуляньяхъ, ни на пирахъ, ни на вечеринкахъ отнюдь не допускались въ присутствіи дѣвицъ и женщинъ. Случаи нарушенія тишины и благопристойія роняли весь авторитетъ жениха, когда кто-либо изъ молодежи дозволялъ себѣ разпузданность. Во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ и собраніяхъ каждый зналъ свое мѣсто и женатые отнюдь не вмѣшивались къ холостымъ. Мальчики подростки до двѣнадцати лѣтъ ходили лѣтомъ въ одной лишь длинной рубашкѣ, а дѣвицы до восемнадцатаго года не имѣли права появляться въ обществѣ невѣсть. Всякія уединенія молодежи партіями или парами разныхъ половъ строжайше воспрещались, даже разговаривать съ парнями дѣвицы не рѣшались, когда ходили въ торжественномъ увеселительномъ кругу. Всѣ носили скромную и одинаковаго покроя верхнюю одежду,—какъ мужчины, такъ женщины; разницу имѣлъ только праздничный на-

рядъ, исключительно лѣтній или легкій домашній. Зимнихъ спеціальныхъ костюмовъ ни у кого не существовало. Церковные документы указываютъ на полную религіозность населенія: церковь была общимъ центромъ тяготѣнія для всѣхъ, и Куростровъ, не смотря на свое малолюдье въ періодъ начальнаго возраста Ломоносова, имѣлъ два благоустроенныхъ храма,—одинъ въ честь Великомученика Димитрія Солунскаго, весьма глубокой давности (упоминается въ документахъ XIV вѣка, затѣмъ въ 1595, 1628 и въ 1648 гг.) и другой Екатерининскій (упоминающійся въ срединѣ XVI вѣка и вновь отстроенный въ 1681 году послѣ пожара). Видъ этихъ храмовъ, по описанію Мирона Вельяминова, былъ солидный, патровый; точный типъ ихъ теперь составляетъ мало гдѣ сохранившуюся по Архангельскому краю старину, она есть все-же и въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Эти храмы, оба деревянные, стояли на общемъ церковномъ погостѣ у берега Куроволки, но и Ломоносовъ любилъ ихъ не меньше, чѣмъ свой родной уголокъ.

Откуда же явилась въ Куростровѣ фамилія *Ломоносовыхъ?* Мѣстное преданіе отказывается объяснить это и на принадлежность Курострову смотритъ недовѣрчиво. Очень возможно, что Ломоносовы могли быть родомъ, вмѣстѣ съ извѣстными Бажениными, изъ области Новгородской, гдѣ и понынѣ такая фамилія существуетъ. Въ исторически извѣстный разгромъ Новгорода 1571 года Баженинъ, бѣжавшій на Двину къ Холмогорамъ, легко могъ имѣть въ сотоварищахъ предка Ломоносова, тѣмъ болѣе, что Миронъ Вельяминовъ въ своей Писцовой книгѣ, среди фамилій крестьянъ, платившихъ морской оброкъ, не упоминаетъ Ломоносова, какъ еще не приписавшагося черносошнымъ въ Куростровскую общину. Что же касается предположенія, будто Ломоносовъ имѣлъ фамилію *Дороѳеевъ*, то здѣсь можетъ считаться справедливымъ лишь возможность *уличнаго прозванія*, а не подлинной фамиліи, ибо и теперь *Дороѳеевичей*, *Николаичей*, *Евсѣевичей* чуть не исключительно величаютъ Дороѳеевыми, Николиными, Евсеевыми, хотя это только отчества предковъ; а отецъ Михаила Васильевича Ломоносова назывался Василіемъ *Дороѳеевичемъ*,

1111734

Архангельская областная библиотека им. Н. А. Добролюбова

значитъ по имени дѣда и сложилось придаточное прозвище Ломоносовыхъ — Дороосеевы. Между тѣмъ Михаилъ Васильевичъ, по сохранившимся документамъ, подписывался Ломоносовымъ даже будучи еще отрокомъ; онъ, очевидно, не выдумалъ эту фамилію, даже убѣгая въ Москву.

Отецъ Михаила Васильевича Ломоносова былъ человѣкомъ довольно выдающагося практическаго развитія, о чемъ народное преданіе и церковная памятная книга даютъ почти всѣ свѣдѣнія. Онъ представленъ, какъ образцовый и рѣдкостный сельскій хозяинъ своего времени, а для Куростровa совершенно исключительный. Онъ имѣлъ хорошій домъ, обширный при немъ дворъ, занятый крупнымъ скотомъ, владѣлъ не только надѣльными, но и лично пріобрѣтенными землями, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся до сихъ поръ купчія крѣпости на его имя. Все свое домашнее хозяйство онъ поддерживалъ самъ и лично обрабатывалъ покосы и поля. Кромѣ того, въ своемъ пруду близъ дома онъ разводилъ всѣ мѣстныя породы рыбъ, попутно тутъ же выращивая уток и гусей. Этотъ прудъ онъ очень остроумно сдѣлалъ изъ глубокой ключевой болотной котловины, въ которую сбѣгала снѣговая и дождевая вода лежавшихъ къ сѣверу скатовъ, и ее, чтобы она не застаивалась, онъ пропускалъ черезъ канаву въ рѣку, загородивъ выходъ желѣзною рѣшеткою, впослѣдствіи найденною. Въ Холмогорахъ и теперь птицеводство рѣдкость, а рыбоводство совсѣмъ неизвѣстно. Василій Дороосевичъ, жившій назадъ тому двѣсти лѣтъ, опередилъ своей предпріимчивостью и нынѣшнихъ сообществепниковъ. Затѣмъ, онъ имѣлъ собственныя парусныя мореходныя промысловыя суда. Содержалъ онъ и необходимую прислугу на личный счетъ, откуда видимо открывается его особенная предъ прочими самостоятельность. Въ морскихъ путешествіяхъ, на промыслахъ и вездѣ, куда бы ни направленъ былъ корабль, Василій Дороосевичъ завѣдывалъ и командовалъ самъ, обладая всѣми для этого нужными качествами морякa, лоцмана, матроса и хозяина. Онъ же лично велъ торговлю продуктами своего морского промысла, т. е. рыбою, звѣринымъ саломъ, вор-

ванью, кожею, такъ какъ на эти матеріалы имѣлся неограниченный спросъ по всѣмъ корабельнымъ верфямъ.

Въ кругу родной своей общины Василій Дороосевичъ Ломоносовъ былъ однимъ изъ передовыхъ и почтѣйшихъ людей, какъ человѣкъ авторитетный, трезвый, дѣятельный и богатый. Онъ оставилъ по себѣ вѣчную память, какъ мѣстный храмовздатель, много потрудившійся совмѣстно съ зятемъ своимъ Иваномъ Лопаткинымъ, состоявшимъ старостою Екатерининской церкви. Нынѣшній каменный храмъ въ Куростровѣ былъ обязанъ своимъ началомъ единственно Василію Дороосевичу Ломоносову, который вездѣ и всюду собиралъ на него благотворенія; одинъ лишь недостатокъ былъ у него — это безграмотность и слишкомъ узкій, исключительно меркантильный взглядъ на трудъ, что впослѣдствіи тяжело отозвалось на его сынѣ. Однако, всѣ лучшія качества отца, каковы — трудолюбіе, выносливость, сообразительность, энергія, смѣлость, добродушіе, сердечная простота, чистая религіозность, рѣшимость, практичность, честность, прямота — перешли и къ Михаилу Васильевичу.

Относительно родной матери Михаила Васильевича Ломоносова и въ преданіи народа, и въ записяхъ церковныхъ немного свѣдѣній. Очень жаль, что забыта эта такая же исключительная личность, какъ самъ извѣстный Василій Дороосевичъ. Она была его первою женою и вступила въ бракъ молоденькою дѣвицею приблизительно между 1705 и 1710 годами, по происхожденію является дочерью церковнослужителя изъ Матигорскаго селенія, отстоявшаго отъ Курострова въ пяти или шести верстахъ. Смутное преданіе не опредѣляетъ личности этого церковнослужителя, а указываетъ безразлично и дьячка, и дьякона[1]). Родная мать Ломоносова, по отзыву преданія, являлась личностью, достойною своего исключительнаго долга; воспитаніе сына на началахъ нравственнаго и душевнаго развитія составляло кругъ ея высшихъ заботъ и пожеланій. Она выучила его еще шестилѣтнимъ

---

1) См. ниже, въ статьѣ І. М. Сибирцева. *Примѣчаніе редакціи.*

ребенкомъ чтенію и письму, потому что сама знала и хорошо цѣнила грамоту, а потомъ отдала его на дальнѣйшее обученіе сельскому дьячку; и ей ни въ чемъ этомъ не рѣшался дѣлать замѣчанія или противорѣчить мужъ ея Василій Дороѳеевичъ, глубоко уважавшій внутреннее превосходство своей начитанной супруги. Михаилъ Васильевичъ имѣлъ *сестру Марѳо*, которую мѣстная молва охотно клонится признать ему родною, что дастъ и особый оттѣнокъ раннему дѣтству ея брата.

Когда самъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился, ни день, ни даже точный годъ до сихъ поръ неизвѣстны съ полной несомнѣнностью. Въ церковной памятной книгѣ означенъ лишь 1711 годъ и то очень голословно. 8-е число ноября принято лишь, какъ день именинъ, но, разумѣется, рожденіе было въ непосредственной близости къ нему, потому что въ деревняхъ не терпятъ отлагательствъ, и по всѣмъ Холмогорамъ отъ давнихъ поръ стараются избрать новорожденному то имя, какое сводится ко дню рожденія или *въ ближайшія за нимъ сутки*. По обычаю своего времени, Михаилъ Васильевичъ крещенъ былъ въ церкви, мѣсто которой теперь уже совершенно изглажено, однако же лица, совершавшія таинство, могутъ быть опредѣлены и поимянно и пофамильно. Семи лѣтъ поступилъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ на воспитаніе къ сельскому дьячку и три года обучался, пока необнаружилъ такіе успѣхи, что самъ воспитатель, *нашедъ въ немъ своему ученику*, смиренно заявилъ о своемъ безсиліи преподавать какія-либо знанія человѣку, успѣвшему превзойти наставника. Народная память сберегла живыя свѣдѣнія о томъ, что отрокъ Ломоносовъ былъ не по лѣтамъ своимъ серьезенъ, дѣловитъ и развитъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ опущеній въ своемъ обычномъ домашнемъ трудѣ, но успѣвалъ и почитать, и подумать о прочитанномъ. Родную церковь любилъ съ беззавѣтною преданностію: нѣлъ въ ней, читалъ, молился, исполнялъ всѣ пономарскія дѣла, переписывалъ для храма Божія богослужебныя книги, помогалъ своимъ знаніемъ грамоты въ церковномъ письмоводствѣ, о чемъ довольно наглядно напоминаютъ переписанный имъ часословъ, подписанный контрактъ на церковно-

арендную землю, хранимые въ Архангельскомъ Городскомъ Музеѣ. Когда исполнилось сыну десять лѣтъ, отецъ пожелалъ непосредственно ознакомить его съ морскимъ плаваніемъ и взялъ съ собою въ Ледовитый океанъ. Само собою понятно, съ какимъ захватывающимъ интересомъ впечатлительный Ломоносовъ могъ отнестись къ этому путешествію въ невиданное море и полный чудесъ природы арктическій поясъ. Почти полгода времени занимало это плаваніе, а возвращеніе домой рождало въ мысляхъ восхищеннаго отрока новыя надежды и мечты. Но суровая дѣйствительность сулила совершенно другое. Придя съ судна, Михаилъ Васильевичъ увидѣлъ родную мать свою въ тяжкой горячкѣ, отъ которой она скончалась черезъ девять дней. И схоронили ее на погостѣ близъ церкви у берега рѣки, а Михаилъ Васильевичъ такъ часто оплакивалъ свою невозвратную утрату, что отецъ былъ вынужденъ уже мѣрою строгости отвлечь сына отъ могилы матери, гдѣ онъ просиживалъ цѣлые дни. Таковъ для него вышелъ 1721-й годъ, послужившій началомъ и дальнѣйшихъ безпрерывныхъ испытаній. Отецъ снова женился; мачеха оказалась во всей полнотѣ слова лихая. Ненавидѣла она въ пасынкѣ умъ и грамоту, дикими выходками были всѣ ея къ нему отношенія. И пока не вышла замужъ Марья Васильевна, Ломоносову кое-какъ можно было терпѣть свою горькую жизнь при сестрѣ, но лишь только она изъ родного крова поступила въ семью Матигорскаго крестьянина Головина, окончательно осиротѣлъ Михаилъ Васильевичъ и мачеха удвоила свою нестерпимую злость. Василій Дороѳеевичъ, сколько ни сочувствовалъ сыну, все же считалъ его позывы къ научному труду явленіями будто бы негоднымъ для деревенскаго житья, и только молча обходилъ щекотливый вопросъ, требуя во всякомъ случаѣ, чтобъ изъ-за этого ничуть не обнаруживался гдѣ-либо экономическій ущербъ въ хозяйствѣ, промыслѣ и въ обыденныхъ нуждахъ. Ему нуженъ былъ хорошій, бойкій, дѣловой преемникъ, способный жить на судѣ, промышлять на морѣ, торговать на сушѣ, крестьянствовать у двора.

Еще одно было въ отцѣ, что всецѣло использовалъ для себя Михаилъ Васильевичъ: это религіозность, подъ вліяніемъ которой отецъ не препятствовалъ сыну служить родному храму и имѣть особенную близость къ старому дьячку — воспитателю. И вотъ, чего не достигла преждевременно угасшая мать, все то, по молчаливому ея завѣту и желанію, осуществилъ его первый наставникъ. Что же могъ въ свое время дать Ломоносову мѣстный церковный дьячекъ? Разумѣется, ближайшимъ долгомъ — глубокую и чистую дѣтски простую религіозность, затѣмъ — болѣе облагороженную и сознательную любовь къ честному труду, за этимъ могъ породить въ немъ горячую любознательность, помогая разбираться въ чтеніи книжныхъ статей и сообщая интереснѣйшія преданія мѣстной старины, которыми Холмогорскій край въ высшей степени былъ богатъ, и о чемъ впослѣдствіи высказывался Ломоносовъ въ своихъ сочиненіяхъ. Если эти преданія даже теперь глубоко интересуютъ не только обыкновенныхъ любителей исторіи, но серьезно затрогиваютъ ученыя силы [1]), если онѣ были и прежде предметомъ научныхъ изысканій [2]), а во дни пребыванія Ломоносова на своей родинѣ дополнялись еще новѣстями о нашествіи поляковъ на Сѣверъ Россіи въ 1613 году и о пребываніи Петра Великаго въ Холмогорахъ [3]), то тѣмъ болѣе въ задаткахъ геніи трогали самое живое чувство и волновали жаждою бо́льшихъ познаній.

Книги для чтенія Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ всегда могъ получать изъ домашнихъ библіотекъ мѣстныхъ богачей,

---

1) А. Каранъ. «Къ исторіи Русскаго Сѣвера»—см. «Извѣстія Архангельскаго О-ва Изученія Русскаго Сѣвера» 1910 г., № 11 и 12.

2) См. Лепехинъ, Крестининъ, Карамзинъ (его «Исторія Государства Россійскаго», томъ II, прим. 62).

3) Всѣ подробности прошлаго и настоящаго родины Ломоносова можно получить: 1) Въ памятной книгѣ Куростровской церкви; 2) въ книжкѣ П. Ефименко: «Заволоцкая Чудь»; 3) въ наброскахъ свящ. Арк. Грандилевскаго, данныхъ подъ заглавіемъ «Родина Ломоносова», въ «Извѣстіяхъ Архангельскаго Общества Изученія Русскаго Сѣвера» 1909 г., № 12, 1910 г., №№ 2, 4, 10, и 1911 г., № 3.

куда его благосклонно допускали Дудины, Кузнецовы, Христофоровы, Шубные. Могъ онъ пользоваться книгами и въ Холмогорской славяно-латинской школѣ, потому что имѣлъ въ Холмогорскомъ посадѣ вѣское знакомство и протекцію; равно не были ему закрыты двери и въ знаменитыя Бажешпскія книгохранилища Вавчужской вери, гдѣ знали его отца, и гдѣ могъ оказать посредничество кто-либо изъ Дудиныхъ по близкому соотношенію ихъ къ этимъ любимцамъ Царя Петра. Даже явилось предположеніе: ужъ не учился ли Ломоносовъ въ Холмогорской славяно-латинской школѣ, основанной въ 1723-мъ году, имѣя возможность туда проникнуть благодаря протекціи и своему происхожденію отъ матери, принадлежавшей до брака духовному сословію [1])?! Но ни преданіе, ни вся обстановка домашней жизни Михаила Васильевича даже тѣни не наводятъ въ пользу этого предположенія, и потому оно до сихъ поръ остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ, теперь уже не будетъ чѣмъ-то удивительнымъ или непостижимымъ: какъ зародилась въ Ломоносовѣ мысль о Москвѣ? Онъ былъ проникнуть ею глубоко, при чемъ она росла въ немъ соотвѣтственно его научному движенію, а если и далъ ему кто-либо заранѣе адресъ Москвы и ея учебныхъ заведеній, такъ это ближе всего воспитатель — дьячекъ.

Кромѣ задатковъ къ наукѣ чисто теоретической имѣлъ Ломоносовъ и струнку техническаго направленія. Эту сторону въ немъ развертывала прежде всего общая склонность деревенскихъ дѣтей заниматься кустарными издѣліями, которыя въ старое доброе время высоко цѣнились даже съ одной чисто художественной стороны [2]), не относя ничего въ узко практическую область. Затѣмъ наглядное пособіе развертывала въ близкомъ сосѣдствѣ Вавчужская судостроительная верфь, гдѣ, по высокому мановенію Петра Великаго, его любимцами — братьями Бажешными съ 1706 года было начато созиданіе

---

1) Мысль Муравьева: «Архангельскія Губернскія Вѣдомости» 1869 г., № 5.

2) И теперь еще на родинѣ Ломоносова есть дѣти кустари, умѣющіе вырѣзать ножомъ и стамескою любую вещь изъ дерева.

первенцевъ русскаго торговаго мореходнаго флота. Работа шла съ лихорадочнымъ возбужденіемъ, и тысячи трудниковъ находили здѣсь неисчерпаемое дѣло. Сюда въ неограниченномъ количествѣ поступали всѣ продукты мѣстнаго и сѣвернаго вообще производства для отправки за-границу; тутъ совершалась торговля, постройка судовъ, ихъ оснастка, вооруженіе военныхъ кораблей, распиловка лѣса новѣйшими техническими способами; тутъ были мукомольныя мельницы, канатныя прядильни, парусныя заведенія, имѣлись мастерскія всѣхъ названій и родовъ: столярныя, литейныя, слесарныя, такелажныя, кузнечныя, токарныя, чертежныя, малярныя, гдѣ руководили и русскіе и иностранные техники. И не только могъ все это близко видѣть Ломоносовъ, но даже съ прочими сверстниками своей деревни имѣлъ полнѣйшую свободу выбирать здѣсь самый желательный трудъ въ качествѣ поденнаго наймита [1]), что всегда, конечно, одобрили бы и отецъ его, и жестокая мачеха.

Сверхъ всего даннаго, духовную пищу къ широкому развитію Ломоносова доставляла близость Холмогорской архіепископской каѳедры. Тогда на высотѣ духовнаго управленія были знаменитыя лица, и изъ устъ архіепископовъ Михаилъ Васильевичъ часто слышалъ и въ Соборной церкви, и даже въ родномъ своемъ храмѣ новую изустную рѣчь, видѣлъ торжественныя дѣйства, мистеріи, диспуты, учреждаемые архіепископами и ихъ учеными сотрудниками изъ руководителей славяно-латинской школы. Въ дополненіе этому источникомъ разнообразныхъ духовно-религіозныхъ впечатлѣній были и монастыри, которыми родина Ломоносова наполнялась во множествѣ пунктовъ. Урочныя богомолья, отдѣльныя, путешествія по монастырямъ здѣсь не отнимали времени и не составляли труда; ихъ любили холмогорцы и теперь они не отказываются путешествовать въ обители даже очень отдаленныя.

Въ общемъ получается, что Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ отовсюду окруженъ былъ и кипучею жизнію, и разнообра-

---

1) Для интересующихся Вапчугою могу указать статью мою въ юбилейномъ Сборникѣ къ 200-лѣтію Полтавской Побѣды, изданномъ въ городѣ Архангельскѣ.

зіемъ, и источниками широчайшаго матеріала для всесторонняго саморазвитія; и въ этомъ богатствѣ все отъ большаго до ничтожнаго, отъ постояннаго до мимолетнаго — оставляло отпечатокъ на умѣ и сердцѣ будущаго перваго и геніальнѣйшаго русскаго ученаго.

Наступили юношескіе годы Михаила Васильевича и принесли окончательное рѣшеніе уйти въ Москву. Василій Дороѳеевичъ былъ занятъ хлопотами по устройству каменной Димитріевской церкви вмѣсто деревянной, сгорѣвшей въ 1718 году. Ему помогалъ зять его Иванъ Егоровичъ Лопаткинъ, почтенный сообщественникъ, женатый или на какой-нибудь его сестрѣ, забытой преданіемъ, или на падчерицѣ, если вторая жена была уже пожившею вдовою, что отчасти подверждается какими-то пѣсными сужденіями старожиловъ, что у Михаила Васильевича Ломоносова было будто бы двѣ сестры (Марья и Мароа). Во время этихъ работъ отца Михаилъ Васильевичъ успѣлъ собраться мыслями и вдругъ, подая въ поги отцу и мачехѣ, заявилъ о желаніи своемъ идти въ Москву учиться. Благословеніе родительское не послѣдовало, что̀ конечно, и естественно; но Ломоносовъ этимъ не смутился, и преданіе говоритъ, что началось весьма упорное, затяжное семейное дѣло, тяжелое для обѣихъ сторонъ.

Въ 1726 г. архіепископъ Холмогорскій Варнава разрѣшилъ строить въ Куростровѣ каменную церковь. Ровно годъ хлопотали объ этомъ разрѣшеніи, и еще годъ былъ потраченъ то на денежные сборы, то на выдѣлку кирпича близъ Палѣнишской горы и рубку лѣса тамъ же, то на вывозку бѣлаго камня. Наконецъ, въ 1728 году состоялась торжественная закладка новаго храма; здѣсь пѣлъ и молился Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ уже въ чувствѣ недалекой разлуки съ родною своею Денисовкою. Прошли лѣто и осень; настали жестокіе морозы; открылся первый трактовый путь; стали двигаться обычные обозы черезъ Холмогоры и Денисовку въ Москву и оттуда въ Архангельскъ. Въ домѣ Ломоносова начались оживленныя столики проѣзжающихъ, торгъ рыбою и мясомъ, масломъ, кожею. Уже давнымъ давно отъ этихъ проѣзжающихъ

торговцевъ, случайныхъ путниковъ и обозныхъ погонщиковъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ имѣлъ не мало свѣдѣній о городѣ Москвѣ, о путешествіяхъ туда и о томъ, какъ можно жить въ столицѣ. Достигнувъ окончательной освѣдомленности, онъ *около зимняго Николы*, т. е. близъ 6-го декабря, потихоньку сходилъ въ Холмогоры, *взялъ себѣ тамъ паспортъ не явнымъ образомъ, посредствомъ управлявшаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Милокова*[1]) и, выбравъ подходящую ночь, бѣжалъ пѣшкомъ, одѣвшись лишь въ паголь-ный полушубокъ, да захвативъ съ собою ариѳметику и грамматику, подаренныя ему Христофоромъ Игнатьевичемъ Дудинымъ. Совершенно одинокъ былъ въ этомъ пути Михаилъ Васильевичъ, и его отцу не составляло ни малѣйшаго труда найти и нагнать бѣглеца, но очевидно Василій Дороѳеевичъ самъ сдѣлалъ молчаливую уступку и, для огражденія себя отъ нареканій жены, отъ разговоровъ и молвы сосѣдей, только въ глубинѣ души далъ сыну своему благословеніе, а по внѣшности хранилъ видъ полной непреклонности. Путь юнаго Ломоносова лежалъ по малолюдному лѣсному мѣсту; сдѣлавъ 90 верстъ, онъ достигъ Антоніево-Сійской обители и пробылъ здѣсь довольно продолжительное время. Но вотъ изъ Холмогоръ подошли обозы,—и при одномъ изъ нихъ погонщики охотно устроили бѣглецу всѣ необходимыя путевыя удобства и благополучно доставили его въ Москву. Такъ достигъ Михаилъ Васильевичъ своихъ крайнихъ, наивысшихъ пожеланій и стремленій[2]).

Что же стало въ дальнѣйшемъ на покинутой имъ родинѣ? Десять лѣтъ спустя[3]) трагически погибъ отецъ въ Ледовитомъ морѣ. Бездѣтная мачеха оставила и домъ, и все хозяйство своей родни. На мѣстѣ Ломоносовыхъ поселились Шубные, имѣвшіе

---

1) Дневныя записки Лепехина, часть 3, стр. 299.

2) Уходъ М. В. Ломоносова изъ родной деревни совершился въ декабрѣ 1730 года, какъ это явствуетъ изъ документовъ, опубликованныхъ въ слѣдующей статьѣ. *Примѣчаніе редакціи.*

3) Въ 1741 году. *Примѣчаніе редакціи.*

какое то далекое родство или свойство съ ихъ фамиліею. Спустя около пятидесяти лѣтъ, угасло холмогорское судостроеніе. Народъ остался безъ доходныхъ дѣлъ и быстро палъ до нищеты, которая царила здѣсь и въ XIX столѣтіи, чѣмъ собственно и обосновывается то превратное сужденіе о Куростровѣ, что будто-бы въ немъ при Ломоносовѣ картина бѣдности была еще ужаснѣе. До 1850 года не было здѣсь ни хорошаго училища, ни одного ремесленнаго предпріятія, исключая только рѣзьбы по кости, введенной стараніями Лопаткина. Но вотъ на склонѣ прошлаго вѣка и въ началѣ текущаго жизнь опять начала возрождаться; селеніе быстро улучшилось, подновилось, увеличилось; возросла зажиточность и трудовая дѣятельность; открылись два обширныхъ училища съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, такъ что прежнее благодеятвіе если еще не возвратилось сполна, то въ скоромъ времени будетъ превзойдено, ибо старый, золотой вѣкъ Ломоносовки не блистать даже и начальною азбучною грамотою.

Утѣшительныя и отрадныя явленія бытовой стороны въ значительной долѣ смягчаютъ то страшное опустошеніе, какимъ теперь бросается въ глаза вся Холмогорская окрапна. Исчезли навсегда тѣ красоты пейзажей, какими восторгались даже ко всему привыкшіе мѣстные старожилы. Напоромъ рѣки уничтожена вся площадь Денисовской деревни, срублены на дрова остатки Палишинскаго ельника,—пзлюбленнаго мѣста дѣтскихъ игръ Ломоносова. Чудный историческій величавый и таинственный Куростровскій ельникъ, свидѣтель Чудскихъ оргій, бывшій хранителемъ ихъ драгоцѣннаго идола, имѣвшій еще недавно уцѣлѣвшіяся въ небо ели, нынѣ остался въ видѣ рѣдкихъ, убогихъ, молодыхъ побѣговъ. Рѣка, надъ излучиною которой онъ гордо красовался отступила во всѣ стороны на двѣ версты. Военный валъ близъ этого мѣста уничтоженъ водою и вѣтромъ,—и скоро нечѣмъ будетъ напомнить о битвѣ съ поляками, происходившей здѣсь зимою 1613 года. Только остался еще цѣлъ могильный холмъ надъ тремя чудскими князьями съ часовнею на верху, гдѣ по трижды въ годъ молился Ломоносовъ. Всюду вырублены и уничтожены

поросли черноѣсья, охранявшія берега; всѣ остальные охранные ельники и боры порѣдѣли, измельчали, частію исчезли. Страшные песчаные заносы покрываютъ не только низины, но и высокія островныя мѣста, обезображивая великолѣпнѣйшіе когда-то луга и покосы. Обнаженныя высоты холмовъ заняты полями, а оголившіеся острова стали негодными ни подъ выгонъ, ни для косьбы. Нужны очень энергичныя средства, чтобъ спасти уцѣлѣвшее, предотвратить разрушеніе, возвратить растраченное.

Село Вознесенское
Архангельскаго уѣзда
Архангельской губерніи.

Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ.

(Его жизнь на родинѣ) [1]).

I. М. Сибирцева.

Если вообще, какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ изслѣдователей жизни М. В. Ломоносова — академикъ В. И. Ламанскій — до насъ дошли о Ломоносовѣ скудныя и ничтожныя извѣстія [2]), то это особенно должно сказать о первоначальномъ періодѣ жизни Ломоносова — жизни на родинѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, отрочество и юность до 19-лѣтняго возраста включительно. Здѣсь мы имѣемъ не только скудныя, но и источныя и разнорѣчивыя свѣдѣнія. Неизвѣстна, напримѣръ, документальная и точная дата его рожденія, и указанія біографовъ разнятся между собою въ этомъ отношеніи на шесть лѣтъ: по первоначально собраннымъ свѣдѣніямъ, «...Ломоносовъ родился въ 1709 г.» [3]); позднѣйшіе изслѣдователи относятъ эту дату къ 1710 [4]), къ 1712 [5]) и даже къ 1715 году [6]). По мнѣнію однихъ, «онъ лишился матери въ нѣжномъ возрастѣ», такъ что не осталось, повидимому, «какихъ бы то ни было слѣдовъ ея образа въ душѣ впечатлительнаго

---

1) Перепечатано, съ измѣненіями автора, изъ №№ 10 и 11 «Извѣстій Архангельскаго Общества Изученія Русскаго Сѣвера» за 1911 г. *Редакція.*

2) «М. В. Ломоносовъ», біогр. очеркъ, С.-Пб., 1864 г., стр. 14.

3) «Путешествіе И. Лепехина», С.-Пб., 1805 г., стр. 299.

4) В. Ламанскій, op. cit., стр. 27; Труды Арх. Ст. Ком. 1866 г., стр. II.

5) А. Сосницкій, «М. В. Л—въ», біогр. оч., 1898, стр. 3; Полевой, «Ист. русск. слов.», С.-Пб. 1910 г., стр. 502; Избр. соч. Ломоносова, изд. Павленкова, стр. 1.

6) П. Пекарскій, «Исторія Имп. Акад. Наукъ», 1879 г., т. II, стр. 267.

ребенка»[1]); по указанію другихъ, она была жива, когда сыну ея было болѣе 12-ти лѣтъ, и подъ ея вліяніемъ онъ оставилъ расколъ, которымъ въ это время увлекся[2]). По словамъ однихъ, обученіе Ломоносова грамотѣ началось, когда онъ былъ уже «взрослымъ»[3]), «лѣтъ 18»[4]), даже — «близъ 20»[5]), а по недавно изданнымъ свѣдѣніямъ мѣстнаго біографа — о. А. Грандилевскаго — Ломоносовъ «уже *шести* лѣтъ навыкъ читать и коскакъ писать»[6])...

Почти всѣ изслѣдователи въ описаніи первопачальнаго періода жизни М. В. Ломоносова пользуются главнымъ образомъ немногими и отчасти не совсѣмъ точными и вѣрными свѣдѣніями, собранными въ 1788 г. и помѣщенными въ запискахъ о путешествіи академика И. И. Лепехина, изданныхъ въ 1805 г. Автобіографическихъ указаній и воспоминаній, относящихся къ упомянутому періоду, въ сочиненіяхъ и письмахъ Ломоносова также весьма мало, и они не отличаются опредѣленностью. О. А. Грандилевскій, излагая въ концѣ своей обширной статьи «Родина Ломоносова» нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣтствѣ и отрочествѣ геніальнаго Куростровскаго уроженца, руководится главнымъ образомъ «мѣстными преданіями» и «разсказами старожиловъ», но говоритъ объ этихъ источникахъ, что въ нихъ «вездѣ сквозитъ неточность, произволъ, отсутствіе серьезныхъ доводовъ»[7])... Таково положеніе свѣдѣній о первоначальномъ періодѣ жизни М. В. Ломоносова на его родинѣ, тѣмъ болѣе для насъ, сѣверянъ, интереснымъ, что въ этомъ именно періодѣ обрисовались въ немъ тѣ черты его характера, которыми руководился онъ въ теченіе всей послѣдующей своей дѣятельности. И, что особенно печально, пѣтъ,

---

1) Сосницкій, op. cit., стр. 2; Львовичъ-Кострица, «М. В. Ломоносовъ», 1893 г., стр. 8.

2) Ламанскій, op. cit., стр. 28; Тр. Арх. Ст. Ком. 1866 г., стр. II.

3) Лепехинъ, op. cit., стр. 300; Ламанскій, ibid.

4) Полевой, op. cit., стр. 502.

5) Лепехинъ, ibid.

6) «Изв. Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.» 1910 г., № 13, стр. 44.

7) Ibid., № 10, стр. 35, примѣч.

кажется, надежды, что бы эти свѣдѣнія явились въ болѣе полномъ и правдивомъ видѣ и представили живую и цѣльную картину обстоятельствъ жизни, радостей и печалей, думъ и стремленій возраставшаго Ломоносова.

Вышеуказанныя, а также и другія разнорѣчія въ свѣдѣніяхъ о первопачальномъ періодѣ жизни М. В. Ломоносова на родинѣ и—съ другой стороны—возможность внести нѣкоторыя, правда неважныя, но быть можетъ нелишнія дополненія и поправки—побудили насъ еще разъ пересмотрѣть данныя, относящіяся къ упомянутому періоду жизни великаго нашего земляка. Большинство изслѣдователей, въ виду скудости и неточности данныхъ, мало удѣляетъ вниманія фактическому матеріалу изъ исторіи дѣтства и отрочества Ломоносова и ограничивается общими и краткими свѣдѣніями. Наиболѣе вѣрныя и сравнительно подробныя свѣдѣнія собраны въ «Исторіи Академіи Наукъ» Пекарскаго; изъ отдѣльныхъ же изданій — въ біографическомъ очеркѣ А. І. Львовича-Кострицы: «М. В. Ломоносовъ, его жизнь и дѣятельность» (С.-Пб. 1893 г.). Что-же касается очерка о. А. Н. Грандилевскаго, написаннаго на основаніи мѣстныхъ преданій и разсказовъ старожиловъ и спеціально посвященнаго «дѣтству и отрочеству» Ломоносова, то, хотя очеркъ этотъ изложенъ бойко и, пожалуй, картинно, но фактическій матеріалъ его во многихъ случаяхъ противорѣчитъ историческимъ даннымъ...

Во второй половинѣ XVII вѣка въ Куростровѣ существовали двѣ линіи фамиліи Ломоносовыхъ, при чемъ родъ Михаила Васильевича, происходившій отъ дѣда его Дороѳея, составлялъ, видимо, младшую линію этой фамиліи. Къ старшей линіи принадлежали Лука Леонтьевъ Ломоносовъ, сыновья его Ѳедоръ и Иванъ и внукъ Никита. Лука Леонтьевъ, какъ видно изъ свѣдѣній «о родѣ Ломоносова», собранныхъ академикомъ Лепехинымъ, родился въ 1645—1646 г. и скончался 81-лѣтнимъ старцемъ—30 марта 1727 г., переживъ своихъ дѣтей и внука. Въ какихъ именно родственныхъ отношеніяхъ находились Лука Леонтьевъ и его потомство къ роду Михаила Васильевича — точныхъ указаній

нѣтъ[1]); но на родственную ихъ связь указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что Лука Леонтьевъ и отецъ Михаила Васильевича — Василій Дороѳеевъ совмѣстно владѣли обширнымъ участкомъ сѣнокосной земли, который они совмѣстно продали въ 1714 г. за 10 рублей. Въ сохранившемся документѣ относительно этой продажи они писали: «і въ очищеныи тое продажи отъ всякихъ письмяныхъ крѣпостей і отъ сродцевъ (нашихъ) і отъ сторонихъ людей мы—продавцы—своими деньгами»[2])... Такимъ образомъ, кромѣ узъ родства они соединены были между собою нѣкоторыми юридическими обязательствами, которыя ставили ихъ въ ближайшія отношенія другъ съ другомъ.

Въ теченіе своей 80-лѣтней жизни Лука Ломоносовъ испыталъ не мало перемѣнъ и обстоятельствъ личныхъ и семейныхъ и, переживъ пять царствованій, видѣлъ немало событій общественныхъ и государственныхъ. Нравственный обликъ его очерчивается почти такъ же, какъ и обликъ Василія Дороѳеевича: «грамотѣ былъ не ученъ», но грамотность цѣнилъ, собою былъ «добросердеченъ и простосовѣстливъ». Необычаю, лѣтъ около 20 вступилъ онъ въ бракъ, а въ 40 съ небольшимъ лѣтъ былъ вдовомъ. Женивъ въ обычное время своего старшаго сына Ѳедора, онъ, однако, вскорѣ его лишился и долженъ былъ взять на свое попеченіе молодую вдову-невѣстку и маленькаго внука Никиту. Младшій сынъ его и внукъ Никита были обучены грамотѣ и отличались даровитостью, особенно послѣдній. Когда въ 1702 г. Лукѣ Ломоносову пришлось прибѣгнуть къ займу 20 рублей подъ закладъ «своего владѣнья... поля орамой земли», то «закладную кабалу писалъ» по всѣмъ правиламъ тогдашней юриспруденціи, «по

---

1) Не былъ ли Лука Леонтьевъ старшимъ братомъ Дороѳея Ломоносова? Если бы это предположеніе оправдалось, то Лука приходился бы родными дядей Василію и двоюроднымъ дѣдомъ Михаилу — Ломоносовымъ. Опредѣлилось бы родство и остальныхъ членовъ этой фамиліи. Тогда, быть можетъ, оказалось бы, что и родоначальникомъ фамиліи былъ Леонтій, имѣвшій почему-либо прозвище «Ломаный носъ».

2) Подлинный документъ — въ Архангельскомъ городскомъ публичномъ Музеѣ.

велѣнію отца своего сынъ его Іванъ», а подписался «имѣетъ быть своего Луки Ломоносова по его велѣнію внукъ его Никита Ѳедоровъ»[1]), которому въ это время не могло быть болѣе 13—14 лѣтъ. Въ общемъ Лука былъ изъ числа людей зажиточныхъ и состоятельныхъ: сохранился документъ, изъ котораго видно, что въ 1698 г. двое односельчанъ Луки—Дементій и Панкратъ Ломоносовы занимали у него, подъ закладъ «поля орамой земли», 20 рублей; закладъ этотъ не былъ выкупленъ въ срокъ и поле поступило въ собственность кредитора[2]). Въ 1701 году онъ, по выбору приходанъ и по «памяти» изъ Холмогорскаго архіерейскаго Казеннаго Приказа, состоялъ мѣстнымъ церковнымъ старостой[3]). Въ 1705 г. мы видимъ его уже «Двинскимъ земскимъ старостой» — вмѣстѣ съ односельчаниномъ Иваномъ Леонтьевымъ — при «бурмистрахъ» Василіи Жеребцовѣ и Иванѣ Звягинѣ. При исполненіи этой должности ему, однако, пришлось пострадать вслѣдствіе «своей простосовѣстливости» и неграмотности. Въ земскихъ расходныхъ книгахъ его службы, между прочимъ, значилось, что «за подъячихъ плачено переводныхъ горожанину Ивану Ѳедорову сыну Попову 30 рублей, а расписки его Поповой въ книгахъ нѣтъ подъ тою статьею въ книгахъ не написано». Вслѣдствіе этого деньги, 30 рублей, были взысканы съ Луки Ломоносова и его товарища; они были поставлены «на правежъ», но такъ какъ и послѣ 15 дней «правежа» они «въ тотъ искъ ничего не платили», то сдѣлано было распоряженіе оцѣнить ихъ «пожитки и деревенскіе жеребьи»[4]). Здѣсь то и помогъ, надо думать, Лукѣ Леонтьевичу Василій Дороѳеевичъ, согласившись продать въ 1714 г. ихъ совмѣстное владѣніе — «ложно сѣнныхъ покосовъ» за 10 р., которые, вѣроятно, и пошли въ уплату взыскиваемой суммы.

Младшій сынъ Луки Ломоносова, Иванъ, былъ такого недостаточнаго состоянія: онъ умеръ 7 декабря 1720 г., будучи бездѣтнымъ,

---

1) Документъ — въ Архангельскомъ городскомъ публичномъ Музеѣ.
2) Тамъ-же.
3) Документъ — въ Арханг. епарх. Древнехранилищѣ.
4) Дѣло архива Архангельскаго Губернскаго Правленія по 1-й описи № 27.

по оставивъ жену, которая затѣмъ проживала въ семьѣ его отца [1]). Внукъ—Никита Ломоносовъ—жилъ въ это время въ Архангельскѣ и былъ настолько грамотенъ и развитъ, что занималъ должность подъячаго Архангелогородской Портовой Таможни. Природныя дарованія влекли его дальше, и въ началѣ 1725 г. мы видимъ его, вмѣстѣ съ двумя товарищами — Яковомъ Лягкинымъ и Василіемъ Ѳоминымъ — въ новой столицѣ Россійской имперіи — С.-Петербургѣ. Здѣсь, однако, они пробыли недолго: занявъ 26 апрѣля у иноземца Франца Фондорта 30 рублей и обязавшись уплатить ихъ въ Архангельскѣ «купецкому человѣку Логину Бекану», — вѣроятно, довѣренному Фондорта, они возвратились въ Архангельскъ, гдѣ чрезъ полтора года, 8 декабря 1726 г., Никита Ломоносовъ скончался, не оставивъ наслѣдниковъ. Вдова его чрезъ нѣсколько времени вышла замужъ за капитана Григорія Воробьева [2]), и старшая линія фамиліи Ломоносовыхъ пресѣклась. Сынъ и внукъ были воспитаны Лукою Ломоносовымъ въ добромъ направленіи и были привержены къ церкви: въ сохранившейся духовной росписи по Куростровскому приходу за 1719 г. они оба значатся исполнившими христіанскій долгъ исповѣди и св. причащенія. Всѣ вообще Ломоносовы, а особенно Василій Дороѳеевичъ, съ выдающимся усердіемъ относились къ постройкѣ каменнаго, существующаго и нынѣ Куростровскаго храма; въ записной книгѣ значатся на этотъ предметъ собранныя и Никитою Ломоносовымъ при Архангельской Таможнѣ 50 к. и пожертвованные вдовой Ивана Ломоносова, Натальей, «въ поминовеніе усопшаго Іоанна» $1^1/_2$ рубля [3]). А поѣздка Никиты Ломоносова въ новосозданную Преобразователемъ Россіи столицу показываетъ, что онъ, хотя — быть можетъ — и не обладалъ энергіей своего подроставшаго даровитаго сородича, но также имѣлъ немалое стремленіе видѣть и знать больше, чѣмъ то, что представляли

---

1) Духовная роспись за 1728 г.—въ Арханг. епарх. Древнехранилищѣ.

2) Дѣло архива Губернскаго Правл. по 1-ой описи № 722.

3) Книга записная приходная... въ церковное каменное строеніе съ 1725 г., л. 19 об. — въ Арханг. городскомъ Музеѣ.

не только Куростровъ и Холмогоры, но и г. Архангельскъ, гдѣ еще недавно сосредоточивались русскія торговыя сношенія съ иностранцами.

Кромѣ упомянутыхъ родственниковъ Михаила Васильевича, носившихъ фамилію Ломоносовыхъ, по мѣстному преданію, упоминаемому о. А. Грандилевскимъ, въ родствѣ съ Ломоносовыми находилась фамилія Дороосевыхъ; преданіе это говоритъ даже, что фамилія Дороосевыхъ была давнею и коренною, одна изъ вѣтвей которой получила «уличное прозвище Ломоносовыхъ въ наиболѣе позднее время»[1]). Мы съ своей стороны можемъ сказать только, что въ бывшихъ у насъ документахъ по Куростровскому приходу за вторую половину XVII вѣка упоминаніе фамиліи Дороосевыхъ не встрѣчалось, но въ приходо-расходной книгѣ Холмогорскаго архіерейскаго дома за 1715 г. нашлась слѣдующая запись: «плачено Василію Дороосеву за взятый на пивное варенье ячный солодъ 10 руб.»[2]). Затѣмъ въ записной книгѣ поступленій на построеніе каменнаго Куростровскаго храма, заведенной въ 1725 г., въ числѣ наиболѣе усердныхъ жертвователей значатся Василій Дороосевъ, Архангельскаго кружечнаго двора подъячій Степанъ Васильевъ Дороосевъ, холмогорскій таможенный подъячій Василій Васильевъ Дороосевъ и подканцеляристъ Архангельской внутренней таможни Иванъ Васильевъ Дороосевъ[3]). Наконецъ, въ духовной росписи по Куростровскому приходу за 1728 г. сказано, что «канцелярскій подъячій Василій Дороосевъ» съ сыновьями Степаномъ и Василіемъ и «таможенный подъячій Иванъ Дороосевъ» съ домами своими живутъ «у города Архангельскаго»[4]). Такимъ образомъ, всѣ, повидимому, Дороосевы въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія жили и занимали чиновническія должности; слѣдовательно, были люди не только грамотные, но и способные, даровитые, развитые. Примѣчательно, что

---

1) «Извѣстія Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.» 1910 г., № 13, стр. 38.
2) Книга — въ Арханг. епарх. Древнехранилищѣ.
3) Книга — въ Арханг. городскомъ Музеѣ.
4) Въ Арханг. епарх. Древнехранилищѣ.

пребываніе въ Архангельскѣ и особенно служба большинства ихъ въ таможнѣ падаютъ на одно время съ Никитою Ломоносовымъ; не заключается ли въ этомъ обстоятельствѣ указаніе, что Дороосевы, дѣйствительно, были въ родствѣ съ Ломоносовыми и помогали другъ другу? Во всякомъ случаѣ, Дороосевы, состоя на службѣ въ таможнѣ вмѣстѣ съ Никитою Ломоносовымъ, имѣли близкое отношеніе и къ отцу Михаила Васильевича — Василію Ломоносову, который «промыселъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы, трески и палтусины на своихъ судахъ»[1]) и долженъ былъ вносить въ таможню судовыя и промысловыя пошлины, получать «пропуски» и разрѣшенія и т. п. И мы, дѣйствительно, видимъ Василія Ломоносова нерѣдко проживающимъ въ Архангельскѣ, откуда онъ, напр., посылаетъ въ Куростровъ на церковное строеніе то «собранные имъ на лодьяхъ 1 р. 9 алтынъ», то свои собственные «5 рублей»[2]); а съ нимъ «сынъ его, Михайло Васильевичъ Ломоносовъ... ходилъ неоднократно въ море», бывалъ и проживалъ въ Архангельскѣ у своихъ родственниковъ, наблюдая ихъ жизнь и дѣятельность.

Непосредственными воспитателями Михаила Васильевича были, конечно, его родители. Отецъ его Василій Дороосевичъ — родился, какъ можно судить по показанію сказки 1719 года, въ 1681 г.; но о родителяхъ его не сохранилось какихъ-либо свѣдѣній, и есть основаніе полагать, что онъ, рано лишившись отца, рось сиротою. Одною ихъ характеристическихъ чертъ его указывается та, что онъ былъ «къ сиротамъ податливъ»: возможно, что, пройдя горькую долю сиротства съ малыхъ лѣтъ, онъ не оставался равнодушнымъ къ судьбѣ другихъ сиротъ. Въ его сиротствѣ также можно видѣть причину того, что онъ остался «грамотѣ не ученъ»[3]), между тѣмъ, какъ грамотность въ его время была довольно распространена, и ближайшіе его родственники и

---

1) Лепехинъ, op. cit., стр. 299.
2) Книга записная приходная, л. 18 и др.
3) Лепехинъ, op. cit., стр. 299.

сверстники, какъ, напр., Иванъ Ломоносовъ, были грамотны. Вынужденный съ малыхъ лѣтъ заботиться о себѣ и, быть можетъ, о своей матери, Василій Ломоносовъ выработалъ въ себѣ выдающіеся трудолюбіе, предпріимчивость, отвагу. «Кровавымъ потомъ», по его собственному признанію, «наживалъ онъ довольство»— довольныя средства къ жизни — «по тамошнему состоянію»[1]), «имѣлъ промыселъ», какъ мы уже упоминали, на морѣ, по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ на своихъ судахъ, «изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гукоръ съ корабельною оснасткой». Въ жизнеописаніи Ломоносова при академическомъ изданіи его сочиненій 1784 г. сообщается, что Василій Ломоносовъ «первый изъ жителей сего края построилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ, подъ своимъ селеніемъ, галіотъ, прозвалъ его «Чайкою» и ходилъ на немъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану... въ Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди, на рѣку Мезень и въ Пустозерскъ»[2]).

Эти свѣдѣнія показываютъ, что отецъ геніальнаго нашего земляка былъ человѣкъ дѣятельный, энергичный, наблюдательный, прогрессивный въ сферѣ своей дѣятельности и несмотря на свою неграмотность, не можетъ быть названъ «воспитаннымъ въ крайнемъ невѣжествѣ», какъ выразился однажды о немъ его ученый сынъ[3]). При этомъ Василій Ломоносовъ былъ «простосовѣстенъ, съ сосѣдями обходителенъ», «по натурѣ добръ», весьма религіозенъ[4]) и приверженъ къ церкви. Онъ больше всѣхъ своихъ односельчанъ заботился о построеніи каменнаго Куростровскаго храма, нѣсколько разъ жертвовалъ на этотъ предметъ изъ своихъ средствъ — всего до 18 рублей (около 350 рублей на наши деньги) — и собиралъ пожертвованія какъ въ Архангельскѣ «на лодьяхъ», такъ даже и у себя въ домѣ при семейныхъ торже-

---

1) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 10 мая 1753 г.

2) Львовичъ-Кострица, op. cit., стр. 7.

3) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 31 мая 1753 г.

4) Въ обѣихъ сохранившихся духовныхъ росписяхъ — за 1719 и 1728 гг.— онъ значится исполнившимъ христіанскій долгъ исповѣди и причастія.

ствахъ [1]). Онъ водилъ знакомство съ людьми грамотными, состоятельными и съ духовенствомъ, принималъ замѣтное участіе въ церковноприходскихъ дѣлахъ и въ числѣ первыхъ хлопоталъ въ 1735 г. объ отводѣ земли во владѣніе вновь опредѣленному въ Куростровскій приходъ діакону [2]).

Вообще Василій Ломоносовъ былъ личностью далеко не заурядною и можно вполнѣ утверждать, что даровитый сынъ его многія черты своего нравственнаго облика унаслѣдовалъ отъ своего отца, при чемъ здѣсь имѣли значеніе не только естественное преемство, но и личный примѣръ и наставленіе.

Василій Ломоносовъ былъ женатъ три раза: первой его женою и матерью единственнаго сына его Михаила была «Елена Иванова, дочь Николаевской Матигорской волости *бывшаго* діакона Ивана» [3]). О. Грандилевскій высказываетъ сожалѣніе, что имя матери Михаила Ломоносова — вѣроятно въ мѣстныхъ преданіяхъ — «забыто», но говоритъ, что «она была дочерью приходскаго дьячка изъ Матигорскаго селенія», и что «вѣроятная фамилія ея была, какъ можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ, Ивановская»... [4]). Однако, имя матери Михаила Васильевича извѣстно со времени первыхъ біографическихъ изысканій о немъ, сдѣланныхъ въ 1788 году, внесено почти во всѣ біографіи Ломоносова и подтверждается сохранившеюся духовной росписью по Куростровскому приходу за 1719 г., въ которой она также названа «Еленой» [5]). Что касается званія и фамиліи ея отца, то на это имѣются слѣдующія данныя: въ 1690-хъ годахъ въ Николаевскихъ Матигорахъ былъ дѣйствительно діаконъ Иванъ Ивановъ, который — въ 1693 и 1694 гг. — неоднократно подписывался за неграмотныхъ въ книгѣ для раздачи жалованья по Холмогорскому архіерейскому дому [5]). По 26 сентября 1708 г. на мѣсто

---

1) Книга записная... приходная 1725 и послѣд. годовъ.
2) Документъ — въ Арханг. епарх. Древнехранилищѣ.
3) Лепехинъ, op. cit., стр. 302.
4) «Извѣстія Арх. Общ. науч. Русск. Сѣв.» 1910, № 13, стр. 41.
5) Въ Арх. епарх. Древнехранилищѣ.

умершаго «въ прошлыхъ годѣхъ» діакона Николаевскихъ Матигоръ Ивана Сивкова опредѣленъ былъ изъ архіерейскихъ подьячковъ Петръ Семеновъ; изъ сохранившихся документовъ по дѣлу объ отведеніи земли вновь опредѣленному діакону видно, что умершій діаконъ Иванъ Сивковъ былъ поставленъ въ Матигоры преосвященнымъ архіепископомъ Аѳанасіемъ и владѣлъ по его распоряженію «церковною тяглою землей», съ которой «тягло платили изъ церковной Николаевской казны»[1]). Такимъ образомъ устанавливается, что Елена Ивановна была дочь Матигорскаго діакона, а не дьячка, и что дѣвическая фамилія ея была Сивкова, а не Ивановская; затѣмъ подтверждается, что когда она выходила за мужъ за Василія Ломоносова, то отца ея уже не было въ живыхъ. А это обстоятельство въ свою очередь показываетъ, что бракъ ихъ состоялся не «около 1703 г.», какъ предполагаетъ о. Грандилевскій[2]), а не ранѣе 1708 г., вѣроятнѣе же — въ 1709 или даже въ 1710 году, что и будетъ согласоваться со временемъ рожденія перваго и единственнаго сына Михаила. Совершенно невѣрно также утвержденіе о. Грандилевскаго, что у Василія и Елены Ломоносовыхъ была еще старшая дочь Марія, родившаяся на шесть лѣтъ ранѣе Михаила: дочь Марія, правда, была у Василія Ломоносова, но она родилась, какъ это документально извѣстно, въ 1736 г.[3]) — уже отъ третьей жены его, Ирины Семеновой.

Итакъ, Василій Дороѳеевичъ вступилъ въ бракъ въ 27—28-лѣтнемъ возрастѣ, по воззрѣніямъ своего времени, — болѣе, чѣмъ зрѣлымъ, и, женясь на сиротѣ, видимо руководился въ своемъ выборѣ не какими-либо матеріальными разсчетами, а добрыми нравственными качествами своей невѣсты. Предполагать, однако, что она была грамотной и даже «обладала начитанностью», какъ это дѣлаютъ проф. А. Бороздинъ и о. Грандилевскій и др., не только нѣтъ какихъ-либо документальныхъ основаній, но и не со-

---

1) Въ Арх. епарх. Древнехранилищѣ.
2) «Извѣстія Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣв.» 1910, № 13, стр. 41.
3) «Арх. Губ. Вѣд.» 1868 г.

отвѣтствовало бы общеизвѣстному факту, что въ то время даже въ священническихъ семьяхъ дѣвочекъ не учили грамотѣ [1]).

Время рожденія Михаила Васильевича съ полною достовѣрностью нужно относить къ 8 ноября 1711 г., какъ это установлено и принято Императорской Академіей Наукъ. Дата эта вполнѣ согласуется съ показаніемъ ревизской сказки, произведенной *въ началѣ 1719* г., въ которой Михаилу Ломоносову обозначено «7» лѣтъ, сколько ему въ дѣйствительности и было, такъ какъ онъ родился *въ концѣ 1711* г. Тѣ изъ біографовъ, которые относятъ время рожденія Ломоносова къ 1712 г., очевидно упускаютъ изъ виду указанное обстоятельство и, основываясь на показаніи этой сказки, прямо вычитаютъ цифру «7» изъ обозначенія года «1719». Точно также и отнесеніе нѣкоторыми біографами Ломоносова времени рожденія его къ 1715 году можно объяснить тѣмъ недосмотромъ, что въ переписи 1722 г. внесены показанія сказки 1719 г., что̀ и замѣчено, и потому Михаилу Ломоносову обозначено 7 лѣтъ, а не болѣе, какъ бы слѣдовало по времени производства переписи. Болѣе труднымъ является объясненіе первоначальнаго печатнаго показанія въ «Запискахъ путешествія» академика Лепехина, гдѣ сказано, что «Ломоносовъ родился въ 1709 г.»: можно думать, что показаніе это сдѣлано лишь по памяти, приблизительно, и что, быть можетъ, въ основѣ его лежитъ обозначеніе не года рожденія Михаила Васильевича, а скорѣе — года вступленія въ бракъ отца его Василія Дорофеевича. Что Михаилъ Ломоносовъ родился 8 ноября или въ непосредственной близости къ этому дню, — на это указываетъ данное ему имя въ честь Архистратига Михаила: изъ сохранившихся метрическихъ книгъ первой четверти XVIII в. видно, что имя новорожденному давалось въ честь того святого, память ко-

---

1) По бывшимъ въ нашихъ рукахъ документамъ первой четверти XVIII в., мы встрѣтили въ Холмогорахъ только двухъ грамотныхъ женщинъ: это были жена Осипа Андр. Бажешина — Парасковья, дочь архіерейскаго дьяка Карпа Андреева, и вторая жена архіерейскаго же дьяка Даніила Лебедева — Евфросинія, происхожденіе которой намъ неизвѣстно.

тораго праздновалась въ самый или ближайшій къ нему день рожденія младенца [1]).

Соображеніе о. Грандилевскаго, что во время рожденія Ломоносова въ Куростровскомъ приходѣ былъ одинъ священникъ, Алексѣй Ивановъ, и что имя-то, «при участіи какого-то дьячка Сидора Панкратьевича, былъ крещенъ Михаилъ Васильевичъ» [2]), — противорѣчитъ историческимъ даннымъ. Уже при освященномъ Аѳанасіи, какъ видно изъ документовъ, въ Куростровскомъ приходѣ были два священника: Иванъ Кирилловъ (Гоголевъ) и Герасимъ [3]); въ концѣ 90-хъ гг. XVII столѣтія на мѣсто ихъ тѣмъ же пресвященнымъ были опредѣлены: сынъ перваго Алексѣй Ивановъ и племянникъ Иванъ Дмитріевъ Гоголевы, которые и продолжали служить вмѣстѣ до 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Приходъ у нихъ былъ раздѣленъ на «половины», при чемъ всѣ Ломоносовы, какъ опять-таки это видно изъ документовъ [4]), принадлежали «половинѣ» священника Ивана Дмитріева; слѣдуетъ думать, поэтому, что и младенецъ Михаилъ Ломоносовъ крещенъ былъ именно этимъ священникомъ. Что касается «дьячка Сидора Панкратьевича (Колчина)», которому о. Грандилевскій приписываетъ, кромѣ участія въ крещеніи Ломоносова, ученіе Михаила Васильевича «грамотѣ и своему дьячковскому дѣлу и веденіе довольно оригинальныхъ бесѣдъ» съ нимъ и котораго вообще признаетъ «воспитателемъ юности геніальнѣйшаго русскаго ученаго», обосновавшимъ «въ этой научной звѣздѣ первыя начала лучшихъ знаній и готовность открыть душу къ безконечному совершен-

---

1) Напр., въ сохранившейся метрикѣ по Куростровскому приходу за 1724 г. въ отдѣлѣ о родившихся записана: Иванъ — 7 января, Аѳанасій — 17 января, три Ѳедора—15 и 16 февраля, Евдокія 28 февраля, Иванъ—18 апрѣля, Прокопій—19 апрѣля, Иванъ—9 мая, Никита—14 сентября, Михаилъ—28 сентября, Іаковъ—25 октября, два Михаила—13 ноября; нужно, впрочемъ, полагать, что записи дня рожденія здѣсь не совсѣмъ точны.

2) «Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера» 1910 г., № 11, стр. 39, и № 13, стр. 43.

3) А еще ранѣе—въ 1678 г.—упоминаются Ѳоліенктъ Емельяновъ и Иванъ Кирилловъ; послѣдній продолжалъ служить, очевидно, и при пресв. Аѳанасіи.

4) Духовная роспись по Куростр. приходу за 1719 г.

ствованію»[1]), — то въ бывшихъ въ нашихъ рукахъ документахъ дьячка съ вышеназванными именемъ, отчествомъ и фамиліей по Куростровскому приходу за время Ломоносова совершенно не значится. Въ документахъ съ 1712 по 1718 г. подписывается дьячокъ Куростровскаго прихода «Семенъ Никитинъ Смолныхъ», съ 1719 по 1730 г. — «Семенъ Никитинъ Сабельниковъ», при чемъ въ переписи 1723—1724 г. ему обозначено 52 года и сказано, что онъ «бывшій подьякъ преосв. Аѳанасія»; такъ какъ въ числѣ подьяковъ преос. Аѳанасія въ 90-хъ годахъ былъ лишь Семенъ Никитинъ Смолныхъ, то мы думаемъ, что «С. Н. Смолныхъ» и «С. Н. Сабельниковъ» есть одно и то же лицо: это подтверждаетъ и совершенно одинаковый почеркъ «Смолина» и «Сабельникова»[2]). Дьячекъ Сабельниковъ извѣстенъ и о. Граждалевскому, только онъ называетъ его почему-то «Семенъ Яковлевичъ» и относитъ время служенія его, повидимому, послѣ Ломоносова[3]).

Младенчество и дѣтство будущаго знаменитаго ученаго протекли, конечно, на рукахъ матери: оставляемая мужемъ во время его продолжительныхъ и опасныхъ для жизни поѣздокъ по Бѣлому морю и океану, она сосредоточивала силу своей любви и привязанности на единственномъ сынѣ — малюткѣ, берегла и лелѣяла его, какъ умѣла. Подъ заботливымъ уходомъ любящей матери мальчикъ росъ здоровымъ, смышленымъ, вдумчивымъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ отвѣчалъ ей крѣпкою привязанностью, и ея нерѣдко скорбный образъ глубоко запечатлѣвался въ его дѣтской душѣ. Правда, нѣкоторые біографы Ломоносова указываютъ на то, что онъ нигдѣ не упоминаетъ о своей матери и заключаютъ объ отсутствіи «какихъ бы то ни было слѣдовъ ея образа въ душѣ впечатлительнаго ребенка», объясняя это тѣмъ, что «онъ

---

1) «Извѣстія Арханг. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера» 1910, № 13, стр. 43, № 17, стр. 18, 25.

2) Документы въ Арханг. Епарх. Древнехр. Возможно, что родовую фамилію «Смолныхъ» онъ смѣнилъ на личную — «Сабельниковъ» при переписи въ 1719 г.

3) «Изв. Арх. Общ. изуч. Русскаго Сѣв.» 1910 г., № 17, стр. 25.

лишился ея въ нѣжномъ возрастѣ», что «она рано или скоро умерла»[1]). Но Елена Ивановна скончалась не такъ «рано», какъ это обыкновенно предполагаютъ: въ 1719 г., какъ видно изъ духовной росписи по Куростровскому приходу за этотъ годъ, она была жива и вмѣстѣ съ мужемъ исполняла христіанскій долгъ исповѣди и святого причащенія. Точной даты о времени кончины ея не имѣется, но если предположить, что она умерла во второй половинѣ того же 1719 года, а тѣмъ болѣе — въ 1720 г., то въ такомъ случаѣ Михаилу Васильевичу было тогда около 8—9 лѣтъ, — возрастъ достаточный, чтобы имѣть представленіе и память о родной, любимой матери. Что же касается того, что Ломоносовъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не упоминаетъ о своей матери, то это обстоятельство представляется намъ вполнѣ объяснимымъ. Прежде всего, нужно сказать, что Михаилъ Васильевичъ въ свои ученыя сочиненія не вносилъ, да и не имѣлъ поводовъ вносить какихъ-либо конкретныхъ воспоминаній о своей дѣтской жизни на родинѣ: сочиненія эти имѣютъ предметомъ своимъ такія области мысли и знанія, которыя не имѣли никакого соприкосновенія съ его дѣтской жизнью въ семьѣ. Поэтому, если нѣтъ въ нихъ какихъ-либо воспоминаній о матери, при которой онъ жилъ до 8-лѣтняго возраста, то нѣтъ конкретныхъ воспоминаній и объ отцѣ, съ которымъ онъ жилъ до 19 лѣтъ, дѣлилъ труды и опасности его морскихъ путешествій и участіе въ мѣстной общественно-приходской жизни: нѣтъ и вообще воспоминаній о родственникахъ. Нѣсколько воспоминаній объ отцѣ и мачехѣ — и то по особымъ обстоятельствамъ — онъ внесъ только въ письма къ своему вельможному покровителю И. И. Шувалову; что же касается матери, то Ломоносову, по неграмотности его отца, не съ кѣмъ и не для чего было дѣлиться о ней воспоминаніями, лично для него лишь дорогими и умилительными. Но когда — въ 1749 г. — у Михаила Васильевича — уже ученаго профессора и академика — родилась его единственная дочь, то онъ не преминулъ дать ей имя

---

1) А. Сосницкій, op. cit., стр. 2., Ист.-русск. лит., подъ ред. проф. А. Бороздина, т. I, 1910 г., Москва, стр. 360.

Елены, столь дорогое ему по воспоминаніямъ дѣтства, и потому едва ли будетъ ошибкою видѣть въ этомъ обстоятельствѣ отзвукъ хранимыхъ имъ воспоминаній...

Послѣ смерти матери Михаила Васильевича, Елены Ивановны, отецъ его женился вторично на дочери «крестьянина Троицкой Ухтостровской волости» Ѳеодорѣ Михайловнѣ Узкой. Пользуясь выраженіемъ Ломоносова, что онъ имѣлъ «злую и завистливую мачеху», біографы его, не задумываясь, не только относятъ эти слова къ лицу второй жены Василія Дороѳеевича, но и не скупятся въ выраженіяхъ, чтобы усилить ихъ смыслъ. «Вскорѣ послѣ смерти первой жены», говоритъ одинъ изъ нихъ, «отецъ Ломоносова женился на второй, крайне злой и придирчивой женщинѣ»[1]... «Ломоносова», говоритъ другой, «повѣдомъ ѣла злая мачеха, которую, по смерти Елены Ивановны, отецъ ввелъ въ свой домъ»[2]; о. Грандилевскій повѣствуетъ, «что она имѣла отвратительный характеръ» и была «загрубѣлой во злѣ бабой»[3]). Даже въ первоначально собранныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ академику Лепехину, говорится, что «когда мать Ломоносова умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была можетъ быть причиною, побудившею его оставить домъ отца своего и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ»[4]). Между тѣмъ, во всѣхъ подобнаго рода отзывахъ о второй женѣ Василія Дороѳеевича кроется недоразумѣніе, и по историческимъ соображеніямъ они не могутъ быть къ ней приложимы; во всякомъ случаѣ, совершенно нельзя предполагать, что она была причиною ухода Михаила Васильевича изъ родительскаго дома. Дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуетъ подлинная метрическая запись по Куростровскому приходу, вторая «жена Василія Ломоносова, Ѳеодора, умерла 14 іюня 1724 года»[5]), т. е. за $6^1/_2$ лѣтъ до ухода

---

1) А. Сосницкій, op. cit. стр. 2.
2) П. Полевой, Ист. русск. слов., 1900 г., т. 1, стр. 502.
3) «Изв. Арх. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера» 1910 г., № 13, стр. 46.
4) Лепехинъ, op. cit., стр. 300.
5) Документъ — въ Арханг. Епарх. Древнехр.

своего пасынка въ Москву. Такъ какъ, затѣмъ, по ходу мыслей письма Ломоносова къ Шувалову, гдѣ онъ называетъ свою мачеху «злою и завистливою» и говоритъ, что она вѣчески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ»[1]), можно видѣть, что злоба этой мачехи дѣйствительно была одною изъ причинъ оставленія имъ родительскаго дома,—то очевидно, что рѣчь идетъ не о второй женѣ Василія Ломоносова и не о первой мачехѣ его сына, смѣнившей родную мать послѣдняго; а если такъ, то Осодора Михайловна должна быть освобождена отъ тѣхъ жестокихъ отзывовъ, которые высказывались до сего времени біографами Ломоносова по ея адресу: жизнь ея въ семьѣ Ломоносова по своей кратковременности и малозамѣтности, видимо, не оставила какихъ либо слѣдовъ въ воспоминаніяхъ Михаила Васильевича, и потому онъ говоритъ объ одной своей мачехѣ, тогда какъ у него ихъ было двѣ.

Чрезъ 4 мѣсяца послѣ смерти второй жены, отецъ Ломоносова—11 октября 1724 г. вступилъ въ третій бракъ со вдовою, какъ сказано въ метрической записи, Ириною Семеновою, дочерью крестьянина Николаевской Матигорской волости, Семена Корельскаго, какъ значится въ запискахъ Ломоносова. Вотъ эта-то женщина, быть можетъ пожилая и черствая, и была тою «злою и завистливою мачехою», о которой Михаилъ Васильевичъ вспоминалъ, что она «вѣчески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ», представляя, что будущій знаменитый ученый «всегда сидитъ по пустому за книгами». Поэтому онъ «многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока учился въ Спасскія школы». Это воспоминаніе Ломоносова показываетъ, что время, когда онъ, выучившись грамотѣ, сталъ съ особеннымъ стараніемъ «читать и учиться чему возможно было» на родинѣ, было уже при второй его мачехѣ, т. е. на 14 году его жизни. Съ указаннымъ опредѣленіемъ будетъ согласоваться и сообщеніе

---

1) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 31 мая 1753 г.

первоначальныхъ изыскапій, что «Михайло Васильевичъ, не учась еще россійской грамотѣ, ходилъ неоднократно съ отцомъ своимъ въ море», куда отецъ могъ брать его лѣтъ съ 10—11, и даже то, что «въ одно время отецъ его сговорилъ было въ Колѣ у неподлаго человѣка взять за него дочерь»... Вѣроятно Ломоносовъ, вслѣдствіе высокаго роста и физическаго развитія, казался старше своихъ лѣтъ, «однако, онъ тутъ жениться не похотѣлъ», говорится далѣе въ сообщеніи, «притворилъ себѣ болѣзнь и потому того совершено не было»... Намѣреніе отца женить Михаила Васильевича или, по крайней мѣрѣ, «сговорить» ему невѣсту въ столь раннемъ возрастѣ, ради того, конечно, чтобы имѣть работницу въ домѣ (вѣроятно это и было послѣ смерти второй жены Василія Дороѳеевича, осенью 1724 г.) не являлось необычнымъ въ то время. Уже въ концѣ своей жизни — въ 1761 г., Ломоносовъ, разбирая свои сочиненія и найдя «старыя записки своихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы», составилъ на основаніи ихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ разсужденій — «О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», поднесенное имъ въ видѣ «письма» И. И. Шувалову въ день рожденія послѣдняго. Въ числѣ причинъ умаленія народонаселенія Ломоносовъ ставитъ въ этомъ разсужденіи на первомъ мѣстѣ — браки между лицами несоотвѣтствующихъ лѣтъ и говоритъ, что при немъ почти вездѣ по деревнямъ выдавались взрослыя дѣвки за несовершеннолѣтнихъ парней. Приписывая такому обычаю, кромѣ естественнаго вреда и препятствія къ размноженію, происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство, и высказавъ свое мнѣніе о соотвѣтствующихъ лѣтахъ жениха и невѣсты, знаменитый ученый продолжаетъ: «хотя-жъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ, что если кто семью малую... имѣетъ, тотъ наймуй работниковъ» и проч. [1]). Какъ видно, намѣреніе отца женить Михаила Васильевича въ раннемъ

---

1) Избр. соч. Ломоносова, изд. А. Суворина, 1882 г., стр. 162—164.

возрастѣ произвело на него столь тягостное впечатлѣніе, что онъ не только тогда «притворилъ себѣ болѣзнь», но и до конца жизни не могъ забыть этого обстоятельства.

Въ то время, какъ отецъ Михаила Васильевича, удрученный смертью и второй своей жены, возымѣлъ намѣреніе для практическихъ цѣлей и по примѣру другихъ женить своего несовершеннолѣтняго, но единственнаго сына, мысль будущаго академика работала совсѣмъ въ другомъ направленіи. Смерть матери, къ которой онъ началъ относиться съ сознательною любовью, была для него тяжелымъ ударомъ, а вступленіе въ ихъ семью новой хозяйки, чужой ему по крови, сдѣлали для него почти чужимъ и родной домъ. Часто, вѣроятно, уходилъ онъ на погостъ, который находился всего въ 150 саженяхъ отъ его дома, молился на могилѣ матери, ходилъ въ церковь, гдѣ служба совершалась каждый день, такъ какъ причтъ былъ двухклиросный, вслушивался въ чтеніе и пѣніе и хотѣлъ бы, по примѣру другихъ своихъ сверстниковъ, самъ принять участіе въ клиросѣ. Во время поѣздокъ съ отцомъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану юношу-Ломоносова, видимо, не столько занимаютъ промысловые хлопоты и успѣхи, сколько явленія природы. То съ любопытствомъ всматривается онъ въ «многіе отмѣлые берега моря и океана, когда они во время отлива наружу выходятъ», то задумчиво наблюдаетъ «искры» фосфорическаго свѣта, «которыя выскакиваютъ за кормою» судна... А при посѣщеніи приморскихъ селеній онъ сочувственнаго вниманія религіозно настроеннаго, впечатлительнаго, даровитаго юноши не ускользаетъ, какъ возбуждено было религіозное сознаніе населенія Поморья, какъ всюду разсуждали о старой и новой вѣрѣ, читали и переписывали старыя книги и на нихъ ссылались въ защиту стараго уклада мысли и жизни. И вотъ, «какъ пришелъ онъ съ моря (по внѣшнему виду) уже взрослый, вознамѣрился учиться россійской грамотѣ, и обучилъ его оной той-же Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Шубной, отецъ Осдоту Ивановичу Шубину, который нынѣ (въ 1788 г.) при Академіи Художествъ.

Нѣкто Прокопій Ивановъ въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1868 г. (№ 21) сообщаетъ, что Ѳедотъ Ивановичъ Шубный «былъ третій сынъ Ивана Аоанасьевича Шубнаго», родившійся «въ 1740 г.», что «самъ Иванъ Аоанасьевичъ былъ плохой грамотей, но выучилъ чтенію и письму М. В. Ломоносова», и что скончался онъ «въ 1759 г.». Фамилія Шубныхъ, какъ видно по документамъ, была чрезвычайно распространена въ Куростровскомъ, Ровдогорскомъ и другихъ сосѣднихъ приходахъ, при чемъ въ Куростровѣ по духовной росписи за 1719 г. значатся два Ивана Аоанасьевича Шубныхъ: одинъ женатый, имѣвшій женатаго же сына Сергѣя, другой — неженатый, записанный лишь съ матерью своею Евфиміею. Первый, несомнѣнно, имѣлъ въ 1719 г. не менѣе 40 лѣтъ и родился, слѣдовательно, не позже 1679 г.; умеръ онъ въ концѣ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія, какъ видно изъ другого документа, гдѣ — въ 1730 г.—жена его названа вдовою «бывшаго Ивана Шубнаго»[1]). Будучи, такимъ образомъ, не менѣе, какъ на 32 года старше Михаила Ломоносова и имѣя женатыхъ сыновей, относительно которыхъ пѣть указаній, чтобъ они были грамотны, — не онъ, конечно, «обучилъ грамотѣ» будущаго академика. Это обстоятельство нужно приписать второму Ивану Шубному, вѣроятно, сыну того «Офонасья Ив. Шубныхъ», который въ 1702 и 1709 г. ссудилъ Лукѣ Леонтьевичу Ломоносову въ первый разъ 20 рублей, а во второй—10 руб.; а въ 1714 г., на «заговорномъ письмѣ» по продажѣ Лукой Леонтьевымъ и Василіемъ Дороѳеевымъ Ломоносовыми принадлежавшей имъ «ложки сѣнныхъ покосовъ на Мпкфорковѣ» Иванъ Шубный подписался «послухомъ». Видимо, семейство этихъ Шубныхъ было въ близкихъ, можетъ быть даже родственныхъ, отношеніяхъ съ Ломоносовыми. Самая подпись Ивана Шубнаго на упомянутомъ «заговорномъ письмѣ» 1714 г. изображена такъ: «Послухъ Іванъ Шубной у сего письма былъ і въ томъ руку приложилъ»; но нужно замѣтить, что, судя по по-

---

1) Книга записная приходская... 1725 и слѣд. годовъ.

черку, старательно выведенному, этому «послуху» нельзя дать болѣе 9—10 лѣтъ. Въ то время такое раннее выступленіе грамотныхъ мальчиковъ не было необычнымъ: мы уже говорили, что закладную кабалу Луки Ломоносова въ 1702 г. въ 20 руб. подписалъ «внукъ его Никита Осдоровъ», которому въ то время не могло быть болѣе 13—14 лѣтъ. Такимъ образомъ, упомянутый «послухъ Иванъ Шубный» родился, по нашему предположенію, въ 1704—1705 г., былъ на 6—7 лѣтъ старше Михаила Ломоносова и при близкихъ отношеніяхъ между ихъ семействами легко могъ обучить жаждавшаго постигнуть грамоту будущаго академика. Намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи г. Ивановъ говоритъ, что учившій Ломоносова грамотѣ Ив. Ас. Шубный «былъ плохой грамотей»: если онъ имѣлъ въ виду лишь подпись его подъ «заговорнымъ письмомъ» 1714 г., на основаніи которой и П. А. Голубцовъ, напечатавшій «фамильныя бумаги Ломоносовыхъ», находящіяся въ Архангельскомъ городскомъ Музеѣ, замѣтилъ, что «самъ Шубный писалъ крайне плохо»[1]), то эти отзывы намъ кажутся необоснованными. Дѣло въ томъ, что, по нашему мнѣнію, указанная подпись принадлежитъ не больше, какъ 10-лѣтнему Шубному, и она — на нашъ взглядъ — сдѣлана старательно, крупно и четко; поэтому чрезъ 8 — 9 лѣтъ, когда стали у него учиться Ломоносовъ, Шубный могъ быть и какъ мы увѣрены былъ уже хорошимъ грамотеемъ и умѣлъ весьма не плохо писать. Подтвержденіе этихъ предположеній можно видѣть въ томъ, что Михаилъ Васильевичъ «обучился (у Шубнаго) въ короткое время совершенно»; конечно, успѣхъ этотъ нужно отнести главнымъ образомъ къ необычайнымъ дарованіямъ усердного юноши, но не менѣе здѣсь имѣли мѣсто и знанія учителя: у «плохого грамотея» едва ли бы «въ короткое время совершенно» выучился и даровитый ученикъ. Черезъ два года Ломоносовъ, «къ удивленію всѣхъ», учинился лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви: большая «охота его до чтенія на клиросѣ и за аналоемъ» (т. е.

1) Записка объ Арханг. Городскомъ Публичномъ Музеѣ, 1910 г., прил. ..., стр. 30.

шестопсалмія за утреней и Апостола за литургіей) и особенно «превосходство произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно и при томъ съ особою пріятностію и ломкостію голоса» возбуждали зависть и недовольство его сверстниковъ. Но Ломоносовъ быстро шелъ впередъ: «охочь былъ читать въ церкви псалмы и канопы и житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ и въ томъ былъ проворенъ; а при томъ имѣлъ у себя природную глубокую память: когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ нѣкія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеніе на словахъ обстоятельно» [1]). Эта въ высшей степени живая и чудная картина ярко рисуетъ предъ нами нравственный обликъ 14—15-лѣтняго Ломоносова, первоначальное направленіе его необыкновенныхъ дарованій и моральныхъ стремленій: она невольно возбуждаетъ крѣпкую симпатію къ этому умному юношѣ и предчувствіе, что онъ будетъ кѣмъ-то особеннымъ, не похожимъ на другихъ. Чтеніе книгъ заинтересовывало его все болѣе и болѣе, умственный горизонтъ расширялся, вопросы знанія увеличивались, онъ старается узнать, нѣтъ ли у кого-нибудь еще книгъ, и наконецъ получаетъ свѣдѣніе, что имѣются книги въ богатомъ домѣ Дудиныхъ.

Дудины были старшинный, состоятельный родъ въ Холмогорахъ; одинъ изъ представителей этого рода—Павелъ Владиміровичъ Дудинъ—въ концѣ XVII вѣка состоялъ священникомъ сначала при Холмогорскомъ соборѣ, а затѣмъ — при Николаевской церкви того же города и былъ человѣкъ очень книжный. Составляя свою обширную библіотеку, преосвященный Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій, купилъ нѣсколько книгъ, между прочимъ, и у священника Павла Дудина; таковыя были книги: «Міръ съ Богомъ», «О красотѣ св. церкви», «Бесѣды Іоанна Златоуста на дѣянія апостольскія», его же «Бесѣды на четырнадцать посланій апостола Павла» и др. [2]). Священникъ Павелъ Дудинъ скончался

---

1) Лопехинъ, op. cit., стр. 299—300.

2) В. М. Верюжскій, Аѳанасій, архіеп. Холмогорскій, его жизнь и труды С.-Пб., 1908, стр. 597.

въ 1695 г.[1]); дѣти его были также люди книжные: такъ, у сына его Христофора тѣмъ же архіепископомъ были куплены «Поученія Аввы Дорооея», «Маргаритъ» и др.; продавая нѣкоторыя книги, почему-либо оказавшіяся излишними, Дудины не только оставляли у себя другія, но и пріобрѣтали новыя. По неизвѣстной намъ причинѣ Христоforъ Павловичъ Дудинъ (о. Грандилевскій называетъ его «Игнатьевичъ»![2]) съ своимъ семействомъ проживалъ въ Курostровѣ; въ этомъ то семействѣ и удалось Михаилу Васильевичу достать такія книги, которыя онъ впослѣдствіи называлъ «вратами своей учености»; это были «Псалтирь» Спмеона Полоцкаго, «Ариѳметика» Магницкаго, а по мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ—еще и «Грамматика» Смотрицкаго. Одни изъ біографовъ говорятъ, что Ломоносовъ просилъ сначала этихъ книгъ у старика, т. е. у Христоforа Дудина, но получилъ рѣшительный отказъ; тогда онъ постарался расположить сыновей старика, дѣлая имъ разныя угожденія и услуги, и, наконецъ, получилъ просимое. Нелишне при этомъ замѣтить, что Христоforъ Дудинъ, какъ гласитъ метрическая запись, скончался 12 іюня 1724 года (на два дня ранѣе, чѣмъ умерла первая мачеха Ломоносова — Ѳеодора Михайловна), когда самому Михаилу Васильевичу было только $12^1/_2$ лѣтъ: быть можетъ, конечно, что тогда еще будущій ученый искалъ себѣ книгъ для ученья, но получилъ онъ ихъ гораздо позднѣе.

«Псалтирь царя и пророка Давида художествомъ риѳмотворнымъ — равномѣрно слоги и согласно конечно — ... предложенная» Симеономъ Полоцкимъ и отпечатанная въ Москвѣ въ 1680 году, была, какъ и другія риѳмованныя сочиненія Полоцкаго — «Вертоградъ многоцѣнный» и «Риѳмологіонъ» — довольно распространена между грамотными людьми. Всѣ эти книги извѣстны были и въ Холмогорахъ, особенно ученикамъ нѣвческой и подъяческой школы архіепископа Аоанасія и вообще грамотной молодежи, которую занимала риѳмованная рѣчь: въ числѣ раз-

1) Синодикъ Николаевской г. Холмогоръ церкви, рукоп. XVII в.
2) «Изв. Арх. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера» 1910 г., № 17, стр. 18.

пыхъ подписей на книгѣ хлѣбной раздачи Холмогорскаго архіерейскаго дома за 1695—96 г. мы встрѣтили и такую изъ «Риѳмологіона»:

«Орле, восприми крылы, двоглавный,
Вознеси скипетръ высокодержавный».

Увлекательное дѣйствіе произвела на Ломоносова и риѳмованная Псалтырь Полоцкаго: псалмы, читаемые Михайломъ Васильевичемъ въ церкви «разстановочно и внятно и при томъ съ особою пріятностію и ломкостію голоса» въ риѳмованномъ изложеніи Полоцкаго, находили живой откликъ въ пробуждавшихся между прочимъ поэтическихъ дарованіяхъ юноши. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» говоритъ, — всего 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова,— что Псалтирь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, возбудила въ Михайлѣ Васильевичѣ страстную любовь къ стихотворной формѣ и что сильное желаніе обучиться стихотворству явилось даже главной причиной, побудившей его покинуть отчій домъ и бѣжать въ Москву. Этотъ взглядъ является, можетъ быть, односторонпимъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на разнообразіе, широту, можно сказать — всеобъемлемость учено-литературной дѣятельности Ломоносова, стихотворная форма изложенія разрабатывалась имъ въ теченіе всей его жизни, при чемъ значительная часть поэтическихъ произведеній Михаила Васильевича имѣетъ своимъ предметомъ мотивы религіозные и въ частности—переложеніе псалмовъ. Вообще «Псалтирь Симеона Полоцкаго была, говоритъ академикъ Ламанскій, долгое время учителемъ и воспитателемъ одного изъ геніальнѣйшихъ людей; Ломоносовъ зачитывался ею, училъ ее наизусть, вникалъ въ каждое ея слово и выраженіе; съ его развитіемъ, которому она много содѣйствовала, росло самое значеніе книги»[1]).

---

1) Львовичъ-Кострица, op. cit., стр. 12; Полевой, Ист. русс. слов., стр. 563; Бороздинъ, Ист. русс. лит., 1910 г., стр. 372—376; Избр. соч. Ломоносова, изд. Супорина, 1882 г., стр. 1—11; Ламанскій, op. cit., стр. 39—41.

Такое же, если еще не болѣе обширное значеніе имѣла для Ломоносова и «Ариѳметика» Магницкаго. Книга эта, изданная въ Москвѣ въ 1703 г. «ради обученія мудролюбивыхъ отроковъ» и имѣвшая, по свидѣтельству Ламанскаго, нѣсколько сотъ страницъ, представляла изъ себя цѣлую энциклопедію, въ которую входили свѣдѣнія изъ геометріи, физики, географіи, астрономіи, навигаціи и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія излагались въ ней примѣнительно къ русскимъ потребностямъ, при чемъ Магницкій говоритъ, что онъ всячески старался, чтобы читатель могъ понимать его безъ учителя, «только усердно да прилежитъ». Взглядъ Магницкаго на науки выражается въ его замѣчаніи, что «умъ словесный долженъ упражняться въ познаніи и величаніи Бога»; эту мысль, занимаясь всѣми упомянутыми науками, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ постоянно проводилъ Ломоносовъ въ своихъ трудахъ[1]).

Грамматика Смотрицкаго, изданная въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1618 г., а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ изданій, напечатанная въ Москвѣ въ 1648 г., стояла во главѣ всѣхъ подобнаго рода книгъ. Авторъ между прочимъ говоритъ о своемъ трудѣ: «здѣ въ предисловіи вписахомъ къ любогрудне тщатися ходящимъ къ разуму ученья грамматическаго... вину вземъ отъ многихъ св. отецъ житій, яко и сіи духоносніи св. отцы грамматики и прочихъ книгъ философскаго ученія любогрудне во ученье обращахуся и... отъ града во градъ пути шествіи ученья ради твориху. Спцевъ образъ любомудріе и намъ оставиша искати». Грамматика опредѣлялась Смотрицкимъ, какъ «извѣстное художество благо глаголати и писати учащее»; въ отдѣлѣ просодіи въ ней излагались правила «метромъ или мѣрою количества стихи слагати».

Не трудно представить, какой интересъ должны были имѣть для даровитаго юноши, Ломоносова, упомянутыя книги. Мы, впрочемъ, не имѣемъ, къ сожалѣнію, какихъ-либо новыхъ данныхъ по этому предмету и пользуемся общеизвѣстными указа-

---

1) Ламанскій, op. cit., стр. 41—42.

ніями самого Михаила Васильевича и его біографовъ. «Мачеха», говоритъ Ломоносовъ о послѣднихъ годахъ своей жизни въ семьѣ, «злая и завистливая, всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда попустому сижу за книгами: для того многократно я принуждент былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока не ушелъ въ Спасскія школы». Съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ «пріобрѣлъ вышеназванныя книги, онъ просиживалъ надъ ними цѣлые дни»,—свидѣтельствуютъ какъ первопачальные, такъ и послѣдующіе его біографы, «не разставался съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ ихъ наизусть»[1]).

Въ сохранившейся духовной росписи за 1728 г., въ то время, какъ «Василій Дороѳеевъ Ломоносовъ и жена его Ирина» записаны исповѣдавшимися и причастившимися, «сынъ ихъ Михайло» значится неисполнившимъ этого долга «по нерадѣнію»[2]): повидимому, увлеченіе книгами доходило у Ломоносова до того, что онъ, прежде благочестиво настроенный, теперь забываетъ свои религіозныя обязанности. Впрочемъ, въ объясненіе указаннаго обстоятельства можно находить и другія причины: почти всѣ біографы Михаила Васильевича повторяютъ извѣстіе, что «12-ти лѣтъ», «на тринадцатомъ году», онъ «былъ увлеченъ въ расколъ, въ безпоповщину», «держался онаго два года (по Ламанскому—«неизвѣстно—долго-ли»), но скоро позналъ, что заблуждаетъ». Трудно представить себѣ, чтобы Ломоносовъ, только начавши учиться грамотѣ и при томъ у православнаго человѣка, былъ уже вовлеченъ въ расколъ; этому противорѣчитъ и то обстоятельство, что, обучившись грамотѣ «въ короткое время совершенно», онъ «охочь былъ читать въ церкви псалмы и каноны и житія святыхъ, и... когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ нѣкія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеніе»... Такимъ

---

1) Львовичъ-Кострица, op. cit., стр. 10, Ламанскій, op. cit., стр. 43.
2) Въ Арханг. епарх. Древнехранилищѣ.

образомъ, обучившагося грамотѣ Ломоносова мы видимъ читающимъ въ церкви и церковной трапезѣ, чего не могло бы быть, если бы онъ въ это время былъ увлеченъ въ расколъ, особенно въ безпоповщинскій толкъ раскола, который рѣшительно чуждается церкви. Если, поэтому, двухлѣтнее увлеченіе Ломоносова расколомъ—историческій фактъ, то его естественнѣе относить къ болѣе позднему времени, чѣмъ къ 12-лѣтнему возрасту Михаила Васильевича, и видѣть подтвержденіе этого въ упомянутой записи исповѣдной книги за 1728 г., когда Ломоносову шелъ 17-й годъ.

Возможно, наконецъ, объяснять вышеуказанное «нерадѣніе» юноши Ломоносова въ упомянутомъ году и вообще взаимнымъ отчужденіемъ, возникшимъ не только между взрослымъ и даровитымъ пасынкомъ и «злой и завистливой» мачехой, но, по наговорамъ ея, и между думающимъ лишь объ ученіи и сидящимъ за книгами сыномъ и «воспитаннымъ въ крайнемъ невѣжествѣ», но дѣятельнымъ отцомъ.

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, окружавшія дѣтство и отрочество Михаила Васильевича, условія его жизни въ семьѣ и воспитаніе были въ какомъ-нибудь отношеніи необычны: не онъ одинъ, конечно, въ дѣтствѣ лишился матери и долженъ былъ жить съ мачехой, не онъ одинъ съ отроческихъ лѣтъ началъ совершать дальнія поѣздки по Бѣлому морю и океану, не онъ одинъ видѣлъ разнообразныя картины и явленія сѣверной природы. Но, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ въ ихъ совокупности, необыкновенныя дарованія Ломоносова, счастливое сочетаніе въ немъ тихой вдумчивости матери и практической энергіи отца, быстрое и легкое усвоеніе грамоты, усердное и внимательное чтеніе книгъ, расширившихъ его умственный кругозоръ и возбудившихъ жажду знанія, направили мысли, думы и стремленія Михаила Васильевича по необычному пути. Сначала онъ, вѣроятно, отмалчивался на упреки и брань злой и завистливой мачехи, затѣмъ, видя недовольство и отца, уходилъ съ книгами изъ дому «въ уединенныя и пустынныя мѣста, претерпѣвая здѣсь стужу и голодъ» или къ тѣмъ роднымъ и знакомымъ, у которыхъ надѣялся встрѣтить

себѣ отдыхъ, сочувствіе или получить разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ. Изъ родственниковъ Михаилъ Васильевичъ чаще всего могъ посѣщать домъ старика Луки Ломоносова, гдѣ его не только никто не укорялъ, никто не выражалъ ему своего неудовольствія, но гдѣ онъ могъ находить даже поощреніе своимъ стремленіямъ и пріобрѣтать новыя свѣдѣнія. Сыновей Луки Ломоносова въ это время уже не было въ живыхъ, а единственный внукъ его—Никита Ломоносовъ, выучившійся грамотѣ въ семьѣ дѣда, теперь служилъ, какъ мы уже говорили, въ Архангельской портовой таможнѣ и, стремясь видѣть и знать больше, ѣздилъ даже въ Петербургъ,—«парадизъ» Преобразователя Россіи. Но что особенно важно, самъ Лука Леонтьевичъ, будучи современникомъ длиннаго ряда государственныхъ и мѣстныхъ событій, могъ разсказывать любознательному юношѣ Ломоносову о многомъ, имъ слышанномъ и видѣнномъ. Особенно интересны могли быть его разсказы по личнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ 28 іюля 1693 г., послѣ долгихъ ожиданій, «объявился отъ Кострова своими судами великій государь... на семи стругахъ, а великаго государя струг впереди всѣхъ шелъ»; какъ, затѣмъ, государь былъ встрѣченъ на Холмогорахъ и «шествовалъ съ бояры и со всѣми чиновными людьми чрезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ коретѣ»[1]). Могъ Лука Леонтьевичъ разсказывать, какъ государь былъ въ Вавчугѣ у Баженныхъ, какъ просто обращался съ народомъ, какъ плавалъ по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Унскихъ Рогахъ и многое другое.

И эти разсказы, видимо, велись Лукой Леонтьевичемъ съ такими добрыми чувствами къ первому царю, посѣтившему Двинской край и Бѣлое море, что не только глубоко запечатлѣлись въ душѣ юнаго слушателя, но, какъ нужно думать, и совершенно измѣнили его взглядъ на Преобразователя Россіи. Если въ качествѣ

---

1) Двинская лѣтопись, изд. А. А. Титова, 1889 г., стр. 63—64.

раскольника, особенно — безпоповца, Ломоносовъ нѣкоторое время долженъ былъ ненавидѣть Петра I, считать его за антихриста, то затѣмъ, въ дальнѣйшей своей жизни, хотя мало занимался исторіей, онъ не только не упускалъ случая воспѣть его въ своихъ похвальныхъ одахъ, но написалъ особое «Похвальное слово Петру Великому», посвятилъ ему героическую поэму «Петръ Великій», въ которой описалъ плаваніе Преобразователя по Бѣлому морю, спасеніе отъ бури въ Унской губѣ, прибытіе въ Соловецкій монастырь и бесѣду съ настоятелемъ о расколѣ и т. п. Вмѣсто прежней возможной ненависти, онъ обратился въ другую крайность и доводилъ свое восхваленіе Петра I до обоготворенія; «еще въ Ломоносовѣ — крестьянинѣ зародилась та пламенная любовь къ Петру Великому, говоритъ Ламанскій, которою онъ такъ отличался впослѣдствіи и которая ему нерѣдко мѣшала глядѣть безпристрастно на его обожаемаго героя».

Мысль передаваемаго о. Грандилевскимъ сказанія, что весьма близкимъ лицомъ — «воспитателемъ юности» Михаила Васильевича — былъ мѣстный дьячекъ, представляется намъ вполнѣ пріемлемою, только дьячкомъ этимъ былъ не миѳическій Сидоръ Панкратьевичъ Колчинъ, а Семенъ Никитичъ Сабельниковъ, какъ мы уже говорили. Самая любовь Ломоносова къ чтенію въ церкви псалмовъ, каноновъ, апостола, житій святыхъ ставила его въ ближайшія отношенія къ мѣстному церковному дьячку, съ дозволенія и указанія котораго Михаилъ Васильевичъ и могъ исполнять свое желаніе, а усердіе и искусство, обнаруживаемое добровольнымъ чтецомъ, не могло не привлекать къ нему расположенія священнослужителей. Сабельниковъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ подъяческой и пѣвческой школы при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ, составлявшей предметъ особеннаго попеченія архіепископа Аѳанасія, ея учредителя; онъ не только хорошо зналъ свое дѣло, каллиграфически писалъ, но и, какъ видно, былъ человѣкъ начитанный, умѣвшій письменно излагать свои мысли. Его рукой, по крайней мѣрѣ, написано въ 1725 г. обширное (около 10 страницъ) воззваніе о пожертвованіяхъ на

устройство каменнаго храма въ Курострovскомъ приходѣ, помѣщенное въ книгѣ для записи таковыхъ пожертвованій, гдѣ, между прочимъ, говорится, что пресвященный архіепископъ (Варлава) «подъ то церковное зданіе благоволилъ мѣсто осмотрѣть и измѣрити и заложилъ церковь во имя Собора Пресв. Богородицы» [1]). Обращаетъ на себя вниманіе въ этой книгѣ то обстоятельство, что всѣ поступленія отъ Василія Дороѳеевича Ломоносова записаны рукою Сабельникова: можно, повидимому, заключать, что между ними были дружественныя отношенія, а это обстоятельство, въ свою очередь, явилось бы подтвержденіемъ извѣстія о воспитательномъ вліяніи на развивавшагося Ломоносова такого ученаго по тому времени человѣка, какимъ былъ Сабельниковъ. Товарищъ Ломоносова по Академіи Наукъ, Я. Я. Штелинъ, говоритъ, между прочимъ, — быть можетъ со словъ самого Михаила Васильевича, — что «священнослужитель, учившій Ломоносова грамотѣ (?), на вопросы его обыкновенно отвѣчалъ ему, что для пріобрѣтенія бо́льшаго знанія и учености требуется знать языкъ латинскій, а ему не шедъ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ или Петербургѣ»... Такимъ «священнослужителемъ» могъ быть и дьячекъ Сабельниковъ, какъ учившійся въ Холмогорской архіерейской школѣ, гдѣ уже извѣстна была нѣсколько латынь, по крайней мѣрѣ извѣстенъ былъ латинскій алфавитъ и нѣкоторыя слова, вродѣ «miserere», «Deus» [2]) и др., знаніе которыхъ очень занимало учениковъ, тѣмъ болѣе, что латынь считалась синонимомъ учености. Но кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1723 г. при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ архіепископомъ Варлавою, западноруссомъ, воспитанникомъ Кіевской Академіи и бывшимъ учителемъ Московской славяно-латинской Академіи, была учреждена славяно-латинская школа, въ которую забирали священническихъ и причтническихъ дѣтей и обучали ихъ букварю, грамматикѣ и, между

---

1) Въ Арханг. Городск. Публ. Музеѣ.

2) Расходныя книги Холмог. Архіер. дома — въ Арханг. епарх. Древнехранилищѣ. «Лѣтопись Двинская», изд. А. А. Титова, стр. 107, 108.

прочимъ, хотя и не сразу, латинскому языку по учебнику Альвара; латинскій языкъ считался высшимъ предметомъ обученія и знанія, признакомъ учености; латинская рѣчь, латинскія фразы, бывшія обычными въ домѣ «ученѣйшаго» архіепископа съ окружавшими его кіевлянами, студентами Кіевской и Московской академій братьями самого архіепископа Григоріемъ и Андреемъ, братьями Кольчицкими, Баранкіевичемъ, Кардашевскимъ, Храповичемъ и др., стали вноситься привѣзжавшими изъ школы дѣтьми и въ дома священнослужителей. Преосвященнымъ Варнавою студентъ Кіевской Академіи Алексѣй Баранкіевичъ былъ опредѣленъ священникомъ въ Нижнематигорскій приходъ, а студентъ Осдоръ Кардашевскій — въ Курейскій приходъ; по своему образовательному цензу они, конечно, значительно отличались отъ другихъ своихъ собратій. Все это не могло ускользнуть отъ вниманія жаждавшаго научныхъ знаній Ломоносова. Какъ не принадлежавшій клиру, не значившійся въ составлявшейся по наличію переписи священническихъ и причетническихъ дѣтей, онъ не былъ требованъ и не могъ быть принятъ въ Холмогорскую школу при архіерейскомъ домѣ; поэтому сообщеніе М. П. Муравьева, поддержанное П. Ефименкомъ [1]), о томъ, что Ломоносовъ учился въ упомянутой школѣ, является недостовѣрнымъ. Это тѣмъ болѣе можно сказать, что, по свидѣтельству самого Михаила Васильевича, онъ, живя дома, вслѣдствіе наговоровъ мачехи и неудовольствія отца, долженъ «былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, пока не уѣхалъ въ Спасскія школы» въ Москвѣ; очевидно, такимъ образомъ, что въ архіерейской школѣ, гдѣ было общежитіе, онъ не учился. Но — съ другой стороны — страстное стремленіе къ ученію и тяжелыя семейныя условія, постоянное злобствованіе и попреки мачехи за пустое, по ея мнѣнію, сидѣніе за книгами, вынуждавшіе Ломоносова уходить изъ дому, терпѣть холодъ и голодъ, — должны были привести Михаила Васильевича къ мысли оставить родной

---

1) «Арханг. Губ. Вѣд.» 1869 г., № 5.

домъ, сдѣлавшійся теперь чужимъ, и идти учиться латыни въ Москвѣ. Возможно, что такое рѣшеніе создавалось у Ломоносова постепенно. Уже въ 1728 г. онъ, какъ мы указывали, чувствовалъ отчужденіе отъ своихъ домашнихъ даже въ религіозныхъ чувствахъ и, видимо, занятъ былъ какой-то внутренней работой мысли; но прошло еще два года, прежде чѣмъ онъ привелъ свой замыселъ въ исполненіе. Относительно времени ухода Михаила Васильевича въ Москву между біографами его существуетъ также разногласіе: одни, вѣроятно на основаніи сообщенія Штелина, что Ломоносовъ ушелъ въ Москву на семнадцатомъ году, относятъ это обстоятельство къ 1728 г.; это указаніе, господствовавшее въ старыхъ изданіяхъ біографіи Ломоносова, въ послѣднее время повторено въ «Исторіи русской литературы», изд. подъ редакціей проф. А. Бороздина въ 1910 г.; о. Грандилевскій также указываетъ на этотъ годъ. Другіе считаютъ временемъ ухода 1730 годъ; это указаніе, сдѣланное, впрочемъ, не совсѣмъ ясно еще въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ академику Лепехину, вполнѣ подтверждается историческими данными и должно быть признано единственно вѣрнымъ. Въ «Тетради порядной камню, кирпича и дровъ Куростровской церкви церковнаго строителя Ивана Лопаткина»[1]), заведенной съ 1725 года, находятся двѣ собственноручныя росписки Михаила Ломоносова за подрядчиковъ каменнаго строенія въ полученіи ими денегъ: одна, сдѣланная 4 февраля 1726 г., а другая—30 января 1730 года. Первая изъ нихъ показываетъ, какъ устойчиво и грамматически правильно писалъ Ломоносовъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, а вторая, написанная каллиграфически, свидѣтельствуетъ, что въ указанное въ ней время, т. е. 30 января 1730 г., Михаилъ Васильевичъ находился въ Куростровѣ. Уходъ его съ родины произошелъ не ранѣе 7 декабря 1730 года: въ волостной книгѣ для записи поручителей въ платежѣ податей за отлучившихся имѣется слѣдующая запись: «1730 года, декабря 7 дня, отпущенъ Михаилъ

1) Въ Архангельскомъ Городскомъ Публичномъ Музеѣ.

Васильевичъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ расписался».

Итакъ, въ сообщеніи Штелина, которое, по извѣстнымъ въ немъ подробностямъ, не можетъ не обращать на себя вниманія и является лишь нѣсколько спутаннымъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, вѣроятнѣе всего видѣть указаніе на то, что у Ломоносова уже «на семнадцатомъ году» явилась мысль объ уходѣ съ родины. А такъ какъ эту мысль онъ привелъ въ исполненіе, будучи уже девятнадцати лѣтъ отъ роду, то отсюда можно заключить, какъ долго вынашивалъ онъ свое намѣреніе, какихъ, быть можетъ, тяжелыхъ думъ и сердечныхъ тутъ стоило ему привести его въ исполненіе. Правда, населеніе Двинскаго края было довольно подвижно и издавна имѣло сообщеніе съ Москвой, причемъ, напр.: по духовной росписи 1728 г. въ Куростровскомъ приходѣ значатся четыре человѣка (Василій Леонтьевичъ Пятухинъ, Яковъ Пятухинъ, Василій Яковлевичъ Пятухинъ и Тихонъ Ивановичъ Шенинъ) «въ отлученіи на Москвѣ», одинъ — въ С.-Петербургѣ и одинъ (Степанъ Осдоровичъ Назаровъ) также «за моремъ», т. е. за-границей; но это были люди торговые, самостоятельные, денежные, совершавшіе свои поѣздки открыто, для практическихъ цѣлей. Между тѣмъ, Ломоносовъ не имѣлъ своихъ денегъ и не только не надѣялся получить ихъ отъ отца, но долженъ былъ тщательно скрывать отъ него и самое намѣреніе оставить родной домъ, въ которомъ «все довольство» было нажито «кровавымъ потомъ» отца, и Михаилъ Васильевичъ явился единственнымъ его наслѣдникомъ. Узнавъ впослѣдствіи, когда Василій Дороѳеевичъ узналъ, гдѣ находится его сынъ, онъ неоднократно посылалъ къ нему убѣдительныя просьбы вернуться домой, указывая на то, что все нажитое имъ кровавымъ потомъ для единственнаго сына «послѣ его смерти расхитятъ чужіе».

Итакъ, несмотря на страстное желаніе и принятое рѣшеніе идти въ Москву искать науки, Ломоносовъ долженъ былъ твердо хранить свое намѣреніе въ теченіе быть можетъ двухъ лѣтъ;

осторожно разспрашивалъ онъ иногда о Москвѣ людей, бывавшихъ тамъ; кромѣ Пятухиныхъ, таковыми были еще близкіе знакомые Ломоносовыхъ — Бѣлобородовы и Рычковы[1]). Съ 8 ноября 1730 г. Михаилу Ломоносову пошелъ 20-й годъ; время уходило, и надо было на что-нибудь рѣшаться; многіе изъ сверстниковъ его вступили уже въ бракъ; «хорошіе тамошніе люди» предлагали, по его собственому свидѣтельству, и за него «выдать своихъ дочерей»[2]), но не о томъ думалъ, не тѣмъ былъ занятъ, не къ тому стремился будущій ученый. Въ эти критическія минуты жизни Ломоносову пришла на помощь признанная имъ самимъ за собою «благородная упрямка»,—та рѣшительность и отвага, которыя онъ выработалъ въ себѣ во время нерѣдкой борьбы съ бурями водной стихіи въ морѣ и океанѣ и которыя впослѣдствіи не разъ спасали его въ борьбѣ съ бурями мори житейскаго. По сообщеніямъ, данпымъ академику Лепехину, Михаилъ Васильевичъ, рѣшившись «искать счастья въ другихъ мѣстахъ, взялъ пашпортъ не явнымъ образомъ, (но?) посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Милюкова». Кто былъ этотъ Милюковъ, почему къ нему обратился Ломоносовъ за паспортомъ и какъ онъ могъ выдать таковой «неявпымъ образомъ»—документальныхъ свѣдѣній не отыскалось. Что же касается Ивана Банева, который «росписался въ волостной книгѣ порукою по Ломоносовѣ въ платежѣ подушныхъ денегъ», то онъ, повидимому, былъ близкій сосѣдъ и хорошій знакомый

---

1) Въ «Книгѣ, записной приходной... въ церковное каменное строеніе» имѣются записи, изъ которыхъ видно, что «вдова Ѳедора Бѣлобородова была на обѣдѣ у Василія Ломоносова»; что «вдова Матрона Бѣлобородова завѣщала на церковное строеніе серебряный крестъ, который продать былъ на Москвѣ Василіемъ Рычковымъ»; что «Василій Рычковъ далъ присланныхъ черезъ него отъ Василія Ломоносова 5 руб.». Фамилія Рычковыхъ была довольно распространенная: въ Кострове и въ Ровдогорахъ было нѣсколько Ивановъ Рычковыхъ; впослѣдствіи — въ 1740-хъ и 1750-хъ годахъ — былъ извѣстенъ топографъ Петръ Ив. Рычковъ, состоявшій въ перепискѣ съ Ломоносовымъ и благодарившій его за оказанныя ему милости («Матеріалы для біографіи Ломоносова», П. С. Билярскаго, С.-Пб. 1865, стр. 299).

2) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 10 мая 1753 г.

какъ отца Михаила Васильевича, такъ и дѣда его — Луки Ломоносова. Въ документѣ 1714 года сказано, что проданное Лукою и Васильемъ Ломоносовыми ихъ владѣнье — «ложки сѣнныхъ покосовъ на Микифорковѣ» — имѣла «съ нижняго конца» границею «землю Баневыхъ», а въ 1739 г. Иванъ Баневъ писалъ «по прошенію» Василія Ломоносова продажную запись на ложки послѣдняго, находившуюся «въ Нальѣ острову». Милюковъ и Баневъ, такимъ образомъ, оффиціально освободили Ломоносова отъ общественныхъ обязанностей на цѣлый годъ и тѣмъ дали ему полную возможность располагать собою; трудно предполагать, чтобы они знали планы и намѣренія будущаго академика и сочувствовали имъ: вѣроятнѣе, они склонились на просьбы молодого Ломоносова въ виду его тяжелаго семейнаго положенія и отпускали его на зиму «къ Москвѣ» и на лѣто — «къ морю», куда онъ ѣздилъ и обычно съ отцомъ.

Получивъ отпускъ и выпросивъ у сосѣда своего, Ломы Шубнаго, китаечное полукафтанье и заимообразно три рубли денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ, но, вѣроятно, простившись съ могилою матери, 19-лѣтній Ломоносовъ отправился въ далекій, неизвѣстный путь...

Ѳома Ивановичъ Шубный былъ, по всей вѣроятности, младшій братъ Аѳанасія Ивановича Шубнаго, и поэтому находился, такъ же, какъ и этотъ послѣдній, въ близкихъ, можетъ быть, родственныхъ отношеніяхъ съ фамиліей Ломоносовыхъ и былъ также человѣкъ состоятельный: въ 1727 г. онъ проходилъ должность мѣстнаго церковнаго старосты[1]).

И Ѳома Ивановичъ, видимо, посочувствовалъ положенію Ломоносова или, по крайней мѣрѣ, внялъ его просьбѣ, но, одолживъ ему заимообразно три рубли, надѣялся, очевидно, получить ихъ обратно отъ умнаго и честнаго юноши или, по крайней мѣрѣ, отъ отца его, славившагося своими достатками.

Почти никто изъ біографовъ Ломоносова не можетъ отка-

---

1) «Книга приходная»... и др. документы.

зать себѣ въ удовольствіи привести любопытныя и заслуживающія во многомъ довѣрія подробности отправленія Ломоносова въ путь, излагаемыя Штелиномъ. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. «Всячески скрывая свое намѣреніе, по-утру смотрѣлъ (Ломоносовъ), какъ будто изъ одного любопытства, на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, когда всѣ въ домѣ отца его спали, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за оными вслѣдъ (не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его библіотеку: грамматику и ариѳметику). На третій день настигъ его въ семидесяти уже верстахъ. Караванный приказчикъ не хотѣлъ (прежде ?) взять его съ собою, но, убѣжденъ бывъ просьбою и слезами, чтобъ далъ посмотрѣть ему Москвы, наконецъ согласился»...

Въ «Запискахъ путешествія академика Лепехина» обстоятельства ухода Ломоносова излагаются нѣсколько иначе: «доѣхедъ до Антоніево-Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по Петербургскому тракту восемь(?) верстахъ, (Ломоносовъ) былъ въ ономъ нѣкоторое время: отправлялъ псаломническую должность; заложилъ тутъ взятое у Ѳомы Шубнаго полукафтанье мужику-емчанину», т. е. изъ Емецкаго села, которое находится въ 17 верстахъ выше монастыря по московскому тракту, и «ушелъ оттолѣ въ Москву».

Намъ болѣе вѣроятнымъ представляется, что Ломоносовъ шелъ въ Москву не одинъ, а именно съ тѣмъ «рыбнымъ караваномъ», о которомъ упоминается въ извѣстіи Штелина; равнымъ образомъ и исправленіе имъ нѣкоторое время псаломническої должности вѣрнѣе, кажется, понимать такъ, что Михаилъ Васильевичъ, во время не болѣе, какъ однодневной остановки съ караваномъ въ Сійскомъ монастырѣ, по прежнему своему усердію и любви къ этому дѣлу, читалъ на клиросѣ «псалмы и каноны». Очевидно также, что Ломоносовъ убѣдился въ недостаточности взятыхъ имъ на дорогу трехъ рублей и, чтобы пополнить эту сумму, долженъ былъ заложить и то «китасное полукафтанье», въ которомъ думалъ нарядиться въ Москвѣ.

И вотъ, будущій «отецъ русской науки и литературы», геніальный и многосторонній русскій ученый, первый изъ русскихъ членъ С.-Петербургской, Стокгольмской и Болонской Академій Наукъ, извѣстный всему ученому міру, языковѣдъ, поэтъ, ораторъ, «профессоръ химіи», метеорологъ, географъ, физикъ, историкъ, въ декабрѣ 1730 г., оставивъ родину, домъ отца, могилу матери и все, съ чѣмъ свился въ теченіе 19 лѣтъ, въ трухѣ, наголомъ тулупѣ и каѳаныхъ сапогахъ, съ двумя книжками подъ мышкой, шествовалъ за рыбнымъ обозомъ въ Москву, чтобы постигнуть тамъ науку...

«Дома между тѣмъ», повѣствуетъ далѣе Штелинъ, «долго его (Ломоносова) искали и, не найдя нигдѣ, почитали пропавшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути; тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ». Василій Дороѳеевичъ былъ, конечно, очень удрученъ исчезновеніемъ своего единственнаго сына и, узнавъ, наконецъ, гдѣ онъ находится, посылалъ къ нему трогательныя просьбы о возвращеніи; писали объ этомъ Ломоносову, по его собственному свидѣтельству, и другіе — какъ съ вѣроятностью можно полагать — Баневъ и Шубные.

Оставивъ свою родину, Ломоносовъ никогда не забывалъ о ней: трудясь для науки за границей и въ Петербургѣ, онъ всегда былъ радъ видѣться со своими земляками, бесѣдовалъ съ ними о родинѣ, оказывалъ возможную помощь и покровительство, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые, по его примѣру, стремились къ образованію и наукѣ; изъ числа таковыхъ, кромѣ Ѳедота Ивановича Шубнаго, можно указать еще на Петра Ивановича Рычкова, топографа и металлурга Оренбургскаго и Астраханскаго края, на Петра Іосифовича Дудина, обучавшагося съ 1758 г. «рисовальному художеству и наукамъ», на племянника Ломоносова Михаила Головина и другихъ[1]).

---

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, Биляревскаго, 1865 г., стр. 123, 249, 372, 299, 628; письмо Ломоносова къ сестрѣ Маріи Васильевнѣ отъ 2 марта 1765 г.; Полевой, Ист. рус. слов., 1900 г., т. I, стр. 606 и 610; Ламанскій, op. cit., стр. 56—57.

О намѣреніи Ломоносова принять священство и отправиться съ И. К. Кирилловымъ въ Оренбургскую экспедицію 1734 г.[1]).

С. А. Бѣлокурова.

И. К. Кириловъ, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей первой половины XVIII столѣтія, въ началѣ 1734 г. подалъ въ Императорскій Кабинетъ «изъясненіе о Киргизъ-Кайсацкой и Каракалпакской ордахъ», въ коемъ, для закрѣпленія восточной окраины Россіи, предлагалъ отправить особую экспедицію, которая бы построила на р. Ори городъ (нынѣшній Оренбургъ), сдѣлала бы пристань на Аральскомъ морѣ и приняла бы другія указываемыя имъ мѣры. Проектъ этотъ былъ утвержденъ императрицею Анною Іоанновною 1 мая 1734 г. и во главѣ особой «Оренбургской экспедиціи» поставленъ былъ И. К. Кириловъ вмѣстѣ съ полковникомъ Тевкелевымъ. Въ составъ этой экспедиціи, кромѣ «офицеровъ, артиллерскихъ, инженерныхъ и морскихъ служителей и другихъ разныхъ чиновъ людей», долженъ былъ войти и «ученый священникъ изъ Спасской школы (= Славяно-греко-латинской Академіи) или кто достойной сыщется, понеже де онъ нуженъ въ такомъ новомъ мѣстѣ и между многимъ махометанскимъ и идолаторскимъ народомъ для проповѣди слова Божія и наставленія желающихъ св. крещенія». Въ виду этого Кириловъ,

---

1) На основаніи дѣлъ архива Московской Сп. Синода Конторы за 1734 г., №№ 245 и 272. Ср. М. И. Сухомлиновъ. Къ біографіи Ломоносова. С.-Пб. 1896 г. («Сборникъ Отдѣленія Русскаго яз. и сл. И. А. Н.», т. LXIV, № 7), стр. 11—15.

въ бытность свою въ Москвѣ, 18 іюля 1734 г. подалъ слѣдующее доношеніе Святѣйшему Правительствующему Синоду:

«По имянному Ея Императорскаго Величества указу отправленъ я въ извѣстную экспедицію и по всеподданнѣйшему моему доношенію имянным же Ея Императорскаго Величества указомъ, подписанным на томъ доношеніи собственною Ея Императорскаго Величества рукою, велѣно быть при мнѣ во оной экспедиціи священику изъ ученыхъ изъ Спасской школы или кого достойнаго пріищу, которому и жалованья по приговору Правительствующаго Сената опредѣлено давать въ годъ по 200 рублевъ. Того ради Святѣйшаго Правительствующаго Синода нижайше прошу, чтобъ повелѣно было изъ Спасскаго училищнаго монастыря ученика Михайла Красилникова, о которомъ архимандритъ онаго монастыря мнѣ объявилъ достойнаго, посвятить въ священники и отпустить ко мнѣ въ экспедицію. О семъ просить стацкій совѣтникъ Иванъ Кириловъ. Подканцелярист Ермолай Тишинъ. Іюля 18-го дня 1734-го года».

На этомъ доношеніи было помѣчено: «подано іюля 18-го дня 1734-го года. Записавъ, взять въ повытье, а съ Сенатскою Конторою и съ Академіею учиня справки, предложить въ докладъ немедленно». Академія отвѣтила, что Красильниковъ въ ней съ 1720 г., «человѣкъ повидимому, кажется, состояніи добраго, и не подозрителенъ, и къ священству угоденъ быти» (35 лѣтъ). Красильниковъ былъ «благословленъ къ священству», но, по словамъ Кириллова, «мая день ото дня, при послѣднемъ случаѣ объявилъ, что въ священство во оную экспедицію не желаетъ подъ предлогомъ, чтобъ опредѣлить туда на нѣкоторые годы, чему быть непригично».

Вслѣдствіе этого Кириловъ 21 августа того же года просилъ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію о посвященіи во священство и отпускѣ съ нимъ бывшаго въ то время въ Москвѣ— «изъ Кіевскихъ учениковъ изъ философіи бывшаго на Вологдѣ при архіерейскомъ домѣ учителемъ Николая Герасимова Соколовскаго». Но это желаніе Кириллова не было исполнено, очевидно,

вслѣдствіе полученнаго изъ С.-Петербурга въ Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи указа Святѣйшаго Синода по поводу отправленія священника въ Оренбургскую экспедицію: «священника отправить въ тое экспедицію изъ ученыхъ, а именно: естли будутъ самоохотно желающіе,—отъ Московскихъ церквей; естли же отъ Московскихъ церквей таковыхъ самоохотно желающихъ не явится, то выбрать достойнаго изъ учащихся въ Московской Академіи; буде же саможелательныхъ не обрящется, то отправить изъ обрѣтающихся въ Москвѣ ученыхъ священниковъ по разсужденію васъ—оставшаго въ Москвѣ Синодальнаго члена съ засѣдающими».

Среди собранныхъ (29 августа) ученыхъ священниковъ Московскихъ церквей (въ количествѣ 6 человѣкъ) «самоохотно желающихъ ѣхать въ экспедицію съ Кириловымъ не явилось»; вслѣдствіе этого Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія послала въ Славяно-греко-латинскую Академію слѣдующій указъ:

«Указъ Ея Императорскаго Величества самодержицы Всероссійскія изъ Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи Московской Славено-греко-латинской Академіи ректору Спасскаго училищнаго монастыря архимандриту Стефану. По Ея Императорскаго Величества указу, а по сообщенному изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода вѣдѣнію и по силѣ того вѣдѣнія по приказанію оставшаго въ Москвѣ Синодальнаго члена съ засѣдающими велѣно изъ оной Академіи выбрать изъ учениковъ человѣка достойнаго для произведенія во священство и желающаго ѣхать съ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Кириловымъ въ известную экспедицію и по выборѣ онаго представить въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію. И Московской Славеногреколатинской Академіи ректору Спасскаго училищнаго монастыря архимандриту Стефану о вышеписанномъ учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу въ самомъ скоромъ времени».

Академія отвѣтила 2 сентября:

«Въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію донесеніе.

По присланному Ея Императорскаго Величества изъ Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи прошедшаго августа 30-го дня сего 1734-го году въ Московскую Славенограколатинскую Академію подъ № 919-мъ указу велѣно мнѣ нижайшему изъ оной Академіи выбрать изъ учениковъ человѣка достойнаго для произведенія во священство и желающаго ѣхать съ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Кириловымъ въ извѣстную экспедицію и по выборѣ представить онаго въ Московскую Синодальную Канцелярію. И по тому Ея Императорскаго Величества указу изъ оной Академіи школы риторики ученикъ Михайло Ломоносовъ въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію при семъ доношеніи и представляется. 1734-го года сентября дня. Архимандритъ и ректоръ Стефанъ». На этомъ доношеніи было помѣчено: «подано сентября 2-го дня 1734-го года. Записавъ, школьника допрося, представить къ слушанью».

Дальнѣйшій ходъ дѣла объ отправленіи Ломоносова въ Оренбургскую экспедицію изображаютъ слѣдующіе документы:

«Въ протокольной сентября 2-го дня меморіи написано:

«Штатской совѣтникъ Иванъ Кириловъ приходилъ, которому объявлено сообщенное Святѣйшаго Правительствующаго Синода вѣдѣніе объ отправленіи при немъ священника и о отпускѣ изъ типографіи церковнаго круга книгъ, и при томъ объявлено ему представленной изъ Академіи къ посвященію въ поп школы риторики ученикъ Михайло Ломоносовъ. На что онъ доносилъ, что тѣмъ школьникомъ по произведеніи его во священство будетъ онъ доволенъ. И хотя онъ, Кириловъ, вскорѣ съ Москвы и отъѣзжаетъ, для принятія и отправленія онаго священника оставитъ въ Москвѣ аопцѣра, а о дачѣ ему жалованья, подводъ и прогонныхъ денегъ въ Штатсъ-Контору промеморію. А книгъ де церковныхъ онъ Кириловъ не требуетъ, понеже имѣютъ даны ему быть въ Казани двѣ полковыя церкви со всякою церковною утварью и съ книгами. — На подлинной пишетъ тако: Гераспмъ архимандритъ Богоявленскій».

«1734-го году сентября въ 4 день въ ставленическомъ столѣ

Московской Славеногреколатинской Академіи школы реторики ученикъ Михайла Васильевъ сынъ Ломоносовъ допрашиванъ».

«А въ допросѣ онъ сказалъ: отецъ у него города Холмогорахъ церкви Введенія пресвятыя Богородицы попъ Василей Дорофѣевъ, а онъ Михайла жилъ при отцѣ своемъ; а кромѣ того нигдѣ не бывалъ, въ драгупы, въ салдаты и въ работу Ея Императорскаго Величества не записанъ, въ плотникахъ въ высылкѣ не былъ, отъ переписщиковъ написанъ дѣйствительнаго отца сынъ и въ окладъ не положенъ. А отъ отца своего отлучился въ Москву въ 1730-мъ году октября въ первыхъ числѣхъ и, пріѣхавъ въ Москву, въ 1731-мъ году въ генварѣ мѣсяцѣ записался въ вышеписанную Академію, въ которой и до днесь пребываетъ, и наукою произошелъ до реторики. Токмо онъ Михайла еще не женатъ, отъ роду себѣ имѣетъ 23 года. И чтобъ ему быть въ попа въ порученной по имянному Ея Императорскаго Величества указу извѣстной экспедиціи статскаго совѣтника Ивана Кирилова, онъ Михайла желаетъ. А расколу, болѣзни, и глухоты и во удесѣхъ поврежденія никакова не имѣетъ; и скорописъ пишетъ. А буде онъ въ семъ допросѣ сказалъ что ложно, и за то священнаго чина будетъ лишенъ, и постриженъ и сосланъ въ жестокое подначальство въ дальной монастырь».

(*подп.*) «Къ сему допросу Славеногреколатинской Московской Академіи ученикъ Михайло Ломоносовъ руку приложилъ».

«Въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію изъ прежней Каморъ-Коллегіи потребно извѣстіе: города Холмогоръ церкви Введенія пресвятыя Богородицы попъ Василей Дороѳеевъ и при немъ попѣ сынъ его Михайло во время переписи мужеска полу душъ при той церкви дѣйствительными ль написаны и колькихъ онъ Михайло лѣтъ? Сентября 4-го дня 1734-го года. № 931.—Секретарь Павелъ Протопоповъ. Канцелярист Алексѣй Морсочниковъ».

«А при отдачѣ въ Каморъ-Коллегію вышеписанной справки означенной Ломоносовъ сказалъ, что де онъ не поповичъ, но дворцовой крестьянской сынъ, о чемъ значитъ обстоятельно въ послѣдующемъ ево допросѣ».

«Рожденіемъ де онъ Михайло Архангелогородской губерніи Двинского уѣзду дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василья Дорофѣева сынъ, и тотъ де ево отецъ и по нынѣ въ той деревнѣ обрѣтается съ прочими крестьяны и положенъ въ подушной окладъ. А въ прошломъ 1730-мъ году декабря въ 9-мъ числѣ съ позволенія ономо отца ево отбылъ онъ Ломоносовъ въ Москву, о чемъ данъ былъ ему и пашпортъ (которой утратилъ онъ своимъ небреженіемъ) изъ Холмогорской воеводской канцеляріи за рукою бывшаго тогда воеводы Григорья Воробьева; и съ тѣмъ де пашпортомъ пришелъ онъ въ Москву и жилъ Сыскного приказу у подъячего Ивана Дутикова генваря до послѣднихъ чиселъ 731-го году, а до котораго имянно числа — не упомнитъ. И въ тѣхъ де числѣхъ подалъ онъ прошеніе Заиконоспасского монастыря архимандриту (что нынѣ преосвященный архіепископъ Архангелогородскій и Холмогорскій) Герману, дабы принятъ онъ былъ Ломоносовъ въ школу. По которому ево прошенію онъ архимандритъ ево Михайла принявъ приказалъ допросить, и допрашивать; а тѣмъ допросомъ въ Академіи показалъ, что онъ Ломоносовъ города Холмогоръ дворянской сынъ. И по тому допросу онъ архимандритъ опредѣлилъ его Михайла въ школы и дошелъ до риторики. А въ экспедицію съ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Кириловымъ пожелалъ онъ Михайло ѣхать самоохотно. А что онъ въ ставленическомъ столѣ сказался поповичемъ, и то учинилъ съ простоты своей, не надѣясь въ томъ быть притчины и препятствія къ произведенію во священство; а никто ево Ломоносова, чтобъ сказаться поповичемъ, не научалъ. А нынѣ онъ желаетъ по прежнему учиться во опой же Академіи. И въ семъ допросѣ сказалъ онъ сущую правду безъ всякія лжи и утайки; а ежели что утаилъ, и за то учинено бъ было ему Ломоносову, что Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія опредѣлитъ».

(*подп.*) «Къ сему допросу Михайло Ломоносовъ руку приложилъ».

«Въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію изъ Московской Славеногреколатинской Академіи представить къ пропз-

веденію во священство достойнаго и къ проповѣди слова Божія удобнаго и желающаго ѣхать въ извѣстную экспедицію съ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Кириловымъ тоя Академіи изъ учениковъ кромѣ представленнаго тоя жъ Академіи ученика Михайла Ломоносова, понеже онъ допросомъ показалъ, что онъ крестьянской сынъ. Ежели же и желающихъ не сыщется, то и о томъ подъ симъ подписать. — Секретарь Павелъ Протопоповъ. Канцелярист Алексѣй Морсочниковъ. Сентября 4-го дня 1734-го года».

«По справкѣ въ Московской Славяногреколатинской Академіи имѣется къ произвожденію во священство школы богословіи ученикъ Стефанъ Левитскій и онъ желаетъ ѣхать въ извѣстную экспедицію съ штатскимъ совѣтникомъ Иваномъ Кириловымъ; только де онъ еще ученія своего не окончалъ. А къ проповѣди слова Божія удобенъ ли, о томъ не извѣстно, понеже еще апробаціи не было. — Архимандритъ и ректоръ Стефанъ».

Левитскій былъ допрошенъ 5 сентября и на его допросѣ положена была резолюція: «велѣть бракомъ сочетаться и по женитьбѣ явиться къ посвященію въ попа». Но чрезъ 2 недѣли онъ объявилъ, что «за отдаленіемъ отъ Москвы оной Оренбурхской экспедиціи въ жену никто не дастъ» [1]).

Вслѣдствіе этого Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія опредѣлила вторично представить ученыхъ священниковъ, которые явились (въ количествѣ 10 человѣкъ: тѣ же 6 человѣкъ, что и 29 августа, и 4 новыхъ) 23 сентября и изъ числа которыхъ одинъ Замоскворѣцкаго сорока церкви Пятницы-Прощи (на Пятницкой улицѣ) священникъ Антипъ Мартиніановъ «предъ собра-

---

1) Съ Кирилловымъ изъ Славяногреколатинской Академіи поѣхали: 1) изъ синтаксіи ученикъ Алексѣй Пономаревъ «для вспоможенія священнику въ содержаніи школы»; о немъ просилъ Кириловъ 13 августа, опредѣленіе Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи состоялось 23 августа; и 2) для обученія ботаники, аптекарскому, лекарскому, живописному и другимъ наукамъ: а) изъ пінтики Ив. Побѣдинскій, б) изъ синтаксимы Мих. Некрасовъ, в) изъ грамматики Ал. Малиновкинъ и г) изъ фары Ив. Шереміперовъ; Кириловъ объ отпускѣ ихъ просилъ 8 августа; опредѣленіе состоялось 21 августа.

піемъ Синодальнаго члена съ засѣдающими объявилъ, что онъ въ Оренбурхскую экспедицію ѣхать желаетъ самоохотно».

Кириллова въ это время не было въ Москвѣ: онъ уже выѣхалъ изъ нея и 14 сентября 1734 г. отправилъ изъ Старой Рязани слѣдующее доношеніе, полученное въ Москвѣ 25 сентября:

«Святѣйшему Правительствующему Синоду доношеніе.

Хотя имѣлъ довольное попеченіе, чтобъ по силѣ имяннаго Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу со мною въ извѣстную экспедицію отправлен быль священникъ ученой для важныхъ резоновъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ быть надлежитъ, народъ махометанской и идолаторской, гдѣ могъ бы тотъ священникъ проповѣдь слова Божія имѣть и, ежели кто пожелаетъ принять святую православную каѳоликороссійскую вѣру, наставленіе чинить. Но по несчастію моему одинъ изъ школьниковъ Спасской школы, промоня многія недѣли, отрекся, другой изъ Кіевской школы въ сумнительныхъ остался, третій школьникъ же по вопросомъ явился изъ крестьянскихъ дѣтей; и тако безъ священника принужденъ ѣхать. А понеже по отъѣздѣ извѣстился я, что священникъ выбранъ быть имѣетъ изъ Московскихъ приходскихъ неволею съ жеребья, о чемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошу, дабы такого принужденія и жеребья не чинить, а объявить имъ: ежели кто самоизволно для такого Богу и государству полезнаго дѣла пожелаетъ ѣхать и будетъ оной по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода достоинъ, того отправить; а Ея Императорскаго Величества жалованья напередъ на годъ дается ему 200 рублевъ, да 4 ямскихъ подводъ съ прогоны и къ прожатію одинъ солдатъ, о чемъ въ Сенатскую Контору послалъ доношеніе. А какъ на Уфу и вновь въ назначенной городъ пріѣдетъ, тогда ему дастся хлѣбное жалованье со удовольствомъ и сверхъ того будетъ имѣть нарочитой доходъ, ибо въ командѣ моей больше 3000 человѣкъ военныхъ людей, и сверхъ того немалое число купечества будетъ. Буде же и на сіе охотника не явится или иного изъ школьниковъ не сыщется, въ такомъ случаѣ буду на первой случай доволенъ такимъ, какого мнѣ преосвященный

Казанской архіерей дастъ. Стацкой совѣтникъ Иванъ Кириловъ. Канцеляристъ Иванъ Сидоровъ. Сентября 14-го 1734-го. Старая Рязань».

Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія въ протоколѣ своемъ, подписанномъ 27 сентября, объ отправленіи къ Кириллову священника Антипы Мартемьянова между прочимъ писала: «а о ученикѣ Красилниковѣ и о протчихъ, которые за нѣкоторымъ препятствіемъ во священство не произведены, — предложить къ разсмотрѣнію». Объ этомъ «разсмотрѣніи» документы ничего не говорятъ. Въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ 1734 г. священникъ Мартемьяновъ выѣхалъ изъ Москвы къ Кириллову.

Объ отправленіи учениковъ славяногреколатинской Академіи, въ томъ числѣ и Ломоносова, изъ Москвы въ С.-Петербургъ 1735 г.[1]).

С. А. Бѣлокурова.

Ломоносовъ вмѣстѣ съ другими учениками Славяногреколатинской Академіи былъ высланъ въ Петербургъ для обученія въ Гимназіи, незадолго предъ симъ открытой при Академіи Наукъ, которая просила прислать такихъ людей, «которые столько научились, чтобъ съ нынѣшняго времени у профессоровъ лекціи слушать и въ вышнихъ наукахъ съ пользою произходить могли». Объ этомъ говоритъ слѣдующій «указъ Ея Императорскаго Величества самодержицы Всероссійскія изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію. Сего октября 15-го дня Святѣйшему правительствующему Синоду въ сообщенномъ Правительствующаго Сената вѣдѣніи объявлено: понеже де въ нынѣшнемъ 1735-мъ году Академія Наукъ требовала, чтобъ при оной учредить Семинарію изъ 30 человѣкъ шляхетныхъ юношей, дабы оныя современемъ государству полезныя услуги показывать могли, а на содержаніе и воспитаніе ихъ опредѣлить сумму 4.398 рублевъ 25 копѣекъ; и по тому доношенію подать о томъ Ея Императорскому Величеству докладъ, на которой указу еще не получено. А нынѣ та Академія въ Сенатъ требовала, чтобъ между тѣмъ изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ 20 человѣкъ чрезъ назначенныхъ къ тому отъ

---

1) Изъ дѣла архива Московской Сп. Синода Конторы 1735 г., № 337.

Аналогичное дѣло «О требованіи учениковъ съ Москвы 20 человѣкъ и на нихъ на опредѣленное жалованье суммы», 1735 г. — находится въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. 18, лл. 41—b35. *(Ред.)*.

Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ пыпѣшняго времени у профессоровъ лекціи слушать и въ вышнихъ наукахъ съ пользою произходить могли; а на содержаніе ихъ, такожъ на книги и платье, меньше изойти не можетъ 150 рублевъ на каждаго въ годъ, выключая при томъ потребныя книги, о которыхъ книжная лавка въ Сенатъ по всякой годъ счетъ подавать будетъ. И Правительствующій де Сенатъ приказали: по тому Академіи Наукъ допошенію изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ 20 человѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписатца ректору и учителямъ, и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію Наукъ, давъ имъ ямскія подводы, и на нихъ прогонныя деньги по указу, и въ дорогу имъ на кормъ по разсмотрѣнію; и о томъ де въ Москву въ Сенатскую Контору вѣдѣніе, а во Академію Наукъ указъ изъ Сената посланы. И сего жъ октября 29-го дня по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода велѣно: по вышеозначенному Правительствующаго Сената вѣдѣнію учащихся въ Московской Славеногреколатинской Академіи школьниковъ 20 человѣкъ, въ наукахъ достойныхъ, таковыхъ, какъ о нихъ во оном Сенатскомъ вѣдѣніи показано, объявленныхъ школъ ректору Спаскаго училищнаго монастыря архимандриту Стефану выбрать и съ надлежащимъ о наукахъ ихъ его ректорскимъ со учителями засвидѣтельствованіемъ объявить въ Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи; а той Канцеляріи для надлежащаго во оную Академію отправленія представить тѣхъ школьниковъ въ Контору Правительствующаго Сената немедленно. А Правительствующему Сенату объявить Святѣйшаго Правительствующаго Синода мнѣніе таковое, что онымъ ученикамъ, дабы оные во время дорожнаго отъ Москвы до Санктпетербурга проѣзда и по пріѣздѣ въ Санктпетербургъ до совершеннаго ихъ въ Академію Наукъ опредѣленія какъ во одеждѣ, такъ и въ пропитаніи своемъ не могли понести каковой нужды, надлежитъ дать изъ доходовъ Коллегіи Экономіи Синодальнаго Правленія, откуда имъ ученикомъ и

кормовыя деньги нынѣ въ дачу производятся, каждому по 5 рублевъ, да сверхъ того ямскія подводы и на пяхъ прогонныя деньги по указу; но понеже оной Коллегіи Экономіи доходы состоятъ подъ вѣдомствомъ болѣе Правительствующаго Сената, того ради достодолжное о томъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинено быть должествуетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ. И Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи о вышеписанномъ учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, а въ Правительствующій Сенатъ о томъ же Святѣйшаго Правительствующаго Синода вѣдѣніе сообщено, и къ вышереченному ректору Спасскаго училищнаго монастыря архимандриту Стефану указъ посланъ. Оберъ-секретарь Михайло Дудинъ. Секретарь Иванъ Муриновъ. Канцеляристъ Михайло Бѣляевъ. Октября 30-го дня 1735-го года. № 762».

Помѣта: «№ 1086. Полученъ и слушанъ ноября 5-го дня 1735-го года. Записавъ, взять въ повытье и о полученіи репортовать».

Такого же содержанія «вѣдѣніе» (отъ 31 октября) было получено Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріей изъ Конторы Правительствующаго Сената.

Академія представила въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію учениковъ 24-го ноября при слѣдующемъ доношеніи:

«Въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію доношеніе.

Указъ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода сего ноября -го дня 1735 году мнѣ нижеподписавшемуся прислапъ, въ которомъ написано: минувшаго октября 15-го дня въ сообщенномъ Святѣйшему Правительствующему Синоду Правительствующаго Сената вѣдѣніи объявлено: понеже де въ нынѣшнемъ 1735-мъ году Академія Наукъ требовала, чтобъ при оной учредить семинарію изъ 30 человѣкъ шляхетныхъ юношей, дабы оные современемъ государству полезныя услуги показывать могли, а на содержаніе и воспитаніе ихъ опре-

дѣлить сумму 4398 рублевъ 25 копѣекъ; и по тому допошенію подань о томъ Ея Императорскому Величеству докладъ, на которой еще указу не получено. А нынѣ де та Академія въ Сенатѣ требовала, чтобъ между тѣмъ изъ монастырей, гимназей и школъ въ здѣшнемъ государствѣ 20 человѣкъ чрезъ назначенныхъ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ нынѣшняго времени у профессоровъ лекціи слушать и въ вышнихъ наукахъ съ пользою происходить могли; а на содержаніе ихъ, такожъ на книги и платье меньше изойти не можетъ 150 рублевъ на каждаго въ годъ, выключая при томъ потребныя книги, о которыхъ книжная лавка въ Сенатъ по всякій годъ щетъ подавать будетъ. И Правительствующій де Сенатъ приказали: по тому Академіи Наукъ допошенію изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ 20 человѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться мнѣ и учителемъ; и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію Наукъ, давъ имъ ямскія подводы и на нихъ прогонныя деньги по указу, и въ дорогу имъ на кормъ по разсмотрѣнію; и о томъ де въ Москву въ Сенатскую Контору вѣдѣніе, а въ Академію Наукъ указъ изъ Сената посланы. И того жъ октября 29-го дня по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію Святѣйшаго правительствующаго Синода велѣно мнѣ нижеподписавшемуся: по вышеозначенному Правительствующаго Сената вѣдѣнію учащихся въ Московской Славяногреколатинской Академіи школьниковъ 20 человѣкъ, въ наукахъ достойныхъ, таковыхъ, какъ о нихъ въ оном Сенатскомъ вѣдѣніи показано, выбрать, и съ надлежащимъ о наукахъ ихъ со учительми засвидѣтельствованіемъ объявить въ Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи. По которому Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода указу изъ Московскихъ Славяногреколатинскихъ школъ ученики числомъ 12 выбраны, а имянно изъ богословіи: Василій Лебедевъ, Яковъ Виноградовъ, Яковъ Иссмѣяновъ, которіи сего 1735-го года въ сентябрѣ мѣсяцѣ по отправѣ философическаго курса въ богословію вступили; изъ философіи: Александръ Ча-

довъ, Димитрій Виноградовъ, Иванъ Голубцевъ, Михайло Ломоносовъ, что изъ риторики въ пынѣшнемъ же году перешли до философіи; изъ риторики: Прокопій Шишкаревъ, Симеонъ Старковъ и пінтики: Алексѣй Барсовъ, Михайло Коврипъ, Никита Поповъ, которымъ до упомянутыхъ школъ промоція учинена сего жъ года. А изъ вышшихъ годовъ богословіи ученики тѣ въ прошломъ 1734-мъ и проходящемъ 1735-мъ годѣхъ шіи уже женились и въ священники произведены, шіи своевольно отстали, а за неисправное ихъ житіе и ни къ чему неспособность и не искапы, нѣсколько же и пынѣ обрѣтается, пристойнаго уже себѣ мѣста ища. А достальныхъ еще 8 школьниковъ нѣтъ откуду выбрать, понеже въ вышеозначенныхъ школахъ учениковъ всѣхъ на лицо не много; а и между тѣми не вси въ понятности и надеждѣ равны и къ сей посылкѣ достойны. А въ прочіихъ меньшихъ школахъ, хотя не очень скудно, однако еще не таковы же, каковыхъ требуетъ Санктпетербургская Академія Наукъ. То, чтобъ въ Московской Славеногреколатинской Академіи не пришла нужда, не имѣя коея школы учениковъ, перестать и ученію тому, есть ли полное прописанное число выстатчить. А таковой малости школьниковъ, что въ вышшихъ школахъ, напаче въ философіи и богословіи, причина, что до тыхъ школъ мало доходятъ, понеже шіи посылаеми бываютъ въ Санктпетербургъ для обученія оріентальныхъ діалектовъ, и для Камчадальской экспедиціи, шіи въ Астарахань для наставленія Калмыковъ и ихъ языка познанія, шіи въ Сибирскую губерніію и съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Татищевымъ, шіи въ Оренбургскую экспедиціо и съ статскимъ же совѣтникомъ Иваномъ Кириловымъ, шіи же берутся и въ Московскую типографію, и въ Монетную Контору, многіи же и бѣгаютъ, которыхъ и сыскать невозможно; еще же суть, что и по разнымъ приказамъ принимаются, а искоміи укрываются. А отъ другихъ вопрошены: для чего бѣгаютъ, — говорятъ: искать де хлѣба и мѣста за времени, понеже де мало видимъ тыхъ, которіи по совершеніи теченія наукъ своихъ угодное какое пристанище получаютъ; болѣе же видимъ де, что, всѣ школы

проповъ, мѣста священническаго и самого убогого никакимъ образомъ добыться не могутъ, хотя и не стаетъ у многихъ церквей или приходовъ священниковъ, для того, что за тое мѣсто столько требуютъ денегъ, сколько они не имѣютъ. А что паче всего есть, что которіи ученики по многотрудныхъ въ фарѣ, пінтикѣ, грамматикѣ, синтактикѣ чрезъ 2, 3 и 4 лѣта около ихъ тщаніяхъ и прилежностяхъ въ пінтику уже, ритурику и Философію поступятъ, а остроумнѣйшіи и надежнѣйшіи покажутся, тотчасъ Московскія гоФпитали ученпками, яко своими друзьями, понеже изъ Московскихъ же греколатинскихъ школъ туды переведенными, для довольнѣйшаго, честнѣйшаго и свободнѣйшаго въ гоФпитали, нежели въ Академіи, ученическаго состоянія и содержанія удобно наговорены, указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Коллегіи Экономіи повсягодно въ Московскую гоФпиталь опредѣляются и отсылаются; а въ Московской Славенограмматической Академіи почти самое остается дрождіе. И потому о выборѣ изъ Московскихъ Славенограмматическихъ школъ достальныхъ еще 8 школьниковъ въ Санктпетербургскую Академію Наукъ Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія какъ соблаговолитъ? А вышепоказанніи выбранніи ученики въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію при семъ допошепіи за моею ректорскою и учителей ихъ руками и представляются. О семъ допоситъ Московской Славенограмматической Академіи ректоръ, Спасскаго училищнаго монастыря архимандритъ Стефанъ 1735-го году ноября дня. Архимандритъ и ректоръ Стефанъ. Философіи учитель и префектъ Антоній Кувѣчинскій. Реторики учитель Ѳеофилактъ Квістинцкій. Пінтики учитель Іона Лещинскій».

Помѣта: «№ 1153. Подано и слушано ноября 24-го дня 1735-го года. Записавъ, взять къ дѣлу».

Эти 12 учениковъ Славяногреколатинской Академіи (а въ томъ числѣ и Ломоносовъ) и были отправлены въ Петербургъ при промеморіи Коллегіи Экономіи Синодальнаго Правленія отъ 23 декабря 1735 г. (напечатана во II томѣ «Матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Наукъ», С.-Пб. 1886, стр. 840—841).

Опп прибылп туда 2 января 1736 г., но до конца года находились «какъ безъ ученія, такъ и безъ опредѣленія», какъ они писали въ октябрѣ мѣсяцѣ 1736 г. Только двое изъ нихъ: Виноградовъ и Ломоносовъ отправлены были въ Марбургъ и Фрейбергъ для обученія химіи и металлургіи (выбраны были еще въ началѣ марта: см. «Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ», т. III, С.-Пб. 1886, по указателю подъ словомъ: Академія Наукъ, особенно стр. 213, 239, 240, 249, 258; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII в.», собр. А. А. Куникомъ, ч. II, С.-Пб. 1865, стр. 229—230 и др. Ср. у графа Д. А. Толстого: «Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи», С.-Пб. 1885, стр. 8—9, и «Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи», С.-Пб. 1885, стр. 10).

Къ біографіи Ломоносова.

(Кто былъ «Христофоръ Зубицкій»?)

В. Н. Перетца.

Въ біографіи Ломоносова есть моменты, которые требуютъ нѣкотораго выясненія; это тѣмъ болѣе важно, что въ событіяхъ жизни великаго русскаго ученаго оказываются запутанными другія лица, роль которыхъ при современномъ состояніи біографическихъ данныхъ рисуется далеко не красивой и при томъ—едва ли заслуженно. Ниже мы намѣрены коснуться одного изъ такихъ эпизодовъ жизни Ломоносова и освѣтить его при помощи новаго матеріала.

Повидимому, въ самомъ началѣ 1757 г. среди петербургской публики начали циркулировать списки неизвѣстно кѣмъ написаннаго стихотвореннаго «пашквиля», озаглавленнаго «Умнъ бородѣ», какъ оказалось позже, принадлежащаго перу М. В. Ломоносова[1]). «Умнъ» понравился публикѣ и получилъ широкое распространеніе: до нашего времени сохранилось значительное количество списковъ его[2]). «Пашквиль» написанный очень бойко и по своему времени — недурными стихами, остро, хотя и грубовато, высмѣиваетъ — конечно, не бороду саму по себѣ, а привиллегированныхъ ея носителей въ Россіи XVIII в.— духовенство.

Правда, въ «Умнѣ» есть полемическіе выпады противъ «керженцевъ» (старообрядцевъ), противъ «сусвѣровъ», скачущихъ въ

---

1) См. П. Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. 205 и 603.
2) Сочиненія (изд. акад. Сухомлинова), т. II, примѣчанія.

пламя — самосожжещевъ, но строфа 6-я [1]) опредѣленно, хотя и иносказательно, указываетъ на «жрецовъ» — носителей бороды, а 8-я — говоритъ о ней, какъ о «завѣсѣ мнѣній ложныхъ», т. е. мнѣній, непріемлемыхъ наукой, за которую Ломоносовъ готовъ былъ бороться до крови съ обскурантами своего времени.

Въ слѣдующемъ за «Умомъ» стихотвореніи [2]), относящемся, повидимому, къ 1757 г., Ломоносовъ прямо задѣваетъ духовенство («Козлята малые родятся съ бородами. | Коль много почтены`опп передъ попами»...).

«Умъ» произвелъ настолько сильное впечатлѣніе на тогдашнее духовенство, что уже 6 марта 1757 г. послѣдовалъ докладъ св. Синода императрицѣ, въ которомъ Ломоносовъ обвинялся въ хуленіи таинства св. крещенія и ученія св. отцовъ, за что, по мнѣнію Синода, слѣдовало бы автора «пашквиля» наказать, а самый «пашквиль» сжечь подъ висѣлицею рукою палача [3]).

Жалоба эта не имѣла для Ломоносова никакихъ вредныхъ послѣдствій. Оффиціально дѣло кончилось. Но вскорѣ въ обращеніи среди той же читающей публики появились письма полемическаго характера, помѣченныя іюнемъ 1757 г. и трактующія тѣ же мотивы, что и докладъ. До сихъ поръ было извѣстно два такихъ письма: одно (*нач.* «Какъ я никогда не падѣюсь»..., писанное Христофоромъ Зубницкимъ неизвѣстному адресату, другое (*нач.* «Не довольно ли того»...) тѣмъ же Зубницкимъ къ Ломоносову [4]).

Въ литературѣ давно уже была высказана мысль, что Ломоносовъ въ своемъ «Умѣ» имѣлъ въ виду обличеніе раскольниковъ, и что лицо, писавшее упомянутыя письма, Христофоръ Зубницкій — никто иной, какъ В. К. Тредіаковскій. Но обладаемъ ли мы достаточными данными для такихъ утвержденій? Думается — нѣтъ.

По мнѣнію А. Н. Аоанасьева, хотя смыслъ этого пропзве-

---

1) Ibidem.

2) Ibid., стр. 141.

3) Исторія Имп. Академіи Наукъ, II, 603—604; Сочиненія Ломоносова, т. II, 165.

4) «Библіогр. Записки» 1859 г., № 15 и Сочиненія Ломоносова, т. II, прим., стр. 168—173.

денія, осмѣиваюшаго раскольничьи бредни, «не давалъ ни малѣйшаго основанія заподозрить его автора въ неблагопамѣренности», однако — «завистливый Тредіаковскій не упустилъ случая и постарался приписать гимну мнимое безнравственное значеніе, обвиняя Ломоносова въ совершеномъ безбожіи; онъ выступилъ противъ него со слѣдующимъ письмомъ подъ именемъ Христофора Зубицкаго»[1]). Слѣдуютъ два письма.

П. П. Пекарскій, касаясь интересующаго насъ вопроса, пишетъ: «Тредіаковскій съ горячностью взялъ на себя защиту осмѣянныхъ его соперникомъ бородъ и старался указать въ этомъ стихотвореніи на кощунство и неуваженіе къ вѣрѣ своего давняго литературнаго недруга. Подъ псевдонимомъ Христофора Зубицкаго, Тредіаковскій написалъ письмо, будто бы изъ Холмогоръ, отъ 15 іюля 1757 г., при которомъ приложилъ другое— къ Ломоносову, вмѣстѣ съ пародіею на Гимнъ бородѣ»...[2])

То же мнѣніе категорически повторяетъ М. И. Сухомлиновъ въ примѣчаніяхъ на «Умъ бородѣ»: «Давняя ненависть Тредьяковскаго къ Ломоносову нашла обильную пищу въ обвиненіи, взводимомъ со стороны духовенства, и Тредьяковскій, подъ псевдонимомъ Зубицкаго, излилъ свою желчь въ пространномъ письмѣ къ Ломоносову, присланномъ будто бы изъ Холмогоръ»[3]).

Итакъ, три авторитетныхъ мнѣнія согласны между собой. Повидимому и Ломоносовъ впалъ въ авторѣ доносительскихъ и бранныхъ писемъ Тредіаковскаго; въ отвѣтномъ стихотвореніи («Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль») онъ ясно намекаетъ на то, что Тредіаковскій и Зубицкій — одно лицо, упоминая о «синичкахъ» рифмующихъ съ «лисичками»[4]); но тутъ же читаемъ двусмысленный стихъ: «хоть ложной святостью ты бородой скрывался», который можно понимать такъ, что подъ Зубицкимъ Ломоносовъ разумѣлъ лицо, украшенное бородою.

---

1) «Библіогр. Записки», 1859 г., № 15, стр. 463.
2) Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. 205.
3) Сочиненія Ломоносова, т. II, стр. 168.
4) Сочиненія, т. II, стр. 142.

Обратимся къ документу, дважды напечатанному, но мало обращавшему на себя вниманіе изслѣдователей — къ докладу Синода императрицѣ 6 марта 1757 г.[1]). Члены Синода сразу поняли, что «пашквилянтъ подъ видомъ *яко бы на раскольника* крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ»; мало того—«въ глаза предъ синодальными членами таковыя ругательства и укоризны *на всѣхъ духовныхъ* за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь невозможно».... Упоминаетъ докладъ и о «другомъ таковомъ же пашквилѣ», въ которомъ авторъ «между многими уже явными духовному чину ругательствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтенѣйшими, нежели поповъ, ставитъ».... И, подводя итоги обвиненію,—докладъ опять таки опредѣленно квалифицируетъ стихотворенія Ломоносова, какъ «ругательство духовному чину»[2]). Такимъ образомъ, какъ авторъ, такъ и его адресатъ — прекрасно поняли другъ друга: одинъ — разумѣя подъ бородою, завѣсою ложныхъ ученій, обскурантизмъ духовенства, другіе — за видимыми нападками на старообрядцевъ — чувствуя гораздо болѣе язвительныя выходки противъ ихъ міропониманія и идеаловъ.

Обращаемся ко второму вопросу: можно ли отожествить Тредіаковскаго и Зубницкаго? Полагаемъ, что уже a priori это отожествленіе наталкивается на нѣкоторыя затрудненія: Зубницкій такъ жестоко обиженъ, въ его словахъ слышится столько личнаго и профессіональнаго озлобленія, что трудно допустить это отожествленіе. Попробуемъ поискать другое лицо, которое могло бы *такъ* писать о стихотвореніи Ломоносова, въ началѣ своемъ нѣсколько фривольномъ, но отнюдь не кощунственномъ.

Въ спискѣ стихотворенія, принадлежавшемъ А. М. Кни-

---

1) Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, 603—605 и Сочиненія Ломоносова, т. II, примѣч., стр. 165—167.

2) Ист. Имп. Академіи Наукъ, т. II, 603; Сочиненія, т. II, прим., 165—167.

жевичу [1]), «Умъ» имѣетъ заглавіе: «Стихи на архіепископа Кулябку, соч. г. Ломоносова». Кто былъ этотъ архіепископъ? — Архіепископъ С.-Петербургскій Сильвестръ Кулябка, родомъ украинецъ (р. 1701 г., ум. 17 апрѣля 1761 г.), былъ въ 1738 г. префектомъ, а въ 1740 г. ректоромъ Кіевской Академіи — до 1745 г., когда былъ назначенъ епископомъ Тверскимъ, а со 2 іюля 1750 г. состоялъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ и членомъ св. Синода [2]). Его подпись стоитъ первой подъ докладомъ, который мы только что цитировали. «Онъ почитался въ свое время славнымъ изъ россіянъ богословомъ» — пишетъ о немъ митр. Евгеній [3]); о поученіяхъ Сильвестра тотъ же историкъ отзывается: «они отличаются строгою нравственностью и разсудительностью». Между тѣмъ, тотъ же митр. Евгеній, такъ почтительно относящійся къ арх. Сильвестру, въ своихъ бумагахъ, хранящихся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, оставилъ намъ любопытное свидѣтельство, не только подтверждающее показаніе рукописи Княжевича, но ведущее насъ гораздо далѣе: освѣщающее и значительно дополняющее извѣстныя доселѣ обстоятельства дѣла. Остановимся на рукописяхъ митр. Евгенія.

Прежде всего отмѣтимъ, что въ бумагахъ митр. Евгенія, хранящихся въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ [4]), есть копія, половины XVIII в., писемъ «Зубницкаго», гдѣ на л. 86 читается слѣдующее: «Ломоносовъ написалъ пасквиль на Сильвестра архіепископа Петербургскаго, а это на него отвѣтъ. Пасквиль Ломоносова начинался такъ: «борода ты преглупая, жаль что ты не крещена»....; надпись эта сдѣлана рукою митр. Евгенія, авторитетнаго знатока литературныхъ и общественныхъ отношеній второй половины XVIII в., вѣроятно, знавшаго изъ хорошихъ источниковъ о «письмахъ Зубницкаго».

---

1) Сочиненія Ломоносова, т. II, прим., стр. 160.

2) Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Св. Правит. Синода (1721—1895 гг.), С.-Пб. 1896, стр. 9, № 75.

3) Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина, II, 1827 г. стр. 207.

4) И. И. Петровъ, Описаніе рукописей въ книгохр. г. Кіева, т. III, № 449 (603), по каталогу 1854 г.—№ 427, лл. 85—87.

Далѣе — идутъ самыя письма:

1) адресованное Ломоносову, *нач.*: «Не довольно ли того»... напечатанное неполно — Аѳанасьевымъ и полностью академикомъ Сухомлиновымъ [1]);

2) адресованное къ профессорамъ Миллеру и Поповскому — до сихъ поръ непзвѣстное въ печати, и

3) адресованное къ проф. Тредіаковскому (что̀ до сихъ поръ не было извѣстно), *нач.*: «Какъ я никогда не падѣюсь»..., изданное Аѳанасьевымъ и академикомъ Сухомлиновымъ [2]).

Списокъ, сохранившійся въ бумагахъ митр. Евгенія, замѣчателенъ между прочимъ потому, что въ немъ, что̀ очень важно для выдвигаемой нами гипотезы, — рѣзко сохранились черты малорусскаго акцента, пробивающагося въ своеобразной ороографіи писца: скри*в*ать, плоди, полезни*м*ъ, которія, ви*п*ущаетъ, би*в*аютъ, ви, и др. Въ виду того, что списокъ этотъ кромѣ того заключаетъ нѣкоторыя разночтенія съ опубликованными и содержитъ цѣлое второе письмо — еще непзвѣстное доселѣ — приводимъ здѣсь всѣ три письма полностью.

1. „Письмо къ профессору Ломоносову“.

«Государь мой!

«Не довольно ли того къ чести и награжденію ума человѣческаго, что произведеній онаго не можетъ остановпть никакая далность странъ и никакое время не [3]) можетъ ихъ подвергнуть неизвѣстности, хотя бы [4]) кто нарочно скривать [5]) оныя старался? Какъ ни за далную сторопу въ Россіи почитается отечество ваше, однако и тутъ сочиненіе, произшедшее [6]) от нѣкоего стихотворца и названное «*Имя бороды*» обще отъ всѣхъ читается; но та бѣда,

---

1) «Библіогр. Записки» 1859 г., № 15; Сочиненія Ломоносова, т. II, прим., стр. 169—173.

2) «Библіогр. Записки», ibid.; Сочиненія Ломоносова, ibid., стр. 168.

Варіанты (чисто ороографическіе -лъ -ль, ъ — ь, и — ї, большія и малыя буквы — опускаемъ).

3) С.; А.—*не* опущено. 4) СА. *бы*. 5) СА. скрывать. 6) А.; С. происшедшее.

что такіе плоди[1]) парящихъ умовъ тогда толко отъ всѣхъ съ похвалою приняти[2]) бываютъ, когда клонятся къ утвержденію общаго блага и къ протчимъ[3]) полезнимъ[4]) и пріятнимъ[5]) намѣреніямъ, которія[6]) въ разсужденіи общества могутъ быть безчисленны: противнимъ[7]) же образомъ, ежели для того толко въ свѣтъ випущаеми[8]) бываютъ[9]), чтобъ заводить раздори[10]) и посѣшествовать несогласіямъ, а особливо чтобъ извить хулніе[11]) свои мисли[12]) и богопротивное непочтеніе къ святости закона; то не толко не могутъ[13]) получить общей апробаціи, но еще болѣе заслуживаютъ отвращеніе и хулу, авторамъ же своимъ привлекаютъ ненависть, а часто бѣдственни[14]) и строгихъ казней причиною[15]) бываютъ[16]). Ежели терпеливно[17]) послушаете, государь мой, то я вамъ роскажу[18]), какой успѣхъ получилъ и вишепомянутій[19]) «Имя» въ здѣшней сторонѣ. Не могу вамъ донесть[20]), какимъ образомъ и от кого изъ Санктпетербурга сюда онъ прислан; но то правда, что всѣ оной[21]) почли за чудную нѣкоторую рѣдкость и съ великою поспѣшностью начали списывать[22]), другъ передъ другомъ читали и другъ[23]) друга спрашивали объ немъ мнѣнія. Мнѣ не случилось слишать[24]), чтобъ кто хотя мало въ пользу сочинителя сказалъ, а всѣ обще говорили, что такое безпутное сочиненіе отъ добраго человѣка, колми паче отъ христіанина произойти не можетъ. Вы знаете какъ земляки ваши къ закону почтителни[25]). Между протчими[26]) попался тотъ «Имя» въ руки одному изъ моихъ знакомцовъ[27]), человѣку такому, которій[28]) крайне ненавидитъ всякое нестроеніе въ[29]) обществѣ и слѣдовательно вводящимъ оное невеликій пріятель: что жъ до закону[30]) касается, то почитая оной[31]) безъ суевѣрія, отвращается онъ отъ

---

1) СА. *плодм.* 2) СА. *приняты.* 3) СА. *прочимъ.* 4) СА. *полезнымъ.* 5) СА. *пріятнымъ.* 6) СА. *которыя.* 7) СА. *противнымъ.* 8) СА. *выпущаемы.* 9) СА. *бываютъ.* 10) СА. *раздоры.* 11) СА. *хульныя.* 12) СА. *мысли.* 13) А. *помогутъ.* 14) СА. *бѣдственны.* 15) А. *притчиною.* 16) СА. *бываютъ.* 17) А. *терпѣливо.* 18) СА. *разскажу.* 19) С. *вышепомянутый*; А. *вышепомянутой.* 20) А. *доказать.* 21) С. *оный.* 22) СА. *списывать.* 23) С. доб. *у.* 24) СА. *слышать.* 25) С. *почтительны*; А. *почитательны.* 26) С. *прочими.* 27) С. *знакомцевъ.* 28) СА. *который.* 29) СА. *во.* 30) С. *закона.* 31) С. *оный.*

всѣхъ тѣхъ, которіе[1]) тотъ презираютъ и стараются находить въ немъ что нибудь смѣшное къ великому другихъ соблазну и развращенію. Это было въ компаніи, что онъ помянутій[2]) имя получилъ и по прочтеніи онаго узнавши автора, какъ будто по ступени Геркулеса, съ видомъ нѣкоторой ревности началъ говорить: лучшаго де ничего нѣлзя[3]) ожидать отъ безбожнаго сумозброда[4]) и пяницы[5]). Недоволно того, что сей негодной[6]) ярыга[7]) ходя по разнымъ[8]) домамъ и компаніямъ въ разговорахъ[9]) употребляетъ всякіе[10]) насмѣшки и ругательства благочестивому закону нашему, что презираетъ уставы[11]) онаго и все то ни во что вмѣняетъ, что добрые люди, родившіеся въ христіанствѣ, за святое и спасителное почитаютъ, не доволно и того, что онъ безъ разбору на весь духовной[12]) чинъ вездѣ, какъ песъ, ластъ; онъ уже[13]) и писменія[14]) противу таинствъ вѣри[15]) нашея и святости закона глумленія и ругательства употребить отважился. Не думайте, господа, продолжать онъ рѣчь, чтобъ одной (л. 85 об.) толко[16]) бородѣ поруганіе здѣлать онъ намѣрился: нѣтъ, его безбожное намѣреніе было[17]), чтобъ намъ смѣшнымъ[18]) представить и весь законъ нашъ. Возмите толко въ разсужденіе одно то[19]) къ какимъ непотребнымъ[20]) изображеніямъ примѣняетъ онъ[21]) тайну святаго крещенія, тайну посредствомъ которыя мы ожидаемъ будущаго блаженства! Или что онъ разумѣетъ чрезъ завѣсу ложныхъ[22]) мнѣній? Не ученіе ли, предлагаемое намъ въ священномъ писаніи и догматѣхъ[23]) церкви нашея, преданное намъ чрезъ великихъ оныя учителей и проповѣдуемое[24]) отъ ихъ преемниковъ[25]), которіе[26]) намъ другихъ мнѣній сообщать не могутъ и не должни[27]),

---

1) СА. которые. 2) СА. помянутый. 3) СА. нельзя. 4) С. сумасброда, А. сумазброда. 5) СА. пьяницы. 6) С. негодный. 7) СА. ярыга. 8) СА. разнымъ. 9) А. въ *разговоры*. 10) СА. всякія. 11) СА. уставы. 12) СА. духовный. 13) А.—«*дно*» (рук.), издатель читаетъ—«*еще*». 14) СА. письменныя. 15) СА. вѣры. 16) А. добавл. «*Имя*[*ом*]*ъ*», въ [ ] доб. издателемъ. 17) СА. было. 18) СА. смѣшнымъ. 19) Далѣе въ А до словъ: «что онъ разумѣетъ» — выпущено издателемъ. 20) С. непотребнымъ. 21) Въ С. доб. далѣе «*здѣсь*». 22) СА. ложныхъ. 23) СА. *догматахъ*. 24) А. *проповѣданное*. 25) А. пріемниковъ. 26) СА. которые. 27) СА. должны.

кромѣ тѣхъ, которымъ [1]) они оттуда научились? Возможно ли таковія мнѣнія [2]) назвать ложними [3]) человѣку, не отрекшемуся совѣсти, честности и вѣри [4])? Чтожъ [5]) просто и собственно до бороди [6]) касается [7]), то не думайте, господа, чтобъ я толь ревностній [8]) онія [9]) защитникъ былъ [10]); я и самъ держусь старой латинской пословици [11]), что борода не дѣлаетъ философа: однако между бородою и бородою надлежитъ имѣть различіе [12]). Раскольщики [13]) наши, которихъ [14]) бородъ [15]) для прикритія [16]) толко злаго своего намѣренія нѣсколко коснулся пяной [17]) сочинитель Имна, носятъ оную по упрямству, по предувѣренію [18]) и нѣкоторому ложному падѣнію въ полученіи спасенія: а напротивъ того, духовной [19]) нашъ чинъ носитъ оную по древнему церковному узаконенію и обыкновенію [20]), послѣдуя въ томъ и нѣкоторимъ [21]), хотя внѣшнимъ видомъ, подобясь первоначалнику вѣри [22]) нашея и святимъ [23]) его послѣдователямъ, которихъ [24]) видъ носятъ и саміе [25]) высочайшіе [26]) власти за честь себѣ вмѣняли, не имѣя при томъ объ ней никакого мнѣнія, которое другимъ моглобъ служить къ предосужденію. Изъ чего слѣдуетъ, что борода въ однихъ толко расколщикахъ [27]) презрѣнія и смѣха достойна, а напротивъ того въ духовномъ чинѣ никакимъ образомъ того не заслужила, тѣмъ менше въ разумнихъ [28]) и незазорнаго житія духовнихъ [29]) людяхъ. Но сего, какъ видите, сумозбродній [30]) стихотворецъ не разбирая ругаетъ генерално бороду, и слѣдователно всѣхъ тѣхъ, которіе [31]) оную имѣютъ и имѣли. Впротчемъ [32]) нелзя лучше [33]) заплатить сему продерзкому [34]) безбожнику, какъ сей же самой [35]) имъ переворотить [36]) и вмѣсто

---

1) СА. которымъ. 2) СА. таковыя мнѣнія. 3) СА. ложными. 4) СА. вѣры. 5) Рук. А — «чтобъ», изд. исправл. «чтожъ» = С и К. 6) СА. до бороды. 7) Рук. А. «*касающимся*», изд. исправляетъ = С, К. 8) СА. ретостный. 9) СА. онія. 10) СА. былъ. 11) СА. пословицы. 12) СА. *различіе*. 13) А. *раскольники*. 14) СА. которыхъ 15) СА. *бороды*. 16) СА. прикрытія. 17) СА. *пьяной*. 18) С. *по предвѣрію*; А. — «по суевѣрію» — попр. издателемъ, въ рукоп. «по предверію», = С. 19) СА. духовный. 20) СА. обыкновенію. 21) СА. нѣкоторымъ. 22) СА. вѣры. 23) СА. святымъ. 24) СА. которыхъ. 25) СА. *самыя*. 26) СА. высочайшія. 27) А. *раскольникахъ*. 28) СА. разумныхъ. 29) СА. духовныхъ. 30) С. *сумасбродный*; А. *сумазбродный*. 31) которые. 32) СА. Впрочемъ. 33) СА. лутче. 34) С. *продерзскому*. 35) С. *самый*. 36) А. *переводить*.

бороди[1]) описать пяную[2]) его голову со всѣми ея природними[3]) свойствами, коп би[4]) намъ его живо представляли. Жаль толко, что всѣхъ его добродѣтелей в такъ короткомъ сочиненіи описать неможно. Однако, по чести васъ, господа, увѣряю, что онъ точно таковъ, каковъ будетъ описанъ, придавъ толко то, что несравненно хуже и несноснѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели въ описаніи. Повѣрте, что онъ столко подлъ духомъ, столко высокомѣренъ мислями[5]), столко хвастливъ на рѣчахъ, что нѣтъ такой низкости, которой би[6]) не предпріялъ ради своего малѣйшаго интересу[7]), на примѣръ, для чарки вина. Однако я ошибся: это его найболшій интересъ. Нѣтъ въ свѣтѣ и не бивало такого[8]) человѣка, котораго бъ онъ хотя въ малую цѣну противъ себя поставилъ. Не великъ предъ нимъ Картезіи, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новими[9]) и толь въ свѣтѣ прославленими[10]) ихъ изисканіями[11]): онъ всегда за лучшія и важнѣйшія свои почитаетъ являемія[12]) въ миръ откровенія, которими[13]) не толко никакой ползи[14]) отечеству не приноситъ, но еще напротивъ того вредъ и убытокъ[15]), употребляя на оныя немалые[16]) казенные[17]) росходи[18]), а напослѣдокъ вмѣсто чаемой похвали[19]) и удивленія отъ ученихъ[20]) людей заслуживая хулу и поруганіе: чему свидѣтелемъ быть[21]) могутъ «Лейпцигскіе Комментаріи». Во всѣхъ наукахъ и во многихъ языкахъ[22]) почитаетъ онъ себя совершеннимъ, хотя[23]) о нѣкоторихъ весма средственное, а о другихъ никакого понятія не имѣетъ. Совсѣмъ тѣмъ, ежели кто незнающій ученихъ[24]) (л. 86) шарлетановъ его послушаетъ, легко повѣрить можетъ, что онъ въ свѣтѣ первый полигисторъ. Правда, что стихотворствомъ[25]) своимъ, и то на одномъ русскомъ языкѣ[26]), могъ би[27]) онъ получить нѣкоторую похвалу,

---

1) СА. бороды. 2) СА. пьяную. 3) СА. природными. 4) СА. бы. 5) СА. мыслями. 6) СА. бы. 7) СА. интереса. 8) Въ А.—опущено. 9) СА. новыми. 10) С. прославленными; въ А. — ошибка: «*православными*». 11) СА. изысканіями. 12) СА. являемыя. 13) СА. которыми. 14) СА. пользы. 15) СА. убытокъ. 16) СА. немалые. 17) СА. казенные. 18) СА. расходы. 19) СА. *хвалы*. 20) СА. ученыхъ. 21) СА. быть. 22) СА. языкахъ. 23) Въ А. далѣе и до слова «понятіи» — все выпущено. 24) СА. ученыхъ. 25) Въ А. «*съ ними хитрствомъ*» — явно невѣрное чтеніе неразобр. слова. 26) СА. языкъ. 27) СА. *би*.

ежели бъ не помрачалъ [1]) оной пьянствомъ [2]) и негоднымъ [3]) поведеніемъ. Таковія [4]) суть свойства славнаго сего бороди [5]) описателя, которія [6]) завтра я вамъ, господа, на стихахъ представить потщуся [7]). Оные хотя не красни [8]) будутъ слогомъ и не такови, каковыхъ бы [9]) заслужилъ авторъ, ибо Горацій, Персій [10]) и Ювеналъ добродѣтелей его по достоинству описать не могутъ, однако въ изображеніяхъ справедливы [11]). На завтрешній день онъ и подлинно [12]) то здѣлалъ [13]), и пришедши въ компанію причиталъ свой Имя въ слухъ предъ всѣми. Смѣялись болше, нежели какъ надобно, и всѣ обще разсуждали, что нехудо бъ оной [14]) сообщить сочинителю «Имна бородѣ», но авторъ имъ отвѣчалъ, что онъ къ нему самому [15]) послать [16]) не хочетъ, а другихъ знакомцовъ [17]) въ Санктпетербургѣ [18]) не имѣетъ, коп бы [19]) ему сообщили. Всѣ напали на меня, чтобъ я взялъ на себя сію коммиссію, будучи извѣстни [20]), что я нѣсколко знакомъ вамъ, государю моему, какъ главѣ россійскихъ стихотворцовъ [21]), а [22]) при томъ и [23]) протчимъ ученимъ [24]) людямъ. Не могъ я имъ въ томъ отказать, не показавши по себѣ, что и я пріятствую тако непотребному сочиненію [25]), каково [26]) есть «Имя [27]) бородѣ». Итакъ, сообщаю вамъ при семъ «Передѣтую бороду или имя пяной [28]) головѣ», съ такою просбою, чтобъ, ежели вамъ знакомъ авторъ часто помянутого [29]) имна, оній [30]) ему сообщили: Не пріѣдетъ [31]) ли онъ хотя такимъ образомъ въ раскаяніе, и не отстанетъ ли от такихъ вредныхъ [32]) обществу сочиненій и худыхъ [33]) своихъ поступокъ: однако, прежде сообщенія ему, проситъ авторъ, чтобъ [34]) вп [35]) сей Имя высмотрѣли и по извѣстной вашей къ стихотворству способности что нибудь въ по-

---

1) А. помрачилъ. 2) СА. пьянствомъ. 3) СА. негоднымъ. 4) СА. таковыя. 5) СА. бороды. 6) СА. которыя. 7) СА. потщусь. 8) СА. красни. 9) Въ СА. — испорч. чтеніе: *«и не таковыхъ бы»*... 10) А. Персеи. 11) С. справедливо; А. справедливы. 12) СА. подлинно. 13) СА. сдѣлалъ. 14) С. оныи. 15) Въ А. опущено. 16) СА. посылати. 17) С. знакомцевъ. 18) С. Петербургѣ. 19) СА. бъ. 20) СА. извѣстны. 21) С. стихотворцевъ. 22) СА. *и*. 23) Въ А. опущено. 24) СА. прочимъ ученымъ. 25) А. — *случаю*. 26) С. коково; А. — каковъ. 27) А. Имни. 28) СА. пьяной. 29) СА. часто помянутаго. 30) СА. оныи. 31) СА. придетъ. 32) СА. вредныхъ. 33) СА. худихъ. 34) СА. чтобы. 35) СА. вы.

хвалу пяной[1]) головѣ прибавили, которія[2]) и неописанія[3]) здѣсь добродѣтели вамъ можетъ быть[4]) извѣстно. Ежели же[5]) онъ имени своего въ свѣтъ не явилъ[6]) и вамъ непзвѣстенъ, то имѣя власть и силу въ канцеляріи Академіи Наукъ, велите напечатать сей имя въ «Ежемѣсячныхъ[7]) Сочиненіяхъ»: тутъ онъ самъ себя, какъ въ зеркалѣ увидитъ. Кѣмъ пребываю[8]) и пребуду съ подобающимъ почтеніемъ.

Вашъ и прочч.[9])

Изъ Колмогоръ[10])
іюля дня
1757.

Одновременно авторъ приведеннаго письма, — по нашему предположенію архіеп. Сильвестръ, — отправилъ два другія. Извлекаемъ ихъ изъ рукописи по порядку — сначала еще *не бывшее въ печати.*

2. „Писмо къ профессорамъ Миллеру и Поповскому".

Государь мой!

Благосклонность, съ которою вы принимаете сообщаемые къ «Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ» разные піесы не могла непзвѣстна быть и в толь отдаленныхъ странахъ Россіи. Авторъ разсѣяннаго повсюду «Имна бородѣ», какъ во многихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь сискалъ себѣ подражателя, которій есть одинъ изъ моихъ знакомцовъ; чтобъ заплатить сему продерзкому стихотворцу за толь не потребное его, а обществу и закону вредителное сочиненіе, не взбралъ онъ лучшаго способа, какъ чтобъ мечь его оборотить на егожъ самаго голову и здѣлать другой имнъ, подъ именемъ «передѣтой бороды», описавъ въ ономъ всѣ хорошія того качества; но чтобъ по отдаленности сей стороны не остался трудъ его въ

---

1) СА. пьяной. 2) СА. которыя. 3) СА. неописанныя. 4) СА. быть. 5) А. *жъ.* 6) СА. *объявилъ.* 7) СА. Ежемѣсячныхъ. 8) СА. пребываю. 9) Въ СА. указаніе мѣста и дата отсутствуютъ. 10) Въ СА. этого нѣтъ.

непзвѣстности, совѣтовали ему пріятели послать оной въ Санктпетербургъ къ нѣкоторымъ славнымъ стихотворцамъ, которіе, можетъ бытъ, сочинителя перваго имна знаютъ и сей ему по пріятству показать могутъ, а особливо сообщить Вамъ и вашему товарищу для изданія онаго на свѣтъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ». Онъ не имѣя самъ знаемости въ Санктпетербургѣ положилъ сію коммисію на меня, почему я васъ, Государя моего такъ какъ и сотрудника вашего, прошу опредѣлить мѣсто въ вашихъ книгахъ такому сочиненію, которое кромѣ явныхъ пороковъ никого не ругаетъ: ибо ежели по происшемуся здѣсь слуху автору «Имна бородѣ» можно было требовать, чтобъ оной въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» напечатанъ былъ, то тѣмъ съ большею смѣлостію можетъ того требовать сочинитель «Имна пяной головѣ», которій съ нею толко одного и развѣдывается, не употребляя никакихъ насмѣшекъ и ругателствъ закону и тайнамъ вѣри, но паче оные защищая. Ежели жъ вамъ самимъ сумнительно будетъ оной напечатать, то прошу учинить то хотя съ докладу академической канцеляріи. Присутствующій во оной пріятель мой, многомощный господинъ совѣтникъ Ломоносовъ, уповаю, вамъ будетъ въ семъ хорошомъ дѣлѣ способствовать, ибо и къ нему такой же списокъ имна сообщенъ при особливомъ писмѣ, съ котораго вамъ для вѣроятности при семъ сообщаю копію. Можетъ быть, ви и оное печатать удостоите. Въ протчемъ будучи надежень, что ви автору сего имна честь, а моей прозбѣ снисхожденіе здѣлаете пребиваю съ должнимъ почтеніемъ.

Изъ Колмогоръ
іюля дня 1757.

Такимъ образомъ, авторъ обоихъ вышеприведенныхъ писемъ устраивалъ дѣло такъ, что и Ломоносову, и академической Канцеляріи, и редакторамъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» сдѣлались извѣстными не только «Имя пьяной головѣ», но и бранное письмо по адресу Ломоносова.

Третье письмо, сохранепное намъ рукописью изъ коллекціи митр. Евгепія — и извѣстное рапѣе Аоанасьеву и Сухомлинову *безъ* надписанія — адресовапо Тредіаковскому, что̀ въ значительной мѣрѣ служитъ подтвержденіемъ выставленной нами выше гипотезы. Приводимъ и это письмо по Кіево-Софійскому списку (л. 87) съ варіантами изъ двухъ, рапѣе опубликованныхъ.

3. „Писмо къ профессору Тредіаковскому“ [1]).

Государь мой!

Какъ я никогда не надѣюсь, чтобъ вп [2]) какое нибудь участіе принять хотѣлп во всемъ томъ, что только касается предосужденія [1]) благочестиваго нашего Закона, такъ и [2]) не сумнѣваюсь, чтобъ [3]) приложенный при семъ имя [4]) вамъ пріятенъ не былъ [5]); уповаю, довольно извѣстно вамъ, какимъ удаленнимъ [6]) отъ всякія чести и совѣстп образомъ авторъ непотребнаго «Имна [7]) бородѣ» явилъ безбожное свое памѣрепіе и желаніе, чтобъ обругать христіянское [8]) ученіе и таинства вѣри [9]) нашел къ немалому однихъ соблазну и развращенію, а другихъ сожалѣнію и ревности. Хотя, правда, къ отвращенію таковихъ [10]) продерзостей наилучшее бъ средство бить [11]) могло; чтобъ въ примѣръ другимъ [12]) удостоить сего ругателя публичнимъ [13]) наказаніемъ: однако, пока то здѣлается [14]), не худо безбожпія его мнѣнія и разглашепія отражать другими способами. Въ семъ то памѣрепіп одинъ изъ моихъ знакомцовъ [15]) передѣлалъ помянутой [16]) его имп [17]) на свой строй и просилъ мепя какъ къ прочимъ [18]) въ стихотворствѣ искуснимъ [19]) людямъ, такъ и къ вамъ, Государю моему, въ Санктпетербургъ послать въ такомъ упованіи, что ежели въ «Ежемѣсячнихъ [20]) Со-

---

1) Въ СА. заглавія нѣтъ. 2) СА. пы. 1) СА. *къ предосужденію.* 2) СА — опущено. 3) СА. *что и.* 4) А. *Гимнъ.* 5) СА. былъ. 6) СА. удаленнымъ. 7) А. *Гимпа.* 8) СА. христіанское. 9) СА. вѣры. 10) СА. таковыхъ. 11) СА. быть. 12) СА. *другихъ.* 13) СА. публичпымъ. 14) СА. сдѣлается. 15) СА. знакомцевъ. 16) С. помянутый. 17) А. *Гимнъ.* 18) СА. прочимъ. 19) СА. искуснымъ. 20) СА. Ежемѣсячпыхъ.

чиненіяхъ» опой [1]) напечатаютъ, о чемъ я къ господамъ издателямъ оныхъ [2]) съ прозбою [3]) писалъ, то ви [4]) довольній [5]) спщете [6]) случай сообщить тотъ вашимъ пріятелямъ и протчимъ [7]), лучшее къ вѣрѣ своей, нежели описатель бороди [8]) почтеніе имѣющимъ. Я о сей же матеріи писалъ и [9]) къ Господину совѣтнику Ломоносову и для куріозности сообщаю вамъ копію моего писма. Думаю, что и онъ со своей стороны [10]) приложитъ стараніе о напечатаніи или о разглашеніи онаго. Въ протчемъ [11]) есмъ [12]) съ должнимъ [13]) почтеніемъ [14]).

Изъ Колмогоръ [15])
іюля [16]) дпл
1757.

Изслѣдуя стиль приведенныхъ писемъ, мы должны признать, что всѣ они написаны въ одной манерѣ и принадлежатъ одному лицу. Но былъ ли этимъ лицомъ, Христофоромъ Зубницкимъ, какъ оно именуется въ опубликованныхъ спискахъ—Тредіаковскій? Уже сразу, при чтеніи перваго и второго письма, бросается въ глаза полное несоотвѣтствіе запутаннаго, мелочно придирчиваго стиля Тредіаковскаго съ спокойнымъ, холодно отточеннымъ, полнымъ ироніи и сарказма стилемъ приведенныхъ писемъ. Надписаніе послѣдняго, третьяго — указываетъ на то, что Тредіаковскій, какъ извѣстный литературный противникъ Ломоносова,—также получилъ пародію на «Имя бородѣ» и приглашался къ разглашенію ея. Страннымъ было бы предположеніе, что онъ самъ себѣ адресовалъ это письмо, повторяющее мотивы предыдущихъ.

Варіанты, собранные нами — большею частью орографическіе—свидѣтельствуютъ, конечно, прежде всего о языкѣ писца. Но самый фактъ занесенія на бумагу — и притомъ въ опредѣ-

---

1) СА. *онаго не.* 2) СА. оныхъ. 3) СА. съ просьбою. 4) СА. вы. 5) СА. довольный. 6) С. *сыщете*, А. *сыщить.* 7) СА. прочимъ. 8) СА. бороды. 9) Въ СА. *и* нѣтъ. 10) СА стороны. 11) СА. Впрочемъ. 12) СА. есмь. 13) СА. должнымъ. 14) Въ СА. — подпись: «*Вашъ покорный слуга Христофоръ Зубницкій*». 15) А. Холмогоръ. 16) С А. — далѣе дата: «*15*».

ленномъ порядкѣ — этихъ писемъ украинцемъ свидѣтельствуетъ о его исключительномъ интересѣ къ литературнымъ дрязгамъ его времени. Мы лишены возможности утверждать, что списокъ Кіево-Софійскаго собора — автографъ архіеп. Сильвестра, но можно думать, что отъ него скорѣе, чѣмъ отъ Тредіаковскаго, неизвѣстный намъ писецъ-украинецъ могъ получить копіи *трехъ* писемъ, изъ коихъ великорусской публикѣ были извѣстны *только два*.

Кромѣ того, Тредіаковскій, какъ добровольцъ, могъ бы невольно избѣгнуть тѣхъ *совпаденій* въ выраженіяхъ писемъ съ докладомъ Синода, въ составленіи коего принималъ несомнѣнное участіе первоприсутствующій его членъ. А эти совпаденія повторяются самымъ послѣдовательнымъ образомъ.

Докладъ Синода:	**Письма:**
1) «.... *ругательства генерално* на всѣхъ персонъ»...	«.... не разбирая *ругает генерално* бороду» (I-е).
«.... ругательства и укоризны *на всѣхъ духовныхъ*»...	«.... *на весь духовной чинъ* вездѣ, какъ песъ лаетъ» (I-е).
«.... *духовному чину ругательствы*»...	
«.... *к ругательству духовнаго чина* явный поводъ»...	«... великія насмѣшки и *ругательства*» (I-е).
2) «.... *совѣсти и честности* христіанъ противныя».	«... удаленнымъ отъ всякія *чести и совѣсти* образомъ» (III-е).
	«... не отрекшемуся *совѣсти честности* и вѣры» (I-е).
3) «... *Тайну святаго крещенія ... богопротивно обругалъ*».	«... чтобъ *обругать и таинства* вѣры нашея»... (III-е).
	«... примѣняетъ онъ *тайну св. крещенія*»... (I-е).
«... кощунству *святыхъ таинъ*»...	«... худшіе свои мысли и *богопротивное* непочтеніе къ святости закона»... (I-е).
«... всѣхъ святыхъ отецъ	

ученія и преданія еретически похулилъ».	«... писменнія противу таинствъ вѣри нашея и святости закона глумленія» (I-е).
4) «О *таковомъ* вовся *непотребномъ сочиненіи*»...	«... *толь непотребному сочиненію*» (I-е).
	«... за *толь непотребное* его а обществу и закону вредительное *сочиненіе*» (II-е).
5) «... Пашквилянтъ *подъ видомъ якобы на расколниковъ*»...	«... *Расколщики* (вар. *расколники*) наши, *которихъ бородъ для прикритія толко злаго своего намѣренія* нѣсколько коснулся пяной сочинитель»... (I-е).
6) «... *жестокія казни* хулителямъ закона и вѣры...; пасквилей сочинителей наказывать, а пасквилныя писма чрезъ палача подъ висѣлицею жечь узаконено...»	«... авторомъ же своимъ привлекаютъ ненависть а часто бѣдственни *и строгихъ казней* причиною биваютъ» (I-е).

Повтореніе мотивовъ доклада и отдѣльныхъ его выраженій въ письмахъ—и не въ одномъ, а во всѣхъ трехъ—нельзя считать случайнымъ и незначительнымъ. Возможно, конечно, предположеніе, что авторъ писемъ воспользовался докладомъ, какъ канвой для своихъ нападокъ, имѣя его въ рукахъ. Но этому противорѣчитъ одно немаловажное обстоятельство: Тредіаковскій былъ искони не въ ладахъ съ св. Синодомъ; въ Москвѣ, по возвращеніи его изъ-за границы, духовныя лица встрѣтили его «очень подозрительно» [1]) и пытались припутать его къ дѣлу по обвиненію въ отрицаніи Бога [2]); псальмы, имъ сочиненныя, считались нѣкото-

1) П. Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, 29.
2) Ibidem, т. II, 30.

рыми представителями духовенства за еретическія [1]) и т. п. Если объ этомъ Тредіаковскій къ 1757 году забылъ, то въ его душѣ должны были быть свѣжи непріятности съ св. Синодомъ по поводу представленнаго имъ стихотворнаго перевода Псалтири, о напечатаніи котораго онъ тщетно просилъ въ 1755 г. Академію Наукъ и въ 1757 (апрѣль) — св. Синодъ [2]). Но его стихотворная Псалтирь такъ и осталась Синодомъ не напечатанной [3]). Трудно допустить, чтобы Тредіаковскій, столь самолюбивый — вспомнимъ его жалобы на Сумарокова и издателей «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» — сталъ сразу послѣ отказа запискивать передъ Синодомъ, такъ нелюбезно отнесшимся къ его пінтическимъ упражненіямъ.

Мы пересмотрѣли вопросъ о принадлежности писемъ Христофора Зубницкаго перу Тредіаковскаго, принявъ во вниманіе данныя историческія, историко-литературныя; отмѣтили, въ связи съ находкой третьяго письма, характерныя черты стиля, не позволяющія признать авторомъ писемъ Тредіаковскаго и, напротивъ, родящія анонимнаго автора съ авторомъ синодскаго доклада, подписаннаго членами св. Синода съ архіепископомъ Сильвестромъ Кулябкою во главѣ; приняли во вниманіе, наконецъ, показанія рукописи Княжевича и особенно Кіевской рукописи, освященное авторитетомъ митр. Евгенія. Въ итогѣ, какъ намъ кажется, нѣтъ болѣе основаній настаивать какъ на единственно возможномъ авторѣ — на Тредіаковскомъ, тѣмъ болѣе, что его авторство ничѣмъ не доказано ни Аѳанасьевымъ, ни Сухомлиновымъ. Что же касается возможнаго автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ «Христофора Зубницкаго», то много вѣроятія имѣетъ высказанное нами выше предположеніе, что этимъ авторомъ былъ Сильвестръ Кулябка, и весь инцидентъ, говоря словами синодскаго доклада, «какъ изъ слогу признавательно, не отъ простаго,

---

1) Ibid., стр. 37.
2) Ibid., стр. 203—205.
3) См. наши «Изслѣдованія и матеріалы», т. III.

а отъ какого нибудь школьнаго человѣка... произошелъ»[1]) Сильвестръ Кулябка можетъ быть смѣло признанъ за такое лицо — и съ гораздо бо́льшимъ правомъ, чѣмъ невыдержанный и сустливо самолюбивый Тредіаковскій.

Въ заключеніе—кто же былъ авторомъ «Импа пьяной головѣ»? Слогъ этого стихотворенія, легкій и живой, даже слишкомъ развязный для Тредіако́вскаго, особенно въ послѣднихъ строфахъ (8—11), такъ же мало похожъ на Тредіаковскаго, какъ и стиль «Гимна бородѣ». Правда, въ стихотвореніи «Зубницкому» Ломоносовъ признаетъ авторомъ «Импа» Тредіаковскаго, но рядомъ съ нимъ ставитъ въ концѣ какую то «бороду», т. е. духовное лицо. Не составлялъ ли «Имя головѣ» какимъ-нибудь бойкимъ секретаремъ Сильвестра? Тредіаковскій же, вѣроятно, получивъ послѣднее изъ вышеприведенныхъ трехъ писемъ, особенно энергично добивался напечатанія «Импа пьяной головѣ» въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» и этимъ навлекъ на себя несправедливое обвиненіе въ сочиненіи «подметныхъ писемъ». Что до псевдонима «Христофоръ», то не есть ли это намекъ на образъ Христа, носимый на груди архіепископами (епископы носятъ панагію — образъ Богоматери)? Это соображеніе хотя косвенно, но все же можетъ служить аргументомъ въ пользу выдвинутой нами гипотезы.

---

1) Сочиненія Ломоносова, т. II, примѣч., стр. 166.

Ломоносовъ, какъ физико-химикъ.

В. В. Курилова.

Національный характеръ научнаго творчества. Ломоносовъ, какъ русскій національный геній. Взгляды Ломоносова на задачи химіи. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ по взглядамъ его біографовъ. Ломоносовъ, какъ родоначальникъ физической химіи въ современномъ значеніи этого слова. Судьба твореній Ломоносова и способъ увѣковѣченія его памяти.

Въ настоящей статьѣ авторъ не задается цѣлью дать подробное изложеніе работъ Ломоносова, касающихся физики и химіи; эта задача въ значительной степени выполнена, такъ какъ въ данное время имѣется въ печати цѣлый рядъ статей, посвященныхъ этому вопросу: одинъ изъ нихъ пріуроченъ былъ къ 1865 г., къ столѣтію смерти Ломоносова, другія — къ стопятидесятилѣтію основанія первой химической лабораторіи («Ломоносовскій Сборникъ. Матеріалы для исторіи развитія химіи въ Россіи», 1901 г.); наконецъ въ 1904 г. появились матеріалы Б. Н. Меншуткина подъ заглавіемъ: «Ломоносовъ какъ физико-химикъ». Какъ въ послѣднихъ матеріалахъ, такъ равно въ біографическомъ очеркѣ И. А. Каблукова, помѣщенномъ въ «Ломоносовскомъ Сборникѣ», можно найти подробныя указанія на литературу, посвященную характеристикѣ дѣятельности Ломоносова въ области физикохимическихъ дисциплинъ[1]).

---

1) Въ статьѣ И. А. Каблукова указаны: 1) «Жизнь и труды Ломоносова», Н. Любимова; 2) М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ А. І. Львовича-Кострицы; 3) М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, А. Будиловича; 4) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Соловьева, т. 22; 5) Сочиненія Н. С. Тихонравова; 6) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы;

Цѣль настоящей статьи заключается, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы отмѣтить и подчеркнуть главнѣйшія черты дѣятельности Ломоносова, освѣтивши ихъ по возможности съ современной точки зрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ—указать тотъ способъ, которымъ возможно было бы достойнымъ образомъ почтить память русскаго національнаго генія, какимъ по справедливости признается Ломоносовъ.

Наука интернаціональна, это плодъ общечеловѣческой мысли: путь изслѣдованія, примѣняемые методы, наконецъ ходъ мышленія — одинаковы для естествоиспытателя, къ какой бы націи онъ не принадлежалъ, и если что болѣе всего содѣйствуетъ братству народовъ, то именно единая наука, единое научное творчество. Но какъ различные инструменты, выполняя одну и ту же пьесу, различаются между собой не высотою звука, не частотой колебаній воздушныхъ, звуками вызываемыхъ, а тембромъ, комбинаціей обертоновъ, такъ и въ работѣ человѣческой мысли каждая нація вноситъ нѣкоторую характерную особенность, присущую національнымъ особенностямъ изслѣдователя. Нѣсколько туманная и отвлеченная философія нѣмца при щепетильной разработкѣ деталей, практическая живость француза въ связи съ остроуміемъ вошли почти въ пословицу; одною изъ характерныхъ особенностей русскаго духа является широта обобщеній и неудержимый, ничѣмъ неограничиваемый полетъ творческой мысли. Русскій геній живетъ свободнымъ духомъ и презрѣніемъ къ шаблонамъ; могучій полетъ мысли то заводитъ его въ область неразрѣшимыхъ вопросовъ, то, отвлекшись отъ старыхъ формъ, онъ

---

7) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4 апрѣля 1865 г. Московскимъ Университетомъ; 8) Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ, П. Пекарскаго; 9) Я. К. Гротъ, Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова.

Б. Н. Мещуткинъ, какъ главные печатные источники, указываетъ: П. Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова; П. Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II; Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ; А. Будиловичъ, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, и Ломоносовъ, какъ писатель; А. Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ.

создасть область предвидѣнія и предсказывасть такіе факты, такія явленія, которыя становятся понятными лишь спустя весьма продолжительное время, и историкъ науки не въ состояніи прослѣдить иногда той логической связи, которая могла привести изслѣдователя къ разрѣшенію той или иной проблемы. Эта способность работать какъ бы нѣкоторымъ высшимъ чувствомъ особенно присуща русскимъ геніямъ; очень часто поднятыя и разрѣшенныя ими проблемы стоятъ долгое время одиноко, пока наконецъ систематическое научное творчество не заполнитъ идеями и фактами тотъ промежутокъ, который образовался между ихъ идеями и состояніемъ современнаго имъ научнаго знанія.

Если разсматривать труды Ломоносова, примѣняя къ нимъ указанный идеалъ, рисующій русскій національный геній, то здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на слѣдующіе пункты, единодушно установленные всѣми біографами: 1) вѣрное пониманіе закона вѣчности вещества, 2) правильное представленіе перваго принципа термодинамики и 3) установленіе основныхъ положеній атомической теоріи, не говоря уже о томъ, что Ломоносовъ считается однимъ изъ первыхъ родоначальниковъ эфирной теоріи свѣта и электричества.

Законъ вѣчности вещества формулировалъ Ломоносовымъ въ письмѣ его къ Эйлеру, отъ 5 іюня 1748 г. (на русскомъ языкѣ было опубликовано въ 1760 г. въ «Разсужденіи о твердости и жидкости тѣлъ»), въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Всѣ перемѣны, въ натурѣ случающіяся, такого суть состоянія, что сколько чего у одного тѣла отнимется, столько присовокупится къ другому. Такъ ежели гдѣ убудетъ нѣсколько матеріи, то умножится въ другомъ мѣстѣ; сколько часовъ положитъ кто на бдѣніе, столько сну отниметъ; сей всеобщій естественной законъ простирается и въ самыя правила движенія; ибо тѣло, движущее своею силою другое, столько же оное у себя теряетъ, сколько сообщаетъ другому, которое отъ него движеніе получаетъ».

Въ этой формулировкѣ усматривается, что Ломоносову были извѣстны не только постулаты греческихъ философовъ древнѣйшаго періода о вѣчности мірового строительнаго матеріала, но и творенія Р. Бэкона (1560—1626; цитировано по Любимову: «Исторія физики»). «Ничего нѣтъ» — говоритъ Бэконъ въ своемъ сочиненіи «Novum organum» — «истинѣе въ природѣ, какъ двойное положеніе: ничто изъ ничего не дѣлается, ничто не уничтожается. Истинное количество матеріала, или полная его сумма, остается постоянной, не увеличиваясь и не уменьшаясь».

Роль Ломоносова, какъ провозвѣстника великихъ идей, заключается, такимъ образомъ, не въ томъ, что имъ былъ формулированъ законъ вѣчности вещества; важно было другое: геній его усмотрѣлъ далеко ранѣе Лавуазье возможность перенести этотъ общій постулятъ философской мысли въ область химическихъ превращеній и тѣмъ самымъ создать базу современной химіи подъ формой того положенія, что сумма вѣсовъ тѣлъ, взятыхъ въ реакцію, равняется суммѣ вѣсовъ тѣлъ происходящихъ, что при химическихъ реакціяхъ общій вѣсъ вещества не увеличивается и не уменьшается («законъ постоянства вѣса»). Въ «Размышленіи о причинѣ теплоты и холода» онъ говоритъ:

§ 31. «Если не ошибаюсь, Бойль первый опытами указалъ увеличеніе вѣса при сожиганіи и объяснилъ, что части огня и пламени могутъ дѣлаться устойчивыми и вѣсомыми. Но почти всѣ опыты его показываютъ лишь, что увеличеніе въ вѣсѣ происходитъ отъ тяжелыхъ частей пламени или воздуха, текущаго при обжиганіи вокругъ накаленнаго тѣла. Такъ если пластинки металла сжигаются въ пламени сѣры, то онѣ увеличиваются въ объемѣ и вѣсѣ, но причина увеличенія — кислота сѣры, которую, по освобожденіи отъ флогистона, можно собрать подъ колоколомъ воздушнаго насоса; она проникаетъ въ поры мѣди и серебра и, соединившись съ ними, увеличиваетъ вѣсъ ихъ».

Оставалось только подтвердить увеличеніе вѣса металловъ за счетъ «тяжелыхъ частей пламени или воздуха» количественнымъ опытомъ — и законъ постоянства вѣса при химическихъ реакціяхъ получилъ бы вполнѣ опредѣленное выраженіе, тѣмъ болѣе, что Ломоносовъ опытомъ установилъ, что «безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго метала остается въ одной мѣрѣ». «Приходится глубоко сожалѣть», говоритъ біографъ Ломоносова Б. Н. Меншуткинъ, «что не сохранился подлинный лабораторный журналъ за 1756 г., на тринадцати листахъ котораго записаны были эти опыты». Подобный опытъ съ такимъ же результатомъ произвелъ 17-ю годами позже Лавуазье; опытъ его сталъ всемірно извѣстнымъ, а опытъ Ломоносова былъ сообщенъ въ академическомъ собраніи и былъ оставленъ въ архивѣ.

Въ тѣхъ же «Размышленія о причинѣ теплоты и холода» («Meditationes de caloris et frigoris causa».—«Novi Commentarii Academiae Imp. Petropolitanae», т. I, 1747—1748). Ломоносовъ съ полной опредѣленностью устанавливаетъ связь между теплотой и механической работой:

> § 3. «Движеніе тѣлъ можетъ быть общее, когда все тѣло мѣняетъ мѣсто, и внутреннее — перемѣна мѣста нечувствительныхъ частей матеріи. При сильномъ общемъ движеніи часто не наблюдается тепло, а напротивъ видно при отсутствіи общаго движенія. Слѣдовательно, теплота состоитъ во внутреннемъ движеніи матеріи».
>
> § 15. «При треніи двухъ тѣлъ частички ихъ взаимно трутъ другъ друга; поступательнымъ движеніемъ онѣ двигаться не могутъ и потому приходятъ въ вращательное движеніе: произойдетъ нагрѣваніе. Отсюда: 1) чѣмъ сильнѣе трутъ тѣла другъ объ друга, тѣмъ сильнѣе будетъ вращеніе и тѣмъ болѣе они нагрѣются; 2) связь частичекъ жидкости весьма мала и потому при треніи она замѣтно не нагрѣвается.

Здѣсь снова, какъ и при установленіи закона вѣчности вещества, Ломоносовъ стоялъ, такъ сказать, на границѣ великаго открытія, — ему ясна была возможность перехода отъ механической работы къ работѣ тепловой, не доставало только опытнаго установленія механическаго эквивалента тепла.

Какъ одинъ изъ основателей атомическаго ученія, Ломоносовъ особливо точно установилъ понятіе о химическихъ элементахъ и, мало того, какъ бы нѣкоторымъ высшимъ чутьемъ воспринялъ именно то представленіе, которое въ окончательной формѣ установилось по крайней мѣрѣ 100 лѣтъ позже. Въ «Элементахъ математической химіи» (1741 г.) читаемъ слѣдующее:

«Элементъ есть часть тѣла, не состоящая изъ какихъ-либо другихъ меньшихъ тѣлъ, отличныхъ отъ нея.

Корпускула — собраніе элементовъ въ одну незначительную массу.

Корпускулы однородны, если состоятъ изъ одинаковаго числа однихъ и тѣхъ же элементовъ, соединенныхъ одинаковымъ образомъ.

Составное тѣло состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ различныхъ началъ, такъ соединенныхъ между собою, что въ каждой отдѣльной его корпускулѣ такое же соотношеніе частей началъ (изъ которыхъ тѣло состоитъ), какое во всемъ составномъ тѣлѣ имѣется между всѣми отдѣльными началами».

Приведенная выдержка показываетъ, что Ломоносовъ, базируясь на атомической теоріи, рисовалъ ту самую картину сложныхъ тѣлъ, которая дается въ настоящее время; для этого достаточно только термины «корпускула» замѣнить современнымъ намъ терминомъ «молекула» («начало» = элементъ).

Приведенныхъ трехъ моментовъ изъ трудовъ Ломоносова: установленія закона постоянства вѣса, установленія связи между теплотой и работой и установленія понятія о молекулярномъ сложеніи вещества — достаточно для того, чтобы убѣдиться въ осо-

бомъ даръ Ломоносова, даръ предвидѣнія, особливо присущемъ русскому національному творчеству. У біографовъ Ломоносовъ можно найти немалое число другихъ примѣровъ, служащихъ къ подтвержденію этой мысли. Здѣсь мы отмѣтимъ еще то удивительное предвидѣніе, которое сказалось у Ломоносова при опредѣленіи имъ задачъ химіи, какъ науки. Въ цитированной выше диссертаціи «Элементы математической химіи» читаемъ слѣдующія строки, которыя въ полной мѣрѣ не утратили своего значенія и въ настоящій моментъ:

«Химія—наука измѣненій, происходящихъ въ составномъ тѣлѣ, поскольку оно составное». «Практическая часть химіи состоитъ въ историческомъ познаніи измѣненій составного тѣла». «Теоретическая часть химіи состоитъ въ философскомъ познаніи измѣненій составного тѣла». «Химикъ тотъ, кто обладаетъ знаніемъ измѣненій составного тѣла, по-скольку оно составное». «Химикъ-практикъ обладаетъ историческимъ познаніемъ измѣненій, совершающихся въ составномъ тѣлѣ». «Химикъ-теоретикъ обладаетъ философскимъ познаніемъ измѣненій, совершающихся въ составномъ тѣлѣ». «Истинный химикъ долженъ быть теоретикомъ и практикомъ».

Наиболѣе блестящимъ изъ положеній, устанавливающихъ основныя задачи химіи, формулированныхъ Ломоносовымъ, является вполнѣ точное установленіе понятія о химическихъ синтезѣ и анализѣ. Въ «Разсужденіи о селитрѣ» Ломоносовъ говоритъ:

«Составное тѣло состоитъ изъ тѣхъ составныхъ частей, на которыя разлагается анализомъ, и изъ которыхъ создается синтезомъ. Эта истина вполнѣ очевидна изъ понятія о цѣломъ и его частяхъ. Напомнимъ, что въ химіи синтезъ иногда вѣрнѣе анализа: его одного достаточно для опредѣленія составныхъ частей тѣла, такъ какъ въ тѣлахъ, составныя части которыхъ — сами составныя тѣла, различные способы раздѣленія даютъ различные результаты; въ связи

же съ синтезомъ анализъ какъ даетъ ему достовѣрность, такъ и самъ пріобрѣтаетъ ее».

Приведенныхъ выше цитатъ вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать заключеніе о широкой обобщающей способности Ломоносова и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить особенно рѣзкое развитіе какъ бы высшаго чутья, рода предвидѣнія, характеризующаго Ломоносова, какъ національнаго русскаго генія.

Другимъ признакомъ національнаго русскаго творчества является широкій полетъ мысли, не ограничиваемый узкой специальностью той или другой научной дисциплины, что также присуще Ломоносову.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно разсмотрѣть длинную опись диссертацій и разсужденій Ломоносова[1]), сохранившихся до нашего времени.

---

1) Въ матеріалахъ Б. П. Мещуткина приводится цѣликомъ или въ извлеченіяхъ слѣдующія статьи, написанныя Ломоносовымъ: 1) Элементы математической химіи (1741 г., подлинникъ на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Elementa Chemiae Mathematicae); 2) Слово о пользѣ химіи (говоренное сентября 6 дня 1751 г.); въ указанныхъ матеріалахъ оно приведено въ извлеченіи, см. Академическое собраніе сочиненій Л-ва, т. IV, стр. 273—295. 3) Проектъ объ учрежденіи химической лабораторіи при Императорской Академіи Наукъ (1742—1748); 4) О составляющихъ тѣла природы нечувствительныхъ физическихъ частичкахъ, въ которыхъ находится достаточное основаніе частичныхъ свойствъ (подлинникъ на латинскомъ языкѣ); 5) Размышленіе о причинѣ теплоты и холода (Meditationes de caloris et frigoris causa — «Novi Commentarii Academiae Imperialis Petropolitanae», Tomus I, ad annos 1747—1748, стр. 206—229); 6) Попытка теоріи упругой силы воздуха (Tentamen theoriae de vi aeris elastica, auctore M. Lomonosow.—«Novi Commentarii Academiae Petropolitanae», Tomus I ad annos 1747—1748, стр. 230—244), и Дополненіе къ этимъ размышленіямъ (Supplementum ad meditationes de vi aeris elastica.—«Novi Commentarii, Tomus I, стр. 305—312); 7) Разсужденіе о дѣйствіи химическихъ растворителей вообще (Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere. Novi Commentarii Academiae Petropolitanae», Tomus I, ad annos 1747—1748, стр. 245—266); 8) Разсужденіе о селитрѣ (Dissertatio de nitro 1749. Рукопись); 9) Программа физической химіи (по рукописи); 10) Курсъ истинной физической химіи (по рукописи 1752 г.: гл. 1 — о физической химіи и ея значеніи, гл. 2—о частичныхъ свойствахъ составныхъ тѣлъ, гл. 3 — о способахъ, которыми измѣняются составныя тѣла, гл. 4—о химическихъ операціяхъ, гл. 5—о родахъ составныхъ тѣлъ, гл. 6—о химической лабораторной посудѣ и, наконецъ, гл. 9—о способѣ изложенія химіи

Мы видимъ, что Ломоносовъ занимался не только по во-

при помощи физики; на гл. 6 до гл. 9—рукопись прервана); 11) Опыты физической химіи, часть I — опытная, содержащая физико-химическія изслѣдованія солей. Книга 1 — заключающая опыты и наблюденія надъ растворами солей. Книга 2 — физикохимическое изслѣдованіе солей. Опыты физическіе о соляхъ. Физическіе опыты около соковъ; 12) Таблицы растворимости различныхъ солей; 13) Пониженіе температуры при растореніи въ водѣ солей при 0°; 14) Таблицы высоты и скорости поднятія растворовъ и соляныхъ жидкостей въ капиллярныхъ трубкахъ; 15) Опыты надъ охлажденіемъ и замерзаніемъ жидкихъ тѣлъ; 16) Новый способъ наблюденія преломленія лучей по всякомъ прозрачномъ тѣлѣ. 17) Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію цвѣтовъ представляющее (ноября 26 дня 1753 г., Академическое собраніе сочиненій, т. IV, стр. 392—424); 18) Разсужденіе о твердости и жидкости тѣлъ, читанное въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ 6 сентября 1760 г.; 19) О свѣтлости металловъ (De tincturis metallorum, auctore M. Lomonossow — «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae», Tomus XIV, ad annum 1744—1746, Petropoli 1751 г., стр. 286—298); 20) Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли, произнесенное 6 сентября 1757 г. (Академическое Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 1—31). 21) Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы происходящихъ, предложенное 26 ноября 1753 г. (Академическое Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 296—360); 22) Теорія электричества, разработанная математическимъ способомъ (Theoria electricitatis methodo mathematico concinnata. Auctore M. Lomonosow, 1756. Cepta est 5 apr. 1756). Томъ рукописей Ломоносова № 58, листы 221—238; Расположеніе сочиненія, гл. I—предварительныя данныя, гл. II—объ эфирѣ, рукопись не окончена); 23) Письмо Ломоносова къ Эйлеру 5 іюня 1748 г.: корпускулярная философія; 24) Первыя основанія металлургіи, часть I — о металлахъ и съ ними находящихся другихъ минералахъ (изд. Смирдина, т. II, стр. 275—587). Гл. I—о металлахъ, гл. II—о полуметаллахъ, гл. III—о жирныхъ минералахъ, гл. IV — о загустѣлыхъ сокахъ минеральныхъ или соляхъ, гл. V — о камняхъ и земляхъ, гл. IV — о рудахъ; часть 2—о рудныхъ мѣстахъ и жилахъ и пріискѣ ихъ; гл. I—о положеніи мѣстъ, гл. II—о жилахъ, гл. III—о пріискѣ жилъ, гл. IV — о надеждѣ рудокоповъ; часть 3 — объ учрежденіи рудниковъ, гл. II—о подземныхъ машинахъ, гл. III—о машинахъ которыми изъ рудниковъ воду выливаютъ, гл. IV — о машинахъ, которыми изъ ямы худой воздухъ выгоняютъ и на мѣсто его чистый приводятъ, гл. V—о измѣреніи рудниковъ; часть 4—о пробованіи металловъ и рудъ, гл. I—о печахъ, посудѣ и инструментахъ, къ пробованію надлежащихъ, гл. II—о заготовленіи разныхъ матерій, къ пробованію нужныхъ, гл. III — о пробованіи золотыхъ и серебряныхъ рудъ, гл. IV — о пробованіи рудъ простыхъ металловъ, гл. V — о пробѣ металловъ и нѣкоторыхъ другихъ металовъ; часть 5 — объ отдѣленіи металловъ и металовъ изъ рудъ; гл. I—о выплавкѣ металловъ изъ рудъ въ слитокъ, гл. III — о отдѣленіи металловъ изъ особливыхъ рудъ, гл. IV — о раздѣленіи слитыхъ металловъ. гл. V — о отдѣленіи металловъ и другихъ металовъ. Прибавленіе 1 — о вольномъ движеніи воздуха, въ рудникахъ примѣченномъ, прибавленіе 2 — о слояхъ земныхъ; 25) Испытаніе причины сѣвернаго сіянія и другихъ подобныхъ явленій (рукопись).

просамъ изъ различныхъ областей физики и химіи, но также его живо интересовали и опытная часть металлургіи, и маркшейдерское и горное искусство, и прикладная химія (опыты по изготовленію искусственныхъ стеколъ, устройство стекляннаго завода); наконецъ, работы Ломоносова касаются минералогіи и геологіи. Если прибавить къ сказанному, что одновременно онъ занимается литературной дѣятельностью, которая ставится современниками далеко выше его заслугъ въ области естественно-историческихъ знаній, то будетъ понятно, насколько широка и разнообразна была дѣятельность русскаго національнаго генія.

Современные намъ ученые, разсматривая дѣятельность Ломоносова по физикѣ и химіи, единодушно характеризуютъ его какъ физико-химика.

Н. Н. Бекетовъ въ докладѣ своемъ подъ заглавіемъ «Исторія химической лабораторіи при Академіи Наукъ» («Ломоносовскій Сборникъ», стр. 2) говоритъ слѣдующее: взгляды Ломоносова «очень подходятъ къ современнымъ воззрѣніямъ на сложеніе матеріи и физикохимическія явленія. Ломоносовъ, какъ доказывается всѣми его научными рѣчами, сводилъ всѣ матеріальныя явленія къ частицамъ вѣсомой матеріи, признавая въ то же время участіе всемірнаго тонкаго вещества—нашего современнаго эѳира физиковъ»; и далѣе: «къ флогистону онъ относился съ недовѣріемъ и вслѣдствіе этого близко подошелъ къ взглядамъ Лавуазье объ увеличеніи вѣса металловъ при ихъ прокаливаніи, на которое было еще указано Бойлемъ и нѣкоторыми другими».

В. В. Марковниковъ («Ломоносовскій сборникъ», стр. 15) говоритъ слѣдующее: «въ физикѣ его интересы сосредоточиваются на области, соприкасающейся съ химизмомъ, которая относится теперь къ физической химіи, такъ что можно сказать, что Ломоносовъ былъ первымъ физико-химикомъ».

Біографъ Ломоносова Б. Н. Меншуткинъ также принимаетъ опредѣленіе дѣятельности М. В. Ломоносова, какъ физико-химика. Онъ останавливается на подготовкѣ Ломоносова

ть его дѣятельности: указываетъ на изученіе физики у проф. Христіана Вольфа, выдающагося Марбургскаго ученаго, ученика и друга Лейбница, учителя Канта, затѣмъ на химическую подготовку у проф. Дуйзинга въ Марбургѣ и, наконецъ, на практическую подготовку по химіи и знакомство съ металлургіей у Генкеля во Фрейбергѣ. Далѣе, анализируя разнообразныя статьи, написанныя Ломоносовымъ, Б. Н. Меншуткинъ обращаетъ вниманіе на тѣ опыты, которые были сдѣланы по изслѣдованію растворимости солей, и признаетъ таковые, какъ первыя работы въ Россіи, которыя носили физикохимическій характеръ.

При разсмотрѣніи дѣятельности Ломоносова съ современной точки зрѣнія, нельзя не принять во вниманіе, что къ концу XVIII и въ началѣ XIX вѣка физика и химія въ сущности составляли единую науку, посвященную изученію природныхъ явленій. Эти области знанія не были строго разграничены, и Ломоносовъ по своимъ изслѣдованіямъ, подобно Лавуазье, могъ быть съ такимъ же правомъ названъ физикомъ, съ какимъ правомъ его можно было назвать химикомъ. Вотъ почему академикъ Эйлеръ, современникъ Ломоносова, могъ говорить о немъ, какъ о физикѣ и химикѣ: «Всѣ записки его по части физики и химіи не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такой основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія физическихъ и химическихъ явленій, и желательно было бы, чтобы всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ г. Ломоносовъ».

Въ теченіе XIX вѣка произошло обособленіе не только физики и химіи, но и въ самой химіи, по мѣрѣ накопленія опытнаго матеріала и его разработки, выдѣлились въ обособленныя дисциплины: химія неорганическая, химія органическая, аналитическая химія, агрономическая химія и т. д. На почвѣ той же дифферен-

ціаціи произошла не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ новая дисциплина, получившая названіе физической химіи. Квинтэссенціей этой новой дисциплины явился отдѣлъ о химическомъ сродствѣ, который получилъ наибольшее развитіе и обратилъ на себя вниманіе всего образованнаго міра. Объясненіе теченія химическихъ реакцій, исходя изъ основныхъ положеній термодинамики, установленіе тѣсной связи между физическими и химическими явленіями, принадлежащими къ различнымъ категоріямъ, наконецъ созданіе единаго и цѣльнаго представленія на природные процессы,— все это сдѣлало физическую химію базою натурфилософіи.

Пытливый умъ Ломоносова, побуждавшій его къ постановкѣ и разрѣшенію самыхъ разнообразныхъ вопросовъ физики и химіи, не могъ обойти безъ вниманія такой важный вопросъ, какъ вопросъ о природѣ тѣхъ силъ, которыя обуславливаютъ химическія реакціи, иными словами,— вопросъ о химическомъ сродствѣ. Въ «Элементахъ математической химіи» онъ говоритъ слѣдующее:

> «Всѣ измѣненія тѣлъ происходятъ при помощи движенія», «слѣдовательно, измѣненія составного тѣла совершаются отъ движенія», «движенія составляютъ область механики, слѣдовательно и измѣненія составныхъ тѣлъ происходятъ механически».

Въ настоящее время, когда въ физической химіи основой для объясненія химическаго сродства служитъ ученіе о свободной энергіи, когда, исходя изъ законовъ механики, дается объясненіе химическихъ явленій, апріорное положеніе Ломоносова, высказанное имъ въ 1741 г., опираясь исключительно на логическихъ построеніяхъ, находитъ для себя полное оправданіе въ современной физической химіи. Такимъ образомъ, если бы Ломоносовъ не написалъ ничего, кромѣ «Элементовъ математической химіи», если бы онъ не намѣтилъ закона постоянства вѣса, не обосновалъ перваго принципа термодинамики, не прецизировалъ основныхъ положеній атомической теоріи, то онъ, только на основаніи

своихъ «Элементовъ математической химіи», долженъ былъ бы быть признанъ провозвѣстникомъ и родоначальникомъ современной физической химіи.

Что ученіе Ломоносова объ искании объясненій силы химическаго сродства въ силахъ механическихъ не было случайно высказаннымъ положеніемъ, служитъ доказательствомъ весь характеръ его философской мысли, какъ онъ выразился во всѣхъ его разсужденіяхъ. Глубоко воспринявъ индуктивный философскій методъ, методъ сужденія по аналогіямъ, Ломоносовъ, разсматривая химическія явленія и углубляясь въ ихъ причину, необходимо долженъ былъ обратиться для ихъ объясненія къ явленіямъ болѣе простымъ, для объясненія которыхъ возможно было воспользоваться механическими силами. Что къ этому своему положенію Ломоносовъ относился вполнѣ сознательно и приписывалъ ему кардинальное значеніе, видно также изъ той программы, которую онъ далъ, какъ средство для изслѣдованія естественныхъ вещей. Въ «Словѣ о пользѣ химіи» онъ говоритъ:

«Къ сему требуется весьма искусной Химикъ и глубокой Математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, которой только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку; но которой собственнымъ искусствомъ въ ней прилѣжно упражнялся; и не такой, напротивъ того, которой великое множество опытовъ сдѣлалъ, однако больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего желанія и ради того слѣдуя своимъ мечтамъ, презиралъ случавшіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ тайнъ. Не такой требуется Математикъ, которой только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ; но которой въ изобрѣтеніяхъ и доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и непоползновеннымъ порядкомъ вывесть умѣетъ. Бесполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внут-

ренность вещи, линялсь рукъ къ отверстію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію закрытыхъ вещей очей не имѣетъ».

Эти золотыя слова, сказанныя въ 1751 г., т. е. 160 лѣтъ тому назадъ, сохраняютъ свою силу и свѣжесть и для даннаго момента: они должны служить руководствомъ при составленіи учебныхъ плановъ факультетскаго преподаванія химіи, ихъ слѣдуетъ имѣть предъ собой каждому, кто готовитъ себя къ работамъ по химической спеціальности.

Насколько исключительно было положеніе Ломоносова, какъ геніальнаго мыслителя и провозвѣстника великихъ идей, настолько печальна была судьба, постигшая плоды его творчества. Біографъ Ломоносова И. А. Каблуковъ («Ломоносовскій Сборникъ») довольно подробно останавливается на этомъ пунктѣ. Современники Ломоносова въ массѣ своей, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ личностей (Эйлеръ, см. выше), не понимали и не цѣнили трудовъ его по физикѣ и химіи. Нечего говорить о такихъ представителяхъ высшаго общества, какъ графъ М. Л. Воронцовъ, ненавидѣвшій электрическую машину, какъ «дерзкое испытаніе тайнъ природы», или В. А. Пащокинъ, который съ ироніей указывалъ, что «Рихманъ» (сотоварищъ Ломоносова по изученію атмосфернаго электричества) «машиной старался спасти людей отъ грома и молніи и самъ же былъ убитъ». Не понимали и не цѣнили трудовъ Ломоносова и тѣ люди, которые близко стояли къ наукѣ и просвѣщенію, его ближайшіе товарищи по Академіи и даже его непосредственные замѣстители по академической кафедрѣ. Заговорили о Ломоносовѣ лишь черезъ 90 лѣтъ послѣ его смерти и заговорили впервые въ Московскомъ Университетѣ, когда пришлось вспомнить, что Ломоносовъ былъ его основателемъ. Но если о Ломоносовѣ пошла рѣчь черезъ 90—100 лѣтъ послѣ его смерти, то на труды его обратили надлежащее вниманіе лишь въ 1900 году, когда исполнилось 150 лѣтъ со дня основанія первой русской химической лабораторіи, которая создана

была опять таки Ломоносовымъ. И правъ былъ Ломоносовъ, когда, за нѣсколько дней до своей смерти, высказалъ своему другу Я. Я. Штелину слѣдующія грустныя мысли:

«Другъ, я вижу, что долженъ умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ совершить всего того, что предпринялъ для пользы отечества, для приращенія наукъ и славы Академіи, и теперь, при концѣ моей жизни, долженъ видѣть, что всѣ мои полезныя намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мной».

Сошелъ въ могилу русскій національный геній, труды его были сданы въ архивъ, и мы теперь, лишь черезъ 200 лѣтъ со дня его рожденія, можемъ понять все значеніе этой утраты для русской науки. Когда умираетъ великій ученый, оставляя за собой школу послѣдователей, то имя его остается вѣчнымъ, а идеи его служатъ вкладомъ въ общую сокровищницу человѣческой мысли и обусловливаютъ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ роль націи въ общемъ культурномъ ростѣ всего человѣчества. Имя Ломоносова остается вѣчнымъ, но великія его идеи остались неразработанными въ Россіи, и русская наука, которая могла бы развиваться основываясь въ идеяхъ Ломоносова, вовсе не существуетъ. И мы съ грустью видимъ, что въ тотъ самый Московскій Университетъ, который организованъ былъ при ближайшемъ участіи Ломоносова, на каоедру химіи въ 1757 г. былъ приглашенъ не ученикъ Ломоносова (учениковъ у него, за исключеніемъ рано умершаго лаборанта Клементьева, никого не было), а нѣкій Іоганнъ Христіанъ Керстенъ, который, какъ говоритъ біографъ (Исторія Московской лабораторіи въ «Ломоносовскомъ Сборникѣ»), «не оставилъ по себѣ доброй памяти». Въ самой Академіи Наукъ каоедру химіи послѣ Ломоносова занимали послѣдовательно: Леманъ, Соколовъ, Захаровъ, Ловицъ, Волковъ, Шererъ. Они вовсе не интересовались трудами своего великаго предшественника и, какъ говоритъ Н. П.

Бекетовъ (Исторія лабораторіи Академіи Наукъ), «не оставили замѣтныхъ слѣдовъ своей научной дѣятельности».

Труды М. В. Ломоносова остались потерянными для потомства, и чѣмъ выше по значенію его работы, тѣмъ больѣе горечь этой потери. И, теперь, когда исторія вполнѣ опредѣлила эту невознаградимую утрату, передъ нами невольно встаетъ вопросъ: не можетъ ли нѣчто подобное повториться и въ настоящее время. Память о великихъ національныхъ геніяхъ налагаетъ на націю нравственныя обязанности. Память о Ломоносовѣ, труды и геніальныя идеи котораго не были оцѣнены и не были использованы, должна служить для насъ вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ, что мы должны, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, увѣковѣчить его память и при томъ не статуей или монументомъ, но создать такое учрежденіе, которое давало бы возможность и средства къ развитію излюбленной имъ дисциплины.

Такимъ учрежденіемъ, достойнымъ памяти Ломоносова, долженъ послужить Физикохимическій Институтъ его имени, посвященный опытнымъ изслѣдованіямъ по химіи. Въ этомъ институтѣ должны найти себѣ мѣсто для работы лица, какъ посвятившія себя исключительно для научной или научно-технической работы, такъ равно подготовляющія себя къ самостоятельной научной или фабрично-заводской дѣятельности. Далѣе, намъ хорошо извѣстно, что даже средства университетовъ большею частью достаточны лишь для того, чтобы подготовить образованнаго химика, а затѣмъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, университетъ въ состояніи дать средства одному, много — двумъ изъ своихъ питомцевъ. Должно существовать такое учрежденіе, гдѣ возможно было бы желающимъ, достаточно подготовленнымъ людямъ, заниматься спеціально научными изслѣдованіями безъ иныхъ какихъ-либо побочныхъ занятій.

Идея созданія институтовъ для опытныхъ изслѣдованій не нова: она была высказана 100 лѣтъ тому назадъ Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ при основаніи Берлинскаго Университета. Въ октябрѣ 1910 года въ Германіи приступлено къ осуществле-

нію этой идеи,—для этого прежде всего предназначенъ фондъ въ 10 милліоновъ марокъ, собранныхъ частными пожертвованіями по иниціативѣ Императора Вильгельма II. На первую очередь поставлена организація институтовъ по физической и общей химіи.

Если идея вообще объ основаніи опытныхъ институтовъ не является новой, то въ частности и мысль о созданіи химической лабораторіи памяти Ломоносова была уже высказана В. В. Марковниковымъ на Ломоносовскихъ засѣданіяхъ въ Москвѣ въ 1900 году (см. «Ломоносовскій Сборникъ»). В. В. Марковниковъ проводитъ ту мысль, что главный успѣхъ промышленности создается солидарностью ея съ чистой наукой; вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается предложеніе организовать особую лабораторію «для солидной химической подготовки всѣхъ желающихъ», предлагается назвать эту лабораторію Ломоносовской,—именно потому, что «никто другой, какъ Ломоносовъ, такъ много не думалъ при самомъ зарожденіи химической науки о сліяніи научной химіи съ химической промышленностью».

Заканчивая свой докладъ пожеланіемъ скорѣйшаго созданія опытнаго химическаго института имени М. В. Ломоносова, авторъ полагаетъ, что цѣль доклада будетъ достигнута, если идея покойнаго В. В. Марковникова не будетъ предано забвенію, подобно тому, какъ 150 лѣтъ тому назадъ были забыты и сданы въ архивъ идеи великаго національнаго генія Ломоносова.

О трудахъ М. В. Ломоносова по вопросу о растворахъ.

П. И. Вальденъ.

Въ *исторіи физической химіи* имя перваго русскаго химика Михаила Васильевича Ломоносова должно стоять на первыхъ страницахъ. Не только совокупность его научныхъ работъ характеризуетъ его, какъ физико-химика par excellence: благодаря особому ходу своего образованія, онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ шаблоновъ и традицій и привыкъ смотрѣть на химію глазами физика. Вся научная его жизнь была посвящена идеѣ освобожденія химіи отъ ига медицины и аптекарскаго искусства превращеніемъ ея въ *науку физико-химическую:* послѣдовательно онъ прилагаетъ физическія и механическія начала къ толкованію химическихъ феноменовъ, сознательно онъ примѣняетъ физическія свойства къ опредѣленію чистоты и индивидуальности химическихъ тѣлъ, многократно и неутомимо онъ пытается создать систематическій курсъ этой новой химіи, въ результатѣ чего является его неопубликованный трудъ «Tentamen Chymiae Physicae in usum studiosae juventutis adornatum» (1752) и его многочисленные, незакопченные опыты по физико-химіи, въ частности—по водянымъ *растворамъ*. Физико-химическая дѣятельность Ломоносова, вслѣдствіе его универсальности и оригинальности, должна быть разсматриваема съ различныхъ, спеціальныхъ точекъ зрѣнія; каждый спеціалистъ найдетъ въ ней новыя стороны, достойныя освѣщенія.

Считая себя спеціалистомъ по ученію о растворахъ, я рѣшился разобрать, въ видѣ исторической статьи, лишь ту часть

дѣятельности Ломоносова, которая относится къ ученію о растворахъ, т. е. къ *теоріи* и *экспериментальнымъ изслѣдованіямъ* растворовъ.

А. Теорія растворовъ.

Взгляды Ломоносова на процессъ растворенія и на растворы изложены имъ подробно въ двухъ мѣстахъ, а именно: 1) печатно въ его трудѣ [1]) «Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere», 2) въ его неопубликованномъ сочиненіи «Tentamen chymiae», изображающемъ конспектъ его лекцій по физической химіи [2]).

Въ статьѣ § 3 своей диссертаціи Ломоносовъ пишетъ [3]):

«*Обычное объясненіе* явленій растворимости сводится къ тому, что растворитель входитъ въ поры растворимаго и отрываетъ частички его; но не говорится, какая сила можетъ это дѣлать, — развѣ что растворителю даются на подмогу крючечки, клинья и не знаю еще какіе инструменты».

Цитируемое Ломоносовымъ «обычное объясненіе» — такъ называемая корпускулярная теорія растворенія; она возникла логически на почвѣ *корпускулярной теоріи* матеріи, и періодъ ея расцвѣта относится къ XVII столѣтію. Защитниками и виднѣйшими представителями этой теоріи растворенія были: P. Gassendi, R. Boyle и Lemery [4]).

Ломоносовъ критически разбираетъ эту теорію и находитъ,

---

1) «Novi Comment. Acad. Petrop.», t. I, p. 245—266 (1750).

2) Переводъ рукописи этихъ лекцій далъ Б. Н. Меншуткинымъ въ его сочиненіи: М. В. Ломоносовъ какъ физико-химикъ. С.-Пб. 1904. На этотъ примѣрный трудъ по исторіи химіи въ Россіи я буду часто ссылаться въ настоящемъ краткомъ очеркѣ.

Западнымъ химикамъ значеніе Ломоносова, какъ физика и химика, стало извѣстнымъ благодаря трудамъ Б. Н. Меншуткина: 1) M. W. Lomonossow, der erste russische Chemiker und Physiker («Annal. d. Naturphilosophie», IV, 204—225 (1905) и 2) M. W. Lomonossow's Satz der Erhaltung der Energie und des Stoffes (Diergart, Beiträge zur Geschichte der Chemie, 163—167 (1909).

3) Цитаты мною приводятся по переводу, сдѣланному Б. Н. Меншуткинымъ, l. c., стр. 73.

4) Ср., напр., мой трудъ: «Die Lösungstheorien« (Stuttgart. 1910), стр. 24—32.

что ни величина, ни фигуры поръ не играютъ роли при растворенiи, «... поэтому тщетно будемъ искать причины взаимнаго проникновенiя тѣлъ въ порахъ, т. е. пространствахъ, лишенныхъ матерiи» (§ 10). Далѣе онъ заключаетъ: «§ 11. Итакъ *всѣ объясненiя* растворимости, до сихъ поръ предложенныя, не стоятъ на прочномъ основанiи; почему мы считали не безполезнымъ предложить болѣе точную теорiю сущности растворовъ вообще, на основанiи строго выбранныхъ и между собою согласованныхъ химическихъ и физическихъ опытовъ».

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнiю его собственной теорiи, остановимся на этомъ послѣднемъ положенiи Ломоносова, такъ какъ оно требуетъ критическаго разъясненiя вслѣдствiе своей односторонности. Напомнимъ, что Ломоносову хорошо были извѣстны труды выдающихся въ то время химическихъ авторовъ [1]), напр., Becher'a, Boerhave, Hoffmann'a, Stahl'я а равно и труды Newton'a.

Сочиненiя Stahl'я — знаменитаго основателя ученiя о флогистонѣ, выдающагося своими познанiями въ химiи — Ломоносовъ изучалъ еще въ бытность свою студентомъ въ Марбургѣ (1737—1739); о теорiи флогистона трактуетъ его профессорская диссертацiя 1745 года, появившаяся въ «Comment. Acad. Sc. Petropol.», въ XIV томѣ, подъ заглавiемъ: «De tincturis metallorum» (1751); на возрѣнiя Stahl'я онъ ссылается въ представленномъ (1749) въ Берлинскую Академiю Наукъ разсужденiи «Dissertatio de nitro», такъ какъ и Stahl писалъ въ свое время о происхожденiи селитры; въ числѣ авторовъ, трудами которыхъ онъ пользовался при составленiи своихъ «лекцiй по физической химiи» (1752), Ломоносовъ приводитъ также Stahl'я, Boerhave, Hoffmann'a и др.; его ученикъ Клементьевъ въ диссертацiи «Объ увеличенiи вѣса» (1754) также цитируетъ взгляды Stahl'я [2]).

---

1) См., напр., Меншуткинъ, l. c., стр. 210, 237, 268.

2) По моему мнѣнiю, Ломоносовъ не былъ принципiальнымъ противникомъ флогистона: это усматривается изъ вышеприведенныхъ его диссертацiй; въ

Всѣ вышеприведенные авторы вовсе *не* являются приверженцами «обычнаго объясненія» растворенія. Такъ напр. Fr. Hoffmann (въ Observat. phys.-chym. select. libri III; 1722) уже училъ: «Solutio corporum non fit per susceptionem in poros»; наоборотъ, по Hoffmann'у растореніе происходитъ вслѣдствіе *соединенія* растворителя съ растворяемымъ тѣломъ. Такое объясненіе Hoffmann'а практически совпадаетъ съ опредѣленіемъ, которое мы встрѣчаемъ у Ломоносова въ его «Tentamen Chymiae Physicae» (1752). Здѣсь имъ дается опредѣленіе «истинныхъ химическихъ операцій», напр. соединяющихъ отдѣльныя составныя части въ сложныя тѣла или раздѣляющихъ послѣднія на части; къ числу «истинныхъ химическихъ операцій» принадлежитъ и *растореніе:* «Растореніе дѣлается такъ, что жидкость дѣйствуетъ на другое твердое или жидкое тѣло, постепенно отнимаетъ отъ него частички, *присоединяетъ къ себѣ* и переходитъ съ воспринятымъ тѣломъ въ тѣло составное» (см. переводъ Б. И. Меншуткина, стр. 113, 115)[1]).

Уже съ начала XVIII столѣтія водворяется въ химіи новая причина, совсѣмъ не упоминаемая Ломоносовымъ, — причина, обусловливающая образованіе сложныхъ тѣлъ и растворовъ: это

противномъ случаѣ, считаясь съ его острой и смѣлой критикою тѣхъ теорій и ученій, которыя по его убѣжденію не служили для объясненія явленій химіи и физики, онъ открыто заявилъ бы объ этомъ. Скорѣе можно сказать, что онъ не нуждался въ этой теоріи при своихъ изслѣдованіяхъ растворовъ и т. д.; фактъ увеличенія вѣса, напр., металловъ при горѣніи, не могъ служить доказательствомъ противъ Флогистона: вѣдь Ломоносовъ еще въ 1748 году (въ письмѣ на имя Эйлера) объясняетъ увеличеніе вѣса нагрѣтыхъ тѣлъ въ замкнутомъ сосудѣ (по неправильному наблюденію Бойля) такъ, «что по уничтоженіи отъ нагрѣванія сцѣпленія частичекъ бока ихъ, ранѣе занятые взаимнымъ соприкосновеніемъ, теперь свободно противопоставляются веществу тяжести и потому сильнѣе придавливаются къ землѣ». (см. переводъ этого письма: у Б. И. Меншуткина, l. c., стр. 203, 250). Подобное же объясненіе встрѣчается еще въ другомъ мѣстѣ, а именно въ его диссертаціи «De tincturis metallorum» (напечатанной въ 1751 г.). Въ § 5 онъ пишетъ: «увеличеніе вѣса можетъ происходить и не отъ прибавленія внѣшней матеріи, а, напр., отъ различнаго дѣйствія матеріи тяжести на частички холоднаго металла и накаленнаго, въ которомъ частички свободны отъ соприкосновенія» (ср. переводъ Б. Меншуткина, стр. 169).

1) Третье объясненіе растворенія, корпускулярное по Lemery, даетъ Ломоносовъ въ «Словѣ о происхожденіи свѣта» въ 1756 г.

сила взаимнаго притяженія, впервые предложенная Newton'омъ въ его трудѣ «Opticks» (1704, см. IV изданіе, 1730, стр. 350—382). Уже Stahl[1]) подробно разбираетъ способы объясненія растворимости, т. е. корпускулярный, чисто механическій и чисто химическій методы; отвергая первые, онъ пишетъ, что растворы происходятъ «*materialiter* und nicht bloss formaliter»... «Nemlich, es steckt eine würkliche Verwandschafft und Gleichheit zwischen dem solvente und solvendo». Наконецъ Boerhave, въ своихъ знаменитыхъ «Elementa Chemiae» (1732)[2]), посвящая около 200 страницъ растворамъ и излагая параллельно ученіе о химическомъ сродствѣ (vis attractrix, amicitia, amor, affinitas), подробно развиваетъ химическую теорію растворенія: «Particulae solventes et solutae... se affinitate suae naturae colligant in corpora homogenea».

Если принять во вниманіе авторитетъ Stahl'я и Boerhave и распространеніе химическихъ трудовъ обоихъ ученыхъ, то — въ противоположность мнѣнію Ломоносова — нужно сказать, что обычнымъ у химиковъ объясненіемъ явленій растворимости около половины XVIII вѣка была не корпускулярная, а химическая теорія, основанная на химическомъ сродствѣ. Отношеніе Ломоносова понятно лишь тогда, когда мы вспомнимъ, что онъ еще въ 1760 г. (въ «Разсужденіи о твердости и жидкости тѣлъ») заявляетъ: «Общей причиной союза частицъ никакъ не могу признать притягательную силу»; поэтому онъ и отрицаетъ *химическое сродство*, не упоминая объ этой силѣ въ своей «Физической химіи». Къ изученію растворовъ онъ приступаетъ скорѣе, какъ физикъ, чѣмъ, какъ химикъ; опровергаемая имъ теорія дѣйствительно встрѣчается у физиковъ того времени, напр., у цитируемаго имъ въ § 36 своей диссертаціи о растворителяхъ Musschenbroek'а[3]), а развиваемая имъ самимъ новая теорія — вполнѣ физическая.

---

1) G. E. Stahl. «Einleitung zur Grund-Mixtion...», Leipzig. 1720, p. 27.

2) H. Boerhave, «Elementa Chemiae», 1732, tom. I: De menstruis, pp. 669—868.

3) P. van Musschenbroek, «Essai de Physique» (изданіе 1751 г., t. I, p. 269, 331).

Эта физическая теорія растворенія Ломоносова построена на эластичной силѣ *воздуха*, находящагося въ порахъ растворителя и растворяющагося тѣла. Вслѣдствіе этого, напр., «не трудно понять, что дѣлается при растваренiи металла: кислотныя частички вводятъ частички воздуха въ поры металла, частички воздуха соединяются съ находящимися уже тамъ и возродившаяся упругая сила ихъ отрываетъ частички металла» (Dissert., § 27).

Въ подтвержденіе своей теоріи Ломоносовъ указываетъ на разнородные факты: «Во-первыхъ, теплота выдѣляется потому, что оторванныя упругой силой воздуха частички металла движутся колебательно въ растворитель, трутъ его частички и приводятъ ихъ во вращательное движеніе, являющееся причиной теплоты» (ib., § 30)... «Крѣпкая водка вскипаетъ все меньше при переходѣ отъ цинка и желѣза къ мѣди, серебру, свинцу и ртути, съ которыми почти нѣтъ вскипанія; чѣмъ легче металлъ или полуметаллъ, тѣмъ больше вскипаніе. Физики учатъ, что болѣе легкіе металлы состоятъ изъ меньшаго количества вещества, т. е., имѣютъ больше поръ, а слѣдовательно и большее количество воздуха, производящаго вскипаніе» (ib., § 31)... «При растворенiи желѣза въ щелочномъ спиртѣ и осажденіи уксусомъ, селитряной спиртъ растворяетъ эту окалину безъ шума, безъ вскипанія: здѣсь частички металла лишены взаимной связи и немедленно присоединяются къ частичкамъ растворителя» (ib. § 32).... «Если изъ двухъ одинаковыхъ порцій одной и той-же кислоты одну разбавить водою, другую—нѣтъ, то первая растворяетъ больше металла, такъ какъ бо́льшее количество воздуха распредѣлено по бо́льшему объему» (ib., § 33).

Теорія Ломоносова о растворенiи—съ выдѣленіемъ газа—металловъ въ кислотахъ является какъ бы продолженіемъ разсужденій Stahl'я и отвѣтомъ на оставленный послѣдпимъ открытымъ вопросъ о *причинахъ* такого вскипанія. Stahl—въ трактатѣ о природѣ солей—подробно останавливается на явленіяхъ вскипанія, а именно: «Cap. XXXIX. Von dem blästigen Brausen, oder Aufwallen bei den solutionibus chymicis». Разбирая *обстоя-*

тельства, при которыхъ происходитъ сильное вскипаніе, Stahl подчеркиваетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что крѣпкая водка выдѣляетъ значительное тепло именно съ тѣми металлами, съ которыми она даетъ бо́льшее вскипаніе, что одна и та же крѣпкая водка вскипаетъ слабѣе всего при свинцѣ и ртути, и все сильнѣе при переходѣ отъ нихъ къ серебру, далѣе къ мѣди, олову, regulo antimonii и желѣзу, а сильнѣе всего — съ цинкомъ. Потомъ упоминается, что вскипаніе отсутствуетъ, когда осажденная изъ щелочнаго спирта уксусомъ окалина (crocus) растворяется въ крѣпкой водкѣ; далѣе Stahl приводитъ опыты, показывающіе, что дѣйствіе кислоты и вскипаніе возрастаютъ съ прибавленіемъ воды. Эти факты совпадаютъ съ выше приведенными фактами Ломоносова. Наконецъ, Stahl останавливается на вопросѣ: «Was aber solche Bähung eigentlich *mache*?... Solches ist eine Frage, die zu der Chymie, an ihr selbsten und eigentlich, ebensowenig gehöret.... Sondern gehören dergleichen Fragen insgesamt zur *Physic* allein...» (l. c., p. 377—378).

Какъ физикъ, Ломоносовъ приступаетъ къ рѣшенію этого вопроса. Stahl, какъ химикъ, отрицаетъ высказанную нѣкоторыми теорію, что выдѣляющійся при раствареніи воздухъ предварительно былъ включенъ въ металлахъ и т. д. «Die Luft aber selbsten in solcher Menge, wie eine schnell veranlasste Schäumung solcher Art ausweiset, weder in dergleichen quantität eines Erdischen, noch saltzigten Cörpers, gestecket zu haben, mit einiger Vernunft begriffen werden kann» (l. c., p. 370).

По Ломоносову необходимо и можно допустить воздухъ, сгущенный въ порахъ металла, а равно воздухъ, разсѣянный въ порахъ жидкости (кислоты и т. д.) (Diss., § 20—22).

Какъ физикъ, онъ преимущественно останавливается на *актѣ* растворенія, вообще не касаясь *продуктовъ* этого процесса. Допустимъ на минуту, что его теорія вѣрна: тогда, напр., спрашивается: почему — на основаніи § 33 (см. b) — одна вода не дастъ

---

1) Ср. G. E. Stahl. «Betrachtung und Beweiss von den Saltzen», Halle. 1723, стр. 362—378.

вскипаній съ металломъ? почему оторванный воздухомъ частички металла (ср. § 27) вообще соединяются съ кислотою? почему одинъ и тотъ-же металлъ соединяется съ крѣпкою водкою (азотной кислотою), но не соединяется съ уксусною? почему послѣдняя, наоборотъ, осаждаетъ окалину (ср. § 32)? Пренебрегая химическимъ сродствомъ между частичками разнородныхъ тѣлъ, онъ и не интересуется продуктами взаимодѣйствія.

Вслѣдствіе чего происходитъ раствореніе *солей*? На этотъ вопросъ Ломоносовъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Напомнимъ, что всѣ соли содержатъ значительныя количества воды...» (Diss., § 39). «Такъ какъ поры солей наполнены водою, то онѣ не могутъ болѣе принимать ее въ себя; не можетъ входить и дѣйствовать своей упругою силою и воздухъ» (ib., § 41)... «При превращеніи твердыхъ тѣлъ въ жидкія частички ихъ приходятъ въ болѣе быстрое вращательное движеніе... Частички воды сообщаютъ [какъ имѣющія болѣе быстрое движеніе] это движеніе частичкамъ находящейся въ порахъ солей воды, отъ этого отдѣляются частички соли и разсѣиваются по растворителю» (ib., § 44). «...Поэтому частички воды, *сообщая движеніе частичкамъ солей, теряютъ часть своего движенія, а такъ какъ движеніе — источникъ теплоты, то неудивительно, что вода при раствареніи соли охлаждается*» (ib., § 46)... «Дѣйствіе растворителей на погруженныя въ нихъ тѣла можно въ первомъ случаѣ (металлы и кислоты) назвать посредственнымъ, во-второмъ — непосредственнымъ; въ первомъ частички тѣла отрываются упругой силою воздуха, во второмъ — частичками растворителя. Выдѣленіе теплоты при посредственномъ раствареніи, поглощеніе ея при непосредственномъ могутъ служить отличительными признаками того и другого» (ib., § 48).

Въ числѣ фактовъ, излагаемыхъ Stahl'емъ въ вышецитированномъ трудѣ, имѣются еще слѣдующіе: вскипаніе и сильное нагрѣваніе при раствареніи перегнанныхъ маслъ и винаго спирта въ кислотныхъ спиртахъ, сильное нагрѣваніе безъ вскипанія при раствареніи кальцинированныхъ купоросовъ въ винномъ

спиртѣ или въ водѣ, а равно купороснаго масла въ водѣ (l. c., 369). Объ этихъ феноменахъ Ломоносовъ вовсе не говоритъ; вѣдь слѣдовало бы ожидать охлажденія въ этихъ случаяхъ вмѣсто сильнаго нагрѣванія?

Какъ оцѣниваетъ Ломоносовъ самъ эту (физическую) теорію растворенія?

Въ собственноручномъ «конспектѣ [1]) главнѣйшихъ теоремъ, которыми постарался обогатить естественныя науки М. Ломоносовъ», въ пунктѣ 3-мъ, онъ пишетъ слѣдующее: «Основанная на химическихъ опытахъ и физическихъ началахъ теорія растворовъ есть первый примѣръ и образцикъ для основанія истинной физической химіи, потому что явленія объясняются по твердымъ законамъ механики, а не на жалкомъ основаніи притяженія» (1764).

Какъ отнеслись къ этой теоріи ученые того же періода и какое вліяніе оказала она на дальнѣйшее развитіе ученія о растворахъ?

Въ современныхъ научныхъ трудахъ теорія Ломоносова упоминается лишь рѣдко. Ученый Eller [2]) (членъ Берлинской Академіи Наукъ), съ 1750 г. работая также въ области растворовъ и развивая свою теорію растворенія, игнорируетъ воззрѣнія Ломоносова. Въ появившейся въ 1765 г. «Dissertatio inauguralis medica sistens Theoriam solutionis chemicae» Faulhuber'a, составленной подъ руководствомъ профессора въ Тюбингенѣ Phil. Friedr. Gmelin'a [3]), подробно (стр. 11, 17, 18, 21, 27) разсматривается теорія растворовъ Ломоносова, рядомъ съ теоріями R. Boyle и Lemery, Boerhave, Eller'a, Macquer'a и др. Знаменитый въ свое время шведскій химикъ I. G. Wallerius, авторъ весьма распространеннаго учебника «Физическая химія»

---

1) См. Меншуткинъ, стр. 289 и 290.

2) Eller. Mém. de Berlin, 1750, p. 95, cf. Phys.-Chym.-Medic. Abhandlungen, II, 364—381 (1764).

3) Phil. Friedr. Gmelin — братъ Іоганна Георга Гмелина (втораго профессора химіи при Академіи, уступившаго въ 1745 г. свою профессуру Ломоносову).

(«Chemia physica», Stockholm. 1759; нѣмецкое изданіе «Physische Chemie», 1772 и 1780) приводитъ[1]) теорію Ломоносова; однако, онъ находитъ ее неудотворительной, такъ какъ она, въ крайнемъ случаѣ, можетъ пояснить механическое, но не химическое раздѣленіе тѣлъ, и никакъ не объяснятъ, почему лишь одно опредѣленное тѣло, но не другое, превращается даннымъ растворителемъ въ жидкость.

Выше нами было уже подчеркнуто то обстоятельство, что Ломоносовъ не признавалъ ни силу притяженія, ни химическое сродство. Однако, въ химіи XVIII вѣка, въ частности начиная съ 1750 года, ученіе о химическомъ сродствѣ является основаніемъ теоретическихъ и экспериментальныхъ трудовъ. Выдвинутая Newton'омъ (съ 1704 г.) и развитая Boerhave (съ 1732 года), химическая теорія растворовъ зиждется на принципѣ химическаго сродства, и виднѣйшіе химики разрабатываютъ и распространяютъ это ученіе, а равно химическую теорію растворовъ: напр., Macquer («Elémens de chymie», 1753), упомянутый уже Wallerius (съ 1759 г.), Baumé («Chymie expérimentale», 1771), Guyton de Morveau («Elémens de Chymie», 1777), C. F. Wenzel («Lehre von der Verwandtschaft der Körper», 1777), Torbern Bergman («Opuscula physica et chemica», t. III, 1783).

Естествоиспытатели въ родѣ знаменитаго Buffon'a («Histoire Naturelle et Supplém».) провозглашаютъ ученіе: «Les loix d'affinité sont les mêmes que la loi générale, par laquelle les corps célestes agissent les uns sur les autres».

При такихъ обстоятельствахъ механическая теорія растворовъ Ломоносова не нашла въ наукѣ ни почвы, ни защитниковъ. Не успѣвъ оказать какое-либо вліяніе на развитіе химическихъ взглядовъ, она уже оказалась забытой у химиковъ конца XVIII вѣка, поглощенныхъ идеями Lavoisier. Даже имя Ломоносова, какъ химика, не успѣло попасть въ исторію химіи: виднѣйшіе историки химіи, напр., H. Kopp, Hoefer, E. v. Meyer,

---

1) Wallerius. «Physische Chemie», II Aufl., übersetzt von Weigel. It., 182 (1780).

писавшіе свои труды въ XIX вѣкѣ, не упоминаютъ о немъ. На первый взглядъ отношеніе это кажется правильнымъ. Вѣдь Ломоносовъ не прославился ни открытіемъ какого-либо новаго химическаго тѣла, простого или сложнаго, или какой-либо новой химической реакціи, ни введеніемъ въ химію какой-либо новой и плодотворной теоріи, ни составленіемъ распространенныхъ въ химическомъ мірѣ книгъ, ни печатаніемъ многочисленныхъ химическихъ изслѣдованій, собственныхъ или его учениковъ. Какъ *физикъ*, онъ былъ извѣстенъ на западѣ среди ученыхъ [1]), но изъ его *химическихъ* трудовъ, кромѣ диссертаціи о растворителяхъ, мимоходомъ упоминается еще его изслѣдованіе [2]) «De tincturis metallorum» («Comm. Acad. Petropol.», t. XIV, 286—298 [1751]).

Но не смотря на все это, и не скрывая недостатковъ его теоріи растворовъ, мы должны отвести Ломоносову болѣе видное мѣсто въ исторіи химіи. Лишь въ послѣднее время историки стали отдавать ему справедливость [3]).—Если, напр., остановиться на его теоріи растворовъ, то *идея* его о сгущенныхъ въ металлахъ и разсѣянныхъ въ порахъ жидкостей газахъ есть серьезная попытка раскрыть дѣйствительную причину вскипанія при растваореніи металловъ въ кислотахъ, — это какъ бы предчувствіе того

---

1) Труды Ломоносова по физикѣ пользовались на западѣ довольно широкою извѣстностью еще до начала XIX вѣка. Въ Мемуарахъ Шведской Академіи Наукъ («Kongl. Swenska Vetenskaps Academiens—Handlingär...», Stockholm), напр., за 1759 г. упоминаются изслѣдованія Ломоносова о воздушномъ электричествѣ, а за 1763 г. напечатана его работа «О происхожденіи ледяныхъ горъ въ Сѣверномъ океанѣ». Въ капитальномъ трудѣ «Gehler's Physikalisches Wörterbuch» (1825—1845) разсматриваются его работы по сѣверному сіянію (т. VII, 158), его теорія теплоты (т. X, 56) и его анемометры (т. X, 2162, 2163).

2) Напр., Joh. Fr. Gmelin, въ своей весьма подробной исторіи химіи: «Geschichte der Chemie» (1797—1799) цитируетъ Ломоносова во II томѣ, на стр. 449, 577 и 697, но имѣетъ въ виду лишь его диссертацію о растворителяхъ и его разсужденіе «De tincturis metallorum».

3) См., напр., сочиненіе M. Speter: «Lavoisier und seine Vorgänger», Stuttgart. 1910, стр. 52 — 55; также M. Speter — «Chemiker-Zeitung», XXXIV, 947 (1910). Такое отношеніе западныхъ химиковъ стало возможнымъ лишь послѣ изслѣдованій Б. Н. Меншуткина (см. цитир. труды). См. также: B. N. Menschutkin und M. Speter: «Phys.-chemische Abhandlungen von M. W. Lomonossow» (Ostwalds Klassiker, № 178. 1910).

химическаго взаимодѣйствія, которое фактически имѣетъ мѣсто между металломъ и кислотой и выдѣляетъ изъ послѣдней газы, напр., водородъ (открытый Cavendish'емъ въ 1766 г.), закись азота (Priestley, 1776), окись азота (Priestley, 1772) и т. д.

Если, слѣдовательно, объясненіе Ломоносова о *происхожденіи* этихъ газовъ при актѣ растворенія не вѣрно, то, съ другой стороны, отстаиваемая имъ идея о сгущеніи газовъ въ металлахъ и жидкостяхъ оказалась вполнѣ правильной. Такъ впослѣдствіи была доказана способность разнородныхъ твердыхъ тѣлъ поглощать (адсорбировать) газы; такъ между прочимъ былъ найденъ фактъ, что металлы (напр., желѣзо, серебро, мѣдь, платина, палладій) весьма упорно удерживаютъ (въ своихъ порахъ) большіе объемы газовъ, иногда въ нѣсколько сотъ разъ бо́льшіе, чѣмъ собственный объемъ металла; укажемъ лишь на открытую Graham'омъ «окклюзію» (1868), на *твердые растворы* газовъ van't Hoff'a (1890), на инертные благородные газы гелій, аргонъ, открытые Ramsay'емъ (въ 1895 г.) въ рѣдкихъ минералахъ.

Другой пунктъ его диссертаціи, заслуживающій краткаго разбора, находится въ § 48 послѣдней. Въ этой статьѣ говорится о *двухъ категоріяхъ растворовъ* и *о теплотѣ, какъ отличительномъ признакѣ* этихъ категорій: раствареніе металловъ происходитъ съ *выдѣленіемъ*, а раствареніе солей безъ всякихъ измѣненій — съ *поглощеніемъ* тепла. Такое раздѣленіе является весьма знаменательнымъ. Значеніе его станетъ яснымъ изъ слѣдующей исторической справки. Не только во времена Ломоносова, но и еще въ концѣ XVIII вѣка терминъ «*раствареніе*» понимался и употреблялся въ самомъ широкомъ смыслѣ [1]). Такъ, напр., еще въ 1777 г. G. de Morveau («Elémens de Chymie») пишетъ: «.... tout est dissolution dans la Chymie: puisqu'elle n'agit jamais que par dissolution, soit qu'elle veuille analyser un corps, soit qu'elle veuille produire un nouveau composé...». И Wiegleb (въ своемъ «Handbuch der allgemeinen Chemie», 1796) поясняетъ: «*Die Auflö-*

1) Сравни, напр., P. Walden, «Die Lösungstheorien», стр. 15 (1910).

sung auf dem nassen Wege erfolget durch verschiedene allbereits flüssige Auflösungsmittel, als durch Luft, Wasser, Oele, Weingeist, Säuren, versüsste Säuren, flüchtig Alkali und allerhand wässerige Salzauflösungen». Изъ этихъ цитатъ видно, что «растворешемъ» (dissolution, Auflösung, Lösung) считался одинаково переходъ расплавленнаго на воздухѣ свинца въ глетъ, серебра въ присутствіи крѣпкой водки въ $AgNO_3$, песка въ присутствіи щелочи въ растворимое стекло, какъ и переходъ смолы въ спиртъ, сахара или поваренной соли въ воду. Въ химической наукѣ еще не выработалась потребность различать по существу столь разнородныя явленія. При этомъ, однако, было очевидно, что нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ при выдѣленіи тепла, при вскипаніи (выдѣленіи газовъ) и даютъ въ результатѣ *новыя* тѣла, съ рѣзко отличающимися свойствами, трудно переходящія обратно въ первоначальное тѣло; наоборотъ, сахаръ или соль растворяются въ водѣ легко, безъ вскипанія, а послѣ простого выпариванія или высыханія даютъ опять соль и сахаръ. И вотъ мы видимъ, что Ломоносовъ, уже въ 1747 году, старается отличать эти явленія при растореніи по физическимъ признакамъ: къ *одной* категоріи растворовъ онъ относитъ растворы, напр., металловъ въ кислотѣ (т. е., явно химическія превращенія), происходящіе экзотермически, а къ *другой* категоріи причисляетъ растворы солей, происходящіе эндотермически. Такое раздѣленіе растворовъ имѣетъ значеніе историческаго событія, опередившаго на 40 лѣтъ знаменитаго Lavoisier. Послѣдній лишь въ 1789 году, въ противоположность къ существовавшимъ тогда взглядамъ о растворахъ, сталъ различать растореніе *металловъ* въ кислотахъ, называя этотъ феноменъ «dissolution», и растореніе *солей* въ водѣ, т. е. «solution»; въ первомъ случаѣ происходитъ вскипаніе, и металлъ переходитъ въ новую форму; во второмъ случаѣ «les molécules salines sont simplement écartées les unes des autres, mais ni le sel, ni l'eau n'éprouvent aucune décomposition». — Для дальнѣйшаго развитія [1]) ученія о растворахъ упомянутое раздѣленіе La-

1) См. P. Walden, «Die Lösungstheorien», стр. 46 (1910).

voisier играетъ выдающуюся роль. Вопросъ о *химизмѣ* при раствореніи вообще становится важной проблемою науки; вопросъ объ *отличительныхъ признакахъ* химическихъ процессовъ отъ физическихъ пріобрѣтаетъ фундаментальное значеніе. Въ рѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ термохимическія изслѣдованія стоятъ на первомъ планѣ. Уже Berzelius («Lehrbuch der Chemie», 1842) говоритъ, что «гамъ, гдѣ дѣйствуетъ сила химическаго сродства, выдѣляется теплота, между тѣмъ, какъ при дѣйствіи силы растворенія поглощается теплота». Наконецъ, въ 1853 г., Jul. Thomsen формулируетъ законъ, *«что каждое простое или сложное химическое дѣйствіе чисто химическаго характера сопровождается выдѣленіемъ тепла»*.

Резюмируя, мы должны сказать, что теорія Ломоносова о раствореніи, въ общей сложности неправильная и поэтому отвергнутая наукою, по своему характеру, какъ физическій или механическій способъ объясненія растворимости, имѣла raison d'être: еще въ настоящее время, 150 лѣтъ спустя, химическая теорія растворенія (напр., гидратная теорія) борется съ физической (напр., осмотической) теоріей за право существованія. Предположеніе Ломоносова о сгущеніи (адсорціи) газовъ въ металлахъ было подтверждено черезъ 100 лѣтъ. Впервые Ломоносовъ *раздѣлилъ* растворы на два класса, пользуясь *теплотой*, какъ отличительнымъ признакомъ. Кромѣ того, диссертація Ломоносова о растворителяхъ еще знаменательна вслѣдствіе § 46: «Когда одно тѣло ускоряетъ движеніе другого и сообщаетъ ему часть своего движенія, то только такъ, что само теряетъ такую-же часть движенія и т. д.». Здѣсь Ломоносовъ выступаетъ, какъ одинъ изъ предшественниковъ R. Mayer'a (1842) и Joule (1842), открывшихъ «законъ сохраненія энергіи».

Разсмотрѣвъ *теорію* растворовъ Ломоносова, перейдемъ къ разбору его *экспериментальныхъ* изслѣдованій по растворамъ и къ оцѣнкѣ его лекцій по физической химіи, причинно связанныхъ съ программою его опытныхъ работъ.

Б. Экспериментальныя изслѣдованія (водныхъ) растворовъ. Физическая химія.

Но истинѣ удивительной можно назвать программу опытовъ, задуманную Ломоносовымъ съ цѣлью изученія водныхъ растворовъ солей. Возникаетъ эта программа въ связи съ его «лекціями по физической химіи»[1]). *Во-первыхъ*, поражаетъ насъ то обстоятельство, что лекторъ называетъ химію «*наукою*», разсматривающей «свойства и измѣненія тѣлъ»; въ частности: «физическая химія — наука, объясняющая на основаніи положеній и опытовъ *физическихъ* причину того, что происходитъ черезъ химическія операціи въ сложныхъ тѣлахъ» (§ 1, 3 и 4). Химія называлась въ то время *искусствомъ*. Посмотримъ, какъ опредѣлялась цѣль химіи въ классическихъ учебникахъ этого періода. По французскому изданію (1752 г.) Boerhave «la Chymie est un *Art* qui enseigne à faire certaines Opérations Physiques, par le moïen des quelles les Corps... sont changés par des instrumens propres»... «Et c'est avec raison qu'on donne le nom d'Art à la Chymie, puisqu'elle nous dirige dans la pratique les certaines Opérations dont on peut prévoir les suites[2])». Англійскій химикъ Peter Shaw въ своихъ «Chemical Lectures» даетъ слѣдующее опредѣленіе: «Philosophical Chemistry we define as a rational *Art* of dividing or resolving all the Bodies...»[3]). А по Chr. Weigel'ю, еще въ 1788 г., «die *Scheidekunst*, oder Chemie lehrt die Mischung der Körper, aus einfacheren Stoffen, verschiedener Beschaffenheit, kennen, die Körper in solche zerlegen und aus denselben wieder zusammensetzen»[4]).

---

1) См. переводъ у Меншуткина, стр. 104—123.

2) Boerhave, «Elémens de Chymie», trad. par Allamand, Amsterdam. 1752, t. I, p. 35.

3) Peter Shaw, «Chemical Lectures», II edit., London. 1755, p. 1.

4) Christ. Ehrenfr. Weigel, «Einleitung zur allgemeinen Scheidekunst», Leipzig. 1788, I Stück, p. 3.

Во-вторыхъ достойно особаго вниманія то обстоятельство, что Ломоносовъ вполнѣ сознательно, въ теченіе всей своей научной жизни, словомъ и дѣломъ доказывалъ тѣсную связь между химіей, физикой и математикой. Первымъ примѣромъ служитъ сохранившійся въ рукописи его трудъ «Elementa *Chymiae Mathematicae*» (1741-го года). Въ своемъ «Словѣ о пользѣ химіи» (1751) онъ говоритъ: «Химія по справедливости можетъ называться руками, математика—очами физическими». Въ своихъ лекціяхъ «Tentamen *Chymiae Physicae*» (1752) онъ переноситъ свою идею въ дѣло. Въ своихъ физико-химическихъ опытахъ онъ намѣренъ «испытывать все, что только можно *измѣрять*, *взвѣшивать* и *опредѣлять вычисленіемъ*» (1752). Въ отчетѣ за 1753 г. онъ сообщаетъ, что дѣлалъ многочисленные опыты, «гдѣ *мѣра*, *вѣсъ* и ихъ *пропорція* показаны». И еще нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, какъ бы въ видѣ своего научнаго завѣщанія химикамъ, онъ пишетъ: «Химикъ безъ знанія физики подобенъ человѣку, который всего искать долженъ ощупомъ. И сіи двѣ науки такъ соединены между собою, что одна безъ другой въ совершенствѣ быть не могутъ» (1764).

Такъ могъ писать и учить только мужъ науки, который, какъ *тотъ* химика, опредѣлилъ свое время болѣе, чѣмъ на 100 лѣтъ. Вѣдь виднѣйшіе химики этого періода (около 1750) были, по преимуществу, медики или фармацевты: напр., Stahl, Boerhave, Hoffmann, Eller, Pott—профессора медицины, а Marggraf Model, Wiegleb, Rouelle, Baumé—выдающіеся фармацевты. Однако, минуло столѣтіе, и еще въ 1840 году Liebig[1]) жаловался: «Die Chemie war die Dienerin des Arztes, dem sie Purgauzen und Brechmittel bereitete; eingepfropft in die medizinischen Fakultäten konnte sie nicht zur Selbständigkeit gelangen. Nur notdürftig lernte sie der Mediziner kennen, ausser ihm und dem Pharmazeuten existierte sie nicht» (1840).

Ломоносову посчастливилось изучать химію, не будучи ни медикомъ, ни фармацевтомъ, а являясь ученикомъ столь универ-

---

1) Liebig, «Annalen», 34, 102 (1840).

сальнаго ученаго, физика и философа, каковымъ былъ Chr. Wolff въ Марбургѣ. Усвоивъ и переработавъ методы и ученія физики и философіи, Ломоносовъ долженъ былъ относиться къ тогдашней химіи со строгой критикой. Уже въ эти годы умственнаго брожженія кристаллизуется въ его головѣ «будущая химія».

Однако, призывы и личный примѣръ Ломоносова оказались напрасными. Еще въ концѣ XVIII вѣка извѣстный физикъ Lichtenberg сатирически писалъ: «Wer nichts als Chemie versteht, versteht auch die nicht recht». И ошибка спустя, знаменитый Bunsen неодократно говорилъ, какъ бы повторяя слова Ломоносова: «Ein Chemiker, der kein Physiker ist, ist garnichts». Еще въ 1882 г. Du Bois-Reymond могъ заявить въ Берлинской Академіи Наукъ: «Im Gegensatz zur modernen Chemie kann man die physikalische Chemie die Chemie der Zukunft nennen».

Лишь начиная съ 1885—1887 годовъ можно говорить о физической химіи, какъ самостоятельной наукѣ: появились теоріи растворовъ I. H. van't Hoff'a и Sv. Arrhenius'a, появился обширный трудъ W. Ostwald'a: «Lehrbuch der allgemeinen Chemie», былъ основанъ первый самостоятельный журналъ «Zeitschrift für physikalische Chemie».

Итакъ, концу XIX вѣка было суждено реализовать великую идею Ломоносова о сочетаніи химіи съ физикою: потребовалось полтораста лѣтъ, чтобы, наконецъ, установилась явная необходимость существованія физической химіи, и чтобы были созданы условія для существованія и развитія этой науки!

Въ-третьихъ: давая для химіи опредѣленіе «науки», а не «искусства», Ломоносовъ тѣмъ расширилъ рамки химіи и способы изученія ея. Въ своихъ «Элементахъ математической химіи» (1741 г.) онъ уже пишетъ: «Химія—наука измѣненій» (§ 1); «всѣ измѣненія тѣлъ происходятъ при помощи движенія» (§ 16); «движенія составляютъ область механики» (§ 20); «потому измѣненія эти могутъ быть объяснены законами механики (§ 21). «И такъ какъ знаніе механики предполагаетъ знаніе математики, *то стремя-*

щійся къ ближайшему изученію химіи долженъ хорошо знать математику» (§ 24).

Любопытно сопоставить это мнѣніе Ломоносова съ мнѣніемъ великаго мыслителя Kant'a (1786), что каждая наука лишь по столько есть наука, по сколько въ ней имѣется математики, вслѣдствіе чего химія не можетъ считаться наукою. — Прошло болѣе ста лѣтъ, и извѣстный нѣмецкій химикъ Lothar Meyer, авторъ книги: «Die modernen Theorien der Chemie» (I изд. вышло въ 1864 г.) слова, слѣдующимъ образомъ, опредѣляетъ задачи и цѣли химіи: «Das höchste und letzte Ziel aller chemischen Forschung muss daher die Entwickelung der chemischen Statik und Mechanik sein»[1]).

«Стремящійся къ ближайшему изученію химіи долженъ хорошо знать математику»— слова Ломоносова въ 1741 г. Вотъ какъ формулируется то же требованіе въ концѣ XIX вѣка однимъ изъ видныхъ физико-химиковъ, W. Ostwald'омъ: «Die Notwendigkeit einer Kenntnis der höheren Mathematik ist dem heutigen Chemiker, nicht nur dem Physiko-Chemiker, so nahe gerückt, dass sich jeder Jünger unserer Wissenschaft, der sich etwas höhere Ziele stellt,... nach der Erlangung dieses wichtigen Hilfsmittels der Erkenntnis umsehen muss»[2]).

Въ-четвертыхъ, насъ интересуетъ еще Ломоносовъ, какъ *педагогъ*. Каковъ былъ его методъ преподаванія? Если при этомъ исходить изъ его «Лекцій по физической химіи», то таковыя по содержанію, по полнотѣ научнаго матеріала, по ясности изложенія и систематичности группировки выдерживаютъ критику и съ нашей, современной точки зрѣнія. Собравъ весь запасъ свѣдѣній о физическихъ свойствахъ тѣлъ въ *систему*, Ломоносовъ преподноситъ *первый курсъ* физической химіи, впервые и *официально* читаетъ физическую химію, какъ самостоятельную университетскую науку, и является *первымъ профессоромъ* этого предмета. Свои

---

1) Lothar Meyer, «Die Modernen Theorien der Chemie», VI Aufl. 1896, стр. 2.
2) W. Ostwald, «Zeitschr. phys. Chemie», *19*, 515 (1896).

лекціи онъ диктовалъ студентамъ; рядомъ съ лекціями, однако, Ломоносовъ показывалъ своимъ слушателямъ и *опыты*. Для характеристики нашего лектора-педагога весьма важно познакомиться съ числомъ и родомъ его лекціонныхъ опытовъ. Сохранилась программа опытовъ, показанныхъ Ломоносовымъ на лекціяхъ (см. Меншуткинъ, l. c., стр. 128). И дѣйствительно стоитъ присмотрѣться ближе къ данному перечисленію этихъ опытовъ! Они обнимаютъ *всѣ химическія операціи* и *всѣ физическіе методы изученія тѣлъ*, напр.: удѣльный вѣсъ, сцѣпленіе, фигуры кристалловъ, микроскопическія наблюденія, свѣтопреломленіе; скорость кристаллизаціи, растворенія, перегонки, сгоранія; теплопроводность; опыты подъ давленіемъ; опыты въ пустотѣ и т. д. Эта программа поражаетъ насъ своимъ богатствомъ; если прибавимъ, что кромѣ того опредѣлялся «вѣсъ всего, пропорціи и измѣненіе растворовъ и смѣсей», то мы охотно согласимся, что она—образцовая даже для нашихъ дней—представляетъ почти полную программу курса *«экспериментальной общей или физической химіи»* для студентовъ начала XX вѣка! Все это давалось Ломоносовымъ уже полтораста лѣтъ тому назадъ. Это тѣмъ удивительнѣе, что еще въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка химія обыкновенно преподавалась абстрактно, безъ опытовъ. Въ какомъ печальномъ положеніи находилось преподаваніе химіи еще около 1820 года, намъ извѣстно по автобіографическимъ замѣткамъ Iust. Liebig'a (вопросъ идетъ объ университетахъ въ гор. Боннѣ и Эрлангенѣ, въ которыхъ молодой Liebig изучалъ химію): «Der Vortrag von Kastner, welcher als der berühmteste Chemiker galt, war ungeordnet, unlogisch und ganz wie die Trödelbude voll Wissen, die ich in meinem Kopfe herumtrug... Ich folgte später Kastner nach Erlangen, da er mir versprochen hatte, einige Mineralien mit mir zu analysieren; er wusste es aber leider selbst nicht, und niemals führte er eine Analyse mit mir aus». Этотъ же Kastner былъ дѣйствительно одинъ изъ извѣстнѣйшихъ химиковъ въ Германіи; онъ былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ съ 1805—1812, въ Галлѣ съ 1812—1818,

въ Боннѣ съ 1818—1821 и въ Эрлангенѣ съ 1821—1857 г. По поводу этого плачевнаго преподаванія химіи даже такимъ славнымъ въ свое время профессоромъ, Volhard справедливо замѣчаетъ: «Dass... Liebig... in Erlangen nicht finden konnte, was er suchte, nämlich Einführung in die wissenschaftliche Forschung, Anleitung, wie man wissenschaftliche Fragen stellt und experimentell beantwortet, das hatte Liebig sehr bald eingesehen...» [1]).

Примѣняя (около 1750 г.) при своихъ лекціяхъ по химіи *экспериментальный методъ преподаванія*, — методъ, вошедшій въ моду лишь въ XIX столѣтіи, — Ломоносовъ сдѣлалъ еще другой замѣчательный шагъ впередъ. Для болѣе совершеннаго воспитанія студентовъ-химиковъ вѣдь необходимо, чтобы они не только слушали лекціи и видѣли опыты профессора, но и собственными руками производили всѣ операціи, непосредственно знакомились со всѣми превращеніями тѣлъ, переходя отъ качественныхъ измѣреній къ количественнымъ и, наконецъ, къ самостоятельнымъ наблюденіямъ: ученикъ постепенно дѣлается помощникомъ и сотрудникомъ профессора, а впослѣдствіи самъ является мастеромъ своей науки. Въ отчетѣ Ломоносова (представленномъ 15-го апрѣля 1754 г. въ Конференцію Академіи) сказано слѣдующее: «Такъ какъ для постановки этихъ опытовъ (съ солями и др.) требуется много времени и большая часть легко можетъ быть сдѣлана помощникомъ въ его (профессора) отсутствіи, почему онъ отчасти употребилъ для этихъ трудовъ *студентовъ, ходившихъ къ нему на лекціи*». Такихъ студентовъ-химиковъ было, напр., въ 1753 г., у Ломоносова три человѣка; присовокупимъ еще, что однимъ изъ нихъ, Клементьевымъ, произведена была (въ 1753 г.) даже экспериментальная работа—диссертація «Объ увеличеніи вѣса металловъ послѣ осажденія».

Невольно припоминается опять славное имя Liebig'a, создавшаго новую эпоху въ химіи введеніемъ новаго метода преподаванія и изученія химіи: въ 1824 году онъ устроилъ и открылъ

---

1) Jac. Volhard, «Justus v. Liebig», Leipzig. 1909, I, 19, 29.

въ гор. *Гиссенъ* первую университетскую химическую лабораторію для практическихъ занятій студентовъ-химиковъ... Въ Россіи, въ первой учебной лабораторіи Ломоносова, число способныхъ учениковъ изъ года въ годъ уменьшается; изъ-за недостатка сотрудниковъ Ломоносовская химическая школа скоро безслѣдно исчезаетъ и широкія научныя проблемы и дальновидныя идеи геніальнаго учителя остаются неразработанными, неопубликованными, почти неизвѣстными: кто сможетъ опредѣлить сопряженную съ этими обстоятельствами потерю для русской науки и русскаго имени? Съ другой стороны, въ Германіи, въ скромной лабораторіи Liebig'a, стекаются свѣжія научныя силы со всѣхъ концовъ міра, число сотрудниковъ и слава школы Liebig'a возрастаютъ съ каждымъ годомъ, а въ результатѣ появляется поразительное развитіе какъ химической науки, такъ и химической промышленности въ Германіи.

Въ заключеніе остановимся на *собственныхъ физико-химическихъ опытахъ* Ломоносова съ водными растворами, произведенныхъ главнымъ образомъ въ 1753—1756 г. Хотя о нихъ упоминается часто въ отчетахъ, но имъ не было суждено появиться въ печатномъ видѣ. Впервые Б. Н. Меншуткинъ извлекъ ихъ изъ рукописей, хранящихся въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, вмѣстѣ съ той обширной программою, которая была намѣчена Ломоносовымъ для своихъ экспериментальныхъ изслѣдованій (Меншуткинъ, стр. 124—152). Эту программу нужно назвать программой ученаго-гиганта: въ ней, какъ и въ его лекціяхъ, сказывается замѣчательная способность автора къ систематизированію; въ кругъ опытовъ и наблюденій надъ *растворами* солей въ водѣ должны были войти слѣдующія физическія явленія [1]): растворимость при разныхъ температурахъ, плотность растворовъ, увеличеніе объема при растореніи, поглощеніе теплоты, температура кипѣнія растворовъ, растворимость въ соляныхъ растворахъ, температура замерзанія растворовъ, удѣльная теплота, сцѣ-

1) См. Б. Н. Меншуткинъ, l. c., стр. 125.

ленiе солей и растворовъ, свѣтопреломленiе ихъ, капиллярность соляныхъ растворовъ въ сравненiи съ чистой водой, микроскопическое изученiе растворовъ, дѣйствiе электричества на растворы, цвѣтъ электрическихъ искръ и пламени въ растворахъ солей, растворимость въ пустотѣ и на воздухѣ и др. — Равнымъ образомъ предполагалось изученiе тѣлъ въ *твердомъ*, аггрегатномъ состоянiи: кристаллизацiя при разныхъ температурахъ, форма и удѣльный вѣсъ кристалловъ, свѣтопреломленiе ихъ, роль электрической силы при кристаллизацiи; распыливанiе и растворенiе солей въ парахъ (воды, спирта); температура плавленiя солей; кальцинированiе солей, удѣльный вѣсъ порошкообразныхъ солей и т. д., и т. д.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣнiе этой программы, мы хотимъ лишь отмѣтить, что среди намѣченныхъ вопросовъ встрѣчаются и термохимическiе, и электрохимическiе, рядомъ съ спектрохимическими вопросами, т. е., такiя проблемы, рѣшенiе которыхъ послѣдовало послѣ столѣтней напряженной работы лишь во второй половинѣ XIX вѣка. Программа эта обнимаетъ почти весь экспериментальный и теоретическiй запасъ проблемъ, которыя излагаются въ настоящее время въ многотомныхъ трудахъ по физико-химiи (напр., «Ostwalds Lehrbuch der allgemeinen Chemie»), за исключенiемъ, однако, ученiя о химическомъ сродствѣ.

Необходимо при этомъ обратить вниманiе на слѣдующее обстоятельство, характерное для рода работы Ломоносова. Въ представленномъ въ 1745 г. прошенiи объ устройствѣ химической лабораторiи онъ излагаетъ планъ химическихъ работъ въ ней; первой работой вообще является слѣдующая: «Нужныя и въ химическихъ трудахъ употребительныя натуральныя матерiи *сперва со всякимъ стараniемъ вычистить*, чтобы въ нихъ никакого постороннаго примѣсу не было, отъ котораго въ другихъ дѣйствiяхъ обманъ быть можетъ». Въ диссертацiи студента Клементьева (1754) поясняется эта мысль: «Какимъ образомъ можетъ химiя достигнуть совершенства, если не будетъ тѣсно связана съ математикой и физикой? Вѣдь если не даны вѣсъ и мѣра, мы не мо-

жемъ даже навѣрняка получать результаты, достигнутые уже другими; не мудрено, что при повтореніи опубликованныхъ уже химическихъ опытовъ иногда не бываетъ удачи» (см. Меншуткинъ, 19, 134). Иначе говоря: 1) понятіе о «*чистомъ тѣлѣ*» или «*химическомъ индивидуумѣ*» уже сложилось у Ломоносова; 2) *критеріемъ* этой чистоты служатъ *физическія свойства* тѣлъ, или каждое чистое тѣло обладаетъ — независимо отъ происхожденія и приготовленія — постоянными, всегда повторяющимися физическими и химическими свойствами (напр., однимъ и тѣмъ же удѣльнымъ вѣсомъ, но и однимъ и тѣмъ же составомъ); 3) для *воспроизводимости* химическихъ опытовъ (при повтореніи изслѣдованій другихъ авторовъ) необходимо знаніе и соблюденіе всѣхъ физическихъ факторовъ, вѣса и мѣры.

Намѣченныя Ломоносовымъ въ его программѣ опытныхъ изслѣдованій физическія свойства, напр., температура плавленія, удѣльный вѣсъ, форма кристалловъ, сцѣпленіе, растворимость и т. д. твердыхъ тѣлъ, пріобрѣтаютъ съ этой точки зрѣнія болѣе глубокое значеніе. Его научныя цѣли и идеи являются дѣйствительно знаменательными, потому что у химиковъ того періода (около половины XVIII вѣка) отсутствовали понятія о *физическомъ охарактеризованіи* химическихъ соединеній. Лишь съ начала XIX вѣка эти понятія дѣлаются общими[1]), когда появилась атомная гипотеза Дальтона, классическія изслѣдованія Berzelius'a, Gay-Lussac'a, Liebig'a.

Что же, въ частности, касается *числовыхъ данныхъ*, найденныхъ Ломоносовымъ при его экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ солей и водныхъ растворовъ, то таковыя или вовсе не дошли до насъ, хотя о нихъ часто упоминается въ отчетахъ (напр., за 1753, 1754 и 1756 годы), или эти результаты остались въ неразработанномъ видѣ, въ нѣсколькихъ варіантахъ, доказывающихъ старанія экспериментатора, повтореніемъ опытовъ, устранить погрѣшности. Можно сожалѣть, что богатый опытный ма-

1) Ср., напр., мое сочиненіе: «Die Lösungstheorien», стр. 62—80 (1910).

теріалъ, методы изслѣдованія и планъ этой замѣчательной серіи изученій остались не опубликованными. Если остановиться на *числовыхъ* данныхъ о растворимости солей при температурахъ отъ 0° до температуры кипѣнія воды (см. Меншуткинъ, стр. 126, 142—146), то правильнѣе всего сличить ихъ съ результатами другихъ извѣстныхъ авторовъ того же періода. Я приведу маленькую таблицу, составленную мною для трехъ солей: хлористаго патрія NaCl, селитры KNO_3 и квасцовъ $KAl(SO_4)_2 + 12H_2O$, чтобы иллюстрировать относительную точность найденныхъ чиселъ p при температурѣ t; параллельно даются числа, найденныя Boerhave и Eller'омъ (послѣдній былъ видный членъ Берлинской Академіи Наукъ); кромѣ того, приведены цифры p, принимаемыя нами въ настоящее время за точныя числа растворимости упомянутыхъ солей. Буква p обозначаетъ растворимость (число частей соли) на 100 частей воды.

Авторъ:	NaCl			KNO_3.			Квасцы $KAl(SO_4)_2 + 12H_2O$.		
	t	p найд.	p (1907) 4).	t	p найд.	p (1907) 4).	t	p найд.	p (1907) 4).
Boerhave (1732—1752)	3·3°C.	30·8 1)	35·7	3·3°C.	18·8 1)	15·8	3·3°C.	7 1)	6·3
Eller (1750—1764). .	$\pm$11°C.	43·7 2)	35·8	$\geq$11C°.	50 2)	22·0	$\geq$11°C.	56·2 2)	8·0
Ломоносовъ (1754).	0°	31·2 3)	35·7	0°	16·3 3)	13·3	0°	6·2 3)	5·7
	50°	36·0 3)	37·0	50°	31·9 3)	85·5	44°	14·2 3)	29·0

Изъ нашего сопоставленія видно, что опредѣленія Ломоносова болѣе всего сходятся съ измѣреніями славнаго Boerhave,

---

1) Boerhave, «Elémens de Chymie». Trad. par Allamand, Amsterdam. 1752. T. II, p. 595; «Elementa chemiae», t. I, 576 (1732).

2) Eller, «Physik.-Chymisch-Medicinische Abhandlungen». Uebers. v. Gerhard, Berlin. 1764. II Theil, p. 370.

3) Ломоносовъ, см. Меншуткинъ, стр. 145 и 143.

4) См. A. Seidell, «Solubilities», New-York. 1907.

а по отношенію къ числамъ настоящаго времени для низкихъ температуръ показываютъ довольно хорошее совпаденіе. Числа Eller'a болѣе всего удаляются отъ дѣйствительности. Произведенныя Ломоносовымъ при повышенныхъ температурахъ опредѣленія растворимости оказываются неточными не столько вслѣдствіе примѣсей, сколько вслѣдствіе несоблюденія постоянной температуры во время операціи: объ этомъ можно заключить по тому обстоятельству, что погрѣшности становятся тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе температурный коэффиціентъ растворимости изучаемой соли.

Задуманные Ломоносовымъ опыты растворенія характерны тѣмъ, что они впервые поставили себѣ цѣлью изученіи *вліянія широкихъ предѣловъ температуры* на растворимость. Встрѣчающіяся въ это время опредѣленія растворимости относятся лишь къ одной температурѣ (см., напр., Boerhave и Eller). Присовокупимъ, что начатая Ломоносовымъ работа продолжена была и получила детальную разработку лишь съ начала XIX вѣка: никто иной, какъ знаменитый Gay-Lussac[1]) предпринялъ снова систематичное изученіе растворимости солей въ водѣ при *различныхъ* температурахъ.

Другой важный отдѣлъ опытныхъ изслѣдованій Ломоносова относится къ *температурамъ замерзанія* водныхъ растворовъ и къ понижению температуры при *растворени* солей и т. д. въ водѣ. Вопросъ о производствѣ искусственнаго холода занималъ ученыхъ уже въ XVI вѣкѣ (напр., Blas. Villafranca 1550); уже R. Boyle (1665) установилъ фактъ полученія холода при растворени напатыря, кислотъ и др. въ водѣ или при смѣшеніи со снѣгомъ; уже Fahrenheit и Réaumur (1734) изучаютъ точно эти температуры пониженія. Переходящія къ намъ цифровыя данныя Ломоносова съ этой точки зрѣнія не представляютъ ничего новаго. За то его опыты надъ замерзаніемъ растворовъ въ *зависимости отъ количества* соли заслуживаютъ вниманія. Ло-

1) Gay-Lussac, «Ann. chim. phys.» *11*, 296 (1819).

моносовъ [1]) установилъ фактъ, что, напр., растворы поваренной соли (а равно океанская вода) замерзаютъ тѣмъ ниже, чѣмъ крѣпче растворъ, т. е. температура замерзанія мѣняется *параллельно* съ измѣненіемъ концентраціи раствора.

Болѣе точныхъ (количественныхъ) опытовъ, кажется, имъ не было сдѣлано. Присовокупимъ, что въ 1788 году Sir Charles Blagden [2]) докончилъ эти изслѣдованія открытіемъ закона, что соль понижаетъ температуру замерзанія раствора *пропорціонально* растворенному количеству.

Изъ вышеприведенной обширной программы экспериментальныхъ изслѣдованій Ломоносова большинство вопросовъ осталось не разработанными или незаконченными. Впослѣдствіи, иногда по истеченіи цѣлаго столѣтія, намѣченные уже имъ вопросы снова подымались и постепенно рѣшались. Невольно спрашивается, почему Ломоносовъ самъ, вѣрные опредѣливъ рамки и цѣли физической химіи, не продолжалъ начатой имъ великой работы *перерожденія* химіи?

Ломоносова преимущественно интересовали широкія, фундаментальныя проблемы, объединяющія физику, химію и математику. Его философскій умъ показывалъ ему на горизонтѣ линіи и точки соприкосновенія и сліянія этихъ наукъ. Продолжительная и тщательная лабораторная работа надъ отдѣльными мелочами, отдѣльными опытами и измѣреніями не могла интересовать и плѣнять его. «Le génie—c'est la patience», говоритъ Buffon. Геній Ломоносова, къ сожалѣнію, былъ на столько подвижный, что не считался съ терпѣливымъ трудомъ. Чрезмѣрное богатство идей и плановъ, поразительная быстрота его умственной дѣятельности, удивительная скорость реакцій, протекавшихъ въ его умѣ, мѣшали такому терпѣливому, спокойному и тщательному опытному изученію детальныхъ вопросовъ. Геніи въ родѣ Ломоносова не всегда созидаютъ собственную школу, вслѣдствіе чего

---

1) См. Меншуткинъ, стр. 144—150, 269.
2) Blagden, «Phil. Trans.» 78, 277 (1788).

и лишены способныхъ учениковъ и сотрудниковъ, разрабатывающихъ въ лабораторіи идеи своего учителя. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе внѣшнія условія лабораторной дѣятельности Ломоносова: ему не только приходилось отказываться отъ многихъ опытовъ вслѣдствіе отсутствія лабораторіи (до 1748 г.), недостатка средствъ и приборовъ [1]), но и вслѣдствіе возлагавшихся на него многочисленныхъ порученій, столь часто отвлекавшихъ его отъ химіи или чистой науки вообще [2]). Стоитъ только указать на его замечательные труды по литературѣ (у большинства Ломоносовъ славенъ лишь какъ «отецъ новой русской литературы»), а равно на его труды по практической химіи (напр., по мозаичному дѣлу, металлургіи, стеклодѣлію, солеваренію); а всѣ эти заботы и мысли, относившіяся къ просвѣщенію русскаго народа и къ благосостоянію его, занимали Ломоносова не менѣе интенсивно, чѣмъ вопросы чистой науки.

Невольно напрашивается сравненіе *перваго* русскаго химика М. В. Ломоносова съ *величайшимъ* русскимъ химикомъ Д. И. Менделѣевымъ. Перваго можно назвать Менделѣевымъ XVIII вѣка. Оба показываютъ поразительное сходство въ характерѣ и геніальности. Оба — физико-химики, научный интересъ которыхъ сосредоточивается на вопросѣ о растворахъ. Оба — философы-мыслители, съ возвышенной точки зрѣнія излагающіе

---

1) Такъ, напр., въ своей диссертаціи о растворителяхъ (§ 49) онъ говоритъ, что «самъ дѣлать опыты не можетъ за неимѣніемъ необходимыхъ приспособленій»; въ своей рукописи «О новомъ способѣ наблюденія преломленія лучей» (отъ 1760/61 г., см. Б. Н. Меншуткинъ, l. c. стр. 151) онъ жалуется на медленное изготовленіе инструментовъ, которое не могло быть закончено въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

2) По моему мнѣнію, однако, слѣдуетъ считаться еще съ однимъ обстоятельствомъ. Во время своего трехлѣтняго обученія въ Марбургѣ (у Вольфа и Дуйзинга), Ломоносовъ прослушалъ общій курсъ физики, механики, математики, логики, а равно «*теоретической* химіи» (у доктора Дуйзинга); изъ Марбурга онъ переѣхалъ въ Фрейбергъ къ металлургу и минералогу Генкелю, опытному практику. Очевидно, что Ломоносовъ ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не научился точнымъ физико-химическимъ измѣреніямъ; впослѣдствіи онъ долженъ былъ приступить къ своимъ научнымъ изслѣдованіямъ безъ достаточной практики или навыка, какъ *самоучка*.

свою науку; оба, однако, — практики-патріоты, всей душою стараюціеся приложить науку къ реальной жизни, на пользу родины. Въ обоихъ мы видимъ мастеровъ слова и слога, обогатившихъ русскій научный языкъ новыми формами и терминами. По объему трудовъ оба являются титанами, по силѣ научныхъ идей — ясновидцами, опередившими свой вѣкъ.

О корпускулярной философіи Ломоносова.

Б. Н. Меншуткина.

Первыя научныя работы Ломоносова, сдѣланныя имъ въ качествѣ адъюнкта и профессора Петербургской Академіи Наукъ, носятъ главнымъ образомъ теоретическій характеръ и заключаются въ разработкѣ цѣлаго ряда теорій, имѣющихъ цѣлью дать простое объясненіе важнѣйшихъ физическихъ явленій; всѣ эти теоріи являются какъ бы слѣдствіями, вытекающими изъ Ломоносовской атомистической гипотезы, и имѣютъ поэтому тѣсную взаимную связь. Диссертаціи Ломоносова, въ коихъ онѣ изложены, помѣщены въ шестомъ томѣ полнаго собранія сочиненій его, а также въ моемъ изслѣдованіи «Ломоносовъ, какъ физикохимикъ» (С.-Петербургъ. 1904).

Атомистическую гипотезу и физическія теоріи Ломоносова можно разсматривать или въ связи съ ученіями о матеріи великихъ философовъ XVII и начала XVIII столѣтій, или въ ихъ отношеніяхъ къ химіи и физикѣ. Философскія воззрѣнія Ломоносова развились несомнѣнно послѣ знакомства со взглядами на сущность матеріи Декарта, Лейбница и, главнымъ образомъ, его учителя въ Марбургѣ — Христіана Вольфа; эти воззрѣнія можно разсматривать, какъ дальнѣйшее развитіе раціоналистической философіи Вольфа, выражающееся въ весьма удачномъ механическомъ объясненіи физическихъ явленій природы. Выясненіе во всѣхъ подробностяхъ зависимости философскихъ представленій Ломоносова отъ таковыхъ упомянутыхъ философовъ ждетъ еще

разработки со стороны спеціалистовъ, и я не могу останавливаться на этой сторонѣ дѣла.

Если же разсматривать Ломоносовскія теоріи съ физической и химической точки зрѣнія, то прежде всего бросается въ глаза полное отрицаніе Ломоносовымъ таинственныхъ субтильныхъ матерій (матерій огня, свѣта, теплоты, тяжести и т. п.), столь характерныхъ для начала XVIII вѣка, которыя признавались и Христіаномъ Вольфомъ, какъ это видно изъ его теоретической физики, и нѣкоторыя изъ коихъ—какъ тепловая матерія или теплородъ—просуществовали даже до средины XIX столѣтія. Отрицаніе этихъ матерій; атомистическая гипотеза, лежащая въ основаніи всѣхъ Ломоносовскихъ теорій; механическая точка зрѣнія, съ которой разсматриваются всѣ явленія,— все это позволяетъ ему выработать стройную систему, проникнутую однимъ общимъ началомъ и составляющую, какъ онъ писалъ Л. Эйлеру, цѣлую корпускулярную философію.

Атомистическая гипотеза Ломоносова принимаетъ, что всѣ тѣла состоятъ изъ нечувствительныхъ физическихъ частичекъ, имѣющихъ конечное протяженіе и обладающихъ опредѣленной фигурой и массой. Каждая частичка представляетъ собою, такимъ образомъ, тѣло, и къ ней приложимо все, составляющее сущность тѣла,— т. е. частички непроницаемы одна для другой, обладаютъ инерціей, подчиняются всѣмъ законамъ движенія, принципу дѣйствія и противодѣйствія; ихъ природа—дѣятельная сила и движенія, подчиненныя законамъ механики. Отъ нихъ зависятъ качества тѣлъ и такія физическія явленія, какъ тепло и холодъ, упругая сила, электричество и т. п.; измѣненія частичекъ могутъ совершаться только движеніемъ: поэтому достаточная причина частичныхъ качествъ тѣлъ находится въ размѣрахъ, силѣ инерціи, движеніи частичекъ; законами механики, приложенными къ движенію ихъ, могутъ быть объяснены всѣ частичныя качества. Фигурою частички шарообразны, съ очень незначительными шероховатостями; частички очень тверды, не подвержены какому-либо физическому измѣненію и упруги.

Перейдемъ теперь къ частичной механикѣ Ломоносова и начнемъ съ явленій теплоты и холода. Механическая теорія теплоты заключается въ основанномъ на разсмотрѣніи тепловыхъ явленій допущеніи, что причиною теплоты тѣла является движеніе его нечувствительныхъ частичекъ. Послѣднія могутъ двигаться трояко: поступательно, колебательно и вращательно. Изъ этихъ трехъ родовъ движенія частичекъ несомнѣнно, что въ твердомъ тѣлѣ можетъ существовать только вращательное; если бы частички ихъ двигались поступательно или колебательно, то твердое тѣло перестало бы быть таковымъ: потому Ломоносовъ считаетъ, что теплота тѣлъ есть внутреннее вращательное движеніе ихъ — именно вращательное движеніе ихъ частичекъ. Онъ далѣе показываетъ, что эта теорія прекрасно объясняетъ всѣ явленія, сопровождающія теплоту: такъ, напр., чѣмъ быстрѣе вращаются частички, тѣмъ бо́льшія отталкивательныя силы возбуждаются между ними отъ постоянныхъ столкновеній ихъ шероховатостей; поэтому твердость тѣла уменьшается и оно плавится, такъ что жидкое тѣло имѣетъ всегда тепловое вращательное движеніе своихъ частичекъ, какъ бы холодно оно ни казалось; переходъ же въ газообразное состояніе происходитъ потому, что отталкивательныя силы при быстромъ вращеніи становятся настолько значительными, что частички не могутъ больше оставаться во взаимной связи и разлетаются во всѣ стороны.

Механическая теорія газоваго состоянія, развитая Ломоносовымъ, очень близка къ современной кинетической теоріи газовъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Атомы воздуха должны находиться далеко другъ отъ друга, такъ какъ воздухъ можно сжать до $\frac{1}{30}$ первоначальнаго объема; взаимодѣйствіе же отдѣльныхъ атомовъ мыслимо лишь при ихъ соприкосновеніи: эти два положенія можно согласовать только допущеніемъ, что въ каждый данный моментъ не всѣ атомы воздуха находятся въ одинаковомъ состояніи и что каждое состояніе продолжается очень короткое время, т. е. что атомы сталкиваются съ сосѣдними, отпрыгиваютъ отъ нихъ и стремятся разсѣяться во всѣ стороны отъ

частыхъ взаимныхъ столкновеній. Причину взаимнаго отталкиванія Ломоносовъ видитъ въ томъ тепловомъ движеніи, которое имѣетъ каждый атомъ воздуха; чѣмъ скорѣе они вращаются, тѣмъ сильнѣе вслѣдствіе своихъ шероховатостей и отталкиваются, а потому при повышеніи температуры растетъ и упругость воздуха. Такое строеніе воздуха подтверждается и распространеніемъ звука, который есть ничто иное, какъ колебательное движеніе атомовъ упругаго воздуха. Та картина воздуха, которую далѣе рисуетъ Ломоносовъ въ своей диссертаціи объ упругой силѣ воздуха — безпрерывныя столкновенія несущихся по всѣмъ направленіямъ атомовъ — нынѣ имѣется во всякомъ учебникѣ физики. Наконецъ онъ сдѣлалъ и крайне любопытный выводъ изъ своей теоріи, а именно, что вслѣдствіе нѣкоторой конечной величины атомовъ воздуха при большихъ давленіяхъ столкновенія атомовъ воздуха будутъ происходить относительно чаще, чѣмъ при обыкновенномъ, сопротивленіе воздуха будетъ поэтому больше, чѣмъ слѣдуетъ по занимаемому имъ объему — и отношеніе упругостей будетъ отличаться отъ отношенія плотностей. Эта поправка на величину атомовъ была, какъ извѣстно, предложена Ванъ-деръ-Ваальсомъ черезъ 126 лѣтъ послѣ Ломоносова.

Движеніями эфира (строеніе котораго Ломоносовъ представлялъ себѣ аналогичнымъ строенію газовъ, но частички коего гораздо меньше воздушныхъ) объяснялись явленія свѣта и электричества: свѣтъ распространяется волнообразно, при помощи колебательныхъ движеній частичекъ эфира; такъ какъ распространеніе свѣта весьма быстро, то предполагалось, что частички эфира находятся во взаимномъ соприкосновеніи, иначе скорость распространенія свѣта была бы также незначительна, какъ звука въ воздухѣ. Что же касается электричества, то причину его Ломоносовъ видѣлъ въ весьма скоромъ вращательномъ движеніи частичекъ эфира.

Таковы основныя положенія механическихъ теорій разныхъ физическихъ явленій, предложенныхъ Ломоносовымъ; всѣ эти теоріи вытекаютъ изъ одной и той же атомистической основы.

Въ своей корпускулярной философіи онъ, какъ мы видимъ, стремился къ той цѣли, которую ставитъ себѣ и современная физика—къ выработкѣ единообразныхъ представленій о всѣхъ явленіяхъ. Цементомъ, превращавшимъ атомистическій хаосъ въ нѣчто стройное, является у него, какъ и у новѣйшихъ физиковъ, представленіе объ энергіи: поразительна эта общность характера, эта удивительная близость къ современнымъ воззрѣніямъ Ломоносовскихъ механическихъ теорій, высказанныхъ за 110—120 лѣтъ до другихъ ученыхъ.

Ломоносовъ признавалъ также и возможность перехода одной формы энергіи въ другую; такъ напр. въ диссертаціи о дѣйствіи химическихъ растворителей охлажденіе воды при растореніи солей объясняется такъ: когда-какое либо тѣло ускоряетъ движеніе другого и сообщаетъ ему часть своего движенія, то происходитъ это только такъ, что само оно теряетъ такую же часть движенія. Поэтому частички воды, когда ускоряютъ движеніе частичекъ соли (при распространеніи послѣдней по всей массѣ воды), то сами теряютъ часть своего движенія; а такъ какъ движеніе—причина тепла, то не удивительно, что вода при этомъ охлаждается. Это объясненіе является приложеніемъ къ данному случаю того принципа, который самъ Ломоносовъ назвалъ всеобщимъ закономъ природы и который можно назвать его закономъ сохраненія вещества и количества движенія (1748).

Въ заключеніе замѣтимъ, что первое (1741) приложеніе атомистической гипотезы было сдѣлано Ломоносовымъ по отношенію къ химіи, причемъ были высказаны теоретическія представленія, весьма близкія къ современнымъ. Какъ мы различаемъ въ химіи частицы и атомы, такъ ихъ строго разграничивалъ и Ломоносовъ: частицы онъ называлъ производными корпускулами, причемъ, согласно опредѣленію, въ каждой корпускулѣ сложнаго тѣла имѣется такое же соотношеніе частей тѣхъ началъ, изъ которыхъ состоитъ данное тѣло, какъ и во всемъ сложномъ тѣлѣ; корпускулы же первичныя, заключающія одинъ только элементъ, отвѣчаютъ нашимъ атомамъ и образуютъ производныя

корпускулы. Эти заключенія, къ которымъ пришелъ Ломоносовъ теоретически, тѣмъ болѣе любопытны, что атомистическія представленія были введены Дальтономъ въ химію въ самомъ началѣ XIX столѣтія только послѣ накопленія большого опытнаго матеріала, послѣ того, какъ были найдены законы постоянства состава и кратныхъ отношеній; затѣмъ потребовалось еще полстолѣтіе, прежде чѣмъ распространилось среди химиковъ сознаніе необходимости различать понятія о частицѣ и объ атомѣ.

М. В. Ломоносовъ и флогистонъ.

Б. Н. Меншуткина.

Среди разныхъ вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи дошедшихъ до насъ химическихъ диссертацій и опытовъ Ломоносова, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ представляется вопросъ объ отношеніяхъ его къ господствующей химической теоріи той эпохи, когда онъ учился химіи и производилъ свои изслѣдованія—именно къ теоріи флогистона, предложенной, какъ извѣстно, для объясненія химической стороны явленій горѣнія и обжиганія. Для выясненія этихъ отношеній обратимся къ тѣмъ работамъ Ломоносова, которыя затрогиваютъ явленія обжиганія металловъ и къ тѣмъ, гдѣ вообще встрѣчается флогистонъ.

Начнемъ съ явленій, замѣчаемыхъ при обжиганіи неблагородныхъ металловъ. Согласно теоріи флогистона этотъ процессъ объяснялся такимъ образомъ, что при накаливаніи изъ металла уходилъ флогистонъ и оставалась окалина: металлъ принимался за соединеніе окалины съ флогистономъ. Совершенно иными представляются взгляды Ломоносова на процессъ обжиганія металловъ; мы можемъ прослѣдить развитіе ихъ съ 1741 года, когда онъ возвратился въ Петербургъ изъ-за границы. Въ 276 замѣткахъ, сохранившихся среди бумагъ его и относящихся къ 1741—1742 годамъ, разсматриваемымъ явленіямъ посвящены слѣдующія замѣтки, которыя привожу въ дословномъ переводѣ съ латинскаго:

35. Такъ какъ тѣла, увеличивающіяся въ вѣсѣ при обжиганіи (окалины), теряютъ снова вѣсъ послѣ возстановленія, то ясно,

что привѣсъ въ нихъ произошелъ не отъ огня: объ операціи дѣлаются вѣдь при помощи огня. — 120. Если бы тепловая матерія входила въ составъ окалинъ, то сами окалины, вынутыя изъ огня, оставались бы накаленными; слѣдовательно или матерія эта не вступаетъ въ составъ ихъ, или въ соединеніе входитъ не тепловая матерія. — 152. Обожженный свинецъ уменьшается массою и увеличивается вѣсомъ.

Въ этихъ замѣткахъ ясно сказывается неудовлетворенность Ломоносова общепринятыми въ то время воззрѣніями; а черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1745 году, въ размышленіяхъ о причинахъ теплоты и холода, мы находимъ уже опредѣленно высказанное мнѣніе о химической реакціи, происходящей при обжиганіи металловъ: а именно, что металлъ переходитъ въ окалину подъ вліяніемъ воздуха, всегда при обжиганіи окружающаго металлъ и вступающаго въ соединеніе съ нимъ. Это же объясненіе образованія окалинъ приведено въ письмѣ Ломоносова отъ 5 іюля 1748 года къ извѣстному математику Леонарду Эйлеру (которому онъ сообщалъ вполнѣ откровенно всѣ свои научныя намѣренія и мысли) послѣ того, какъ нѣсколькими строками раньше Ломоносовъ высказываетъ впервые свой «всеобщій законъ природы» — сохраненія вещества и количества движенія — въ словахъ:

«Всѣ измѣненія, случающіяся въ природѣ, такъ происходятъ, что если къ одному тѣлу что-нибудь прибавится, то столько же отнимется отъ другаго. Такъ, когда къ какому нибудь тѣлу прибавляется сколько нибудь вещества, то точно столько же убавляется у другаго . . . тѣло, передающее свое движеніе другому, теряетъ ровно столько движенія, сколько сообщаетъ другому».

Я считаю весьма вѣроятнымъ, что этотъ законъ и побудилъ Ломоносова объяснять явленія обжиганія металловъ безъ посредства флогистона, а при помощи воздуха, соединяющагося съ металломъ и образующаго окалину. Въ самомъ дѣлѣ: разъ окалина — металлъ, соединившійся съ воздухомъ, то образованіе окалинъ при обжиганіи металловъ должно по закону сохрово-

ждаться увеличеніемъ вѣса металла, потому что къ металлу прибавилось вещество изъ воздуха и вѣсъ полученной окалины слагается изъ вѣса взятаго металла и вѣса вступившаго въ соединеніе воздуха; увеличеніе вѣса металла при обжиганіи подтверждается опытомъ. Наоборотъ, объясненіе процесса обжиганія уходомъ флогистона изъ металла стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ закономъ сохраненія вещества: металлъ, разъ онъ соединеніе окалины съ флогистономъ, долженъ вѣсить больше, чѣмъ одна окалина, а между тѣмъ на дѣлѣ имѣемъ совершенно обратныя отношенія.

Въ упомянутомъ же письмѣ къ Эйлеру Ломоносовъ говоритъ, что хотя правильность его объясненія образованія окалинъ путемъ соединенія металла съ воздухомъ не подлежитъ сомнѣнію, но противъ него говорятъ сдѣланные Роб. Бойлемъ опыты, гдѣ накаливаніе металла въ замкнутомъ сосудѣ сопровождалось увеличеніемъ вѣса. Это противорѣчіе заставило Ломоносова въ 1756 году повторить упомянутые опыты Бойля, въ которыхъ тотъ нашелъ увеличеніе вѣса при прокаливаніи свинца и олова въ запаянныхъ ретортахъ. Результаты Ломоносовскихъ опытовъ были, какъ онъ пишетъ, слѣдующіе: «Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Бойла мнѣніе ложно, ибо безъ пропусканія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ».

Послѣднее обстоятельство—пропусканіе внѣшняго воздуха—и было причиною того, что у Бойля, вскрывавшаго всегда свои реторты передъ взвѣшиваніемъ, наблюдалось увеличеніе вѣса. Такимъ образомъ опыты Ломоносова съ полною опредѣленностью показали, что образованіе окалины происходитъ именно отъ соединенія металла съ воздухомъ при накаливаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили ему точное доказательство справедливости закона сохраненія вещества: послѣ этого «всеобщій законъ при-

роды» былъ опубликованъ Ломоносовымъ въ 1760 году въ словѣ о твердости и жидкости тѣлъ.

Изъ сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что Ломоносовъ не признавалъ принятаго всѣми въ его время флогистическаго объясненія процессовъ, происходящихъ при обжиганіи неблагородныхъ металловъ, но доказалъ, что образованіе окалины происходитъ отъ соединенія металла съ воздухомъ.

Однако въ томъ же 1745 году, когда Ломоносовъ читалъ въ конференціи Академіи Наукъ свои размышленія о причинѣ теплоты и холода, онъ написалъ другую диссертацію — для полученія званія профессора — подъ заглавіемъ «о свѣтлости металловъ», гдѣ на каждой страницѣ по нѣскольку разъ попадается флогистонъ и гдѣ онъ всюду считаетъ его входящимъ въ составъ металловъ. По прочтеніи этой диссертаціи можно только сказать, что Ломоносовъ — ярый приверженецъ теоріи флогистона! Однако такая полная перемѣна взгляда на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ находитъ себѣ простое объясненіе. Изъ протоколовъ засѣданій конференціи видно, что диссертація о причинахъ теплоты и холода была возвращена автору для исправленія и профессора Академіи особенно неодобрительно и достаточно рѣзко отозвались о той именно части работы, гдѣ Ломоносовъ критикуетъ опыты Бойля и опровергаетъ мнѣніе о существованіи огненной матеріи, соединяющейся съ тѣломъ при обжиганіи. Для полученія профессорскаго званія необходимо было представить такую диссертацію, которая не могла бы вызвать неблагопріятныхъ замѣчаній академиковъ, подобно всѣмъ ученымъ того времени считавшихъ теорію флогистона непреложною истиною. Отсюда видно, что всего вѣрнѣе можно было этого достигнуть не новыми, для того времени революціонными, идеями, не правившимися членамъ конференціи, но работой, написанной съ точнымъ соблюденіемъ фантастическихъ особенностей флогистона. Въ этомъ безъ сомнѣнія и кроется причина того, что диссертація о свѣтлости металловъ написана въ духѣ теоріи флогистона: въ ней Ломоносовъ какъ бы старается загладить неблагопріятное впеча-

тѣніе, произведенное размышленіями о причинахъ теплоты и холода.

Совершенно подобная же причина побудила Ломоносова и диссертацію о происхожденіи и природѣ селитры сочинить, строго придерживаясь теоріи флогистона: эта диссертація написана на премію, предложенную за разработку названной темы Берлинской Академіей Наукъ, члены которой были послѣдователями, иногда даже учениками извѣстнаго берлинскаго химика Сталя, разработавшаго теорію флогистона; конечно никто изъ нихъ не сомнѣвался въ существованіи этого мистическаго элемента. Такимъ образомъ и здѣсь только сочиненіе, почтительно относившееся къ флогистону, могло разсчитывать на полученіе преміи. Слѣдовательно въ обоихъ этихъ случаяхъ Ломоносовъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вынужденъ былъ писать свои диссертаціи, ни на шагъ не отступая отъ требованій, предъявлявшихся теоріей флогистона.

Кромѣ названныхъ есть еще другія работы Ломоносова, гдѣ мы тоже находимъ флогистонъ. Это — нѣкоторыя публичныя рѣчи, произнесенныя имъ на торжественныхъ актахъ Академіи въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, какъ «слово о происхожденіи свѣта, новую теорію цвѣтовъ представляющее», «слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли». Здѣсь употребленіе флогистона (по русски называемаго Ломоносовымъ горючей матеріей) вызвано, по моему мнѣнію, стремленіемъ его быть вполнѣ понятнымъ своимъ слушателямъ. Мы знаемъ, что средина XVIII вѣка была временемъ самого пышнаго разцвѣта ученія о флогистонѣ, признававшемся тогда всѣми, прикосновенными къ химіи: какъ важнѣйшая теорія химіи того времени, къ тому же весьма простая и ясная, теорія флогистона несомнѣнно была широко распространена среди тогдашнихъ образованныхъ людей. Поэтому, чтобы слушателямъ, имѣющимъ хоть какое-нибудь понятіе о химіи, были доступны новыя мысли, изложенныя въ этихъ рѣчахъ, необходимо было предлагать ихъ при помощи общераспространенной и знакомой теоріи флогистона.

И такъ мы приходимъ къ заключенію, что Ломоносовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это было возможно, обходился безъ флогистона: онъ объяснялъ превращеніе неблагородныхъ металловъ при обжиганіи въ окалины соединеніемъ ихъ съ воздухомъ и доказалъ это своими опытами въ запаянныхъ сосудахъ; наоборотъ онъ пользовался теоріей флогистона, когда этого требовали его собственные интересы или интересы его слушателей. Добавимъ, что Ломоносовъ не опубликовалъ подробно своихъ взглядовъ на явленія обжиганія металловъ, вѣроятно по причинѣ, высказанной въ нѣсколько разъ уже упомянутомъ письмѣ къ Л. Эйлеру: «хотя все это . . . могъ бы опубликовать, однако боюсь: можетъ показаться, что даю ученому міру незрѣлый плодъ скороспѣлаго ума, если выскажу многіе новые взгляды, по большей части противоположные принятымъ великими мужами».

Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія.

И. К. Сухоплюева.

Русскіе ученые оцѣнили Михаила Васильевича Ломоносова, какъ педагога, академика, физика, химика, геолога, минералога, географа, историка, творца современнаго русскаго языка, грамматика, поэта и пр. Подробную оцѣнку многосторонней дѣятельности Ломоносова русскіе ученые дали въ 1865 году, ко дню столѣтней годовщины со дня смерти великаго русскаго полигистора. Но ни въ 1865 году, ни въ послѣдующіе годы не было дано оцѣнки взглядовъ Ломоносова на первостепенную въ XVIII вѣкѣ отрасль политики внутренняго управленія, а именно на политику размноженія народонаселенія. Ломоносова, какъ экономиста, писавшаго о политикѣ народонаселенія, не оцѣнили даже русскіе историки, выпустившіе спеціальныя изслѣдованія о «проэктёрахъ» Петровской эпохи. Историки незаслуженно обходили молчаніемъ Ломоносова, какъ камералиста; несмотря на то, что они написали цѣлыя монографіи о предшественникахъ Ломоносова: о Крижаничѣ (А. И. Маркевичъ, А. Г. Брикнеръ), о Посошковѣ и другихъ проэктёрахъ Петровской эпохи (А. Г. Брикнеръ и И. И. Павловъ-Сильванскій), Ломоносовъ ускользнулъ отъ ихъ вниманія. Чѣмъ это объяснить?—Быть можетъ, тѣмъ, что Ломоносовъ не оставилъ послѣ себя цѣлой, систематически составленной книги по вопросамъ внутренняго управленія, подобной книгамъ, какія были написаны Крижаничемъ (во 2 половинѣ XVII в.) и Посошковымъ (1724 г.).

Забвеніе экономическихъ взглядовъ Ломоносова объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что личность Ломоносова не привлекала къ себѣ *вниманія изслѣдователей настолько, насколько* ихъ привлекала личность «страдальцевъ» Крижанича и Посошкова. Личность Ломоносова обратила на себя вниманіе ученыхъ во второй половинѣ XIX вѣка (въ особенности около 1865 года). Академикъ П. П. Пекарскій во 2-мъ томѣ «Исторіи Имп. Акад. Наукъ» (С.-Пб., 1873 г.)[1]) въ достаточной мѣрѣ освѣтилъ многія, до того времени мало знакомыя широкимъ слоямъ читающей публики стороны разнообразной дѣятельности Ломоносова. Однако, П. П. Пекарскій не далъ исчерпывающаго освѣщенія личности Ломоносова. Онъ достаточно использовалъ опубликованные матеріалы о Ломоносовѣ; но многое изъ того, что въ дѣятельности Ломоносова не было освѣщено до П. П. Пекарскаго (напримѣръ, — взгляды Ломоносова на политику народонасе-

---

1) Въ дальнѣйшемъ текстѣ и въ примѣчаніяхъ я, для экономіи мѣста, дѣлаю слѣдующія сокращенія заглавій наиболѣе часто цитируемыхъ первоисточниковъ и пособій:

1. Погодинъ — Разсужденіе Ломоносова о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, въ письмѣ къ И. И. Шувалову. (Отъ 1 ноября 1761 г.) — въ «Москвитянинѣ» (изд. М. П. Погодинымъ) 1842 г., № 1, стр. 126—143, въ отдѣлѣ: «Матеріалы для исторіи русской словесности». Самымъ фактомъ помѣщенія письма Ломоносова къ И. И. Шувалову въ отдѣлѣ исторіи русской словесности историкъ М. П. Погодинъ доказалъ, что онъ неправильно понималъ дѣйствительный смыслъ ломоносовскаго проекта.

2. Тихонравовъ. «Письмо М. В. Ломоносова къ Ив. Ив. Шувалову»— сообщеніе Н. С. Тихонравова въ «Бесѣдахъ въ Обществѣ любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ» 1871 г., выпускъ 3-й, стр. 72 — 86.

3. П. С. З. — Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

4. Пекарскій — Петръ Пекарскій: Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, С.-Пб. 1873 г., т. II, стр. 259—1042. (Лучшая біографія М. В. Ломоносова).

5. Будиловичъ — А. Будиловичъ, Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова, въ «Сборникѣ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. VIII, № 1, 1872 г. и отдѣльн. изд.

6. Соловьевъ, Ист. Рос.—С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXIII, изд. 3-е. М. 1893 г.; т. XXV, изд. 3. М. 1891 г.; т. XXVII, изд. 3. М., 1888 г.

ленія и пр.), — осталось не освѣщеннымъ и послѣ опубликованія цѣннаго, монументальнаго изслѣдованія П. П. Пекарскаго о Ломоносовѣ. Біографія Ломоносова, написанная П. П. Пекарскимъ, была лучшей среди другихъ біографій Ломоносова; но и въ ней имѣются недостатки (напримѣръ, на стр. 755—756 взгляды Ломоносова совершенно искажены: П. Пекарскій говоритъ о «возвращеніи множества бѣглыхъ изъ-за границы (даже *военною силою*)», между тѣмъ, Ломоносовъ подобныхъ взглядовъ въ письмѣ къ И. Шувалову не высказываетъ).

Можно было ожидать, что русскіе ученые обратятъ свое вниманіе на воззрѣнія Ломоносова на политику народонаселенія въ 1819, 1842, 1847, 1850 (Смирд.) и 1871 гг., когда былъ опубликованъ текстъ письма Ломоносова къ И. И. Шувалову (отъ 1-го ноября 1761 г.). Но какъ русскіе экономисты и статистики, такъ и полицеисты и административисты обходятъ молчаніемъ взгляды Ломоносова на политику народонаселенія, — одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые глубоко волновали государей и государственныхъ дѣятелей въ XVIII вѣкѣ [1]). До сихъ поръ почти

---

1) На политику народонаселенія, какъ часть политика внутренняго управленія, изложенную М. В. Ломоносовымъ въ его письмѣ къ И. И. Шувалову, я первымъ обратилъ вниманіе московскихъ административистовъ въ своемъ отчетѣ о занятіяхъ, представленномъ мною въ качествѣ оставленнаго при Московскомъ Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ полицейскаго права, — въ Юридическій Факультетъ Московскаго Университета, въ февралѣ 1907 года (мой отчетъ хранится въ архивѣ Юридическаго Факультета Московскаго Университета).

Въ доказательство того, что русскіе полицеисты и административисты до того времени не обращали вниманія на проектъ Ломоносова, относящійся къ области науки, которая въ настоящее время носитъ оффиціальное названіе полицейскаго права, — я приведу нѣсколько примѣровъ изъ новѣйшей учебной и монографической русской литературы по административному праву. Исчерпывающаго пересмотра этой литературы я не дѣлаю, такъ какъ онъ будетъ безполезнымъ: русскіе полицеисты и административисты XIX вѣка не признавали Ломоносова полицеистомъ и не упоминали о немъ въ своихъ курсахъ лекцій.

Въ монографической статьѣ: «Наука административнаго права въ ея прошломъ и настоящемъ» — въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1903 г., № 9, ноябрь, стр. 324, проф. Казанскаго Университета В. В. Ивановскій упоминаетъ лишь о Крижаничѣ и Посошковѣ, какъ о «первыхъ нашихъ полицеистахъ», умалчивая о Ломоносовѣ. Перепечатку этого мнѣнія можно найти

всѣ русскіе административисты, экономисты и статистики не упоминаютъ въ своихъ трудахъ, что Ломоносовъ въ 1761 году *представилъ* И. И. Шувалову *проектъ сохраненія и размноженія* русскаго населенія, исходя изъ общихъ принциповъ эвдаймонисти-

---

въ курсѣ лекцій В. В. Ивановскаго по административному праву: «Учебникъ административнаго права. (Полицейское право. Право внутренняго управленія)», какъ въ 1-омъ изданіи (Казань. 1904), такъ и во 2-омъ, и въ 3-емъ, и въ 4 изд. (1907, 1908 и 1911 гг.). В. В. Ивановскій утверждаетъ: «Что касается русской литературы административнаго и полицейскаго права, то она возникла и развивалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ литературы западно-европейской» «Журн. М-ва Юст.», 1903 г., № 9, стр. 323—324; см. также «Учебникъ», 1908 г., стр. 37 и 1911 г., стр. 34). Дѣйствительно, на трудахъ Крижанича и Ломоносова вліяніе западно-европейской литературы замѣтно съ перваго взгляда. Но, къ сожалѣнію, взгляды Ломоносова на политику народонаселенія совершенно не извѣстны В. В. Ивановскому, почему онъ и не упоминаетъ о Ломоносовѣ, какъ объ одномъ изъ первыхъ русскихъ полицеистовъ. Что же касается взглядовъ Посошкова (о которыхъ г. Ивановскій упоминаетъ) на задачи внутренняго управленія, то они сложились совершенно независимо отъ какихъ-либо западно-европейскихъ вліяній. И. Т. Посошковъ не зналъ ни одного иностраннаго языка и не состоялъ съ русскими, бывшими за границею, въ столь близкихъ отношеніяхъ, чтобы могъ позаимствовать у нихъ наиболѣе передовые взгляды, господствовавшіе въ эпоху Петра I за границею. Слѣдовательно, категорическое утвержденіе извѣстнаго спеціалиста по административному праву — В. В. Ивановскаго — требуетъ поправки по отношенію къ Посошкову, свободному отъ западно-европейскихъ вліяній, и по отношенію къ Ломоносову (забытому г. Ивановскимъ), почерпнувшему свои теоретическіе взгляды на политику народонаселенія изъ трудовъ наиболѣе выдающагося нѣмецкаго философа первыхъ двухъ третей XVIII вѣка — Хр. Вольфа и его послѣдователей, разрабатывавшихъ различные научные вопросы подъ руководствомъ Х. Вольфа или заимствовавшихъ у него основныя положенія философіи эвдаймонизма.

Приватъ-доцентъ С.-Пб. Университета В. М. Гессенъ въ своихъ «Лекціяхъ по полицейскому праву. Изданіе студентовъ. 1907 — 1908. Выпускъ 1-й, С.-Пб. 1908, стр. 15, упоминаетъ о существованіи (но не излагаетъ ихъ) взглядовъ Крижанича, Котошихина и Посошкова; о Ломоносовѣ, какъ полицеистѣ, В. М. Гессенъ не знаетъ.

Впервые въ печатной научной литературѣ по административному праву о Ломоносовѣ, какъ полицеистѣ, упомянулъ проф. Московскаго Университета И. Т. Тарасовъ въ своихъ «Лекціяхъ по полицейскому (административному) праву. Томъ I, Введеніе», М. 1908, на стр. 49 и 75.

Свои занятія надъ изученіемъ взглядовъ Ломоносова на политику внутренняго управленія я продолжалъ и впослѣдствіи. Настоящая статья посвящена мною уясненію и оцѣнкѣ взглядовъ Ломоносова лишь на *политику народонаселенія*, какъ одной изъ отраслей внутренняго управленія.

ческой философіи. Подъ вліяніемъ эвдаймонистической философіи въ душѣ Ломоносова зародилось желаніе принести своими познаніями посильную пользу любимой имъ родинѣ—Россіи. Свой взглядъ на политику народонаселенія онъ изложилъ въ частномъ письмѣ къ уважавшему его государственному дѣятелю.

Ломоносовъ познакомился съ философіей эвдаймонизма, съ ученіемъ объ естественномъ правѣ изъ непосредственнаго источника знанія: онъ былъ ученикомъ Хр. Вольфа, впервые изложившаго въ системѣ естественное право и подчинившаго своему вліянію всѣхъ нѣмецкихъ писателей вплоть до Канта[1]). Лишь

---

1) Ломоносовъ отбылъ за границу въ сентябрѣ 1736 года, а возвратился въ Россію въ іюнѣ 1741 г. Съ 1736 г. до средины іюля 1739 г. онъ слушалъ лекціи Хр. Вольфа въ Марбургѣ. Въ силу академической инструкціи, онъ долженъ былъ изучать только то, «что до *химической науки и горныхъ дѣлъ* касается», естественную исторію, физику, геометрію, тригонометрію, механику, гидравлику и гидротехнику (Пекарскій, т. II, стр. 289). По отзывамъ его учителей, Ломоносовъ въ Марбургскомъ Университетѣ съ неутомимымъ прилежаніемъ слушалъ лекціи химіи, читанныя въ теченіе 1737 года проф. Дуйзингомъ, и «извлекъ изъ нихъ не малую пользу» (II, 294). По отзыву Хр. Вольфа, Ломоносовъ «прилежно посѣщалъ лекціи математики и *философіи*, а преимущественно физики, и съ особенною любовью старался пріобрѣтать основательныя познанія» (II, 294). Философія не значилась въ числѣ предметовъ, ознакомленіе съ которыми было обязательно для русскихъ студентовъ (Ломоносова и его двухъ товарищей).

Если Хр. Вольфъ читалъ русскимъ лекціи по философіи, то это объясняется исключительно тѣмъ, что онъ желалъ сообщить своимъ ученикамъ возможно большее количество знаній за возможно меньшій періодъ времени, при томъ такихъ знаній, которыя расширили бы умственный кругозоръ русскихъ студентовъ, дали бы имъ возможность сознательно относиться къ явленіямъ жизни, направленію внутренней политики, понимать ихъ смыслъ и значеніе и — при желаніи — реагировать на нихъ и, до извѣстной степени, вліять на нихъ. Безъ теоретической подготовки Ломоносовъ не могъ бы такъ легко схватывать самую сущность явленій русской текущей политической и общественной жизни и излагать свой взглядъ на нихъ съ точки зрѣнія эвдаймонистической философіи.

Въ русской литературѣ проскользнуло въ 1865 году неправильное замѣчаніе по поводу особеннаго вниманія, оказаннаго Ломоносовымъ изученію точныхъ и прикладныхъ наукъ. Г. Е. Щуровскій въ своей рѣчи: «Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ» въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго Университета 11 апрѣля 1865 г. (по поводу столѣтней годовщины со дня смерти Ломоносова) неправильно освѣщаетъ вопросъ о преимущественномъ вниманіи, удѣленномъ Ломоносовымъ изученію химіи, физики и дру-

съ Канта — современника великой французской революціи — въ философіи начинается новое теченіе. Вольфъ вышелъ за пре-

---

гихъ физико-математическихъ и прочихъ наукъ, по сравненію съ философіей. «Изъ пятилѣтняго пребыванія въ Германіи Ломоносовъ болѣе половины посвятилъ лекціямъ Марбургскихъ профессоровъ, излагавшихъ ему философію, математику, физику, химію и минералогію. Философія, по тогдашнему состоянію этой науки, казалась Ломоносову менѣе привлекательною, чѣмъ ученіе точныхъ наукъ, и потому бо́льшую часть времени онъ проводилъ въ химической лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ, работая тамъ вмѣстѣ съ своими наставниками и удивляя ихъ своею необыкновенною смѣтливостію» («Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4-го апрѣля 1765 — 1865 г. Императорскимъ Московскимъ Университетомъ въ торжественномъ собраніи Апрѣля 11-го дня». М. 1865, стр. 21).

Мнѣніе Г. Е. Щуровскаго — неправильно. Силою своего таланта Хр. Вольфъ создалъ стройную систему эвдаймонистической философіи, разработавъ философское ученіе Лейбница и теорію естественнаго права Г. Гроція и Пуффендорфа. Эвдаймонистическая философія — въ изложеніи наиболѣе яснаго ея представителя — не могла не оказать чарующаго дѣйствія на воспріимчивыя души молодыхъ русскихъ студентовъ. Они слушали курсъ естественнаго права у того профессора, который за свое «вольнодумство» былъ изгнанъ прусскимъ королемъ изъ предѣловъ государства, что впослѣдствіи — по вступленіи другого государя — не помѣшало Хр. Вольфу сдѣлаться тайнымъ совѣтникомъ въ той же Пруссіи. «Точныя науки» не могли привлекать Ломоносова болѣе, чѣмъ философія. Слѣдовательно, Ломоносовъ усиленно занимался химіей и пр. «точными науками», чѣмъ философіей, не по той причинѣ, какую подчеркиваетъ Г. Е. Щуровскій. Причинъ могло быть нѣсколько. Г. Е. Щуровскій упустилъ изъ виду, что Ломоносовъ не имѣлъ права слушать то, что ему нравилось. Онъ, какъ студентъ, посланный русскимъ правительствомъ въ Марбургъ и другіе германскіе университетскіе города для изученія металлургіи (эту цѣль усиленно подчеркивалъ баронъ Корфъ въ первоначальномъ проектѣ) и вообще всего, что «до химической науки и горныхъ дѣлъ касается» (инструкція Академіи Наукъ), — былъ обязанъ слушать тѣ лекціи, которыя 1) значились въ инструкціи Академіи Наукъ (въ инструкціи объ изученіи философіи не было сказано ни слова) и 2) — находили нужнымъ читать русскимъ студентамъ, по соглашенію съ русскимъ правительствомъ, ихъ учитель Хр. Вольфъ и прочіе марбургскіе профессора (нельзя забывать, что обученіемъ русскихъ студентовъ до средины іюля 1739 г. руководилъ Хр. Вольфъ, съ которымъ непосредственно сносилась русская Академія Наукъ, присылавшая ему деньги за обученіе Ломоносова и его двухъ товарищей и требовавшая отчета о занятіяхъ, какъ отъ отвѣтственнаго руководителя, отъ Хр. Вольфа, такъ и отъ самихъ студентовъ). Если Академія Наукъ послала трехъ русскихъ студентовъ изучать за границею химію, металлургію и пр. точныя и прикладныя науки, Вольфъ не былъ обязанъ сосредоточить ихъ вниманіе исключительно на изученіи философіи, даже не значившейся въ инструкціи Академіи Наукъ. Разгульная жизнь, которую вели за границею русскіе студенты, еще не дока-

дѣлы оффиціальной программы, данной русской Академіей Наукъ: онъ раскрылъ передъ умственнымъ взоромъ Ломоносова и его товарищей богатую сокровищницу научныхъ знаній не только спеціальныхъ (касающихся «химической науки и горныхъ дѣлъ»), но и общихъ.

Слушаніе лекцій Хр. Вольфа по философіи оказало на Ломоносова большое вліяніе: онъ пріобрѣлъ способность разсуждать теоретически о требованіяхъ текущей политической и общественной жизни[1]). Вліяніе полученной Ломоносовымъ теоретической подготовки сказалось впослѣдствіи въ его письмѣ къ И. И. Шувалову. Подчинясь вліянію Хр. Вольфа, Ломоносовъ сдѣлался послѣдователемъ философіи эвдаймонизма. Познакомившись подъ непосредственнымъ руководствомъ Хр. Вольфа съ естественнымъ правомъ, съ философіей вообще, съ политикою, Ломоносовъ пріобрѣлъ свѣдѣнія о государствѣ, его устройствѣ и управленіи, о правѣ, о задачахъ, которыя должно преслѣдовать государство, о средствахъ, примѣняемыхъ правительствомъ для

знанія самостоятельности ихъ. Конечно, профессора не могли вмѣшиваться въ ихъ интимную жизнь; но какъ лица, которымъ русское правительство поручило дать Ломоносову и его товарищамъ спеціальное образованіе, они были отвѣтственны за соблюденіе инструкціи Академіи. Все, что Хр. Вольфъ и прочіе профессора находили нужнымъ читать русскимъ студентамъ *сверхъ академической программы*, но *за ту же плату*, записано отъ ихъ доброй воли. — Наконецъ, русская Академія Наукъ — послѣ многочисленныхъ злоключеній Ломоносова — не разрѣшила ему отправиться въ Гарцъ, даже для «усовершенствованія въ горной наукѣ», и Ломоносовъ, какъ студентъ, принужденъ былъ подчиниться предписанію Академіи Наукъ и возвратиться въ Россію.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что Ломоносовъ сосредоточилъ свое вниманіе на изученіи химіи, физики, металлургіи и пр. прикладныхъ наукъ потому, что онъ былъ посланъ въ Германію для изученія именно этихъ наукъ, а не философіи, о которой въ инструкціи Академіи Наукъ не было даже упомянуто. Но Хр. Вольфъ не могъ не ознакомить русскихъ студентовъ со своимъ любимымъ предметомъ, который онъ первымъ изъ западно-европейскихъ философовъ систематизировалъ.

1) Будучи студентомъ Марбургскаго университета, Ломоносовъ пріобрѣлъ многіе философскіе и прочіе труды Х. Вольфа (безъ сомнѣнія, въ качествѣ пособій для слушанія лекцій Вольфа) о нѣмецкой метафизикѣ, моральной философіи, логикѣ, политикѣ и пр. (См. у Куника «Сборн. матеріаловъ для ист. И. Акад. Н. въ XVIII в.», 1865, стр. 131—132 и у А. Будиловича, Ломоносовъ, какъ писатель, стр. 251—252).

достиженія задачъ государства. Впослѣдствіи, по возвращеніи изъ Германіи, Ломоносовъ старался распространять пріобрѣтенныя имъ за границею знанія. При этомъ онъ подчеркивалъ основной принципъ эвдаймонистической философіи — общую пользу [1]). Въ своемъ письмѣ отъ 1 ноября 1761 г. къ И. И. Шувалову, «истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго отечества» [2]), Ломоносовъ высказываетъ нѣкоторыя «мысли», простирающіяся къ приращенію *общей пользы*» (Погодинъ, 126; Тихоправовъ, 72).

---

1) Вліяніе трудовъ Хр. Вольфа на проектъ Ломоносова легко обнаружить, если сопоставить исходныя точки зрѣнія Вольфа и Ломоносова. Можетъ быть, Ломоносовъ избралъ темою своего письма вопросъ о сохраненіи и размноженіи населенія, подъ вліяніемъ или труда Euler'a: Recherches générales sur la mortalité et la multiplication du genre humain, или труда Bell'я: Von den Quellen der Bevölkerung. Непосредственнаго вліянія послѣдователей Х. Вольфа: І. П. Зюссмильха (изслѣдованіе котораго было издано въ 1741 году съ предисловіемъ Х. Вольфа) и «отца науки полиціи» І. Г. Г. фонъ-Юсти (сторонника эвдаймонистической философіи) на Ломоносова по письму къ Шувалову установить не возможно; сличеніе взглядовъ этихъ трехъ послѣдователей Х. Вольфа доказываетъ, что у Ломоносова во время составленія письма не было подъ руками трудовъ Зюссмильха и Юсти.

2) Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи населенія потому пріобрѣтаетъ особенную цѣнность для историка, что оно не было частнымъ письмомъ одного частнаго лица къ другому: оно было письмомъ теоретика, получившаго западно-европейское образованіе, слушавшаго лекціи по философіи у наиболѣе выдающагося философа первой половины XVIII вѣка, изучившаго взгляды Х. Вольфа на внутр. политику, — къ государственному дѣятелю, игравшему большую роль въ Елизаветинскую эпоху. Правительства русскихъ императрицъ XVIII вѣка отличались личнымъ характеромъ. Тѣ или иные фавориты, императрицъ оказывали огромное вліяніе на направленіе внутренней и внѣшней политики Россіи, пока не уступали своего мѣста другимъ. И. И. Шуваловъ былъ однимъ изъ фаворитовъ императрицы Елисаветы Петровны (съ 1749 года: см. у П. П. Пекарскаго. Ист. Акад. Наукъ, т. II, стр. 421). Образованный, искренне желавшій принести пользу Россіи, И. И. Шуваловъ пользовался своимъ вліяніемъ при Дворѣ, чтобы содѣйствовать «приращенію общей пользы». Екатерина II (бывшая въ то время женою наслѣдника престола) пишетъ въ своемъ дневникѣ, что назначеніе И. Шувалова камеръ-юнкеромъ въ сентябрѣ 1749 года было событіемъ при Дворѣ: небольшой кружокъ сторонниковъ образованія радовался возвышенію молодого человѣка, котораго всегда видѣли съ книгою въ рукахъ (См. Mémoires de Catherine II, p. 117, 118). Сношенія И. И. Шувалова съ Ломоносовымъ относятся къ началу 1750-хъ годовъ. Сближеніе ихъ произошло, по всей вѣроятности, по слѣдующему

Письмо Ломоносова начинается характернымъ предисловіемъ: «Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Разбирая свои

поводу. Шуваловъ, относившійся съ уваженіемъ къ ученымъ, скоро выдѣлилъ Ломоносова изъ среды петербургскихъ ученыхъ того времени потому, что Ломоносовъ былъ создателемъ новаго русскаго литературнаго языка и писалъ лучше—по сравненію съ другими поэтами—стихи. Молодой Шуваловъ, занимавшійся стихотвореством, обратился къ Ломоносову, какъ къ лучшему поэту, съ просьбою высказать свое мнѣніе объ его стихахъ, а также научить его писать болѣе совершенные стихи, обучить механизму стиха. Шуваловъ настолько серьезно сталъ заниматься теоріей, что собственноручно составилъ конспектъ реторики Ломоносова (см. у С. Соловьева. Ист. Россіи, т. XXIII, стр. 304—305, 341). Ни съ однимъ изъ вельможъ елизаветинской эпохи Ломоносовъ не былъ въ такихъ близкихъ сношеніяхъ, какъ съ Шуваловымъ. П. Пекарскій приводитъ разсказъ племянницы Ломоносова, дочери его сестры Маріи Васильевны — Матрена Евсеевны — о томъ, что чаще всѣхъ и дольше всѣхъ у Ломоносова «сиживалъ» «знаменитый Меценатъ его, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ» (т. II, 882).

И. И. Шуваловъ въ царствованіе Елисаветы Петровны оказывалъ большое *вліяніе на внутреннюю политику* Россіи. *Достаточно вспомнить открытіе* Московскаго Университета. Поэтому письмо уважаемаго Шуваловымъ Ломоносова къ лицу, вліяющему на направленіе внутренней политики, пріобрѣтаетъ особый интересъ для историка административнаго права. Письмо Ломоносова было написано въ самомъ концѣ царствованія Елисаветы И.; поэтому, идеи, высказанныя Ломоносовымъ, не могли быть проведены въ жизнь Шуваловымъ. Но онѣ интересны, какъ показатель настроенія одного изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей того времени, превзошедшаго всѣхъ своихъ современниковъ разносторонностью своей плодотворной дѣятельности.

За кратковременное царствованіе Петра III идеи Ломоносова не были осуществлены по многимъ причинамъ (прежде всего — такого личнаго свойства, какъ характеръ Петра III). При Екатеринѣ II онѣ были осуществлены лишь отчасти, поскольку онѣ «носились въ воздухѣ» того времени.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II положеніе Шувалова пошатнулось: онъ былъ сторонникомъ графовъ Воронцовыхъ. Поэтому, его, какъ сторонника своей бывшей соперницы, Екатерина II не могла оставить при Дворѣ. Хотя Шуваловъ не сопротивлялся признанію новаго правительства (Екатерины II), но... «его не любила Екатерина, не любили его люди, къ ней близкіе: онъ имѣлъ слишкомъ большое значеніе при Елисаветѣ, большое вліяніе на судьбу всѣхъ, начиная съ Екатерины, былъ слишкомъ крупенъ, нравственно силенъ, безпрестанно попадался на глаза и потому сильно мѣшалъ. Онъ имѣлъ извѣстность за границею, переписывался съ людьми, мнѣніемъ которыхъ очень дорожили тогда въ Европѣ». (Соловьевъ, т. XXV, стр. 126). Поэтому черезъ *нѣкоторое время послѣ восшествія Екатерины II на престолъ*, указомъ 4 марта 1763 «генералъ-поручикъ и шефъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса» И. И. Шуваловъ, былъ почетно удаленъ за границу (Соловьевъ, т. XXV, стр. 230). Удаленъ со сцены Шуваловъ — и Ломоносовъ лишился возможности вліять

сочиненія, напесль я старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы» (Тихонравовъ, 72). Въ

на Дворъ тѣмъ или инымъ способомъ. Но лично Ломоносовъ не пострадалъ: Императрица засвидѣтельствовала Ломоносову свое уваженіе, какъ ученому, посѣтивъ его въ его домѣ 7 іюня 1764 года.

Идеи, высказанныя Ломоносовымъ въ письмѣ къ Шувалову, не были осуществлены полностью, но многое изъ его взглядовъ нашло тотъ или иной отзвукъ въ законодательствѣ Екатерины II.

Такимъ образомъ, для читателя вполнѣ ясно, *почему* Ломоносовъ написалъ свое письмо именно *И. И. Шувалову*, а не какому-либо иному вельможѣ елизаветинской эпохи.

Но *почему* Ломоносовъ написалъ свое письмо *1 ноября 1761 года?* Дата «1 ноября» объясняется очень легко. Это былъ день рожденія И. И. Шувалова. Въ виду дружескихъ отношеній между ними, Ломоносовъ поднесъ Шувалову 1 ноября 1760 года посвященіе своей поэмы «Петръ Великій», а 1 ноября 1761 г. — Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа.

Почему Ломоносовъ избралъ *темою письма* ко дню рожденія И. И. Шувалова политическій *вопросъ о размноженіи и сохраненіи россійскаго населенія?* Потому, что Ломоносовъ придавалъ этому вопросу, какъ и германскими эвдаймонистами, большое значеніе. Вопросъ о политикѣ народонаселенія довольно часто обсуждался въ германской научной литературѣ. Камералисты, политики, философы, полицеисты, статистики и пр. придавали въ XVIII в. (въ Германіи) первостепенное значеніе именно вопросамъ народонаселенія. Ломоносовъ подчинился господствующему въ нѣмецкой наукѣ теченію. Темою своего разсужденія-письма онъ избралъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ того времени. Быть можетъ, Ломоносовъ избралъ темою своего письма разсужденіе о размноженіи и сохраненіи населенія именно потому, что эта тема была «модною» въ Россіи въ концѣ 1761 года, въ виду приближенія третьей ревизіи (въ ноябрѣ 1761 было издано предписаніе о подачѣ ревизскихъ сказокъ). Ревизіи имѣли огромное значеніе для дореформенной Россіи. Правительство желало при помощи ревизіи установить численность и составъ населенія Россіи, главнымъ образомъ — для цѣли подушнаго обложенія и рекрутскихъ наборовъ (см. у Б. Ю. Дена. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Подушная подать въ XVIII вѣкѣ и статистика населенія въ концѣ XVIII вѣка. Томъ первый, М. 1902, стр. 1. Введеніе).

Были ли другія лица въ елизаветинскую эпоху, разрабатывавшія вопросы политики народонаселенія? Почему именно Ломоносовъ затронулъ этотъ вопросъ? — Политику народонаселенія разрабатывалъ графъ И. И. Шуваловъ; но между проектами его и Ломоносова слишкомъ мало сходства; по всей вѣроятности, Ломоносовъ не пользовался проектомъ графа Шувалова, который, избралъ эту тему потому, что она сильно интересовала правительство того времени, а графъ Шуваловъ былъ государственнымъ дѣятелемъ. Ломоносовъ избралъ эту тему не только потому, что она привлекала правительство, но и потому, что онъ былъ ученикомъ Х. Вольфа, затронувшаго въ своихъ трудахъ политику народонаселенія.

этихъ словахъ рельефно проявилось вліяніе эвдаймонистической философіи Хр. Вольфа. В. Виндельбандъ (въ своей «Исторіи новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками», пер. съ нѣм. подъ ред. А. И. Введенскаго, С.-Пб. 1908, изд. 2-е, томъ II, стр. 416) достаточно выяснилъ, что Х. Вольфъ дѣленіемъ систематически изложенной философіи на теоретическую и практическую подчеркнулъ свое намѣреніе не только просвѣщать теоретически, но и обучать дѣйствовать практически: «Наука не только должна учить тому, какимъ образомъ все существующее возможно, но и тому, *какъ* человѣкъ *долженъ жить* разумно, счастливо и полезно». Ломоносовъ, воспринявшій ученіе Х. Вольфа, преслѣдуетъ ту же эвдаймонистическую цѣль, какую преслѣдовалъ и его учитель: онъ обучаетъ практическаго государственнаго дѣятеля, къ какимъ мѣропріятіямъ должно прибѣгнуть правительство для того, чтобы содѣйствовать достиженію конечной цѣли государства. Въ разсужденіи о политикѣ народонаселенія Ломоносовъ, подобно Х. Вольфу, учитъ, что̀ должно дѣлать правительство для достиженія общаго блага. Практическая цѣль выдвинута Ломоносовымъ, какъ теоретикомъ, на первый планъ.

«По разсмотрѣніи», продолжаетъ Ломоносовъ, «разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ Вашему Высокопревосходительству, яко истинному *ревнителю о всякомъ добрѣ* любезнаго *отечества*, въ упованіи, что, можетъ быть, найдется въ нихъ что-нибудь къ дѣйствительному *исправленію* россійскаго свѣта служащее, что вашимъ проницательствомъ и рачѣніемъ — разобрано, расположено и къ подлинному *исполненію* приведено быть можетъ» (Тихонравовъ, стр. 72).

Ломоносовъ, какъ эвдаймонистъ, стремился къ общему благу. Какъ патріотъ, горячо любящій свое отечество, онъ желаетъ ему всякаго благополучія, силы, могущества, богатства, и, имѣя возможность содѣйствовать достиженію общаго блага русскихъ подданныхъ — при посредствѣ приближеннаго императрицы, — излагаетъ ему свои «мысли», чтобы онъ осуществилъ,

что найдетъ нужнымъ. Ломоносовъ настолько проникся идеей гувернементализма, поклонникомъ которой былъ Х. Вольфъ, что при первомъ удобномъ случаѣ высказываетъ близкому къ императрицѣ лицу свое мнѣніе о желательной политикѣ народонаселенія; впослѣдствіи же онъ намѣревался высказать свое мнѣніе по другимъ вопросамъ внутренняго управленія (въ обширномъ смыслѣ этого слова).

Ломоносовъ высказываетъ вполнѣ основательное «упованіе», что въ его проектѣ содержатся полезныя идеи, которыя — послѣ ихъ осуществленія — принесутъ Россіи большую пользу. Ломоносовъ подчеркиваетъ, что его проектъ создавался въ теченіе продолжительнаго времени, что онъ является плодомъ продолжительнаго обдумыванія вопроса о наиболѣе цѣлесообразной политикѣ внутренняго управленія: «Всѣ оныя *по разнымъ временамъ* замѣченныя *порозни* мысли приведены [1]) быть могутъ, какъ мнѣ кажется, подъ слѣдующія главы» (Тихонравовъ, 72). Далѣе приведено заглавіе восьми главъ: 1) о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, 2) о потребленіи праздности, 3) о исправленіи нравовъ и о бо́льшемъ просвѣщеніи народа, 4) о исправленіи земледѣлія, 5) о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, 6) о лучшихъ пользахъ купечества, 7) о лучшей государственной экономіи, и 8) о сохраненіи воинскаго искусства во время долговременнаго мира (Погодинъ, стр. 126—127; Тихонравовъ, стр. 72) [2]).

П. П. Пекарскій сообщаетъ, что въ академической Библіотекѣ находится копія съ письма о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа и «списокъ» съ записки Ломоносова (Исторія Академіи Наукъ, 1873 г., т. II, стр. 753), съ инымъ оглавленіемъ предстоящаго труда Ломоносова. «Сохранилось въ спискѣ съ собственноручной записки Ломоносова *другое*, подобное же *оглавленіе сіе мыслей* [3]), но нѣсколько перемѣненное и съ при-

---

1) Въ «Москвитянинѣ»: «подведены».

2) Изъ *восьми* главъ, которыя желалъ написать Ломоносовъ, онъ написалъ лишь первую.

3) П. Пекарскій долженъ бы былъ заключить терминъ: «мысли» въ кавычки, такъ какъ онъ употребляетъ терминъ самого Ломоносова въ томъ

бавками, а именно: «1. О сохраненіи и размноженіи народа. 2. О истребленіи праздности. 3. О исправленіи нравовъ и о просвѣщеніи. 4. О умноженіи внутренняго изобилія. 5. О купечествѣ, особливо со внѣшними народами. 6. О ремеслепныхъ дѣлахъ и художествахъ. 7. О государственной экономіи [1]). 8. О сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира. Оріентальная Академія. О лѣсахъ [2]). Экономическая географія. Экономическія игры. Истребленіе раскола. Экономическая лапдкарта. Праздность показать по мѣстамъ и по персонамъ. Муж мельницу не сдѣлаетъ, а жена весь день мелетъ» (Пекарскій, II, 753)[3]).

Изъ сравненія приведенныхъ двухъ плановъ задуманныхъ

смыслъ, въ какомъ это слово понималось въ елизаветинскую эпоху. Во времена же Пекарскаго этотъ терминъ утратилъ прежнее значеніе. Поэтому терминологію Ломоносова слѣдовало употреблять или съ особою оговоркою, или въ кавычкахъ. Мысли не могутъ быть озаглавлены: онѣ могутъ быть облечены въ конкретную форму. Конкретная форма мыслей — въ видѣ фразъ, записанныхъ на бумагѣ,—можетъ имѣть оглавленіе. Точно также можно сказать, что П. Пекарскій неточно назвалъ «оглавленіемъ» планъ предстоящей работы Ломоносова.

1) 15 іюля 1759 года Ломоносовъ подалъ «Представленіе» въ Канцелярію Академіи Наукъ — проэктъ изданія при Академіи Наукъ (на русскомъ языкѣ) внутреннихъ Россійскихъ Вѣдомостей для пользы *государственной экономіи, торговли и промышленности*» (См. «Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ» 1853 г., т. I, вып. I, стр. LXVII; у Билярскаго «Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 392—393; у Будиловича, 59). Слѣдовательно, еще задолго до письма къ Шувалову Ломоносовъ желалъ привести въ исполненіе отдѣльныя части своего проекта. Подача же «представленія» объ изданіи торгово-промышленныхъ «Вѣдомостей» объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что Ломоносовъ самъ былъ предпринимателемъ, и пользы и нужды предпринимателей были ему хорошо знакомы по непосредственному опыту.

2) А. Будиловичъ дѣлаетъ слѣдующее разъясненіе: «Какъ замыселъ Л — ва, едва ли вполнѣ выполненный, можно здѣсь назвать его Разсужденіе *о сбереженіи лѣсовъ*, въ которомъ онъ имѣлъ говорить о *торфѣ*» (31).

3) П. Пекарскій можетъ натолкнуть читателя на ложную мысль, что у Ломоносова были такіе труды, которые въ настоящее время слѣдуетъ считать утраченными. Во 2-мъ примѣчаніи къ 753-ей стр. П. Пекарскій ссылается на П. Бартенева (Указатель статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ «Москвитянинѣ», стр. 59) и на Будиловича (Ломоносовъ, какъ писатель) — въ подтвержденіе слѣдующаго своего малообоснованнаго мнѣнія (въ текстѣ): «На основаніи этого оглавленія, *нѣкоторые* изслѣдователи *положительно* говорятъ, что Ломоносовъ *неизвѣстно* написалъ разсужденія подъ такими заглавіями и что они теперь утрачены» (II, 753). П. Пекарскій приписываетъ А. Буди-

Ломоносовымъ работы видно, что второй планъ представилъ изъ себя развитой первый.

Ломоносовъ сохранилъ даже размѣщеніе главъ: 1, 2, 3.

ловичу такое мнѣніе, котораго послѣдній въ 1872 году въ своемъ изслѣдованіи о Ломоносовѣ не высказывалъ. На 73-й стр. труда Будиловича, на который ссылается Пекарскій, помѣщено отъ автора въ скобкахъ два слова: «(Гдѣ онѣ?)». Непосредственно передъ этимъ Будиловичъ указалъ, что Ломоносовъ въ разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа «упоминаетъ о своихъ запискахъ, между прочимъ: ...» (далѣе Будиловичъ приводитъ «оглавленіе» Ломоносова №№ 2—8). Смыслъ вопроса Будиловича—вполнѣ ясенъ и не можетъ подлежать тому неправильному толкованію, которое далъ ему П. П. Пекарскій. Будиловичъ спрашивалъ: 1) Были ли написаны Ломоносовымъ записки подъ №№ 2—8? Если были, то сохранились ли онѣ? Если сохранились, то гдѣ онѣ? Пекарскій же вставилъ свою собственную посылку, отсутствующую у Будиловича, и заявилъ, со ссылкою на 73-ю стр. Будиловича, что послѣдній «положительно говоритъ», будто Ломоносовъ «непремѣнно написалъ разсужденія подъ такими заглавіями». Въ дѣйствительности же Будиловичъ констатируетъ, что Ломоносовъ упоминаетъ о своихъ «запискахъ» (№№ 2—8). Ломоносовъ въ 5-мъ пунктѣ своего письма къ Шувалову упоминаетъ о «листѣ о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ» (Тихонравовъ, 76), равно какъ и о другихъ своихъ письмахъ *о будущемъ*, а не въ настоящемъ и не въ прошедшемъ времени. Слѣдовательно, грамматическое толкованіе перваго письма Ломоносова къ Шувалову доказываетъ, что тѣхъ писемъ, о которыхъ самъ авторъ говоритъ въ будущемъ времени, въ 1761-мъ году еще не существовало и «старыя записки» остались неразработанными.

Ломоносовъ упоминаетъ о будущей главѣ № 2-ой, которую онъ намѣренъ написать, но еще не написалъ. Если бы онъ написалъ ее, онъ прислалъ бы ее Шувалову и говорилъ бы о ней въ I-й главѣ въ настоящемъ времени, какъ о существующей уже. «Въ главѣ *о истребленіи праздности предложится* (курсивъ Тихонравова, 83) для избѣжанія сего способы» (т. е. для предотвращенія потопленій «отъ наводненія и отъ неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ», будутъ рекомендованы Ломоносовымъ превентивныя мѣры), «равно какъ и для избавленія помиранія многихъ зимою» (Т-въ, 83). Ломоносовъ упоминаетъ въ будущемъ времени о 7-ой главѣ «О лучшей государственной экономіи»: «Для избавленія *отъ опасной смерти* служитъ предосторожность о утоленіи частыхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажется пространно (но еще не показано. П. С.) въ письмѣ *о лучшей государственной экономіи*» (Тихонравовъ, 83). Въ 12-мъ пунктѣ Ломоносовъ упоминаетъ о своемъ намѣреніи въ будущемъ (уже послѣ 1 ноября 1761 г.) написать 3-ю главу «О исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа». (Тихонравовъ, 86).

Для борьбы съ тайной эмиграціей русскаго населенія (бѣгствомъ крестьянъ) за границу и съ переселеніемъ раскольниковъ на Вятку «впредь могутъ служить способы, кои *представятся* въ статьѣ *О исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа*» (Тихонравовъ, 85—86). Слѣдовательно, эту главу

4, 7 и 8-й. Мѣста 5 и 6-й главъ перемѣнены. Однако, послѣ общаго наброска плана предстоящей работы Ломоносовъ дѣлаетъ нѣсколько приписокъ, въ поясненіе содержанія упомянутыхъ главъ (но безъ нумераціи). Напримѣръ, Ломоносовъ поясняетъ содержаніе 2-й главы (объ истребленіи праздности) словами: «праздность показать по мѣстамъ и по персонамъ». Названіе

своего проекта Ломоносовъ хотѣлъ представить Шувалову впослѣдствіи, такъ какъ она въ 1761 году еще не была написана.

Констатировавъ фактъ *упоминанія* Ломоносовымъ о своихъ запискахъ №№ 2—8 (хотя Ломоносовъ въ различныхъ мѣстахъ первой главы проекта упоминаетъ не обо всѣхъ указанныхъ №№), А. Будиловичъ нигдѣ не беретъ на себя смѣлости утверждать, что Ломоносовъ написалъ эти записки, а тѣмъ болѣе, что онѣ—утеряны. П. И. Пекарскій приписалъ А. Будиловичу свою собственную догадку, но ничѣмъ не подтвердилъ ее.

Съ большимъ правомъ П. П. Пекарскій имѣлъ основаніе утверждать: «Какъ бы то ни было, только въ настоящее время (т. е. въ 1873 г.) *не отыскано* еще *ни одного произведенія* Ломоносова, которое бы можно было приурочить, по содержанію и направленію, къ тому же разряду сочиненій, которыя упоминаются въ вышеприведенныхъ заглавіяхъ» (753). Однако, возраженіе П. Пекарскаго М. М. Шпилевскому (въ примѣчаніи 4-мъ къ 753-й стр., на 753—754-й стр.)—въ высшей степени цѣнно и интересно, потому что въ немъ приведенъ мотивированный отказъ Публичной Библіотеки издать въ свѣтъ неправильно приписываемую г. Шпилевскимъ Ломоносову рукопись *О коммерціи*. П. П. Пекарскій излагаетъ доводы, приведенные помощникомъ директора Публичной Библіотеки, академикомъ Бычковымъ, въ «С.-Пб. Вѣд.» 1872 г., № 92, — противъ приписыванія означенной рукописи Ломоносову. Статья М. М. Шпилевскаго была напечатана подъ заглавіемъ: «Неизданное сочиненіе Ломоносова о коммерціи» — въ «Бесѣдѣ» 1872 г., кн. I, стр. 155—159. Доводы М. М. Шпилевскаго: 1) отдѣльныя слова, выраженія, обороты рѣчи — все это напоминаетъ ломоносовское перо, ломоносовскій слогъ и 2) приписки и поправки сдѣланы почеркомъ, близко подходящимъ къ почерку Ломоносова, — не выдерживаютъ критики, такъ какъ: 1) въ апокрифическомъ сочиненіи Ломоносова видно отсутствіе литературнаго навыка (т. е. полная противоположность Ломоносову); 2) иностранныя слова: префектъ, претекстъ, амбиція, инфлюенціи—не напоминаютъ стиль Ломоносова; 3) лица, изучившія почеркъ Ломоносова, заявляютъ, что приписки и поправки сдѣланы рукою другого лица, а не Ломоносова; 4) неправильности правописанія, отсутствующія у Ломоносова, встрѣчаются въ сочиненіи о коммерціи (напримѣръ, «нжъдивепно» и пр.).

Я останавливаюсь на сочиненіяхъ, приписываемыхъ Ломоносову, именно потому, что П. П. Пекарскій своимъ неправильнымъ утвержденіемъ о существованіи будто-бы нѣкоторыхъ сочиненій Ломоносова (отдѣльныхъ главъ его проекта) можетъ ввести читателей въ заблужденіе.

4-й главы «О исправленіи земледѣлія» — замѣнено новымъ названіемъ «О умноженіи внутренняго изобилія», при чемъ въ изложеніе содержанія какъ 4-й, такъ и 7-й главъ добавлено: «о лѣсахъ», «экономическая географія», «экономическая ландкарта», «экономическія игры».

Изъ приведеннаго выше плана работы Ломоносова видно, что всѣ 8 главъ проекта нельзя отнести ни къ одной наукѣ: ни къ политикѣ, ни къ наукѣ о полиціи (въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые изложена въ системѣ І. Г. Юсти), ни къ наукѣ о торговлѣ, ни къ наукѣ о финансахъ (въ то время еще только развѣтвлявшихся изъ Cameralwissenschaften подъ могучимъ перомъ камералистическаго компилятора Юсти). Въ проектѣ Ломоносова наблюдается полное смѣшеніе отрывковъ изъ различныхъ камеральныхъ наукъ, однако — отрывковъ, объединенныхъ однимъ общимъ принципомъ философіи эвдаймонизма. Первыя шесть главъ, а именно: положеніе правительства объ увеличеніи (размноженіи и сохраненіи) народонаселенія, объ истребленіи праздности, о народномъ просвѣщеніи и правахъ, о земледѣліи, обрабатывающей и торговой промышленности. — относятся къ области науки о полиціи. 6-ю главу можно отнести также и къ наукѣ о торговлѣ. 7-я глава (о государственной экономіи) входитъ въ область финансовой науки. 8-я глава (о военномъ искусствѣ) относится къ области военныхъ наукъ. Первая глава проекта Ломоносова (о размноженіи и сохраненіи населенія) цѣликомъ можетъ быть отнесена и къ области политики, и къ области науки полиціи (Юсти), и къ области статистики. Чрезвычайная краткость изложенія въ значительной мѣрѣ напоминаетъ трудъ барона Бильфельда: «Institutions politiques» (A la Haye, 1760, t. I, II), немедленно послѣ своего появленія переведенный на нѣмецкій языкъ.

Ломоносовъ въ своемъ письмѣ къ Шувалову разсматриваетъ 13 способовъ размноженія и сохраненія русскаго населенія. Подобно Вольфу, Зюссмильху, Юсти и Бильфельду, онъ не излагаетъ догмы права. Онъ даетъ безпощадную критику дѣй-

ствовавшаго въ то время въ Россіи законодательства, тщательно обходя молчаніемъ точныя ссылки на положительное право. Разсматривая вопросъ о сохраненіи и размноженіи населенія съ политической точки зрѣнія, Ломоносовъ требуетъ отмѣны законовъ, препятствующихъ сохраненію и размноженію русскаго народонаселенія. Какъ ученый, вышедшій изъ школы Хр. Вольфа, отличавшагося, по мнѣнію германскихъ «піэтистовъ», вольнодумствомъ, Ломоносовъ въ частномъ письмѣ къ Шувалову самымъ рѣзкимъ образомъ возстаетъ противъ очень многихъ законовъ, обычаевъ, правовъ и пр. Ломоносовъ признаетъ только тѣ законы, которые, по его мнѣнію, непосредственно даны людямъ природою. Что противорѣчитъ «естественному праву», то не должно воплощаться въ конкретную форму писанныхъ законовъ; если же положительное законодательство въ чемъ-либо расходится съ «естественнымъ правомъ», въ этой части оно должно быть отмѣнено. Ломоносовъ не развиваетъ систематически изложенной теоріи естественнаго права; но достаточно ознакомиться съ содержаніемъ его проекта, достаточно подвести теоретическое обоснованіе подъ высказываемыя имъ пожеланія въ области политики народонаселенія, чтобы вліяніе Хр. Вольфа рельефно выступило въ каждомъ словѣ его проекта. Могутъ возразить: имѣемъ ли мы право черезъ двѣсти лѣтъ со дня рожденія Ломоносова подводить теоретическій фундаментъ подъ различные его проекты, въ которыхъ авторъ разсматривалъ затронутые имъ вопросы съ политической точки зрѣнія, оставляя въ сторонѣ систематическое теоретическое обоснованіе рекомендуемыхъ имъ мѣропріятій? Да, мы не только имѣемъ право, но и обязаны объяснить смыслъ проекта Ломоносова сопоставленіемъ его идей съ идеями его современниковъ, послѣдователей того же Хр. Вольфа: І. Зюссмильха и Юсти. Въ противномъ случаѣ, смыслъ проекта Ломоносова останется не яснымъ, такъ какъ не будетъ обрисовано преломленіе идей учителя (Хр. Вольфа) въ проектѣ его русскаго ученика въ примѣненіи къ русской дѣйствительности.

Ломоносовъ не даетъ законченнаго систематическаго очерка

политики народонаселенія: безъ объясненія причинъ, онъ дѣлаетъ существенные пропуски. При сопоставленіи его системы съ соотвѣтствующими системами Вольфа, Зюссмильха, Юсти, Бильфельда и др., въ ней обнаруживаются пробѣлы. Впрочемъ, Ломоносовъ, въ концѣ своего разсужденія, подчеркиваетъ, что, кромѣ указанныхъ имъ правительственныхъ мѣропріятій, содѣйствующихъ размноженію и сохраненію русскаго населенія, существуютъ еще другія.

Мѣропріятія для увеличенія народонаселенія Ломоносовъ распредѣляетъ на слѣдующія категоріи: 1) мѣры къ увеличенію количества рождающихся, 2) мѣры къ сохраненію рождающихся (природныхъ русскихъ подданныхъ) и 3) мѣры къ пріему иностранцевъ въ русское подданство.

Для увеличенія количества рождающихся (для «обильнѣйшаго плодородія родящихъ») необходимо: 1) устранить браки между лицами несоотвѣтствующихъ лѣтъ; 2) отмѣнить «насильное» супружество (бракъ по принужденію), 3) отмѣнить законъ, запрещающій жениться болѣе трехъ разъ, 4) отмѣнить постриженіе молодыхъ овдовѣвшихъ священниковъ и дьяконовъ въ монахи, а мірянамъ запретить принятіе монашества до 45 лѣтъ (женщинамъ) и до 50 лѣтъ (мужчинамъ).

Для сохраненія рожденныхъ необходимо: 5) учредить «богадѣльные домы» для пріема внѣбрачныхъ дѣтей, 6) бороться съ болѣзнями новорожденныхъ, 7) устранить вредный обычай крестить младенцевъ въ холодной водѣ, 8) бороться съ невоздержностью русскаго народа и всѣми мѣрами содѣйствовать болѣе разумному образу жизни, не отзывающемуся слишкомъ вредно на человѣческомъ здоровьѣ, 9) бороться съ болѣзнями путемъ организаціи надлежащей медицинской помощи, 10) бороться, по возможности, съ причинами смерти отъ моровой язвы, пожара, потопленія, замерзанія и пр., 11) противодѣйствовать убійствамъ въ дракахъ и при разбоѣ и 12) предупреждать эмиграцію изъ Россіи за границу и бѣгство изъ центральныхъ губерній въ отдаленныя мѣстности (на Вятку и пр.).

Наконецъ, Ломоносовъ въ 13) рекомендуетъ содѣйствовать иммиграціи иностранцевъ въ Россію. Таковъ—въ самыхъ общихъ чертахъ — проектъ Ломоносова. Чтобы правильно понять идеи его, безусловно необходимо сопоставить ихъ съ идеями другихъ послѣдователей Хр. Вольфа.

Учитель Ломоносова — Христіанъ Вольфъ — былъ завершителемъ новаго научнаго теченія въ нѣмецкой философіи конца XVII и всего XVIII вв. вплоть до Канта. Пуфендорфъ, Томазій, Лейбницъ, Хр. Вольфъ является наиболѣе выдающимися представителями новаго движенія, а самымъ значительнымъ изъ нихъ всѣми признается Вольфъ. Онъ сумѣлъ искусно продолжить дѣло, начатое его предшественниками.

Вольфъ объединилъ и изложилъ въ законченной системѣ ихъ философскіе взгляды. Окончательно изгнавъ схоластику, но не вполнѣ освободившись отъ нѣкотораго ея вліянія, Вольфъ создалъ собственную школу «вольфіанцевъ». Отъ своихъ предшественниковъ Вольфъ заимствовалъ раціоналистическую методу, критическое направленіе, положеніе объ общественной природѣ человѣка, объ его нравственныхъ стремленіяхъ. Подъ вліяніемъ Томазія, Вольфъ считаетъ политику отраслью нравственной философіи. Такъ какъ нравственная философія заимствуетъ свои начала изъ метафизики, то основаніемъ всего нравственнаго ученія служитъ метафизическое понятіе о совершенствѣ (perfectio). Идея совершенствованія служитъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ философскихъ построеній Вольфа[1]). Природа людей — такова, что не иначе, какъ соединенными силами и при взаимной помощи они могутъ стремиться къ совершенству, являющемуся

---

1) Законъ, вытекающій изъ природы людей, обязываетъ человѣка стремиться къ совершенствованію. Въ Praefatio къ «Institutiones» Вольфъ утверждаетъ: «Cum vero homo *per naturam* in genere determinatus sit ad bonum appetendum, malum adversandum; bonitas intrinseca motivum est actionum committendarum, malitia omittendarum: unde nascitur obligatio naturalis et directio actionum, quam diximus, induit formam legis ab ipsa natura latam» (Praefatio, стр. 8).

единственным *источником счастья*. Индивидуум только тогда может достигнуть счастья, если онъ внѣшне (äusserlich) и внутренне (innerlich) усовершенствуетъ себя («Vernünftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen», 1720).

Въ своихъ сочиненіяхъ Вольфъ безчисленное количество разъ повторяетъ свою основную идею: «Thue, was die allgemeine Wohlfahrt befördert und die gemeine Sicherheit erhält, — unterlasse, was die gemeine Wohlfahrt hindert und der gemeinen Sicherheit zuwieder ist», — варьируя лишь отдѣльныя слова и замѣняя нѣмецкій текстъ изъ «Vernünftige Gedanken» латинскимъ въ «Ius naturae methodo scientifico pertractatum» и въ «Institutiones juris naturae et gentium».

Къ возможно большему совершенствованію побуждаетъ индивидуума естественный законъ, соблюденіе котораго есть вмѣстѣ съ тѣмъ средство для достиженія счастья. Что же такое естественный законъ? Закономъ называется правило, съ которымъ мы обязаны сообразовать свои дѣйствія. Естественнымъ же закономъ называется тотъ законъ, который имѣетъ достаточное основаніе въ самой природѣ человѣка и вещей. Такъ какъ естественный законъ (или законъ природы) имѣетъ *достаточное основаніе* въ самой природѣ человѣка и вещей и благодаря этому обладаетъ естественной обязательностью, а послѣднія — неизмѣнны и необходимы, то и естественный законъ — неизмѣненъ и необходимъ. Творецъ естественнаго закона — самъ Богъ; естественная обязанность — божественнаго происхожденія и естественный законъ — законъ божественный [2]). Естественный законъ обя-

---

1) «Perfectio entis in genere est consensus in varietate, seu plurium a se invicem differentium in uno». — [*Institutiones juris naturae et gentium*, in quibus ex ipsa hominis natura continuo nexu omnes obligationes et jura omnia deducuntur. Autore Christiano L. B. de Wolff, potentissimi Borussiae regis consiliario intimo et universitatis Halensis Cancellario et seniore. Halae Magdeburgicae. MDCCL (1750)].

2) «*Autor legis naturae ipse Deus est* et ad actiones suas eidem conformandas hominem obligat, sicque obligatio naturalis etiam divina est et *lex naturalis lex divina*». (Wolff. Institutiones, § 41, стр. 21).

зываетъ всѣхъ людей, и ни одинъ человѣкъ не можетъ быть освобожденъ отъ естественной обязанности. Естественный законъ обязываетъ насъ къ совершенію дѣйствій, которыя направлены къ усовершенствованію человѣка и его положенія, и къ избѣжанію тѣхъ дѣйствій, которыя направлены къ ухудшенію человѣка и его положенія; слѣдовательно, — къ совершенію свободныхъ дѣйствій, опредѣляемыхъ одѣми и тѣми же конечными цѣлями, какъ и естественныя дѣйствія, а равнымъ образомъ — къ отвращенію всякой опасности для насъ и нашего положенія. Этотъ принципъ естественнаго права — общій и универсальный [1]).

Ученіе Вольфа объ естественномъ правѣ — важно для уясненія міросозерцанія М. В. Ломоносова, ученика Хр. Вольфа. Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія настолько не отдѣлимы отъ вольфіанскаго ученія объ естественномъ правѣ [2]), что всякій, кто осмѣлится истолковывать взгляды Ломоносова на сохраненіе и размноженіе населенія съ какой угодно точки зрѣнія, но независимо отъ вольфіанскаго ученія объ естественномъ

---

1) Изъ основного принципа естественнаго права (perfectio hominis atque status ejusdem) Хр. Вольфъ дедуцируетъ всѣ остальные: «Atque hoc principium Juris naturae generale ac universale est, ex quo continuo ratiocinationis filo deducuntur omnia, quae Juris naturae suae, prouti ex sequentibus abunde elucescet» (Wolff, o. c., стр. 22).

2) Вольфіанское ученіе объ естественномъ правѣ оказало вліяніе на міросозерцаніе не только Ломоносова, но и другихъ русскихъ, интересовавшихся прогрессомъ гуманитарныхъ наукъ въ Германіи въ I-й половинѣ XVIII вѣка. Напримѣръ, извѣстный В. Н. Татищевъ (генералъ-бергъ-мейстеръ, Оренбургскій и Астраханскій губернаторъ, историкъ) всѣдъ за Гроціемъ, Пуфендорфомъ и Хр. Вольфомъ, преклоняется передъ естественнымъ закономъ, творецъ котораго — Богъ. В. Н. Татищевъ (ум. въ 1750 г.) называетъ этотъ естественный законъ источникомъ всякаго законодательства (В. Н. Татищевъ и его время. Отзывъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія. Сочиненія Ивана Попова, М. 1861).

3) Вліяніе соотношенія естественнаго права и политики, бар. Бильфельдъ говоритъ: «Право естественное показываетъ намъ то, что̀ справедливо, а политика учитъ тому, что̀ полезно» (Bielefeld. Institutions politiques, t. 1, 1760, ch. VI, § 7; или Bielfeld. Lehrbegriff der Staatskunst. Breslau und Leipzig. 1760).

правѣ [1]),—рискуетъ исказить дѣйствительные взгляды Ломоносова [2]).

Еще Аристотель провозгласилъ цѣлью государства доставленіе гражданамъ счастливой жизни (εὖ ζῆν). Принципы эвдаймонистической философіи постепенно принимали болѣе точную формулировку. Съ развитіемъ ученія объ естественномъ правѣ неразрывно развивалась и эвдаймонистическая философія. Томазій считалъ достиженіе человѣческаго счастья — конечною цѣлью государства. Человѣческое счастье — конечная цѣль естественнаго права [3]). Хр. Вольфъ былъ наиболѣе выдающимся представителемъ эвдаймонистической философіи. По его ученію, конечной цѣлью государства опредѣляется его устройство. Самымъ совершеннымъ государственнымъ устройствомъ будетъ такое, при которомъ лучше всего охраняется общественное благосостояніе и безопасность, т. е. то, при которомъ люди могутъ *жить счастливѣйшимъ образомъ*. Цѣлью политики становится все, что только можетъ служить человѣческому совершенству [4]). *Первымъ*

---

1) Л. Штейнъ подчеркиваетъ тѣсную связь между естественнымъ правомъ и новою научною дисциплиною, созданною І. Г. Юсти, — *Policey-Wissenschaft*: «In der That war sie (d. i.: «Policey-Wissenschaft». Н. С.) aber nichts als *die aus dem alten Jus naturae herausgenommene Verwaltungslehre*» («Die Lehre von der Innern Verwaltung. Von Dr. Lorenz Stein, Stuttgart. 1866. Вторая часть его труда «Die Verwaltungslehre», S. 15).

2) Ломоносовъ, какъ ученикъ Хр. Вольфа, былъ представителемъ философскаго камерализма. Спеціальный историкъ нѣмецкихъ ученій о внутреннемъ управленіи съ половины 17 до конца 18 вѣка Gustav Marchet, категорически заявляетъ: «Uns ist Wolff der philosophische Ausgangs- und Anfangspunkt des Cameralismus. Bei ihm als cameralistischen Philosophen drängt die Verwaltung mächtig in den Vordergrund. Die Richtung, welche Pufendorf schon angedeutet hat, speciell in «De officio», und die Glückseligkeitslehre Thomasius' vereinigt sich bei Wolff zu einem auf Liebe beruhenden System von Pflichten, dessen Zweck die Vervollkommnung des Einzelnen und der Allgemeinheit ist». («Studien über die Entwickelung der Verwaltungslehre in Deutschland von der zweiten Hälfte des 17. bis zum Ende des 18. Jahrhunderts von Dr. Gustav Marchet, München. 1885, S. 232).

3) Томазій вполнѣ опредѣленно признаетъ *идею счастья государственною цѣлью*: «*Facienda esse, quae vitam hominum* reddunt et maxime diuturnam et *felicissimam*, et evitenda, quae vitam reddunt infelicem et mortem accelerant». (Thomasius: «Fundumenta juris naturae et gentium», l. I, cap. VI, § 21).

4) «Regierung ist die Ausübung der obrigkeitlichen Macht und Gewalt, die

условіемъ благосостоянія Хр. Вольфъ считаетъ *достаточное количество народонаселенія* [1]). Количество народонаселенія можетъ быть слишкомъ велико, если не всѣ подданные въ состояніи найти себѣ достаточное пропитаніе; но оно можетъ быть слишкомъ мало, если земля въ состояніи прокормить бо́льшее количество населенія или если государство не имѣетъ достаточнаго количества войска для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Указанными предѣлами опредѣляются задачи политики народонаселенія. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ нужно увеличить населеніе, правительство обязано заботиться о томъ, чтобы подданные — по возможности — вступали въ законный бракъ и тщательно воспитывали своихъ дѣтей (поздніе браки, съ политической точки зрѣнія, — наносятъ ущербъ общему благосостоянію). Необходимо принимать разнообразныя мѣры къ сохраненію жизни и здоровья наличнаго количества населенія [2]). При недостаточности коренного населенія

---

gemeine Wohlfahrt und Sicherheit des Landes zu befriedigen» (Von Gemeinwesen — 2-я часть труда Хр. Вольфа «Vernünftige Gedanken vom gesellschaftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinen Wesen zur Beförderung der Glückseligkeit des Menschengeschlechtes», S. 507).

Для достиженія всеобщаго благосостоянія и безопасности правительство можетъ принимать всѣ мѣры, которыя оно признаетъ цѣлесообразными. Подданные, какъ пассивные объекты, а не активные субъекты управленія, обязаны послушно повиноваться.

1) Очень обстоятельное изложеніе философскихъ воззрѣній Хр. Вольфа далъ Б. Н. Чичеринъ въ своей «Исторіи политическихъ ученій. Ч. 2. Новое время», М. 1872 г. Между прочимъ, Б. Н. Чичеринъ очень сжато излагаетъ сущность воззрѣній Хр. Вольфа на политику народонаселенія (см. ч. 2, стр. 269).

2) Въ эпоху господства меркантилистическихъ воззрѣній зап.-евр. государственные дѣятели были послѣдователями такъ называемой Vermehrungspolitik. Государство нуждается въ большомъ количествѣ населенія, такъ какъ: 1) большимъ войскомъ для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ и для поддержанія военнаго могущества можетъ располагать лишь государство съ многочисленнымъ населеніемъ, 2) въ государственную казну налоги и пошлины поступаютъ въ значительномъ количествѣ съ многочисленнаго, а не съ малочисленнаго населенія. Чѣмъ больше въ государствѣ жителей, тѣмъ больше солдатъ они могутъ выставить, тѣмъ больше они будутъ производить товара и вывозить его за-границу, тѣмъ больше золота и серебра будетъ притекать въ страну, тѣмъ больше жители будутъ платить въ казну. — Подчинялся господствовавшему воззрѣнію, что богатство государства зависитъ отъ численности

необходимо привлекать иностранцевъ, предоставлять имъ различныя льготы и преимущества. Ни въ какомъ случаѣ правительство не должно допускать выселенія подданныхъ за границу. Но чтобы привлечь въ государство иностранцевъ, чтобы удержать своихъ подданныхъ отъ выселенія за границу, правительство безусловно обязано заботиться о томъ, чтобы *всѣмъ* было *хорошо жить*. Этотъ принципъ эвдаймонистической философіи налагаетъ отпечатокъ гуманности не только на тѣ мѣры, которыя предлагаетъ Хр. Вольфъ, но и на аналогичные проекты послѣдователей Хр. Вольфа (напримѣръ, — Ломоносова)[1]).

населенія, Фридрихъ Великій въ письмѣ къ Вольтеру отъ 24 августа 1741 г. откровенно заявляетъ: «Я смотрю на нихъ [на людей], какъ на стадо оленей, разводимыхъ въ паркѣ крупнымъ землевладѣльцемъ: они имѣютъ одно лишь назначеніе — размножаться и наполнять отведенное для нихъ мѣсто». (Цит. по «Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи». Статьи изъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». M. 1897. стр. 103).

1) Всѣ писатели, разсматривавшіе вопросы политики народонаселенія до Р. Мальтуса, рѣзко раздѣляются на два лагеря. Меньшинство, вслѣдъ за Платономъ и Аристотелемъ, опасаясь перенаселенія, рекомендовало правительствамъ принимать мѣры противъ чрезмѣрнаго увеличенія населенія (W. Raleigh, Child, M. Hale, Stewart, Genovesi, Herrenschwand, Ortes). Физіократы подчеркивали, что прогрессивное увеличеніе продуктовъ земледѣлія должно предшествовать прогрессивному возрастанію населенія. Наоборотъ, большинство писателей высказывалось за необходимость увеличенія количества народонаселенія: въ Испаніи — Saavedra-Faxardo: «Idea de uno principe christiano», 1649; въ Англіи Charles D'Avenant (1656—1714) считаетъ увеличеніе населенія самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ обогащенію народа (The political and commercial works of... Charles D'Avenant); во Франціи — maréchal de Vauban: «Projet d'une dixme royale», 1707 (увеличеніе работающихъ классовъ — высшая задача государства; рожденіе каждаго ребенка изъ низшихъ работающихъ классовъ служитъ къ прибыли для короля (= для государства); Вольтеръ (обязанность мудраго правительства — забота о заселеніи страны и о трудящихся; Voltaire: «Dialogue entre le philosophe et un controleur général», 1751); Montesquieu: «De l'ésprit des lois», l. XXIII цѣликомъ посвящаетъ вліянію законовъ на количество народонаселенія. Въ XXVI-й главѣ («Слѣдствія») XXIII-й книги Монтескье категорически присоединяется къ господствовавшему въ то время во французской литературѣ направленію: «Изъ всего этого надобно заключить, что Европа еще и нынѣ имѣетъ нужду въ законахъ, способствующихъ размноженію рода человѣческаго: вотъ почему, подобно греческимъ политикамъ, которые безпрестанно говорятъ намъ о томъ великомъ числѣ гражданъ, которые трудятся надъ республикою, *нынѣшніе* политики говорятъ намъ *только о средствахъ*, могущихъ *умножить число жителей*» (ци-

Количество народонаселенія не должно превышать средствъ пропитанія; поэтому, правительство обязано заботиться, чтобы

тирую по русскому переводу, изданному В. Сопиковымъ, М. 1810 г., подъ заглавіемъ: «О существѣ законовъ, твореніе г. Монтескье. Часть третія, кн. XXIII, гл. XXVI, стр. 379).

Ж. Ж. Руссо въ «Общественномъ договорѣ» признаетъ, что наилучшимъ слѣдуетъ считать то правительство, подъ властью котораго больше всего возрастетъ населеніе (J. J. Rousseau. Contrat social, l. III, ch. IX).

Въ Германіи: еще отецъ камеральныхъ наукъ Ф. Л. фонъ-Зеккендорфъ совѣтовалъ государямъ, съ цѣлью размноженія населенія, воспитывать на общественный счетъ дѣтей бѣдныхъ родителей (V. L. v. Seckendorff: «Teutscher Fürstenstaat», Frankf. 1656); J. J. Becher въ «Politischer Discurs von den eigentlichen Ursachen des Auf- und Abnehmens der Städte, Länder und Republiken» заявляетъ, что «....eine *volkreiche nahrhafte Gemeinde*.... in diesen drei Worten besteht das ganze Aufnehmen der Unterthanen»; большое количество населенія еще не дѣлаетъ государство счастливымъ: населеніе должно быть состоятельнымъ: «Es ist eine General- und unumgängliche *Staatsregul die Populirung eines Landes*, und dies ist das einzige Mittel zur Populirung, daß man den Leuten Nahrung schaffe und sie bei ehrlicher Nahrung erhalte». І. П. Зюссмильхъ, послѣдователь эвдаймонистической философіи Хр. Вольфа, выпустилъ въ 1741 году съ предисловіемъ Хр. Вольфа первое изданіе своего извѣстнаго труда, неоднократно издававшагося и впослѣдствіи. Въ виду того, что въ послѣдующихъ изданіяхъ труда Зюссмильха внесены лишь поправки въ цифрахъ и въ таблицахъ, безъ измѣненія по существу его возрѣній на политику народонаселенія, а также въ виду того, что въ московскихъ библіотекахъ: Императорскаго Университета, Румянцовской и Историческаго Музея, нѣтъ ни 1-го, ни 2-го, ни третьяго изданія труда Зюссмильха, я цитирую по четвертому изданію I-ой части «Божественнаго порядка» 1775 г. (по сличеніи мною I-ой части 4-го изд. 1775 г. съ изданіемъ 1788 года оказалось, что тамъ сохранено прежнее количество страницъ и прежнее расположеніе отдѣльныхъ словъ и даже буквъ на каждой страницѣ). Зюссмильхъ подробнѣе развиваетъ эвдаймонистическую теорію Хр. Вольфа въ примѣненіи ея къ политикѣ народонаселенія. «...Mögliche, und den Nahrungsmitteln proportionirte Menge Unterthanen ist der Grund der Glückseligkeit, der Macht und Sicherheit, wie auch des Reichthums» («Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben erwiesen, von Johann Peter Süßmilch,» Erster Theil. 4-te Ausgabe, genau durchgesehen und näher berichtiget von Christian Jacob Baumann, Berlin. 1775. Im Verlag der Buchhandlung der Realschule. S. 396.

«Ist es mir, einem Theologen, unanständig, daß ich die wahre Politic und Klugheit in der Regierungskunst aus dem ersten Grundgesetz und Befehl des Schöpfers: Seyd fruchtbar und mehret euch, und erfüllet die Erde, und machet sie euch unterthan, herzuleiten mich bemühet, und daß ich gezeiget habe, daß kein Regent glücklich regieren könne, der nicht dieses göttliche Gesetz allezeit vor Augen hat und vernünftig befolget?» (Vorrede, 30—III—1761, S. XI—XII).

не было недостатка въ необходимыхъ для жизни предметахъ. Съ другой стороны, всякій долженъ работать по мѣрѣ своихъ силъ,

---

Отецъ науки о полиціи J. H. G. von Justi первоначально въ Grundsätze der Policey-Wissenschaft (Götting. 1756), а затѣмъ болѣе подробно въ Grundveste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten, oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policey-Wissenschaft. I. Baud, Königsb. u. Leipz. 1760, развиваетъ принципы эвдаймонистической философіи въ примѣненіи ихъ къ политикѣ народонаселенія. По мнѣнію Юсти, могущество и сила государства никогда не могутъ быть достигнуты безъ достаточнаго народонаселенія. Благо государства требуетъ возможно большаго размноженія населенія. Юсти высказываетъ слѣдующее основное правило политики внутренняго управленія: «Ein Land nie zu viel Einwohner haben kann» (Grundsätze, 1756, § 85, S. 57), указавъ предварительно, что «...Aller äusserliche Anbau eines Landes würde wenig helfen, wenn dasselbe nicht auch genugsam bewohnet und bevölkert wäre». (Grundsätze, S. 56). Всю вторую книгу въ Grundveste (1. B) Юсти посвящаетъ изслѣдованію вопроса о размноженіи народа, причемъ неоднократно повторяетъ, какъ напримѣръ въ § 208-омъ, что и число жителей, и обработка почвы имѣютъ одинаковое отношеніе къ благосостоянію государства.

Современникъ и преемникъ ученія Юсти о Policey-Wissenschaft, какъ особой наукѣ, извѣстный австрійскій профессоръ І. фонъ-Зонненфельсъ, наиболѣе выдающійся австрійскій политикъ конца XVIII и начала XIX в., высказываетъ мнѣніе, что увеличеніе количества народонаселенія должно быть общимъ основнымъ принципомъ всѣхъ государственныхъ наукъ. Bielfeld (Lehrbegriff der Staatskunst, 1760, 1. B., § 25), настаиваетъ, что слѣдуетъ основывать политику на человѣколюбіи, умножать число гражданъ, охранять ихъ и заботиться о надлежащемъ ихъ пропитаніи.

Можно было бы значительно расширить рамки этой историко-литературной справки. Но и приведенныхъ извлеченій изъ мнѣній многихъ наиболѣе выдающихся руководителей ученыхъ круговъ и общественнаго мнѣнія, — вполнѣ достаточно, чтобы обрисовать ту научную атмосферу, которою приходилось дышать Ломоносову, когда онъ, изучая за-границею химію, металлургію и пр. спеціальныя науки, слушалъ лекціи по философіи и другимъ гуманитарнымъ наукамъ у Хр. Вольфа. Ломоносовъ воспринялъ идеи своего учителя, между прочимъ, и на политику внутренняго управленія (въ частности, — на политику народонаселенія). Какія мѣры принимаютъ иностранныя правительства для привлеченія чужеземцевъ на свою военную службу, Ломоносовъ зналъ по собственному опыту; какъ извѣстно, онъ, неожиданно для него самого, оказался королевско-прусскимъ рейтаромъ.

Чтобы правильно понять и оцѣнить взгляды Ломоносова на политику народонаселенія, необходимо разсмотрѣть ихъ, сопоставляя съ господствовавшими въ то время въ западно-европейской литературѣ взглядами и съ тенденціями правительственной политики народонаселенія въ Россіи. Теоретической борьбою новаго научнаго теченія, зародившагося во Франціи (ученія физіократовъ), съ меркантилистическими воззрѣніями, Ломоносовъ не интересовался: по крайней мѣрѣ, на взглядахъ его на политику народонаселенія ученіе физіократовъ не оставило слѣда, въ то время, какъ слѣдъ ученія Хр. Вольфа

въ виду чего правительство обязано устранить всѣ поводы къ праздности и къ безполезному расточенію имущества.

Руководствуясь исключительно «нормами» естественнаго права, Ломоносовъ энергично возстаетъ противъ «неравнаго супружества», т. е. противъ браковъ: 1) лицъ, недостигшихъ совершеннолѣтія, со взрослыми и 2) стариковъ съ очень молодыми дѣвицами [1]). «Въ обычай вошло во многихъ россійскихъ предѣлахъ, и особливо по деревнямъ, что малыхъ ребятъ, *къ супружеству неспособныхъ*, женятъ на дѣвкахъ взрослыхъ, и часто жена могла бы *по лѣтамъ* быть матерію своего мужа» (Тихонравовъ, 73).

Это смѣлое возстаніе русскаго эвдаймониста противъ предразсудковъ и позорныхъ обычаевъ народа можно очень легко объяснить, какъ аппелляцію къ естественному праву, къ тому Naturrecht, которое (употреблю выраженіе Канта) есть «ein Protest gegen die Entwürdigung der Menschennatur, ein Protest, welcher in Namen der Culturentwickelung vor dem Forum der menschlichen Vernunft eingebracht wurde» (I. Kant. Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. Einleitung, S. XLV).

настолько несомнѣнно, что игнорировать вліяніе Вольфа и того научнаго теченія, къ которому послѣдній принадлежалъ,—ни въ какомъ случаѣ невозможно.

(Дополн. см. у R. v. Mohl. Die Geschichte und Literatur der Staatswissenchaften. In Monographien dargestellt. Dritter Band 1858, Verlag v. F. Enke, и въ ст. Людвига Эльстера; «Ученіе о народонаселеніи и политика народонаселенія» въ изд. М. И. Водовозовой «Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ «Handwörterbuch der Staatwissenschaften». Пер. прибр. С. Булгаковымъ, М. 1897).

1) Лоренцъ фонъ Штейнъ правильно подчеркиваетъ, что «отношеніе управленія къ браку, который самъ по себѣ свободенъ, основывается на томъ, что бракъ въ общественномъ, экономическомъ и наконецъ въ чисто популяціонистическомъ отношеніи имѣетъ рѣшительное вліяніе на народонаселеніе вообще и на права и обязанности отдѣльныхъ лицъ». Поэтому, правительство никогда не оставляло бракъ безъ законодательной нормировки. «Чтобы согласить это вліяніе» — продолжаетъ Л. Штейнъ — «съ потребностями общаго блага, управленіе издавало въ различныя времена извѣстныя опредѣленія на счетъ вступленія въ бракъ и послѣдствій его, образующія *общественное право брака. Принципы* этого общественнаго брачнаго права опредѣляются *соціальными условіями времени*, для котораго они назначаются». (Л. фонъ Штейнъ. Ученіе объ управленіи и право внутренняго управленія, пер. подъ редакціей П. Андреевскаго, С.-Пб. 1874, стр. 85).

Ломоносовъ оставляетъ безъ вниманія распространенное въ крестьянскомъ быту сохачество, какъ вынужденный бытовой коррективъ несовершенныхъ законовъ. Хотя этотъ вопросъ входитъ уже въ другую главу его проекта (объ исправленіи нравовъ), однако Ломоносовъ могъ бичевать распущенность нравовъ и въ I-ой главѣ, гдѣ онъ слишкомъ близко подходилъ къ вопросу о сохачествѣ, но не обмолвился о немъ ни однимъ словомъ.

Меньше значенія Ломоносовъ придаетъ второму виду «неравнаго супружества»: «Второе неравенство въ супружествѣ бываетъ, когда *мущина отъ престарѣлыхъ лѣтъ* женится на очень молодой дѣвушкѣ, которое хотя и не столь опасно, однако приращенію народа вредно» (Тихонравовъ, 73)[1]).

Разсматривая вопросъ съ политической точки зрѣнія, Ломоносовъ предлагаетъ: «Для сего вредное пріумноженію и сохраненію народа *неравенство супружества запретить* и въ умѣренные предѣлы включить должно. По моему мнѣнію, невѣста жениха не должна быть старѣе, развѣ только *двумя годами*; а женихъ старѣе можетъ быть *15 лѣтами*» (Тихонравовъ, 74)[2]).

---

1) При Елисаветѣ Петровнѣ былъ изданъ указъ, согласно которому бракъ, заключенный 80-лѣтнимъ старикомъ, признавался недѣйствительнымъ и подлежалъ разводу (П. С. З., т. XII, № 9,087). Но правительство указывало лишь предѣльный возрастъ брачущагося, нисколько не посягая на свободу выбора жены (отъ 16 до 80 лѣтъ). Ломоносовъ, во имя естественнаго права, настаивалъ на необходимости ограничить эту свободу для повышенія цифры рождаемости.

2) Если законодатель не пытался бороться съ очень многими ненормальными (съ точки зрѣнія естественнаго права) бытовыми явленіями, очевидно, эти явленія коренились въ условіяхъ жизни народа и были непосредственнымъ результатомъ цѣлаго комплекса причинъ, бороться съ которыми законодатель пока не рѣшался. Но Ломоносовъ поднялъ голосъ противъ уродливостей общественной жизни, исходя изъ точки зрѣнія juris naturae. Требованіе извѣстнаго соотношенія въ возрастѣ жениха и невѣсты—тѣмъ болѣе рационально, что слишкомъ большая разница въ возрастѣ жениха (79 лѣтъ) и невѣсты (16 лѣтъ) совершенно противорѣчитъ идеѣ брака. Именно по этому основанію Ломоносовъ присоединился къ точкѣ зрѣнія западно-европейскихъ законодательствъ и требовалъ большаго сближенія положительнаго права съ естественнымъ. Идеи Ломоносова нашли себѣ отзвукъ въ законодательствѣ Екатерины II-й: было предписано расторгать «браки малолѣтнихъ отроковъ съ взрослыми дѣвицами» (указъ № 15.295, т. XXI, П. С. З.). Но это сближеніе положительнаго права съ

Ломоносовъ разсматриваетъ затронутый вопросъ недостаточно полно: онъ совсѣмъ пропускаетъ необходимость запрещенія жениться и выходить замужъ: 1) лицамъ, страдающимъ половымъ безсиліемъ, и 2) больнымъ.

Означенный пропускъ служитъ доказательствомъ, что при составленіи своего проекта Ломоносовъ не пользовался трудами Юсти, въ качествѣ пособій [1]).

естественнымъ не шло такъ далеко, какъ проектировалъ Ломоносовъ: браки между обезсилѣвшимъ старцемъ въ 79 лѣтъ и юною дѣвушкою въ 16 лѣтъ закономъ не были запрещены.

1) I. Юсти категорически требуетъ изданія законовъ, запрещающихъ женитьбу всѣмъ неспособнымъ къ брачному сожитію по физическимъ причинамъ и всѣмъ больнымъ. Онъ исходитъ изъ точки зрѣнія блага государства и будущихъ дѣтей больныхъ родителей: неспособные къ брачной жизни безполезны государству, такъ какъ отъ нихъ не можетъ быть потомства; отъ больныхъ же родителей рождаются слабыя и больныя дѣти, которыя совсѣмъ не могутъ содѣйствовать размноженію народонаселенія или содѣйствуютъ очень слабо.

Теоретикъ I. Юсти не могъ обойти полнымъ молчаніемъ такой причины депопуляціи, какъ потеря для государства одного изъ супруговъ, способнаго къ дѣторожденію, только по той причинѣ, что этотъ супругъ состоитъ въ бракѣ съ лицомъ, неспособнымъ къ дѣторожденію. Поэтому, отвергая точку зрѣнія индивидуалистовъ и становясь самымъ рѣшительнымъ образомъ на точку зрѣнія государственнаго блага, Юсти требуетъ законовъ, запрещающихъ женитьбу лицамъ, физически неспособнымъ къ брачной жизни.

Запрещеніе женитьбы больнымъ основывается на иныхъ началахъ. Въ послѣднемъ случаѣ политики принимаютъ во вниманіе интересы всего общества. Больные—всегда служатъ обремененіемъ общества. Больное потомство отъ нихъ увеличиваетъ общественное бѣдствіе. Поэтому, слѣдуетъ бороться съ причиной общественнаго бѣдствія: запретить больнымъ жениться и выходить замужъ.

Ломоносовъ, къ сожалѣнію, не обратилъ на эти причины депопуляціи никакого вниманія, такъ какъ онъ не пользовался трудами теоретика I. Юсти въ которыхъ послѣдній систематически изложилъ вопросъ о содѣйствіи законодателя размноженію населенія. Но и одного созерцанія Ломоносова противъ укоренившихся предразсудковъ и позорныхъ обычаевъ достаточно, чтобы выяснить преклоненіе Ломоносова передъ законами природы, передъ естественнымъ правомъ.

Ломоносовъ примыкаетъ къ общераспространенному среди сторонниковъ естественнаго права мнѣнію о нежелательности — съ государственной точки зрѣнія — браковъ между лицами слишкомъ неравныхъ лѣтъ. I. II. Зюссмильхъ, разсматривая вопросъ объ устраненіи препятствій къ плодовитости бракосочетавшихся, категорически заявляетъ: «Die ungleichen Ehen zwischen Jünglingen und mehr als 40-jährigen Frauen, wie auch zwischen Jungfern und alten abgelebten

Неравному (по лѣтамъ брачущихся) супружеству[1]) Ломоносовъ (въ 2 п.) уподобляетъ подневольное. «Неравному супружеству много подобно насильное; ибо гдѣ любви нѣтъ, не надежно и плодородіе...» (Тихонравовъ, 74).

Ломоносовъ проектируетъ слѣдующую мѣру борьбы съ насильственнымъ замужествомъ: «Для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, чтобы они, услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, онаго не допускали и не вѣнчали бы подъ опасеніемъ лишенія чина; женіха бы и невѣсту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде» (Тихонравовъ, 74)[2]).

Ломоносовъ исходитъ не изъ точки зрѣнія блага отдѣльныхъ лицъ, брачущихся, а изъ государственной точки зрѣнія. Онъ заботится не столько о благѣ вѣнчающихся, сколько о государствѣ, которому полезно имѣть возможно больше жителей. Онъ обращаетъ свое вниманіе прежде всего на «плодородіе». Но къ протесту во имя государственной необходимости присоединяется и могучій про-

---

Männern, sind wieder die Absicht des Urhebers der Natur, wieder den ersten Zweck des Ehestandes, und gereichen dem Staat zum Nachtheil; daher sie ganz zu verbieten, und nicht ohne Dispensation und einen dem Vermögen proportionirlichen Beytrag zur Heyraths- oder Wittwencasse zu erlauben sind»; I. P. Süssmilch, Die göttliche Ordnung, § 255, S. 501. 1. Th.). Зюссмильхъ склоняется къ мнѣнію, что неравные браки слѣдуетъ запретить закономъ, такъ какъ неспособные къ брачной жизни вслѣдствіе преклоннаго возраста не могутъ содѣйствовать увеличенію народонаселенія. «Billig sollte daher ein jeder Regent ein Gesetz geben, dass 1) keine junge Leute mit solchen Personen in die Ehe treten müsten, die nicht mehr wegen ihrer Jahre und Alters zur Zeugung geschickt sind» (S. 182, 1. Th.). Предложеніе Зюссмильха вполнѣ соотвѣтствуетъ основнымъ требованіямъ господствовавшей въ то время въ Германіи Vermehrungspolitik.

1) А. Будиловичъ (стр. 72) употребляетъ нелитературный оборотъ: «Браки несоотвѣтственныхъ лѣтъ» (по Смирдину) и «О бракахъ несоотвѣтствующихъ лѣтъ» (по «Библіограф. Запискамъ» 1859 г. и по Билярскому).

2) Возраженія Ломоносова противъ «насильнаго супружества» вполнѣ совпадаютъ съ тенденціями правительства въ послѣдніе годы царствованія Петра I-го. Указомъ было воспрещено господамъ принуждать ихъ «рабовъ и рабынь» къ браку; такой же запретъ былъ наложенъ вообще на всѣхъ родителей по отношенію къ ихъ дѣтямъ; но особой формѣ приносилась даже присяга въ непринужденіи къ браку. Указъ не соотвѣтствовалъ укоренившимся правамъ и обычаямъ и присяга превратилась въ пустую формальность, лишенную внутренняго содержанія. (П. С. З., т. VII, № 4.406).

тесть во имя естественнаго права: не должно быть брака безъ любви. Этотъ протестъ прозвучалъ въ устахъ Ломоносова особенно значительно, если мы вставимъ его въ рамки исторической дѣйствительности. «Насильственный» бракъ былъ общераспространенъ: помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ жениться на обезчещенныхъ ими дѣвушкахъ, совершенно не считаясь съ различіемъ характеровъ брачущихся; купцы и мѣщане не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что ихъ сыновья и дочери любятъ данныхъ лицъ: счастье дѣтей, по ихъ мнѣнію, должно быть устраиваемо родителями, а не дѣтьми, которыя вслѣдствіе любви часто забываютъ объ экономической сторонѣ брака: поэтому, они насильно заставляли жениться и выходить замужъ, руководствуясь исключительно матеріальными разсчетами, а не взаимной склонностью дѣтей. Духовенству приходилось жениться безъ любви изъ-за мѣста, которое часто бывало связано съ дочерью престарѣлаго священника или діакона. Дворянство руководствовалось также, главнымъ образомъ, матеріальными разсчетами и не позволяло жениться на лицахъ низшихъ сословій или безъ достаточнаго приданаго.

Ломоносовъ возсталъ противъ всего уклада жизни того времени[1]), противъ отрицательныхъ явленій, неразрывно связанныхъ съ самимъ общественнымъ строемъ (существованіе крѣпостного права и пр.)[2]).

Подчиняясь голосу природы, Ломоносовъ рекомендуетъ раз-

---

1) По существу Ломоносовъ требовалъ ограниченія правъ дворянъ надъ ихъ крѣпостными, требовалъ незадолго передъ дарованіемъ россійскому дворянству вольностей (при Петрѣ III и Екатеринѣ II). Далѣе Ломоносовъ требовалъ обузданія представителей «темнаго царства», злоупотреблявшихъ своею родительскою властью. Но «темное царство» осталось «темнымъ» даже столѣтіе спустя послѣ смерти геніальнаго русскаго самородка (стóитъ вспомнить галлерею типовъ А. Н. Островскаго).

2) Ломоносовъ оставилъ безъ вниманія многія причины уменьшенія «плодородія родящихъ», детально выясненныя и разработанныя I. Зюссмильхомъ, напримѣръ: «das späte Heyrathen» (op. cit., 1. Th., S. 184), зависящій отъ политическихъ и прочихъ причинъ; «die jugendliche Ausschweifung in der Venus, sonderlich bey dem männlichen Geschlechte, dadurch viele vor der Zeit entkräftet werden» (S. 186), и другія.

рѣшить четвертый и даже — пятый бракъ. Несмотря «на слова Назіанзиновы: «первый бракъ законъ, второй прощеніе, третій пребезаконіе», Ломоносовъ заявляетъ, что «сіе никакими соборными узаконеніями не утверждено», и что «церковь святая третій бракъ благословляетъ, а четвертаго запрещеніе пришло къ намъ изъ Солуни, а не отъ вселенскихъ соборовъ или монаршескихъ и общенародныхъ узаконеній» (Тихонравовъ, 74).

Такъ какъ «сіе обыкновеніе *много возпрещаетъ народному приращенію*», то — по мнѣнію Ломоносова — «было бы законамъ непротивно, еслибы для размноженія народа и для избѣжанія неповоленныхъ плотскихъ смѣшеній, а отъ того и несчастныхъ приключеній, четвертый, а по нуждѣ и пятый бракъ былъ позволенъ» (4 п.; Тихонравовъ, 74).

Ломоносовъ предлагаетъ очень смѣлый проектъ, значительно выходящій за рамки обычныхъ эвдаймонистическихъ разсужденій: онъ оставляетъ за собою различныхъ германскихъ и австрійскихъ эвдаймонистовъ. Но мотивировка Ломоносова остается неизмѣнною: *стремленіе къ общему благу*, къ благу всѣхъ членовъ человѣческаго общежитія стоитъ на первомъ планѣ. Далѣе идутъ соображенія, относящіяся къ полиціи нравственности и къ медицинской полиціи [1]).

Съ другой стороны, Ломоносовъ оставилъ безъ вниманія нѣкоторыя мѣры, предложенныя нѣмецкими эвдаймонистами въ цѣляхъ борьбы съ безнравственностью и въ цѣляхъ возможнаго облегченія бѣднымъ невѣстамъ выхода замужъ. Напримѣръ, Ломоносовъ не упомянулъ объ учрежденіи для снабженія приданымъ

---

1) Предложеніе Ломоносова о допущеніи четвертаго и пятаго браковъ стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи не только съ дѣйствовавшимъ въ то время закономъ, но и съ политикою правительства. На недѣйствительности четвертаго брака мужчинъ правительство настаивало постоянно [напримѣръ, оно подтвердило, чтобы священники не вѣнчали мужчинъ въ четвертый разъ (П. С. З., т. III, указъ № 1612, ст. 64)].

Екатерина II придерживалась прежней, прочно установившейся политики: въ началѣ ея царствованія была снова подтверждена недѣйствительность четвертаго брака и установлено наказаніе священнослужителей за вѣнчаніе такихъ браковъ (П. С. З., т. XVIII, № 12.856).

бѣдныхъ невѣстъ (см. отдѣлъ третій, §§ 256—276, J. H. G. v. Justi: Grundveste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten, B. I).

• Изложеніе вопроса объ «обильнѣйшемъ плодородіи родящихъ» Ломоносовъ заканчиваетъ защитою обреченныхъ на безбрачіе. Во имя естественнаго права, во имя требованій нравственности, наконецъ — во имя интересовъ государства, требующихъ приращенія народа, Ломоносовъ проектируетъ отмѣнить насильственное постриженіе въ монахи овдовѣвшихъ молодыхъ священниковъ и діаконовъ. «Вошло въ обычай, что натурѣ человѣческой противно (противно ли законамъ, на соборахъ положеннымъ, не помню), что вдовыхъ молодыхъ поповъ и дьяконовъ въ черницы насильно постригаютъ, чѣмъ къ грѣху, а не ко спасенію дается поводъ, и приращенію народа не малая отрасль пресѣкается» (Тихоправовъ, 75).

Подобно западно-европейскимъ популяціонистамъ, видѣвшимъ въ безбрачіи католическаго духовенства одну изъ существенныхъ причинъ депопуляціи, Ломоносовъ предлагаетъ разрѣшить овдовѣвшимъ священникамъ и діаконамъ жениться во второй разъ: «...кажется, что молодымъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ надобно позволить второй бракъ и не постригать прежде лѣтъ пятидесяти, или, снявъ чинъ священства, позволить быть мірскими чинами». (Тихоправовъ, 75).

Вопросъ о вынужденномъ снятіи сана священства Ломоносовъ разрѣшаетъ, руководствуясь исключительно предписаніями естественнаго права. Онъ предусматриваетъ альтернативу: или вторичный бракъ для овдовѣвшихъ молодыхъ священниковъ и діаконовъ, или же снятіе съ нихъ сана; онъ возстаетъ противъ насильственныхъ мѣропріятій, если ихъ возможно замѣнить гуманными, въ интересахъ всего общежитія.

Наконецъ, Ломоносовъ разрѣшаетъ вопросъ о монашествѣ съ точки зрѣнія естественнаго права и политики народонаселенія. «Сюда же надлежитъ и постриженіе молодыхъ людей прямо въ монахи и монахини.... Мнѣ кажется, что надобно *клобукъ за-*

претить мущинамъ *до 50*, а женщинамъ *до 45 лѣтъ*» (Тихоправовъ, 75 [1]). Ломоносовъ, вслѣдъ за господствующимъ въ

---

1) Императоръ Петръ I со свойственной ему рѣшительностью и безпощадностью рѣзко осуждалъ все, заслуживающее осужденія, между прочимъ, — развратное поведеніе чернаго духовенства. Петръ I не разсматривалъ вопроса съ популяціонистической точки зрѣнія, которая вообще преобладаетъ въ его указахъ, въ которыхъ такъ или иначе затрогивается вопросъ о народонаселеніи. Въ дополненіе къ Духовному Регламенту (или Уставу Духовной Коллегіи, П. С. З., т. VI, № 3. 718, отъ 25 генваря 1721 г.), въ маѣ 1722 года было издано «Прибавленіе о правахъ причта церковнаго и чина монашескаго» (П. С. З. т. VI. № 4. 022). «Прибавленіе» начинается многозначительными словами въ отдѣлѣ «О монахахъ»: «*Чинъ напаче монашескій*, который въ древнія времена былъ всему Христіанству яко зеркало и образъ покаянія и исправленія, но времена сія *во многія безчинія развратилася*». Въ виду этого были изданы правила: кого и какъ принимать въ монахи? Прежде всего опредѣлить *возрастъ* желающаго постричься: «I. Не принимать въ монахи человѣка *ниже тридесятаго году* возраста». Запрещается принимать въ монахи воиновъ (п. 2), крестьянина безъ отпускного свидѣтельства (п. 3); предписывается «не принимать мужа, жену живу имущаго» (п. 4), за исключеніемъ одного случая: «5. А ежели бы мужъ и жена взаимнымъ соизволеніемъ похотили принять чинъ монашескій: и тогда, кромѣ иныхъ обстоятельствъ, смотрѣть на лѣта жены, прошло ли оной *пятьдесятъ лѣтъ*, или шестьдесятъ, и имѣютъ ли дѣти, и какъ ихъ оставляютъ». Запрещая принимать въ монахи сыновей, желающихъ постричься противъ воли родителей, приказныхъ безъ отпускного письма (пп. 7 и 8), законодатель категорически воспрещаетъ насильственное постриженіе въ монахи: «9. Вошло въ обычай у нѣкіихъ, что родителіе малыхъ сыновъ своихъ еще прежде довольнаго ихъ разсужденія обѣщаваютъ въ монахи, а потомъ возрастныхъ увѣщаваютъ ихъ и понуждаютъ стрищися въ монашество, вспоминая имъ обѣщаніе свое, и не попуская женитися. Сей обычай душепагубный есть и чадомъ и родителемъ...». — Для борьбы съ этимъ «душепагубнымъ» обычаемъ предписывалось: «наблюдати сего накрѣпко, и тако обѣщанныхъ и принуждаемыхъ не постригати и не пріимати». (П. С. З., т. VI, № 4. 022, стр. 709).

Сопоставляя минимальный возрастъ женщинъ для пріема ихъ въ монахини, установленный еще въ 1722 году (въ 50 и даже 60 лѣтъ) съ возрастомъ, проектированнымъ Ломоносовымъ (45 лѣтъ), всякій легко убѣдится въ томъ, что постановленіе 1722 г. осталось на бумагѣ, что въ монастыри принимали монахинь (при жизни ихъ мужей) моложе 50 лѣтъ. Въ противномъ случаѣ Ломоносовъ не проектировалъ бы своей мѣры. Но онъ разсматривалъ вопросъ о монашествѣ исключительно съ точки зрѣнія естественнаго права (онъ рекомендовалъ *запретить* принимать въ монахини вообще *всѣхъ женщинъ*, замужнихъ и незамужнихъ, *моложе 45 лѣтъ*, чтобы онѣ не совершали насилія надъ своей природой, а слѣдовали древнему завѣту: «Плодитесь, размножайтесь и населяйте землю»). Равнымъ образомъ, Ломоносовъ выдвигалъ и точку зрѣнія политиковъ: такъ какъ для государства полезно имѣть возможно большее населеніе, всѣ женщины, способныя къ воспроизведенію человѣческаго рода (т. е.

западно-европейской наукѣ теченіемъ, разсматривать всѣ вопросы, соприкасавшіеся съ политикой народонаселенія, — съ

до 45-лѣтняго возраста), не должны уклониться отъ служенія общему благу, не должны обрекать себя на безбрачіе до 45 лѣтъ.

Что же касается минимальнаго возраста мужчинъ въ 50 лѣтъ для пріема ихъ въ монахи, то Ломоносовъ вывелъ его приблизительно, путемъ наблюденій.

Ломоносовъ не высказывалъ какихъ-либо смѣлыхъ, новаторскихъ идей. Онъ, какъ эхо, передалъ русскимъ то, что̀ слышалъ на лекціяхъ въ Марбургскомъ университетѣ, что̀ онъ читалъ въ трактатахъ, цѣликомъ посвященныхъ, или отчасти затрогивающихъ вопросы политики народонаселенія. Въ германскихъ университетахъ громко раздавались голоса противъ целибата въ странахъ, въ области церковнаго управленія подчиненныхъ папскому престолу. Въ ученой литературѣ постоянно раздавались возраженія противъ безбрачія католическаго духовенства и противъ чрезмѣрнаго развитія монашества. Ученые возражали исключительно съ точки зрѣнія интересовъ всего государства. По общераспространенному взгляду, сила государства заключалась въ возможно большемъ количествѣ населенія; слѣдовательно, всѣ причины, задерживающія размноженіе населенія, должны быть, по мнѣнію политиковъ, устранены.

Извѣстный протестантскій священникъ І. П. Зюссмильхъ, старательно разграничивая точку зрѣнія теолога отъ точки зрѣнія политика, говоритъ: «Was aber diesen Irrthum des Pabsthums und das aus selbigem entstandene eben so harte und schädliche Verbot der Ehe der Geistlichen anlangt; so will ich selbigen hier nicht als ein Theologe widerlegen, sondern nur den Schaden berühren, der daher für die Länder der römischen Kirche entstehet (I. P. Süßmilch, o. c., 4. Ausg., s. 374). Размѣры вреда, проистекающаго въ католическихъ государствахъ отъ безбрачія духовенства и отъ монашества, Зюссмильхъ иллюстрируетъ цифрами. Въ Римѣ въ среднихъ XVII в. почти $^1/_{16}$ часть всего населенія города состояла изъ бѣлаго духовенства и монашествующихъ обоего пола. Въ Болоньѣ въ 1657 году, при населеніи въ 79.028 чел., бѣлаго духовенства и монашествующихъ обоего пола было 4.755 человѣкъ. Во Франціи безбрачныхъ той же категоріи было $^1/_{34}$ часть всего населенія (въ концѣ XVII — въ началѣ XVIII в.). (См. у Süssmilch, o. c., SS. 377, 385).

Эти краткія иллюстраціи наглядно выясняютъ, почему ученые настойчиво возставали противъ безбрачія католическаго духовенства и противъ монашествующихъ молодого возраста. Они видѣли одну изъ причинъ депопуляціи выраженною въ цифровыхъ данныхъ такого внушительнаго размѣра, который невольно приковывалъ къ себѣ вниманіе политиковъ. Но преклоненіе передъ папскимъ престоломъ перевѣшивало у католическихъ государей всѣ доводы политиковъ, выведенные даже на основаніи статистическихъ данныхъ.

П. Зюссмильхъ съ сочувствіемъ отзывается о проектѣ анонимнаго французскаго «патріота», который, между прочимъ, предлагалъ издать законъ о запрещеніи давать обѣтъ до 25-тилѣтняго возраста. Ломоносовъ высказываетъ по тому же вопросу болѣе строгіе взгляды (ср. I. Süßmilch, o. c., S. 375 и 4-й пунктъ письма Ломоносова). Подобно Зюссмильху, І. Юсти признаетъ, что ученіе католической церкви о святости безбрачной жизни очень пре-

точки зрѣнія популяціониста-эвдаймониста. Но онъ былъ слишкомъ самостоятельнымъ и не могъ всецѣло присоединиться къ чужому воззрѣнію. Несмотря на свое преклоненіе передъ Вольфомъ, онъ высказываетъ самостоятельные взгляды, напримѣръ, на минимальный возрастъ для постриженія въ монашество [1]).

Отъ вопроса о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, содѣйствующихъ «обильнѣйшему *плодородію родящихъ*» (природныхъ русскихъ подданныхъ), Ломоносовъ переходитъ къ вопросу о мѣропріятіяхъ для *сохраненія рождетныхъ* (во 2-й части своего очерка политики народонаселенія къ Россіи). «Хотя запрещеніемъ неравнаго и насильнаго супружества, позволеніемъ четвертаго и пятаго брака и непозволеніемъ, до указанныхъ лѣтъ, принятія монашескаго чина, несомнѣнно воспослѣдовать можетъ *знатное прірумноженіе народа* и не столько будетъ беззаконнорожденныхъ, слѣдовательно и меньше дѣтскаго душегубства; однако по разнымъ случаямъ и по слабости человѣческаго сложенія быть тому невозможно, чтобы непозволительнымъ сластолюбіемъ или насиль-

---

пятствуетъ размноженію народа въ католическихъ государствахъ («Das ehelose Leben der Geistlichen in catholischen Landen ist der Vermehrung der Landes-Einwohner sehr nachtheilig» (I. Justi: «Grundsätze der Policey-Wissenschaft», 1756, § 103, S. 66). Невыгодныя послѣдствія этого ученія для благосостоянія населенія могутъ быть до извѣстной степени парализованы, если во всѣхъ монастыряхъ будетъ сокращено количество монаховъ до умѣреннаго количества, и если будетъ закономъ воспрещено принимать кого-либо подъ какимъ бы то ни было предлогомъ до двадцатипятилѣтняго возраста. Исходя изъ популяціонистической точки зрѣнія: (монашествующіе не замѣняются потомками), — баронъ Бильфельдъ категорически возставалъ противъ существованія монастырей и монашествующихъ (Bielefeld. Institutions politiques, t. I, § 22).

1). Ломоносовъ пропустилъ одну изъ причинъ депопуляціи: онъ забылъ о *скопческой сектѣ*, какъ о препятствіи къ размноженію населенія. Это служитъ новымъ доказательствомъ, что Ломоносовъ при составленіи своего письма къ Шувалову не имѣлъ подъ руками изслѣдованія І. П. Зюссмильха: «Die göttliche Ordnung», ни 1-го, ни 2-го изданій. Хотя Зюссмильхъ ни слова не говоритъ о русскихъ скопцахъ, тѣмъ не менѣе онъ удѣляетъ вниманіе насильственно оскопленнымъ евнухамъ въ магометанскихъ странахъ, разсматривая вопросъ о кастраціи, какъ послѣдствіи многоженства. Ознакомленіе съ изслѣдованіемъ Зюссмильха могло бы натолкнуть на мысль сопоставить невольныхъ восточныхъ кастратовъ съ добровольными скопцами въ Россіи, при изслѣдованіи вопроса о причинахъ депопуляціи.

ствомъ обремененная женщина, не хотя быть обезславлена, не искала бы способовъ утаить своего беззаконія и несчастія, отчего иногда въ отчаяніи *матери дѣтей своихъ убиваютъ*» (Тихонравовъ, 75—76)[1]).

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія уголовной политики, Ломоносовъ рекомендуетъ принять превентивныя мѣры для борьбы съ преступностью: слѣдуетъ предоставить въ распоряженіе несчастныхъ, стоящихъ на краю пропасти, не задумывающихся даже передъ убійствомъ своего внѣбрачнаго ребенка, всѣ средства, могущія парализовать ихъ преступную волю[2]). Разсматривая во-

---

1) Въ германской литературѣ по уголовному праву первой половины XVIII вѣка убійство внѣбрачнаго ребенка его матерью считалось квалифицированнымъ преступленіемъ: убійство внѣбрачнаго ребенка разсматривалось 1) какъ убійство, отягченное 2) нарушеніемъ общественной нравственности (внѣбрачное сожительство, въ глазахъ духовенства, было преступнымъ дѣяніемъ, подлежащемъ наказанію) и 3) лишеніемъ невиновнаго младенца благодати св. крещенія (слѣдовательно, — и вѣчнаго блаженства). Лишь къ концу XVIII вѣка, подъ вліяніемъ развитія судебной медицины, въ литературѣ укрѣпился взглядъ на дѣтоубійство, какъ привиллегированное преступленіе (См. у Fr. v. Liszt: «Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 6. Auflage, Berlin. 1894, S. 278 — 279; § 83. Kindestötung. См. также у С. В. Познышева. Особенная часть русскаго уголовнаго права. Сравнительный очеркъ важнѣйшихъ отдѣловъ особенной части стараго и новаго Уложенія», М. 1905, стр. 45—46).

2) Настаивая на необходимости открыть дома для воспитанія внѣбрачныхъ дѣтей, Ломоносовъ развиваетъ идеи, высказанныя еще Петромъ I. Первый пріютъ «для зазорныхъ дѣтей» учредилъ митрополитъ Іовъ, недалеко отъ Новгорода, въ Колмовѣ. Указами 1712, 1714 и 1715 гг. Петръ I повелѣлъ открыть «госпитали» для подкидышей во всѣхъ губерніяхъ. 1 февраля 1721 года появился сенатскій указъ «о строеніи въ Москвѣ госпиталей для помѣщенія незаконнорожденныхъ младенцевъ и о дачѣ имъ и ихъ кормилицамъ денежнаго жалованья» (П. С. З., т. VI, № 3.502). Очевидно, многіе изъ этихъ указовъ Петра I остались на бумагѣ, или же было открыто слишкомъ недостаточное количество «госпиталей», если Ломоносовъ въ 1761 году настойчиво доказывалъ необходимость особыхъ домовъ для пріема внѣбрачныхъ дѣтей и горячо сталъ на защиту права на жизнь «зазорныхъ дѣтей».

Вопросъ объ учрежденіи воспитательныхъ домовъ въ срединѣ XVIII вѣка достаточно назрѣлъ: въ 1763 году, 1 сентября, былъ изданъ манифестъ Екатерины II объ учрежденіи Воспитательнаго Дома въ Москвѣ. Главнымъ иниціаторомъ законопроекта былъ человѣкъ, по собственному опыту знавшій всю тяжесть положенія «зазорныхъ дѣтей», И. И. Бецкой. Между прочимъ И. И. Бецкой подчеркивалъ вопросъ о необходимости учрежденія воспитательнаго дома съ точки зрѣнія политики народонаселенія: «*Количество* скипетръ *ежегодно числи подданныхъ* лишается, которые, по надлежащемъ воспитаніи и по разнымъ

просъ съ точки зрѣнія политики народонаселенія, Ломоносовъ проектируетъ содѣйствовать увеличенію количества народонаселенія путемъ сохраненія жизни вѣбрачныхъ. «Для избѣжанія столь ужаснаго злодѣйства и для сохраненія жизни неповинныхъ младенцовъ надобно бы учредить народные (такъ читаетъ это слово Погодинъ; у Тихонравова въ примѣчаніи на 76-й стр.: — «нарочные». Н. С.) *богадѣльные домы* для невозбраннаго зазорныхъ дѣтей пріема, гдѣ богадѣльныя старушки могли бы за ними ходить вмѣсто матерей или бабокъ; но о семъ особливо, въ письмѣ о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, *предложить я намѣрен*» (Тихонравовъ, 76; у Погодина въ

своимъ способностямъ, могли бъ быть годными и полезными членами общества». (См. въ «Сочиненіяхъ М. В. Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изд. Имп. Академіи Наукъ, томъ II. С.-Пб. 1893, стр. 348).

Для подготовки государству полезныхъ гражданъ, въ «Генеральномъ планѣ Воспитательному Дому для приносныхъ дѣтей и Госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ» предписывалось обучать мальчиковъ и дѣвочекъ различнымъ мастерствамъ.

Ломоносовъ отозвался на событіе извѣстнымъ стихотвореніемъ: «На учрежденіе Воспитательнаго Дома».

«*Блаженство общества* вседневно возрастетъ,
Монархиня труды къ трудамъ соединяетъ,
. . . . . .
О воспитаніи печется малыхъ чадъ,
Дабы . . . . .
. . .изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть *съ правами* похвальны *ремесла*».

Ломоносовъ постоянно подчеркиваетъ эвдаймонистическую точку зрѣнія естественнаго права:

«*Похвально дѣло* есть *убогихъ призирать*,
Сугуба похвала *для пользы воспитать*,
Натура то гласитъ, повелѣваетъ *отца*».

Но нельзя упускать изъ виду, что Московскій Воспитательный Домъ былъ открытъ на пожертвованныя средства. С. М. Соловьевъ подчеркиваетъ, что «затруднительное положеніе финансовъ заставило съ особеннымъ удовольствіемъ принять проектъ Бецкаго объ основаніи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома, какъ учрежденія, которое должно было содержаться на *доброхотныя* пожертвованія» (С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXV, стр. 280).

Изъ проекта Ломоносова видно, что онъ рекомендовалъ *правительственные* воспитательные дома.

«Москвитянинѣ» трехъ послѣднихъ словъ—нѣтъ)[1]). Ломоносовъ проектируетъ слить въ одномъ учрежденіи два: 1) богадѣльни для призрѣнія неимущихъ старушекъ и 2) воспитательные дома. Противъ такого проекта можно привести много возраженій по существу, съ точки зрѣнія: 1) цѣлесообразной политики общественнаго призрѣнія и 2) съ чисто медицинской (отсутствіе кормилицъ, слишкомъ преклонный возрастъ старушекъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ, неопытность многихъ изъ нихъ — незамужнихъ и пр.).

---

1) Юсти рельефнѣе Ломоносова подчеркиваетъ популяціонистическую точку зрѣнія. Въ случаѣ, если женщина губитъ плодъ своего распутства, важенъ не только самый фактъ уголовнаго преступленія, не только лишеніе жизни человѣка, но и то, что общество лишается будущаго гражданина, который — при надлежащемъ воспитаніи — могъ сдѣлаться полезнымъ (Justi, Grundveste, I, § 232). Юсти, подобно многимъ другимъ западно-европейскимъ эвдемонистамъ, рекомендуетъ учрежденіе воспитательныхъ домовъ. Онъ категорически заявляетъ, что подкидыши и бѣдныя сироты, родители которыхъ умерли, не оставивъ имъ наслѣдства, — *дѣти государства*; что въ виду этого, они ждутъ отъ государства для себя пріюта и воспитанія. Поэтому, говоритъ Юсти, всѣ правительства, которыя не заботятся объ учрежденіи воспитательныхъ домовъ для подкидышей и сиротъ, не исполняютъ своего долга передъ населеніемъ (См. у Justi, Grundveste, I, § 250).

Но въ германской литературѣ раздавались голоса нѣкоторыхъ эвдэмонистовъ противъ учрежденія воспитательныхъ домовъ, въ виду многочисленныхъ несовершенствъ въ ихъ организаціи. Напримѣръ, даже I. II. Зюссмильхъ въ своемъ письмѣ 1757 г. къ издателямъ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей — о прилипчивыхъ болѣзняхъ и о большомъ противъ прежнихъ лѣтъ количествѣ умирающихъ (J. P. Süßmilch. Schreiben an die Verfasser der göttingischen gelehrten Zeitungen von den epidemischen Krankheiten und dem größern Sterben des Jahres 1757, Berlin. 1758, стр. 61—65), разсматривая вопросъ о необходимости государственнаго попеченія о бѣдныхъ дѣтяхъ, рекомендуетъ *уничтожить воспитательные дома*, а *бѣдныхъ дѣтей отдавать на воспитаніе частнымъ лицамъ*. Въ основу своихъ возраженій противъ воспитательныхъ домовъ Зюссмильхъ кладетъ огромную смертность дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Причиною этой смертности онъ считаетъ, между прочимъ, недобросовѣстное отношеніе служащихъ къ своимъ обязанностямъ: присвоеніе служащими большой части денегъ, отпускаемыхъ на содержаніе младенцевъ. — Однако, Зюссмильхъ какъ-бы забываетъ, что и за частными лицами, принимающими на воспитаніе подкидышей и сиротъ (изъ воспитательныхъ домовъ) также необходимъ надзоръ. Кромѣ того, обучать призрѣваемыхъ какому-либо ремеслу удобнѣе, если воспитываемые будутъ находиться въ одномъ учрежденіи, чѣмъ если они будутъ разбросаны по деревнямъ. — Юсти съ мнѣніемъ Зюссмильха не соглашается и рекомендуетъ учреждать воспитательные дома и уничтожить несовершенства ихъ организаціи.

При отсутствіи въ Россіи даже такихъ несовершенныхъ воспитательныхъ домовъ, которые проектировалъ Ломоносовъ, послѣдніе могли принести извѣстную пользу, могли хотя отчасти содѣйствовать достиженію намѣченныхъ Ломоносовымъ цѣлей: 1) предупрежденія дѣтоубійства и 2) сохраненія жизни внѣбрачныхъ дѣтей.

Ломоносовъ не далъ подробно разработаннаго проекта учрежденія «богадѣльныхъ домовъ». Поэтому, его идеи можно разсматривать только какъ основу его взглядовъ, подробное развитіе и детализація которыхъ перенесены были въ пятое письмо къ И. И. Шувалову «О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ», оставшееся ненаписаннымъ. Но изъ постановки вопроса видно, что Ломоносовъ предполагалъ писать о необходимости обучать воспитанниковъ и воспитанницъ «богадѣльныхъ домовъ» различнымъ ремесламъ, чтобы выработать изъ нихъ полезныхъ членовъ общества. Проектъ И. И. Бецкого доказываетъ, что идеи, подобныя идеямъ Ломоносова, въ началѣ 2-й половины XVIII в. носились въ воздухѣ.

Въ 6-мъ пунктѣ своего письма Ломоносовъ останавливается на вопросѣ объ усиленной смертности младенцевъ, являющейся послѣдствіемъ: 1) неосторожности беременныхъ, 2) неопытности повивальныхъ бабокъ и 3) неумѣнья родителей облегчить страданія дѣтей и ухаживать за ними во время болѣзней. Въ цѣляхъ сохраненія жизни новорожденныхъ и борьбы съ болѣзнями ихъ въ первые годы ихъ жизни, Ломоносовъ рекомендуетъ: 1) «выбрать хорошія книжки о повивальномъ искусствѣ и, самую лучшую положивъ за основаніе, сочинить наставленіе на россійскомъ языкѣ или, сочинивъ на другомъ, перевесть на россійскій [1]), къ чему необходимо должно присовокупить добрые

---

1) Ломоносовъ предлагаетъ «сочинить наставленіе» на иностранномъ языкѣ потому, что нѣмецкимъ профессорамъ было бы легко написать подобное руководство; но они не знали русскаго языка, русскихъ нравовъ, обычаевъ, условій жизни и пр.; поэтому, ихъ «наставленіе», по мнѣнію Ломоносова, слѣдовало дополнить и приспособить къ условіямъ русской жизни.

пріемы россійскихъ повивальныхъ искусныхъ бабокъ[1]); 2) «для извѣченія» дѣтскихъ болѣзней слѣдуетъ издать особое руководство[2]) въ дополненіе къ руководству о повивальномъ искусствѣ; 3) заботиться объ общедоступности лѣкарствъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и 4) «оную книжку, напечатавъ въ довольномъ множествѣ, распродать во все государство, по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и другихъ наставленіемъ пользовать» (Тихонравовъ, 76—77).

Ломоносовъ предлагаетъ разослать эти руководства священникамъ, такъ какъ грамотныхъ въ то время среди русскаго населенія было очень мало[3]).

---

1) Оригинально, что Ломоносовъ въ 1761 году проектировалъ первый *станъ выборныхъ*, наиболѣе искусныхъ *повивальныхъ бабокъ*, для выработки содержанія руководства о повивальномъ искусствѣ. «Труды» съѣзда повивальныхъ бабокъ слѣдуетъ помѣстить въ «наставленіи» (Погодинъ, 130; Тихонравовъ, 76).

2) Въ основаніе этого руководства Ломоносовъ рекомендуетъ положить сочиненіе «великаго медика Гоффмана», въ пользѣ котораго онъ самъ убѣдился на опытѣ: пользуясь указаніями «Наставленія» Гоффмана, онъ дважды спасъ жизнь своей дочери (Тихонравовъ, 77). Тѣмъ не менѣе, Ломоносовъ предпочитаетъ дополнить «Наставленіе» Гоффмана, «присовокупивъ изъ другихъ лучшее», а равно изъ практики русскихъ «бабокъ и лѣкарей» («что наши бабки и лѣкари съ пользою вообще употребляютъ»: Тихонравовъ, 77). Оба руководства (о повивальномъ искусствѣ и объ извѣченіи дѣтскихъ болѣзней) слѣдуетъ издать совмѣстно, въ одной книжкѣ.

3) Въ 6-мъ пунктѣ Ломоносовскаго проекта чувствуется отзвукъ проекта (о сохраненіи народа), представленнаго Медицинской Канцеляріей черезъ ея президента, лейбъ-медика Кондоиди. Сущность этого проекта состоитъ въ слѣдующемъ. Доктора, лѣкаря и присяжныя бабки должны провѣрить знанія и опытность московскихъ и петербургскихъ повивальныхъ бабокъ («освидѣтельствовать въ ихъ искусствѣ»). Тѣмъ изъ повивальныхъ бабокъ, которыя «окажутся достойны», давать изъ Медицинской Канцеляріи указы, привести ихъ къ присягѣ и называть «присяжными бабками» (число послѣднихъ ограничено: въ Москвѣ — до 15, въ Петербургѣ — до 10). Лишнихъ опредѣлять по одной въ каждый губернскій городъ: остатокъ — распредѣлить по провинціальнымъ городамъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ слѣдуетъ «учредить по одной школѣ, къ которой опредѣлить по одному доктору и по одному лѣкарю на казенномъ жалованьѣ; этимъ докторамъ называться «профессорами бабичьяго дѣла», а лѣкарямъ — акушерами» (С. Соловьевъ, Ист. Росс., т. XXIII, стр. 243). Проектъ Медицинской Канцеляріи былъ заимствованъ изъ Германіи. Ломоносовъ не ставитъ вопроса такъ широко и не разрабатываетъ его такъ детально, какъ

Въ результатѣ, по приблизительному подсчету Ломоносова, можно будетъ сохранить ежегодно жизнь, по меньшей мѣрѣ, десяти тысячамъ младенцевъ, «не свыше трехъ лѣтъ» (Погодинъ, 131; Тихоправовъ, 77)[1]).

Въ 7-мъ пунктѣ Ломоносовъ переходитъ къ вопросу «о поврежденіяхъ, отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящихъ» (Тихоправовъ, 77). Онъ указываетъ на вредный обычай крестить новорожденныхъ въ холодной водѣ и рекомендуетъ запретить крестить зимою въ холодной водѣ. Священники, — говоритъ Ломоносовъ, «не токмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцевъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, указывая на предписаніе въ требникѣ, чтобы вода была натуральная безъ примѣшенія, и вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію, а не думаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію, смѣшенною, и такъ сами себѣ прекословятъ; а особливо по своему недомыслію не знаютъ, что и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много». (Тихоправовъ, 77).

Въ этомъ возраженіи священникамъ высказалась привычка Ломоносова не довѣрять ничему a priori, безъ провѣрки на

Медицинская Канцелярія. Это обстоятельство легко объясняется: Медицинская Канцелярія разрабатывала законопроектъ; Ломоносовъ высказывалъ лишь свои «мысли», а не писалъ законопроектъ. Если бы ему было поручено составить законопроектъ, онъ, безъ сомнѣнія, разработалъ бы его съ надлежащей полнотою и обстоятельностью.

1) Юсти высказывается о повивальныхъ бабкахъ значительно *строже* Ломоносова. Если какую-либо повивальную бабку станутъ подозрѣвать только въ непорочествѣ или въ недостаточномъ знаніи своего искусства, ее слѣдуетъ немедленно лишить званія повивальной бабки, т. е. запретить практику. Такую рѣшительную мѣру Юсти предлагаетъ для предупрежденія рожденія младенцевъ мертвыми, благодаря неискусности повивальной бабки. Юсти даже не требуетъ «совершенной улики» въ незнаніи бабкою своего искусства. Для запрещенія практики — вполнѣ достаточно, если на бабку падетъ подозрѣніе, что роды окончились неблагополучно по винѣ бабки. Жизнь человѣческая настолько дорога, говоритъ Юсти, что одна догадка о неопытности повивальной бабки заставляетъ лишить ее возможности приносить народу вмѣсто пользы вредъ. (См. у I. H. Justi. «Grundveste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten», B. I, § 231).

опытѣ. Какъ ученый (спеціалистъ по физикѣ и химіи), Ломоносовъ возражаетъ исключительно съ научной точки зрѣнія. Онъ собственными глазами наблюдалъ «несчастныхъ родителей, кои до 10 и 15-ти дѣтей родили, а въ живыхъ ни одного не осталось!» (Тихонравовъ, 78); поэтому, уличая представителей духовенства въ шаткости обоснованія ими вреднаго обычая, Ломоносовъ, какъ физикъ, легко опровергаетъ ихъ ложные взгляды и дѣлаетъ необходимый логическій выводъ: въ интересахъ *общаго блага* правительство должно предписать крестить новорожденныхъ зимою въ теплой водѣ. Онъ выражается нѣсколько рѣзко по отношенію къ представителямъ духовенства: но подобнаго рода выраженія — въ то время были общеупотребительны. «Однако невѣждамъ попамъ физику толковать нѣтъ нужды: довольно *принудить властію*, чтобы всегда крестили водою, лѣтней въ разсужденіи теплоты равною» (Тихонравовъ, 77). «Такихъ упрямыхъ поповъ, кои хотятъ насильно крестить холодною водою, почитаю я душегубцами...» (Тихонравовъ, 78).

Хотя Ломоносовъ нѣсколько преувеличиваетъ вину священниковъ, считая только ихъ причиною преждевременной смерти многихъ младенцевъ, однако въ его словахъ много правды. Не только крещеніе новорожденныхъ въ очень холодной водѣ бывало причиною смерти младенцевъ, но и неумѣніе родителей ухаживать за малолѣтними дѣтями и антисанитарныя условія жизни, слишкомъ вредно отзывающіяся на нескрѣпленномъ дѣтскомъ организмѣ, неспособномъ къ сопротивленію многочисленнымъ болѣзнямъ, которыя взрослый человѣкъ выдерживаетъ легко. Съ другой стороны, въ ряду причинъ, губительно отзывающихся на организмѣ младенцевъ, видное мѣсто занимаетъ и крещеніе холодной водою, такъ какъ во время крещенія въ холодной водѣ организмъ младенца получаетъ зародыши болѣзней, отъ которыхъ впослѣдствіи младенецъ и погибаетъ. Наконецъ, достаточно даже легкаго нездоровья младенца послѣ крещенія въ холодной водѣ, чтобы была подготовлена достаточная почва для различныхъ болѣзней.

Протестъ Ломоносова противъ вреднаго обычая нельзя разсматривать, какъ оказаніе неуваженія къ церковнымъ правиламъ и обрядамъ. Его протестъ является протестомъ сторонника естественнаго права во имя основного принципа эвдаймонистической философіи. Независимость сужденій явилась результатомъ научной подготовки, подъ руководствомъ такихъ выдающихся людей XVIII в., какимъ былъ Хр. Вольфъ, неоднократно страдавшій отъ нападокъ «піэтистовъ» за то, что былъ умѣе и образованнѣе ихъ, за то, что придерживался раціоналистической методы[1]).

Въ 8-мъ пунктѣ своего проекта Ломоносовъ касается вопроса о неправильномъ образѣ жизни русскаго народа, какъ о причинѣ депопуляціи. Онъ жестоко бичуетъ невоздержность. «Паче другихъ временъ пожираютъ у насъ Масляница и святая Недѣли великое множество народа однимъ только неумѣреннымъ употребленіемъ питья и пищи» (Тихонравовъ, 78[2]).

Ломоносовъ правильно указалъ, что невоздержность населенія сильно отзывается на увеличеніи смертности. Онъ вполнѣ основательно проводитъ параллель между невоздержными и самоубійцами: «Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто перемѣнное питаніе тѣла не токмо вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздноблюдцевъ, самоубійцами почесть можно» (Тихонравовъ, 79).

Исходя изъ основного принципа естественнаго права, что естественный законъ (lex naturae) «nos obligat ad committendas actiones, quae ad perfectionem hominis atque status ejusdem ten-

---

1) Раціоналистическая метода была признакомъ Ломоносова, какъ мыслителя.

2) Ломоносовъ мимоходомъ затрогиваетъ вопросы нравственности: «Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри, — рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, теряютъ: . . . . . тамъ (на Пасхѣ. Н. С.) лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ . . . . и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники. О! истинное христіанское пощеніе и праздненство! Не на такихъ ли Богъ негодуетъ у пророка: *Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя, и кадило ваше мерзость есть предо Мною*» (Тихонравовъ, 79).

dunt, et ad eas omittendas, quae ad imperfectionem ipsius atque status ejusdem tendunt» (Wolff. Institutiones juris naturae et gentium, § 43), Ломоносовъ высказываетъ такіе же строгіе взгляды на невоздержность, какіе постоянно проводились духовенствомъ въ проповѣдяхъ.

Независимость сужденій Ломоносова проявляется въ особенности въ томъ, что онъ указываетъ на желательность «въ Россіи вселенскій соборъ составить» для обсужденія и разрѣшенія вопроса или 1) о переносѣ поста на другое время, или 2) о разрѣшеніи «въ дурное время» «пользоваться умѣренно» «здоровыми пищами» [Тихонравовъ, 81][1]). Главнымъ мотивомъ въ обоснованіе своего мнѣнія Ломоносовъ приводитъ популяціонистическое соображеніе: «сохраненіе жизни толь великаго множества народа того стоитъ» [Тихонравовъ, 81][2]). Смѣлое предложеніе Ломоносова для православнаго духовенства было непріемлемо.

Ломоносовъ сознаетъ трудность борьбы съ невоздержностью населенія. Но онъ не останавливается ни передъ какими трудностями. Онъ помнилъ, какую трудную борьбу пришлось выдержать

---

1) М. И. Сухомлиновъ въ своей интересной статьѣ: «Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго Университета» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 31, стр. 126—165) не даетъ общей оцѣнки взглядовъ Ломоносова на политику народонаселенія, но упоминаетъ объ отдѣльныхъ взглядахъ Ломоносова, высказанныхъ въ письмѣ о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа (напримѣръ, о постахъ, на 144 стр.).

2) Подчеркивая необходимость истинной христіанской жизни, Ломоносовъ, какъ христіанинъ и въ то же время сторонникъ естественнаго права, пишетъ слѣдующія краснорѣчивыя строки: «А сверхъ того *учеными вкоренити* всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чисту совѣсть, нежели въ желудкѣ цыпотную рыбу; что посты учреждены не для самоубійства *вредными пищами*, но для воздержанія отъ плотоугодія; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ, вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ и къ любленію нашему преклоняюще» (Тихонравовъ, 81). Этими словами Ломоносовъ наглядно доказалъ, насколько глубоко вкоренились въ его міросозерцаніе идеи Хр. Вольфа.

Петру I въ его преобразовательной дѣятельности [1]). Воодушевленный побѣдами Петра I надъ вѣковой косностью русскаго народа, Ломоносовъ вѣритъ въ возможность отучить русскихъ отъ невоздержности. Какъ абсолютистъ, вѣрившій во всемогущество правительственныхъ мѣропріятій, Ломоносовъ, подобно Посошкову, думаетъ, что правительство сумѣетъ перевоспитать народъ: «Россійскій народъ гибокъ»! [Тихонравовъ, 81 | [2]).

---

1) «Исправленію сего недостатка указныя обстоятъ препятствія; однако не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣлецкихъ и вмѣсто ихъ учредить Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто и новый годъ въ другой мѣсяцъ» (Тихонравовъ, 81). Эти слова Ломоносова невольно напоминаютъ взглядъ Посошкова на народъ, какъ на воскъ, изъ котораго правительство можетъ лѣпить все, что найдетъ цѣлесообразнымъ.

2) Хотя я отмѣчаю совпаденіе взглядовъ Посошкова и Ломоносова на могущество правительственныхъ мѣропріятій, тѣмъ не менѣе между Посошковымъ и Ломоносовымъ—большое различіе во взглядахъ на абсолютизмъ: на Ломоносовѣ отразилось вліяніе эвдэмонистической философіи Хр. Вольфа; взгляды Ломоносова на просвѣщенный абсолютизмъ носятъ отпечатокъ гуманности. Взгляды Посошкова — прямолинейнѣе.

В. И. Ламанскій высказалъ ошибочный взглядъ, что «первыя его [Ломоносова] ученыя сочиненія писаны еще въ манерѣ Вольфа, но въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ онъ совершенно освободился отъ этого искусственнаго метода и въ своихъ общефилософскихъ началахъ близко впослѣдствіи подошелъ къ мыслителямъ англійскимъ» (Владиміръ Ламанскій: «М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1863 г. и отд. изд., С.-Пб. 1864 г., стр. 97). Въ подтвержденіе своего мнѣнія В. И. Ламанскій не приводитъ цитатъ изъ произведеній Ломоносова. В. И. Вернадскій въ своей статьѣ: «О значеніи трудовъ М. В. Ломоносова въ минералогіи и геологіи» (въ «Ломоносовскомъ Сборникѣ», изд. Химическаго Отдѣленія Имп. О—ва Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, М., 1901, стр. 14, примѣч. 26) высказалъ сомнѣніе по поводу правильности взгляда В. И. Ламанскаго на вліяніе Локка на Ломоносова. М. И. Сухомлиновъ дѣлаетъ болѣе обоснованное (чѣмъ В. И. Ламанскій) замѣчаніе, что «строгость математической методы Вольфа справедливо пѣнилась Ломоносовымъ, но онъ самъ обращался къ ней рѣдко: въ мысляхъ его было такъ много жизни и свѣжести, что нельзя было заключить ихъ въ рамку теоремъ». («Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1861 г., т. 31, стр. 152). Различіе методологическихъ взглядовъ Ломоносова и Вольфа объясняется не вліяніемъ философскихъ воззрѣній Локка, а тѣмъ, что Ломоносовъ, какъ поэтъ, не могъ ограничиться строго математической методой Вольфа. Напримѣръ, въ очеркѣ политики народонаселенія свою бурную мысль Ломоносовъ не могъ

Во взглядахъ Ломоносова замѣчается нѣкоторая невыясненность. Если тщательно сопоставить различныя мѣста письма Ломоносова къ П. И. Шувалову, въ нихъ можно усмотрѣть противорѣчіе. Ломоносовъ убѣжденъ во всемогуществѣ правитель-

---

уложить въ рамки теоремъ: онъ живо и образно излагаетъ вопросъ *съ вольфіанской точки зрѣнія*, но не математической методой.

М. И. Сухомлиновъ высказалъ мнѣніе, что «по основному характеру своихъ стремленій, по складу своего ума и оригинальности дарованій, Ломоносовъ гораздо ближе къ Декарту, нежели къ Вольфу» (тамъ же. стр. 153). При изученіи *истинныхъ идей* Ломоносова необходимо имѣть въ виду, что свое общее философское образованіе Ломоносовъ получилъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Вольфа, привычку отыскивать достаточное основаніе всему существующему и критически относиться къ существующему. Ломоносовъ воспиталъ у себя подъ вліяніемъ Вольфа. Однако, Ломоносовъ не подчинился всецѣло вліянію Вольфа: въ его взглядахъ замѣтно наслоеніе идей Декарта.— Ломоносовъ значительно смѣлѣе Вольфа; преклоненіе передъ авторитетами онъ считаетъ главнымъ препятствіемъ къ развитію философіи и прочихъ наукъ (см. предисловіе къ переведенной Ломоносовымъ Экспериментальной Физикѣ Вольфа). Въ этомъ отношеніи Ломоносова можно сблизить съ Декартомъ. Бо́льшая независимость мысли (по сравненію съ Вольфомъ) и отказъ Ломоносова отъ строго математической методы Вольфа еще не доказываютъ, что Ломоносова нельзя назвать вольфіанцемъ. Ломоносовъ не былъ фанатическимъ поклонникомъ Вольфа; онъ отступалъ отъ математической методы (Декарта и) Хр. Вольфа; онъ отвергалъ многіе взгляды Вольфа, какъ ошибочные. Отсюда не слѣдуетъ, что онъ былъ сторонникомъ «общефилософскихъ началъ» англійскихъ мыслителей (въ частности Локка). Если же сопоставить соціально-политическіе взгляды Локка, Вольфа и Ломоносова, то окажется, что Ломоносовъ былъ сторонникомъ эвдаймониста Хр. Вольфа (творца теоріи Polizeistaat'a), а не послѣдователемъ отца европейскаго либерализма — Локка. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ эвдаймонистической философіи, впервые систематизированной Хр. Вольфомъ. Содѣйствовать достиженію общаго счастья, доставлять благосостояніе всѣмъ полицейскими мѣропріятіями во имя естественнаго права составляетъ обязанность и право государственной власти,— таково было убѣжденіе Хр. Вольфа. Подобно Вольфу, Ломоносовъ стремится къ достиженію общаго счастья, убѣжденъ въ незыблемости велѣній естественнаго права, возлагаетъ преувеличенныя надежды на всемогущество правительственной дѣятельности. Подобно Вольфу, Ломоносовъ принужденъ идти на компромиссы и примирять непримиримое: принципы естественнаго права о прирожденной свободѣ людей («Natura... homines omnes liberi sunt», § 77, Institutiones juris naturae et gentium, Хр. Вольфа) и принципы полицейскаго государства (наприм., примѣненіе на русскихъ фабрикахъ и заводахъ труда крѣпостныхъ крестьянъ). Вслѣдъ за Вольфомъ, Ломоносовъ — эвдаймонистъ (сторонникъ такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма» и естественнаго права), по своимъ взглядамъ на политику народонаселенія — популяціонистъ, примыкающій къ меркантилистамъ.

ства, когда онъ въ 8-мъ пунктѣ своего письма рекомендуетъ безпощадную борьбу съ невоздержностью русскаго населенія. Здѣсь гордо звучитъ твердая увѣренность абсолютиста въ возможности достигнуть всего правительственными мѣропріятіями. Но въ предисловіи къ своему письму Ломоносовъ отступалъ въ безсиліи передъ нѣкоторыми вредными обычаями народа, бороться съ которыми путемъ указовъ, по его мнѣнію, — невозможно. Нѣкоторыхъ причинъ депопуляціи, — говорилъ Ломоносовъ въ предисловіи, — нельзя уничтожить одними указами, безъ исправленія и истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ [1]). Невольно возникаетъ вопросъ: если съ нѣкоторыми обычаями нельзя бороться указами, то какое именно средство борьбы слѣдуетъ примѣнить? Ломоносовъ не указываетъ этого средства борьбы, болѣе могущественнаго, чѣмъ указы. И, подчеркивая въ предисловіи безсиліе правительства въ борьбѣ съ обычаями, если оно будетъ прибѣгать только къ указамъ, Ломоносовъ въ 8-мъ пунктѣ перечисляетъ ряды реформъ Петра I, проведенныхъ путемъ указовъ.

Неотдѣланность письма служитъ доказательствомъ *спѣшности*, съ которою писалъ его Ломоносовъ. Если бы Ломоносовъ тщательно отдѣлалъ свое первое письмо къ И. И. Шувалову, въ немъ не встрѣчалось бы противорѣчій, подобныхъ только что отмѣченному [2]).

Въ 8-мъ пунктѣ письма Ломоносовъ называетъ «строгихъ постниковъ», превращающихся въ «ревностныхъ праздноболѣпцевъ», — самоубійцами. Слѣдовательно, Ломоносовъ разематриваетъ *косвенное самоубійство* и рекомендуетъ принять противъ него тѣ или иныя мѣры. Но *прямое самоубійство*, какъ причину депопуляціи, Ломоносовъ обходитъ почему-то *полнымъ молчаніемъ* [3]).

---

1) Въ предисловіи Ломоносовъ пишетъ: «Но много есть *человекоубивства* и еще *самоубивства*, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ, подъ именемъ узаконеній вкоренившихся *истребить невозможно*» (Тихонравовъ, 73).

2) Впрочемъ, и у Хр. Вольфа встрѣчаются противорѣчія во взглядахъ.

3) Игнорировать самоубійство, какъ одну изъ причинъ депопуляціи, — неправильно съ точки зрѣнія разработанной системы политики народонаселенія.

Читатель ожидаетъ, что Ломоносовъ отъ вопроса о самоубійствѣ въ переносномъ смыслѣ слова перейдетъ къ самоубійству въ прямомъ смыслѣ слова. Однако Ломоносовъ отъ самоубійства въ переносномъ смыслѣ слова [въ 8-мъ п.] переходитъ къ болѣзнямъ, какъ причинѣ депопуляціи, и къ государственной дѣятельности, касающейся врачебнаго и аптекарскаго персонала (п. 9)[1]).

Мрачными красками обрисовываетъ Ломоносовъ положеніе медицины въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Для излѣченія болѣзней «весьма еще мало порядочныхъ есть учрежденій» [Тихонравовъ, 82], «и только, по большой мѣрѣ, простые безграмотные мужики и бабы лѣчатъ на угадъ, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслятъ, съ *ворожеемъ* и *шептаніями*, и тѣмъ не только не придаютъ никакой силы своимъ лѣкарствамъ, но еще въ людяхъ укрѣпляютъ суевѣріе, больныхъ приводятъ въ страхъ упылыми видами и умножаютъ болѣзнь, приближая ихъ скорѣе къ смерти» [Тихонравовъ, 82][2]).

Не отрицая, что «коновалы и костоправы» обладаютъ иногда большимъ искусствомъ и умѣютъ лѣчить нѣкоторыя болѣзни, Ломоносовъ все-таки категорически высказывается за необходимость «учредить лѣченіе по правиламъ, медицинскую науку со-

---

Во время составленія своего письма Ломоносовъ не пользовался данными, приведенными у Зюссмильха и Юсти. Если бы Ломоносовъ пользовался трудами названныхъ ученыхъ, онъ не сдѣлалъ бы въ своемъ письмѣ такихъ пропусковъ, какъ самоубійство (какъ одну изъ причинъ уменьшенія народонаселенія), такъ какъ ни Зюссмильхъ, ни Юсти, ни другіе нѣмецкіе писатели не затѣняютъ эту причину. Теоретикъ науки полиціи I. Юсти въ Grundveste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten, 1. B., 1760; Grundsätze der Policey-Wissenschaft (1756), § 120, S. 77, останавливается на самоубійствѣ, какъ причинѣ уменьшенія народонаселенія. Постепенное возрастаніе количества самоубійствъ отмѣчалъ еще I. P. Зюссмильхъ (o. c., S. 519).

1) Вопросъ о подготовкѣ акушерскаго персонала Ломоносовъ разсмотрѣлъ въ 6-мъ п. своего письма.

2) Ломоносовъ не требуетъ установленія ограниченія практики лицамъ, не имѣющимъ званія врача. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ вразрѣзъ съ правительственными тенденціями XVIII вѣка. Лицамъ, не имѣвшимъ отъ Медицинской Канцеляріи свидѣтельствъ въ медицинскихъ познаніяхъ, медицинская практика была воспрещена (П. С. З., т. VIII, указъ № 5.449; подтверждено: П. С. З., т. XIII, № 9.717 и т. XIV, № 10.586).

ставляющимъ». Для этого «требуется по всѣмъ городамъ довольное число докторовъ, лѣкарей и аптекъ, удовольствованныхъ лѣкарствами, хотя бы только по нашему климату пристойными,—чего не токмо нѣтъ и сотой доли, но и *войско* россійское весьма *не довольно снабжено медиками*, такъ что лѣкари не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не токмо чтобы всякаго осмотрѣть, выспросить обстоятельно, дать лѣкарства и тѣмъ страждущихъ успокоить. Отъ такого непризрѣнія многіе, коимъ бы жить, умираютъ» [Тихоправовъ, 82].

Для надлежащей постановки дѣла медицинской помощи въ Россіи Ломоносовъ предлагаетъ слѣдующія мѣры [1]). Необходимо послать въ иностранные университеты русскихъ студентовъ для изученія медицины; московскому университету, а также тѣмъ университетамъ, которые будутъ учреждены въ Россіи, «дать, между прочими привилегіями, власть достойныхъ производить въ доктора. Медицинской канцеляріи подтвердить накрѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при лѣкаряхъ было довольное число учениковъ россійскихъ, коихъ бы они въ опредѣленное время своему искусству обучали и Сенату представляли» [Тихоправовъ, 82] [2]).

Ломоносовъ обратилъ вниманіе на одно изъ многочисленныхъ золъ того времени, слишкомъ вредно отзывавшееся на народномъ здоровьѣ. Народъ принужденъ былъ обращаться къ без-

---

1) Писатели, затрогивавшіе вопросы политики народонаселенія, придавали большое значеніе правильно организованной медицинской помощи въ дѣлѣ борьбы съ причинами депопуляціи. Правильная медицинская помощь — не мыслима безъ достаточнаго количества искусныхъ врачей. Двадцать невѣжественныхъ врачей, — говоритъ Юсти, — для которыхъ каждому нужно черезъ три года новое кладбище для пациентовъ, могутъ произвести большую перемѣну въ спискахъ умершихъ. (Justi, Grundveste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten. 1. B. § 235).

2) Ломоносовъ съ горестью добавляетъ: «Стыдно и досадно слышать, что ученики россійскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ почти никакихъ лѣкарствъ составлять не умѣютъ». Ломоносовъ выясняетъ причины этого печальнаго явленія: «А ради чего? Затѣмъ, что аптекари держать еще учениковъ нѣмецкихъ, а русскіе при шотѣ, при рѣшетѣ и при уголькѣ до старости дожидаютъ и учениками умираютъ; а нѣмецкими всего государства не наполнишь. Сверхъ того недостаточное знаніе языка, разность мѣры, несходные нравы и дорогая имъ плата много препятствуютъ» (Тихоправовъ, 82).

грамотнымъ знахаремъ и ворожеемъ потому, что существовавшія въ то время «госпитальныя школы» выпускали очень незначительное количество лѣкарей. Народъ былъ предоставленъ самому себѣ и въ силу необходимости обращался за медицинской помощью къ безграмотнымъ. Но была и другая причина: крайнее суевѣріе и невѣжество не только народныхъ массъ, но и... духовныхъ пастырей этихъ массъ. Въ срединѣ XVIII вѣка въ Россіи существовали епископы, которые считали лѣкарей непужными[1]). Въ 10 пунктѣ своего письма Ломоносовъ намѣренъ былъ разсмотрѣть «наслѣственныя, натуральныя и случайныя обстоятельства, какъ причины лишенія жизни человѣческой, то-есть язвы, пожары, потопленія, морозы» [82].

Разсматривая вопросъ о болѣзняхъ, какъ причинѣ смертности, Ломоносовъ долженъ бы былъ изложить вопросъ о смертности на почвѣ массовыхъ заболѣваній голодающаго населенія въ годы сильныхъ неурожаевъ[2]). Но Ломоносовъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о заболѣваніяхъ и смертности населенія во время голодовъ. Онъ какъ бы забываетъ бывшіе въ 1748—1749 гг. голода. Напримѣръ, въ 1749 году изъ Бѣлгородской провинціи доносили, что вслѣдствіе крайней нужды въ

---

1) Напримѣръ, въ Казанской губерніи ко вновь учрежденнымъ 4 школамъ для новокрещенскихъ (татарскихъ) дѣтей были опредѣлены два лѣкаря (въ срединѣ шестого десятилѣтія XVIII в.). Казанскій епископъ Лука приказалъ запечатать въ этихъ школахъ медикаменты. Лекарямъ, отправившимся къ епископу Лукѣ удостовѣриться: по его ли приказанію запечатаны медикаменты?— епископъ отвѣтилъ: «Я самъ приказалъ запечатать, да и впредь вамъ лѣчить школьниковъ запрещаю, потому что эти школьники къ лѣченію непригодны». (С. Соловьевъ. Ист. Рос., XXIII, стр. 325—326).

2) Если бы Ломоносовъ пользовался трудомъ І. П. Зюсмильха при составленіи своего письма къ И. И. Шувалову, онъ обратилъ бы должное вниманіе на категорическое заявленіе Зюсмильха: «*Die Hungersnoth* ist ein fast noch *schrecklicherer Feind als die Pest*: deren Abwendung ist daher eben so nöthig» (Süssmilch, o. c. S. 534). Юсти посвящаетъ десятую главу «Grundveste» вопросу «о прокормленіи народа». Онъ исходитъ исключительно изъ популяціонистическихъ соображеній: правительство обязано заботиться о прокормленіи населенія во избѣжаніе депопуляціи, такъ какъ въ голодный годъ населеніе не только заболѣваетъ сравнительно легче, чѣмъ въ урожайный, въ виду истощенія организма на почвѣ недоѣданія (на почвѣ же усиленной заболѣваемости развивается повышенная смертность), но и эмигрируетъ массами за-границу.

хлѣбъ многіе питаются лебедою, травою, желудями и заболѣваютъ отъ несвойственной человѣческому организму пищи. Изъ Изюма сообщали о случаяхъ голодной смерти [См. 1-ое Полное Собр. Зак., т. XIII, № 9. 590]. Быть можетъ, Ломоносовъ не зналъ о донесеніяхъ въ Сенатъ мѣстныхъ провинціальныхъ канцелярій а частныя свѣдѣнія до него доходили въ искаженномъ видѣ, съ теченіемъ же времени Ломоносовъ забылъ о нихъ. Въ противномъ случаѣ ничѣмъ нельзя объяснить странный пропускъ въ проектѣ Ломоносова. О голодѣ, какъ причинѣ депопуляціи, говорятъ и І. П. Зюссмильхъ, и Юсти, и другіе нѣмецкіе эвдаймонисты, и П. И. Шуваловъ, предложившій въ 1754 г. учредить хлѣбные магазины: 1) «для удовольствованія полковъ», 2) «капитальные» — «для балансу въ цѣнѣ на хлѣбъ внутри государства» и 3) при портахъ) — для «сохраненія населенія» (см. у М. Шиловскаго. Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи — въ «Запискахъ Имп. Новоросс. Универ.» 1874 г., т. XIV, прилож. III, а также у С. Соловьева. Ист. Рос., т. XXIII, 245). Пропускъ голода, какъ одной изъ причинъ уменьшенія народонаселенія, является новымъ доказательствомъ, что у Ломоносова во время составленія имъ письма къ П. И. Шувалову ни трудовъ Зюссмильха и Юсти, ни проекта П. И. Шувалова о сохраненіи населенія — не было.

Въ началѣ 10-го пункта Ломоносовъ указываетъ мѣры борьбы съ «повѣтріями» («язвами»), какъ съ одной изъ причинъ депопуляціи. «Повѣтрія на людей» — говоритъ онъ — «хотя по большой части въ южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякіе способы противу того употреблять должно. Оные состоятъ въ истребленіи уже начавшагося, или въ отвращеніи приходящаго» [Тихонравовъ, 82].

«Къ первому требуются извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства; и для того лучшіе выбравъ изъ авторовъ, должно сочинить медицинскому факультету книжку и, напечатавъ, распродать по государству» [Тихонравовъ, 82—83].

Слѣдовательно, Ломоносовъ рекомендуетъ примѣнить тѣ же

средства борьбы съ болѣзнями населенія отъ повѣтрій, какія онъ рекомендовалъ и для предупрежденія рожденія мертвыхъ младенцевъ вслѣдствіе неопытности повивальныхъ бабокъ (п. 6).

«Ко второму надобно съ бывшихъ примѣровъ собрать признаки, изъ которыхъ главный есть затмѣніе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ падежъ на скоть, а послѣ и на людей повѣтріе» [Тихоправовъ, 83].

Для предотвращенія гибельныхъ послѣдствій затмѣнія, по мнѣнію Ломоносова, необходимо «заблаговременно публиковать и, что требуется, повелѣть указами» [Тихоправовъ, 83][1]).

Хотя Ломоносовъ и упоминаетъ о гибели людей во время пожаровъ, но разсмотрѣніе этого вопроса и мѣръ борьбы съ пожарами, какъ одной изъ причинъ уменьшенія населенія, онъ откладываетъ до 7 письма. «Для избавленія отъ огненной смерти служитъ предосторожность о утушеніи частыхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажется пространно въ письмѣ *о лучшей государственной экономіи*» [Тихоправовъ, 83].

---

1) Ломоносовъ не упомянулъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя уже давно принимались правительствомъ для борьбы съ моровыми повѣтріями, не указалъ ихъ слабыхъ сторонъ и не разработалъ основныхъ положеній своего проекта. Вообще вопросъ о санитарной административной полиціи изложенъ Ломоносовымъ недостаточно полно. Онъ ограничился краткими замѣчаніями, далеко не исчерпывающими по существу сложнаго вопроса, который онъ затронулъ. Онъ, проповѣдникъ гуманныхъ началъ, противникъ смертной казни, ни однимъ словомъ не упомянулъ о законахъ Петра I-го, объ его инструкціи «О мѣрахъ и распоряженіяхъ для недопущенія изъ-за границы морового повѣтрія» (см. напримѣръ, П. С. З., т. VI, № 3702). Петръ I категорически предписывалъ «по знатнымъ дорогамъ поставить висѣлицы» для устрашенія лицъ, не желающихъ выдерживать карантинъ: «и кто презрѣвъ, мимо тѣхъ заставъ прокрадется, и будутъ пойманы, то всѣхъ вѣшать, не описываясь»... Смертная казнь за нарушеніе карантинныхъ правилъ не примѣнялась въ царствованіе Елизаветы II. Опись дѣйствовавшаго въ то время карантиннаго законодательства Ломоносовымъ была бы въ высшей степени интересна; но Ломоносовъ критики законодательства не даетъ, никакихъ данныхъ о моровыхъ повѣтріяхъ не приводитъ, ограничиваясь общими указаніями на необходимость составленія и изданія возможно лучшаго лѣчебника и заблаговременнаго оповѣщенія населенія о предстоящихъ затмѣніяхъ солнца.

Такой способъ изложенія рѣзко расходится со способомъ изложенія Зюссмильха, который приводитъ данныя о чумѣ и пр.

Переходя къ вопросу о «потопленіяхъ», Ломоносовъ разграничиваетъ «потопленія», какъ послѣдствіе: 1) наводненія и 2) «неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ». Для борьбы съ «потопленіемъ» отъ наводненій Ломоносовъ проектируетъ запретить строить жилища по берегамъ большихъ рѣкъ на низкихъ мѣстахъ, подверженныхъ «вешней особливо водѣ» [Тихонравовъ, 83].

«Потопленія», происходящія по винѣ утонувшихъ, «отвратить нельзя, не умаливъ много гоненія и пьянства»; въ пьяномъ видѣ «люди дерзаютъ переѣзжать чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множествомъ, или переходить черезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма не надеженъ и опасенъ» [Тихонравовъ, 83][1]).

Ломоносовъ оставляетъ безъ вниманія рыболововъ и прочія жертвы собственной неосторожности, ежегодно гибнущихъ весною на льдинахъ, оторвавшихся отъ массы рѣчного льда.

Впрочемъ, Ломоносовъ не считаетъ вопросъ окончательно исчерпаннымъ, а добавляетъ: «Въ главѣ *о истребленіи праздности* предложатся для избѣжанія сего [т. е. гоненія и пьянства». П. С.] способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою» [Тихонравовъ, 83].

Въ 11-мъ п. письма Ломоносовъ разсматриваетъ вопросъ объ убійствахъ въ дракѣ и при нападеніяхъ разбойниковъ. «Не

---

1) I. Зюсмильхъ разсматриваетъ въ одномъ и томъ же §-ѣ два вопроса: о *вредѣ отъ наводненій и отъ землетрясеній.*

Зюсмильхъ подчеркиваетъ, что люди массами гибнутъ во время землетрясеній, подобныхъ лиссабонскому въ 1755 г. и пр. «Wenn man die umgekommenen Einvohner in Lissabon und in den andern Städten von Portugal, in den azorischen Inseln auf den africanischen Küsten und anderswo genau wüsste; so würden kaum 100.000 hinlänglich seyn» (Süssmilch, o. c. § 192, S. 362).

Ломоносовъ о землетрясеніяхъ не упоминаетъ, такъ какъ ихъ не было въ то время въ предѣлахъ Россіи.

О наводненіяхъ Зюсмильхъ говоритъ: «Die Ueberschwemmugen sind den Küsten von Seeland, Friesland und Hollstein im vorigen und in diesem Jahrhundert der starken Dämme ohnerachtet, sehr schädlich gewesen, und haben *viele tausend Einwohner* weggeschwemmt» (Süssmilch, o. c., S. 363).

малый ущербъ причиняется народу убійствами, кои бываютъ въ дракахъ и отъ разбойниковъ» [Тихонравовъ, 83][1]).

Изъ различныхъ видовъ убійствъ Ломоносовъ выбралъ лишь нѣкоторые, наиболѣе вредные для государства въ популяціонистическомъ отношеніи, такъ какъ и убійства въ дракахъ, и убійства при разбойномъ нападеніи принимали массовый характеръ. Указывая на причины дракъ, Ломоносовъ выдвигаетъ наиболѣе значительныя. «Драки происходятъ вредныя между сосѣдями, а особливо между помѣщиками, которыхъ ничѣмъ, какъ межеваніемъ, утушить не можно» [Тихонравовъ, 83][2]).

---

1) Въ послѣдней четверти XVII в. примѣнялся законъ, согласно которому за убитаго въ дракѣ холопа или крестьянина хозяинъ его бралъ для своего удовлетворенія лучшаго крестьянина съ семействомъ, принадлежащаго владѣльцу убійцы, или требовалъ соотвѣтствующаго удовлетворенія [П. С. З., т. II, указ. № 1013: 30 и 67; № 1074: 68 и 69].

2) Убійства въ дракахъ изъ-за спорныхъ земель были настолько распространены, что при Елисаветѣ былъ изданъ спеціальный указъ о наказаніяхъ за «смертоубійства, учиненныя на спорныхъ земляхъ». [П. С. З., т. XIII, № 9. 932].

Драки на межахъ для разрѣшенія споровъ о нарушеномъ владѣніи были распространены въ Россіи издавна. Многіе государственные дѣятели (напримѣръ, П. И. Шуваловъ, 20 января 1752 г.), подавали въ Сенатъ проекты, главною задачею которыхъ было — указать наиболѣе цѣлесообразныя средства борьбы съ непредусмотрѣннымъ закономъ способомъ возстановленія своихъ владѣльческихъ правъ. Наиболѣе цѣлесообразное средство борьбы съ драками по поводу межеванья проэктеры елизаветинской эпохи видѣли въ межеваніѣ. Къ мнѣнію о необходимости генеральнаго межеванья склонялся и сенатъ (см. у С. Соловьева, Ист. Рос., т. XXIII, 1893 г., изд. 3, стр. 123—124).

Слѣдовательно, Ломоносовъ проектировалъ то же, что и другіе. Онъ высказывалъ идеи, носившіяся въ воздухѣ того времени. Почва для разрѣшенія наболѣвшаго вопроса была въ достаточной степени подготовлена, что́ доказывается предпринятымъ вскорѣ генеральнымъ межеваніемъ. Но въ то время, какъ сенатъ разсматривалъ вопросъ о генеральномъ межеваніи съ точки зрѣнія частнаго гражданскаго права (необходимость привести въ извѣстность и точно установить права частныхъ лицъ и юридическихъ лицъ на данные участки земли) и съ точки зрѣнія гражданскаго судопроизводства (необходимость разгрузить суды устраненіемъ причинъ, подающихъ поводъ обращаться въ судъ съ искомъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія), Ломоносовъ изслѣдуетъ вопросъ совсѣмъ съ иной точки зрѣнія. Ломоносовъ подчеркиваетъ необходимость устранить одну изъ причинъ уменьшенія населенія, предупредивъ межеваньемъ драки сосѣднихъ крестьянъ и убійства, являющіяся послѣдствіемъ, такихъ дракъ. Очевидно, Ломоносовъ считалъ вопросъ о необходимости межеванья настолько выясненнымъ, что въ письмѣ И. Шувалову онъ ограничи-

Ломоносовъ вполнѣ правильно подчеркнулъ необходимость устранить причины ссоръ сосѣднихъ помѣщиковъ—межеваньемъ, для предупрежденія массовыхъ убійствъ крестьянъ во время дракъ изъ-за владѣній. Это было наиболѣе цѣлесообразной превентивною мѣрою борьбы съ общераспространеннымъ бытовымъ явленіемъ, укоренившимся въ средѣ помѣщиковъ и крестьянъ, по опыту знавшихъ, какъ долго тянутся въ судахъ иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Рекомендованная Ломоносовымъ мѣра вполнѣ совпадала съ мѣрами, проектированными современниками Ломоносова (В. Н. Татищевымъ и др.).

Далѣе, Ломоносовъ признаетъ нецѣлесообразными дѣйствія правительства по борьбѣ съ разбойниками. «На разбойниковъ хотя посылаются сыщики, однако чрезъ то вывести сіе зло, или хотя знатно убавить, нѣтъ почти никакой надежды» [Тихонравовъ, 83—84].

Будучи глубоко убѣжденъ въ безрезультатности суровыхъ репрессивныхъ мѣръ противъ разбойниковъ, такъ какъ этими мѣрами не устраняются причины зла, Ломоносовъ высказывается за необходимость иныхъ мѣръ, болѣе гуманныхъ по отношенію къ разбойникамъ и въ то же время въ значительной мѣрѣ предупреждающихъ возможность реализаціи награбленнаго при разбояхъ.

«Основательнѣйшіе и сильнѣйшіе къ тому требуются способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, безопаснѣе и Монархинѣ

вается лишь одною фразою, не давая подробнаго плана правительственныхъ мѣропріятій.

Ломоносовъ возстаетъ противъ пролитія крови даже при поимкѣ разбойниковъ. Онъ рекомендуетъ дѣйствовать безъ пролитія крови. Безъ сомнѣнія, здѣсь проявилось вліяніе духа времени: Императрица Елисавета Петровна пріостановила приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ надъ всѣми преступниками въ теченіи всего своего царствованія. Для характеристики ея политики по отношенію къ разбойникамъ можно привести слѣдующую иллюстрацію. 13 марта 1749 г. былъ изданъ сенатскій указъ «объ отсылкѣ тяжкихъ преступниковъ, оказывающихся въ войскѣ Запорожскомъ, въ Кіевъ для содержанія ихъ тамъ подъ карауломъ; о предоставленіи экстрактовъ о ихъ винахъ въ Сенатъ и о починеніи имъ казней до полученія указовъ» (П. С. З., т. XIII, № 9586).

При своей жизни Елисавета Петровна не отослала ни одного указа о приведеніи смертныхъ приговоровъ въ исполненіе.

всемилостивѣйшей славѣ и притомъ любезнѣе затѣмъ, что дѣйствіе свое возьметъ меньшимъ пролитіемъ человѣческой крови» [Тихонравовъ, 84].

Ломоносовъ строитъ свой проектъ борьбы съ разбойниками, исходя изъ слѣдующаго соображенія: «Разбойники безъ пристанища въ городахъ и около деревень пробыть и злодѣйствомъ своимъ долго пользоваться не могутъ; при деревняхъ держатся, а въ городахъ обыкновенно часто бываютъ для продажи награбленныхъ пожитковъ. И такъ, когда имъ сіи мѣста сдѣланы будутъ узки и тѣсны, то не могутъ долго утаиться: не захадобится далече посылать команды и дѣлать кровопролитныя сраженія со многими, когда можно имѣть случай перебрать по одиночкѣ и ловить ихъ часто» [Тихонравовъ, 84].

Ломоносовъ проектируетъ заградить разбойникамъ доступъ въ города. Слѣдуетъ, по его мнѣнію, укрѣпить всѣ россійскіе города если не каменными стѣнами, то только валомъ, рвомъ и высокимъ полисадникомъ; въ немногихъ мѣстахъ «оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими карауламн,— гдѣ нѣтъ гарнизоновъ»; осматривать всѣхъ желающихъ войти или выѣхать въ городъ. Въ такомъ случаѣ разбойникамъ было бы трудно привозить въ города для продажи награбленныя вещи [Тихонравовъ, 84]. «Въ каждомъ огражденномъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ съ письменными дозволеніями и съ вывѣскою и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякой день объявлялъ въ ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимать къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прохожихъ воли не имѣли, подъ опасеніемъ наказанія, кромѣ своихъ родственниковъ, въ городѣ извѣстныхъ» [Тихонравовъ, 84—85].

Предложенныя Ломоносовымъ мѣры борьбы съ разбойничествомъ сильно напоминаютъ взгляды нѣмецкихъ писателей [1]).

---

1) «Отецъ науки полиціи» I. H. Юсти проектировалъ подобныя же мѣры охраненія безопасности. Чтобы затруднить доступъ въ городъ различнымъ неблагонамѣреннымъ людямъ, слѣдуетъ наблюдать за всѣми пріѣзжающими въ

Кромѣ того, Ломоносовъ проектируетъ выдавать награды всѣмъ поймавшимъ разбойниковъ и представившимъ ихъ въ распоряженіе властей. «По всѣмъ волостямъ, погостамъ и деревнямъ публиковать, что ежели крестьянинъ или двое и больше поймаютъ разбойника, приведутъ его въ городъ или въ другое безопасное мѣсто и докажутъ надежными свидѣтелями, и спору въ томъ не будетъ: то давать проводникамъ за всякую голову по 10 руб. изъ мѣщанскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за атамана, есаула, также и за пойманіе и доводъ того, кто держитъ воровскія прибѣжища, по 30 руб.» [Тихоправовъ, 85].

Такія мѣры борьбы съ разбойничествомъ Ломоносовъ проектируетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ города отстоятъ другъ отъ друга «не въ весьма дальнемъ разстояніи». Въ такихъ же мѣстностяхъ, какъ лѣсистое пространство Ветлуги и пр., «должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить ратуши и воеводствы и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ, какъ выше показано» [Тихоправовъ, 85].

Послѣднее мѣропріятіе «будетъ служить не токмо для общей

городъ. Привратный сторожъ обязанъ у воротъ города разспрашивать пріѣзжихъ и прохожихъ и ежедневно представлять въ полицію списокъ всѣхъ чужихъ, проѣхавшихъ или прошедшихъ въ городъ. Для контроля показаній прибывшихъ слѣдуетъ обязать содержателей гостинницъ вносить имя, фамилію и званіе прибывшаго, черезъ какія городскія ворота онъ прибылъ,—въ особую записку, которую ежедневно представлять въ полицію. Въ виду того, что неблагонадежные обыкновенно ищутъ себѣ пристанища гдѣ-либо въ частныхъ домахъ и у такихъ же неблагонадежныхъ, какъ и они сами,—необходимо обязать всѣхъ жителей города не пускать никого на жительство, не давъ знать о прибывшемъ въ полицію. Для большаго успѣха борьбы съ злоумышленниками слѣдуетъ дѣлать регулярные повальные обыски въ городѣ черезъ опредѣленное время одинъ послѣ другого или внезапные, почью, въ гостинницахъ, постоялыхъ дворахъ, корчмахъ, игорныхъ домахъ, домахъ терпимости и прочихъ подозрительныхъ домахъ.

Точно также въ селахъ и деревняхъ слѣдуетъ производить повальные обыски въ тотъ же день, въ какой и въ городахъ; всѣхъ нищихъ и подозрительныхъ лицъ — арестовывать и строго допрашивать о средствахъ къ существованію (Justi. Grundveste; 3 ч., 3 кн., 10 гл.).

безопасности и къ сбереженію россійскаго народа, но и къ особливой славѣ Всемилостивѣйшія нашея Самодержицы, яко возобновительницы старыхъ и сострителницы многихъ новыхъ городовъ россійскихъ» [Тихонравовъ, 85].

Такимъ образомъ, Ломоносовъ къ точкѣ зрѣнія политики народонаселенія присоединяетъ точку зрѣнія полиціи безопасности [1]).

Заканчивая обозрѣніе мѣръ, направленныхъ на сохраненіе населенія, Ломоносовъ (въ 12-мъ пунктѣ своего письма) касается вопроса о «живыхъ покойникахъ» (эмигрантахъ и бѣглецахъ въ отдаленныя внутреннія губерніи) [2]). Ломоносовъ подчеркиваетъ, что Россія лишается очень значительнаго количества полезнаго

---

1) Въ библіотекѣ Ломоносова была (въ копіи) рукопись «Книга о скудости и богатствѣ» И. Т. Посошкова. При сравненіи оглавленій девяти главъ Посошкова и восьми задуманныхъ Ломоносовымъ писемъ И. И. Шувалову (изъ нихъ было закончено лишь первое) обнаруживается значительное сходство ихъ. Содержаніе обоихъ проектовъ — различно. Ломоносовъ убѣжденъ, что богатство населенія, какъ и могущество государства и общее счастье могутъ быть лишь послѣдствіемъ раціональной внутренней политики, въ частности — политики размноженія населенія. Ломоносовъ не выдвигаетъ на первый планъ увеличеніе средствъ казны, между тѣмъ какъ «прибыльщикъ» Посошковъ обращаетъ главное вниманіе на фискальную точку зрѣнія. Хотя по существу и тотъ, и другой — согласны, что увеличивать средства казны возможно лишь при *увеличеніи богатства населенія*, а *богатство населенія достижимо лишь при* раціональной внутренней политикѣ, однако Посошковъ и Ломоносовъ вкладываютъ различное содержаніе въ одно и то же понятіе о раціональной внутренней политикѣ. Напримѣръ, Посошковъ рекомендуетъ правительству усиленное примѣненіе смертной казни, мотивируя свое предложеніе, между прочимъ, соображеніями фискальнаго характера (сбереженіемъ казенныхъ денегъ, которыя пришлось бы затратить на прокормленіе отбывающихъ наказаніе воровъ и разбойниковъ. «Сочиненія Ивана Посошкова. Изданы М. Погодинымъ». М. 1842 г., т. I, стр. 154—155, гл. VI. «О разбойникахъ»). — Ломоносовъ же самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ пролитія человѣческой крови. На проектѣ Посошкова лежитъ печать эпохи строгаго Петра I; на проектѣ Ломоносова — печать эпохи милосердной Елизаветы П., давшей обѣтъ — никого не предавать смертной казни.

2) Съ юридической точки зрѣнія, выселеніе есть отказъ даннаго лица отъ государственно-гражданскихъ правъ при оставленіи родины. (Л. ф. Штейнъ. Ученіе объ управленіи и право внутренняго управленія. С.-Пб., 1874 г., пер. подъ ред. И. Андреевскаго, стр. 90). Ближайшимъ юридическимъ послѣдствіемъ эмиграціи есть отказъ лица отъ всѣхъ частью мѣстныхъ, частью хозяйствен-

населенія благодаря тому, что масса крестьянъ, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, бросаетъ родину и бѣжитъ. «Съ погранич-

---

ныхъ, частью юридическихъ отношеній эмигранта къ его прежней родинѣ. Но съ бытовой точки зрѣнія—картина моментально измѣняется. Бѣглецы за границу ничего не теряли. Въ Россіи крестьяне были крѣпостными. Слѣдовательно, они отказывались при бѣгствѣ въ Польшу и въ другія государства — лишь отъ права на свою неволю; съ переходомъ за границу они избавлялись и отъ чрезмѣрныхъ помѣщичьихъ поборовъ, и отъ тягостныхъ государственныхъ налоговъ, и отъ обременительной военной службы, и отъ издѣвательствъ надъ ихъ личностью со стороны помѣщиковъ. Терять крѣпостному крестьянину на родинѣ было нечего. За границею бѣглецы находили иныя условія жизни, менѣе тяжелыя, чѣмъ въ Россіи.

Основа массоваго выселенія за границу, какъ правильно подчеркнулъ Л. фонъ Штейнъ, всегда заключается въ глубокомъ противорѣчіи классовыхъ интересовъ. «Эмиграція всегда исходитъ только изъ классовъ, угнетенныхъ или юридически, или хозяйственно, и всегда обращается къ такимъ странамъ и состояніямъ, въ которыхъ эмигрантъ надѣется найти недоставающую ему на родинѣ свободу»... (Л. Штейнъ, 91).

Массовое бѣгство крестьянъ за границу въ особенности развилось съ эпохи Петра I. «Бѣжали не только отдѣльными дворами, но и цѣлыми деревнями: изъ нѣкоторыхъ имѣній убѣгали всѣ безъ остатка; съ 1719 по 1727 г. числилось бѣглыхъ почти 200 тыс.—оффиціальная цифра, обычно отставшая отъ дѣйствительности» пишетъ В. О. Ключевскій въ своемъ «Курсѣ русской исторіи», ч. IV, стр. 413 («Значеніе эпохи дворцовыхъ переворотовъ. Крестьянскій вопросъ»).

Крестьянскіе побѣги безпокоили правительство, такъ какъ послѣднее лишалось и податныхъ плательщиковъ, и рекрутовъ. Поэтому, правительство возвращало бѣглецовъ. По возвращеніи «бѣжали вновь съ новыми товарищами которыхъ подговаривали разсказами о привольномъ житьѣ въ бѣгахъ, въ степи или въ Польшѣ» (В. Ключевскій, Курс., IV, 414).

Въ 1730-хъ гг. правительство дѣлало попытки возвратить бѣглецовъ изъ Польши при помощи военной силы; однако такими мѣропріятіями оно не реагировало на причины общественнаго бѣдствія: крестьяне тысячами бѣжали въ Польшу. Какой подрывъ благосостоянію всего общества наносили крестьянскіе побѣги за границу, наглядѣе всего доказываютъ статистическія данныя о приростѣ различныхъ классовъ населенія за одинъ и тотъ же періодъ времени, напримѣръ—между двумя ревизіями. Въ періодъ времени между первой и второй ревизіями все податное населеніе Россіи возросло приблизительно на 18%; но этотъ приростъ чрезвычайно неравномѣрно распредѣлялся между различными податными классами: городское населеніе увеличилось болѣе, чѣмъ на 24%, казенное крестьянство—не менѣе, чѣмъ на 16%, а крѣпостное крестьянство — приблизительно на 12%. (См. у В. Ключевскаго, Курс., IV, 444). Главною причиною такого неравномѣрнаго распредѣленія прироста населенія между различными податными классами, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, «могли быть только усиленные побѣги отъ тягостей крѣпостного состоянія» (444).

ныхъ мѣстъ уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу, и тѣмъ лишается подданныхъ россійская корона» [Тихонравовъ, 85].

Ломоносовъ подчеркиваетъ бѣдствіе, отъ котораго Россія страдала очень давно. На выселеніи русскихъ крестьянъ за границу правительство постоянно сосредоточивало свое вниманіе; но оно принимало лишь репрессивныя мѣры, не дававшія осязательныхъ положительныхъ результатовъ. Поэтому, Ломоносовъ проектируетъ обратиться къ превентивнымъ мѣрамъ. «Подлинно, что расположены предосторожности на рубежѣ литовскомъ; однако столь великой скважины (т. е. рубежа. Н. С.) сплою запереть совершенно невозможно: лучше поступить съ кротостію» [Тихонравовъ, 85][1]).

Эти слова производятъ на читателя такое впечатлѣніе, будто они заимствованы Ломоносовымъ у Юсти[2]); но трудами Юсти

---

1) Графъ Н. И. Шуваловъ въ своемъ проектѣ для сохраненія людей (см. у С. Соловьева. Ист. Рос., т. XXIII, стр. 244—248), рекомендуетъ бороться съ «выбытіемъ народа за границу» и съ контрабандою — учрежденіемъ надежныхъ форпостовъ (на каждомъ форпостѣ должно находиться 5 драгунъ при капралѣ или унтеръ-офицерѣ); всѣ они должны еженедѣльно переводиться на другую «дистанцію», во избѣженіе знакомствъ съ мѣстнымъ населеніемъ, поставляющимъ вожатыхъ какъ для бѣглыхъ, такъ и для контрабандистовъ. И. Шуваловъ не сомнѣвается въ великой силѣ подкупа. На устраненіи развращающаго вліянія подкупа на смоленскую шляхту, рославльскій шквадронъ, малороссійскихъ козаковъ и гарнизонныхъ солдатъ — Н. И. Шуваловъ строитъ свой проектъ борьбы репрессивными мѣрами съ эмиграціей. Онъ предлагаетъ лѣчить язву общественнаго организма репрессивными мѣрами внутренней политики. Онъ рекомендуетъ бороться съ проявленіями общественной болѣзни, а не съ причинами ея. Корни эмиграціи русскихъ крестьянъ таились въ недостаткахъ общественнаго строя того времени (крѣпостное право, обременительная податная система, тяжесть продолжительной военной службы, угнетеніе раскольниковъ и пр. См. переписку о выдачѣ бѣглыхъ у С. Соловьева, Ист. Рос., XXIII, 258—259 и др.). Ломоносовъ ставитъ вопросъ *о борьбѣ съ причинами эмиграціи* правильнѣе, чѣмъ гр. Н. И. Шуваловъ.

2) Въ § 215-мъ, I. B. Grundveste zu der Macht u. G. d. Staaten» Юсти устанавливаетъ слѣдующій принципъ естественнаго приращенія одноплеменныхъ жителей: кротость правленія и уклоненіе правительства отъ всякихъ несправедливыхъ притѣсненій очень сильно содѣйствуютъ увеличенію количества народонаселенія въ странѣ. Этотъ принципъ не требуетъ особыхъ доказательствъ, такъ какъ истинность его—очевидна. Ничто не можетъ наносить такого боль-

Ломоносовъ во время составленія своего письма И. И. Шувалову не пользовался.

Анализируя причины бѣгства крестьянъ за границу, Ломоносовъ говоритъ: «Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ

шого ущерба размноженію народа,—говоритъ Юсти—,какъ жестокое и отвергнувшее правосудіе правительство, которое всячески угнетаетъ и мучитъ народъ... Оно не только принуждаетъ подданныхъ въ большомъ количествѣ удаляться изъ государства и искать себѣ болѣе подходящаго мѣстожительства.... На основаніи такого рода предпосылокъ Юсти приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: правительствамъ, которыя заботятся объ умноженіи числа подданныхъ, больше всего слѣдуетъ соблюдать кротость въ управленіи и—во исполненіе своего долга—всячески избѣгать жестокаго и несправедливаго угнетенія подданныхъ.

Юсти подошелъ къ вопросу о правительственныхъ мѣрахъ для воспрепятствованія уходу и увозу подданныхъ въ иностранныя государства, какъ теоретикъ, разработавшій и изложившій въ системѣ созданную имъ науку полиціи. Чтобы бороться съ бѣдствіемъ, нужно знать его причины и реагировать именно на эти причины. Всѣ другія мѣры, направленныя на борьбу не съ причинами, а съ послѣдствіями, не принесутъ желательныхъ результатовъ и не оправдаютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. По мнѣнію Юсти, существуютъ три главныхъ причины, побуждающія подданныхъ оставлять прежнее мѣстожительство и переселяться за границу. 1) Первою и главнѣйшею причиною являются несовершенства въ организаціи правительства, неблагопріятно отражавшіяся на правительственной дѣятельности. Если подданные должны сносить разныя притѣсненія и несправедливости; если они не пользуются ни малѣйшей гражданской свободой; если подданные страдаютъ отъ суроваго управленія, то большая часть жителей стремится удалиться изъ государства и переселится туда, гдѣ условія жизни болѣе благопріятны для личной самодѣятельности. 2) Второю причиной выселенія являются притѣсненія и гоненія подданныхъ за вѣру. 3) Третьей причиной Юсти считаетъ недостатокъ средствъ къ снисканію себѣ пропитанія въ данномъ государствѣ.

Ломоносовъ оставляетъ безъ вниманія третью причину выселенія и останавливается лишь на первыхъ двухъ. Предлагаемое имъ рѣшеніе вопроса напоминаетъ рѣшеніе, предложенное Зюссмильхомъ, Юсти и другими нѣмецкими эвдаймонистами, такъ какъ всѣ они были послѣдователями Хр. Вольфа. Ломоносовъ получилъ свое высшее образованіе подъ непосредственнымъ руководствомъ Хр. Вольфа; И. Зюссмильхъ въ 1741 году напечаталъ изслѣдованіе, вышедшее съ предисловіемъ Хр. Вольфа; І. Г. Юсти эвдаймонистическій принципъ философіи Х. Вольфа положилъ въ основу созданной имъ новой научной отрасли—Policey-Wissenschaft, выдѣленной имъ изъ Cameralwissenschaften.

Зюссмильхъ высказывается за необходимость разумной терпимости правительства по отношенію къ различнымъ религіознымъ направленіямъ: «Zu der Freiheit gehöret auch *die Freyheit des Gewissen*. Und daraus folgt *eine vernünftige Duldung* verschiedener Religionspartheyen» (Süssmilch, o. c., S. 560).

отяготѣній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ». Поэтому, Ломоносовъ рекомендуетъ принять мѣры къ устраненію той и другой причины бѣгства крестьянъ изъ Россіи. «И такъ, мнѣ кажется, лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству» [Тихоправовъ, 85].

Ломоносовъ выпукло подчеркнулъ главныя причины бѣгства крестьянъ за границу и за сто лѣтъ до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости проектировалъ нѣкоторыя мѣропріятія къ облегченію положенія крестьянъ. Его предложенія — въ общемъ — совпадаютъ съ принципами внутренней политики по вопросу о размноженіи народонаселенія, выработанными «отцомъ науки полиціи» І. Юсти.

Переходя ко второй причинѣ бѣгства лицъ, принадлежащихъ къ угнетаемому по вѣроисповѣднымъ мотивамъ разряду населенія, Ломоносовъ ограничивается одною фразою: «Для расколу много уходитъ россійскихъ людей на Вѣтку [1]); находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ?» [Тихоправовъ, 85].

Эта фраза можетъ дать поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ. Ломоносовъ рекомендовалъ «возвратить» бѣглецовъ-раскольниковъ. Какъ ихъ возвратить? Насильно или обѣщаніемъ «поступить съ кротостію», т. е. дать имъ тотъ минимумъ свободы совѣсти, котораго они не находили на родинѣ? — на эти вопросы у Ломоносова нѣтъ отвѣта. Онъ обѣщалъ указать соотвѣтствующія правительственныя мѣропріятія въ третьемъ письмѣ: «А впредь могутъ служить способы, кои представятся въ статьѣ О исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа» [Тихоправовъ, 85—86].

Изъ всего предшествующаго изложенія ясно, что Ломоносовъ не могъ рекомендовать репрессивныхъ мѣръ, что его проектъ носитъ печать гуманности. За такой смыслъ фразы о

---

1) У М. П. Погодина: «на Вятку» (142).

возвращеніи раскольниковъ съ Вятки говорить основной тонъ письма [1]). Сторонникъ естественнаго права не могъ рекомендовать жестокихъ мѣръ.

Этимъ Ломоносовъ заканчиваетъ разсмотрѣніе вопроса о правительственныхъ мѣрахъ къ сохраненію *русскаго* народонаселенія. Въ послѣднемъ (13) пунктѣ Ломоносовъ указываетъ на желательность содѣйствовать иммиграціи. «Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ, ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры» [Тихонравовъ, 86] [2]).

---

1) Многіе указы Елисаветы Петровны свидѣтельствуютъ о томъ, насколько сильно былъ распространенъ среди раскольниковъ религіозный фанатизмъ. Напримѣръ, въ сенатскомъ указѣ отъ 20 февраля 1749 г. «О недопущеніи раскольниковъ въ Устюжской провинціи до сборищъ, побѣговъ и самосожженія» приведены слѣдующіи характерныя данныя. «Противъ де 26 числа Декабря» 1748 г., «на утро», бѣжавшіе съ родины въ скиты раскольники «зажглись добровольно сами», въ виду того, что для сыску ихъ и привода въ Устюгъ Великій подъ крѣпкимъ карауломъ былъ посланъ правительственный военный отрядъ. Двери и окна скита «были весьма приперты накрѣпко», вслѣдствіе чего нельзя было проникнуть внутрь и вывести ихъ оттуда силою. «И тотъ скитъ, вскорѣ обнявшись огнемъ, великимъ жаромъ народъ отбило и *сгорѣли*, какъ они *раскольники*, такъ и что при нихъ было *хлѣба* или какого *скарбу*, всѣ безъ остатку». Сенатъ приказалъ Устюжской провинціальной канцеляріи «впредь до таковыхъ же раскольническихъ сборищъ и побѣговъ и до сожженія отнюдь не допускать и всякими образы стараться, чтобы отъ того ихъ отвращать» (П. С. З., т. XIII; № 9.579).

2) Съ юридической точки зрѣнія, «переселеніе есть актъ, посредствомъ котораго иностранецъ со всею его государственно-гражданскою жизнію вступаетъ въ новое государство. Переселеніе поэтому находится въ непосредственномъ отношеніи къ народонаселенію, а совокупность вытекающихъ отсюда мѣропріятій и юридическихъ положеній относительно переселенія образуетъ строй переселенцевъ (Einwanderungswesen)», говоритъ Л. Штейнъ въ «Ученіи объ управленіи», С.-Пб., 1874 г., стр. 88.

Полицейскія государства XVIII в., исходя изъ принципа размноженія населенія, какъ основы развитія государства, дѣлали изъ переселенія прямую задачу управленія. Такимъ образомъ, — объясняетъ Л. Штейнъ, — «возникаетъ разсчитанный на усиленіе переселеній популяціонистическій строй переселенія» (Штейнъ, 89). Основою этого строя служитъ возможно бо́льшее поощреніе переселенія, частью черезъ прямую поддержку, частью черезъ дарованіе правъ самоуправленія.

Ломоносовъ, исходя изъ популяціонистическаго принципа полицейскаго государства, высказываетъ тѣ идеи, которыя были уже примѣнены русскимъ правительствомъ на практикѣ.

Ломоносовъ подчеркиваетъ благопріятный моментъ для привлеченія въ Россію иностранныхъ подданныхъ. «Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не токмо одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣсть, отъ военнаго насильства удаленныхъ» (86). Въ Россіи же къ услугамъ переселенцевъ могутъ служить огромныя незаселенныя пространства: «Пространное владѣніе великія нашея монархини въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами, кои единаго только посильнаго труда отъ человѣковъ ожидаютъ къ своему полезному произведенію» [Тихонравовъ, 86].

Съ начала 1751 года между русскимъ и австрійскимъ правительствами (Елисаветы Петровны и Маріи Терезіи) возникла переписка о переселеніи въ Россію части сербовъ, перешедшихъ изъ турецкихъ областей въ австрійскія владѣнія въ количествѣ 60.000 человѣкъ съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ—во время войны императора Леопольда съ турками. Марія Терезія изъявила согласіе на переселеніе сербовъ въ Россію, послѣ чего полковникъ Иванъ Хорватъ приступилъ къ переселенію сородичей въ Малороссію (См. у Соловьева, Ист. Рос., т. XXIII, стр. 144—148 и слѣд.).

22 іюля 1762 г. именнымъ указомъ Сенату была учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ, причемъ иностраннымъ переселенцамъ были предоставлены: свобода вѣроисповѣданія, податныя льготы, правительственныя ссуды на обзаведеніе и внутренняя юрисдикція въ колоніяхъ (см. П. С. З., т. XVI, №№ 11,879 и 11.880).

15 октября 1762 года Екатерина разрѣшила Сенату безъ особаго доклада принимать въ Россію всѣхъ иностранцевъ, желающихъ переселиться, кромѣ евреевъ.

Разрѣшеніе мотивировалось тѣмъ, что въ Россіи есть много незаселенныхъ мѣстъ и что многіе иностранцы испрашиваютъ позволенія переселиться въ Россію.

Для характеристики переселенческой политики Екатерины II-й можно привести еще слѣдующія данныя. Русское правительство вызвало *нѣмецкихъ колонистовъ* для заселенія юго-восточной Украйны. Въ Украйну пріѣхала такая масса нѣмцевъ изъ-за границы, что недоставало рабочихъ, лѣса и другихъ матеріаловъ для постройки имъ домовъ. Наконецъ, канцелярія опекунства иностранныхъ вынуждена была запросить у Сената указаній: что ей дѣлать? (См. у Соловьева, Ист. Росс., т. XXVII, изд. 1888 г., М., стр. 32). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ изданъ указъ о прекращеніи выхода иностранныхъ поселенцевъ въ Россію впредь до обзаведенія уже выѣхавшихъ (ук. 14 ноября 1766 г., П. С. З., т. XVII, № 12.793). Издержки на колонизацію были опредѣлены въ 200.000 руб. въ годъ, но правительство было противъ обремененія казны добавочнымъ кредитомъ на помощь слишкомъ большому количеству пріѣхавшихъ колонистовъ.

Отступая отъ взглядовъ Вольфа и его послѣдователей (Зюсмильха и Юсти), Ломоносовъ не излагаетъ условій, на которыхъ могутъ быть заселены иностранцами обширныя незаселенныя пространства Россіи: «Условій, коими иностранныхъ привлечь можно къ поселенію въ Россіи, не представляю, не вѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами» [Тихонравовъ, 86][1]).

Предлагая принять мѣры къ поощренію иммиграціи въ Россію, Ломоносовъ высказалъ одну изъ распространенѣйшихъ въ то время идей; отъ разработки же вопроса объ иммиграціи Ломоносовъ уклонился.

На этомъ Ломоносовъ заканчиваетъ обзоръ желательныхъ (съ его точки зрѣнія) правительственныхъ мѣропріятій для сохраненія и размноженія населенія въ Россіи. Я неоднократно подчеркивалъ, что списокъ предложенныхъ Ломоносовымъ мѣропріятій — далеко не полонъ. Самъ Ломоносовъ сознаетъ, что онъ перечислилъ далеко не всѣ правительственныя мѣропріятія для сохраненія и размноженія русскаго населенія, а лишь нѣкоторыя изъ нихъ [«... изъ сихъ 13-ти способовъ (а есть еще и больше)». Тихонравовъ, 86][2]).

---

1) Приблизительно за 100 лѣтъ до составленія Ломоносовымъ письма къ И. И. Шувалову (отъ 1 ноября 1761 г.) сторонникъ популяціонной политики Ю. Крижаничъ возставалъ противъ дарованія иностраннымъ иммигрантамъ правъ русскаго гражданства и вообще противъ заселенія русскихъ земель иностранцами: «Луче есть, да земля стоитъ пуста, нежеле да будетъ обселена чужимъ народомъ». (Раздѣлъ 50 «Объ приписанію инородниковъ» труда Ю. Крижанича, озаглавленнаго П. Безсоновымъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. Рукопись времень царя Алексѣя Михайловича», приложеніе къ № 4 «Русской Бесѣды» 1859, стр. 105.

2) Чѣмъ руководствовался Ломоносовъ, проектируя одни мѣропріятія къ сохраненію и размноженію народонаселенія и умалчивая о другихъ,—неизвѣстно. По всей вѣроятности, Ломоносовъ не имѣлъ достаточно времени тщательно разработать свой проектъ.

Свой взглядъ на ревизію Ломоносовъ высказалъ въ похвальномъ словѣ Петру В.: «...когда еще не было число всего Россійскаго народа, и каждаго человѣка жилище неизвѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, переселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы бесстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки не рѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбой-

Очеркъ политики народонаселенія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вылился въ первомъ письмѣ Ломоносова къ И. И. Шувалову, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что идеи систематика естественнаго права и теоретика полицейскаго государства — Хр. Вольфа — оказывали сильное вліяніе не только на нѣмецкихъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей [1]), но и на ученыхъ другихъ странъ. Ломоносовъ не забылъ лекцій своего знаменитаго учителя даже на склонѣ дней своей жизни [2]). Подчиняясь господствующимъ въ то время въ западно-европейской наукѣ воззрѣніямъ [3]), Ломоносовъ въ своемъ очеркѣ политики народонасе-

---

никовъ, отъ которыхъ не токмо села, но и городы разорялись. Превратилъ премудрый Герой предъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, разорителей въ защитниковъ, когда исчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, положилъ легкую, но извѣстную подать; чрезъ что умножилось и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ, и число людей въ наборахъ; умножилось прилежаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабительми, принудилъ готовыми быть къ смерти за отечество». (Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Т. 4. С.-Пб. 1898. стр. 380). Преклоняясь передъ геніальнымъ преобразователемъ Россіи, Ломоносовъ допускаетъ даже идеализацію податной реформы Петра Великаго: онъ считаетъ «легкою» подушную подать. Ломоносовъ подчеркнулъ главные результаты ревизіи: увеличеніе казенныхъ доходовъ и числа рекрутовъ.

1) Доктрина такъ наз. Vermehrungspolitik стояла на видномъ мѣстѣ въ системѣ нѣмецкихъ эвдаймонистовъ.

2) Ломоносовъ предполагаетъ, что правительство могло бы сохранить для Россіи ежегодно до полумилліона человѣкъ, если бы оно осуществило предложенныя имъ мѣропріятія. «Хотѣлъ бы я сочинить примѣрный счетъ, сколько бы изъ сихъ 13-ти способовъ (а есть еще и больше) воспослѣдовало сохраненія и приращенія подданныхъ Ея Императорскаго Величества» (Тихонравовъ, 86). Но у Ломоносова не было достаточно времени для собиранія надлежащихъ данныхъ и для разработки ихъ; кромѣ того, не было и самихъ статистическихъ данныхъ, которыя внушали бы къ себѣ довѣріе. Слѣдовательно, если бы Ломоносовъ собралъ статистическія данныя, его выводы были бы нѣсколько болѣе обоснованными, но не вполнѣ достовѣрными. Поэтому, Ломоносовъ ограничится «одною догадкою».

3) См. примѣчаніе на стр. 186—188. Ломоносовъ примыкалъ къ воззрѣніямъ меркантилистовъ на политику народонаселенія. Подъ вліяніемъ ученія Хр. Вольфа Ломоносовъ былъ сторонникомъ теоріи полицейскаго государства, противникомъ принципа физіократовъ: laissez faire, laissez passer. Ломоносовъ не раздѣлялъ взглядовъ физіократовъ на политику народонаселенія: онъ, вслѣдъ за Хр. Вольфомъ, былъ популяціонистомъ; между тѣмъ, въ то время физіо-

ленія, высказывать болѣе гуманные взгляды, чѣмъ прожектёръ Петровской эпохи, «прибыльщикъ» И. Т. Посошковъ въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ». Во многомъ онъ превзошелъ и своихъ современниковъ, какъ, напримѣръ, графа П. И. Шувалова.

Ломоносовъ не использовалъ многихъ пособій (Зюссмильха, Юсти и пр.), тѣмъ не менѣе, взгляды Ломоносова на политику

краты уже рѣзко расходились съ меркантилистами — популяціонистами во взглядахъ на причины уменьшенія народонаселенія. Напримѣръ, Мирабо—отецъ въ своемъ трудѣ: «L'ami des hommes ou traité de la population» (1756, 1760), признавая, что многочисленность населенія есть важнѣйшее благо для общества, видитъ истинную причину депопуляціи *въ упадкѣ земледѣлія*, а не въ безбрачіи католическаго духовенства, монаховъ и монахинь, многочисленности солдатъ, эмиграціи въ Новый Свѣтъ и т. п.

Въ проектѣ Ломоносова нѣтъ даже намековъ на идеи физіократовъ: объ упадкѣ земледѣлія Ломоносовъ совсѣмъ не упоминаетъ. Если бы Ломоносовъ склонялся на сторону физіократовъ, онъ не пропустилъ бы «истинной» (по мнѣнію физіократовъ) причины уменьшенія населенія. Ломоносовъ намѣревался посвятить вопросу «о исправленіи земледѣлія» (или какъ онъ иначе озаглавилъ: «о умноженіи внутренняго изобилія») четвертое письмо И. И. Шувалову. Однако это письмо осталось ненаписаннымъ. Сохранившееся «Мнѣніе о учрежденіи государственной коллегіи (сельскаго) земскаго домостроительства» (см. у Будиловича, стр. 313—314) доказываетъ, что Ломоносовъ интересовался сельскимъ хозяйствомъ и проектировалъ мѣры, содѣйствующія его процвѣтанію; но отсюда еще далеко до вывода, что Ломоносовъ такъ же односторонне смотрѣлъ на земледѣліе, какъ и Физіократы.

Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія находятся въ тѣсной связи со взглядами послѣдователей Хр. Вольфа. Можетъ быть, на воззрѣніяхъ Ломоносова на политику народонаселенія отразилось вліяніе Белля. Въ «Кругѣ научныхъ средствъ Ломоносова» А. Будиловичъ (подъ № 58 на стр. 268) указываетъ трудъ Bell'я «Von den Quellen der Bevölkerung». Къ сожалѣнію въ московскихъ публичныхъ библіотекахъ этой книги не оказалось, вслѣдствіе чего я былъ лишенъ возможности сравнить идеи Белля и Ломоносова. Белль не оставилъ слѣда въ исторіи политической экономіи и статистики: его имя затерялось среди сотенъ именъ другихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Поэтому, я далъ сравненіе идей Ломоносова съ идеями выдающагося статистика XVIII вѣка І. П. Зюсмильха (1-ое изданіе его изслѣдованія появилось съ предисловіемъ Хр. Вольфа въ 1741 г.), и І. Г. Юсти, систематика-компилятора, отца науки о полиціи (1756, 1760 гг.), хорошо знакомаго съ литературой излагаемыхъ имъ вопросовъ. И Зюсмильхъ, и Юсти — *послѣдователи вольфіанской философіи*; отличіе ихъ трудовъ отъ разсужденія проекта Ломоносова состоитъ въ большей полнотѣ и систематичности: у Ломоносова нѣтъ детальной теоретической разработки изслѣдуемаго вопроса. Обоснованіе взглядовъ Ломоносова на политику народонаселенія слѣдуетъ искать въ принципахъ эвдаймонистической философіи Хр. Вольфа (см. стр. 184—186).

народонаселенія во многомъ совпадаютъ со взглядами послѣдователей Хр. Вольфа[1]). Многое изъ того, что̀ проектировалъ Ломоносовъ, было осуществлено въ XVIII вѣкѣ; нѣкоторыя же предложенныя Ломоносовымъ мѣры казались обществу елизаветинской эпохи настолько смѣлыми, настолько шли вразрѣзъ съ правительственною политикою, съ правами и обычаями слоевъ общества, имѣвшихъ силу и значеніе въ XVIII в., что онѣ не могли быть осуществлены при жизни Ломоносова. Многія проектированныя Ломоносовымъ мѣры служатъ наглядными доказательствомъ, что въ эпоху Елисаветы Петровны были люди, свободныя отъ предразсудковъ, критически относящіеся къ различнымъ несовершенствамъ и язвамъ общественнаго организма.

Заслуга Ломоносова, какъ эвдаймониста—велика: въ эпоху, когда въ Россіи была слабо распространена грамотность, когда кругъ читателей свѣтскихъ книгъ ограничивался, главнымъ образомъ, придворными сферами и учеными, — Ломоносовъ переноситъ на русскую почву ученія германскихъ эвдаймонистовъ-поцуляціонистовъ, примѣняетъ къ условіямъ русской дѣйствительности, русскаго быта, господствующую въ западно-европейской политикѣ доктрину «der Vermehrungspolitik»[2]). Даже такой выдающійся

---

1) Въ заключительныхъ словахъ письма Ломоносова звучитъ твердая увѣренность сторонника Wohlfahrtstaat'a, что проектированныя мѣропріятія «не будутъ ничѣмъ народу отяготительны, но будутъ служить къ безопасности и успокоенію народному» (Тихонравовъ, 86).

2) О смѣлыхъ взглядахъ, высказанныхъ Ломоносовымъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 1 ноября 1761 г., неоднократно упоминали въ печати (въ біографическихъ очеркахъ и статьяхъ о Ломоносовѣ), но до сихъ поръ никто не далъ надлежащей ихъ оцѣнки. Еще цензоръ Яценковъ, разрѣшившій напечатать (въ сокращенномъ видѣ) это письмо Ломоносова въ «Журналѣ Древней и Новой Словесности» 1819 г. (въ № 6, мартъ), отмѣтилъ, что разсужденіе Ломоносова вноситъ новую черту въ его портретъ, рисуетъ «какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества» (Пекарскій, т. II, 757). Въ «Очеркѣ академической дѣятельности Ломоносова, читанномъ академикомъ Н. К. Гротомъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 6-го Апрѣля 1865 года» (С.-Пб., 1865) не отмѣчено вліяніе на Ломоносова эвдаймонистической философіи: «Содержаніе этой записки исполнено величайшей важности для Россіи. Почти все, что здѣсь изложено, сохраняетъ до сихъ поръ значеніе глубокихъ истинъ, потому что это плодъ короткаго знаком-

своей полезной разносторонней государственной дѣятельностью, какъ графъ П. И. Шуваловъ, уступаетъ Ломоносову въ степени

ства съ бытомъ народа и его нуждами, и имѣетъ плодъ великаго ума. Понимая, что одно изъ главныхъ условій величія, могущества и богатства государства заключается въ обильномъ народонаселеніи, онъ придумываетъ средства противъ «тщетной обширности Россіи» (38 стр.). Средства противъ «тщетной обширности» различныхъ государствъ были выработаны представителями зап.-евр. популяціонной литературы (философами, экономистами, статистиками, политиками). По мнѣнію академика П. И. Пекарскаго, разсужденіе Ломоносова «такъ глубоко проникнуто сознаніемъ правоты того, что высказываетъ здѣсь великій писатель; въ немъ повсюду является такое глубокое знаніе своего народа—и притомъ оно написано такимъ прекраснымъ могучимъ слогомъ, что все это безспорно дѣлаетъ письмо Ломоносова о сохраненіи и размноженіи россійскаго народа однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній всей русской литературы XVIII вѣка. Независимо отъ этого, письмо для насъ драгоцѣнно и въ томъ отношеніи, что оно болѣе, чѣмъ всѣ прочія его сочиненія, знакомитъ насъ съ его взглядами и убѣжденіями въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ» (П. Пекарскій. II. 756). Оно выдѣляется среди прочихъ произведеній Ломоносова и «несомнѣнно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній его пера» (Пекарскій. II. 752). По мнѣнію П. Вланмірова, «въ знаменитомъ письмѣ «О сохраненіи и размноженіи русскаго (?) народа» (1761) Ломоносовъ является замѣчательнымъ публицистомъ; не даромъ онъ нѣсколько разъ хлопоталъ, но безуспѣшно, объ изданіи газеты или журнала» (статья «Ломоносовъ» въ 34 полутомѣ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона, (С.-Пб. 1896), стр. 943). Ломоносовъ, несомнѣнно, обладалъ крупнымъ публицистическимъ талантомъ; однако, разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа не можетъ быть отнесено къ публицистическимъ произведеніямъ уже потому, что оно было написано спеціально для одного лица, а не для публики. Вліяніе Хр. Вольфа на Ломоносова и значительная степень самостоятельности Ломоносова были подчеркнуты М. И. Сухомлиновымъ (въ 1861 г.), В. И. Вернадскимъ (въ 1901 г.) и др.

М. И. Сухомлиновъ приходитъ къ выводу, что «Вольфъ имѣлъ вліяніе на Ломоносова, но оно не было такъ глубоко, чтобы Ломоносова можно было назвать вольфіанцемъ: по самой природѣ своей, онъ былъ очень неподатливъ и не могъ быть безотвѣтнымъ органомъ чужого образа мыслей». («Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г., т. 31, стр. 152). В. И. Вернадскій въ своей статьѣ: «О значеніи трудовъ М. В. Ломоносова въ минералогіи и геологіи» говоритъ, что на работахъ Ломоносова «виденъ ясный слѣдъ вліянія нѣмецкихъ научныхъ теченій XVIII столѣтія. Изъ изученія его работъ совершенно опредѣленно вытекаетъ, что передъ нами самостоятельный сильный мыслитель, не простой ученикъ и не подражатель» («Ломоносовскій Сборникъ», изд. Химич. Отдѣленія Имп. О-ва Любителей Естествозн., Антроп. и Этнографіи» М., 1901, стр. 6), но что «Ломоносовъ весь проникся духомъ Вольфа» (стр. 7). Гдѣ слѣдуетъ искать теоретическаго обоснованія взглядовъ Ломоносова на политику народонаселенія? Отразились ли воззрѣнія Хр. Вольфа и его послѣдователей на политику народонаселенія на

научной подготовки [1]) (я не говорю уже о превосходствѣ Ломоносова по силѣ таланта). Подъ вліяніемъ идей естественнаго права Ломоносовъ мѣтко и остроумно обличаетъ недостатки современнаго общества; подъ вліяніемъ идей просвѣщеннаго абсолютизма Ломоносовъ создаетъ проектъ, проникнутый гуманными взглядами. Законъ достаточнаго основанія былъ сдерживающимъ началомъ, предохранившимъ Ломоносова отъ увлеченій крайними взглядами Вольфа.

Взгляды Ломоносова на одинъ изъ коренныхъ вопросовъ политики внутренняго управленія (на политику народонаселенія) до сихъ поръ не были оцѣнены [2]); не было выяснено вліяніе эвдаймонистической философіи на Ломоносова [3]).

воззрѣніяхъ Ломоносова? Былъ ли Ломоносовъ сторонникомъ теоріи «der Vermehrungspolitik»? — на эти вопросы отвѣта не было дано до моего труда.

1) Немногіе изъ русскихъ получили въ 1-ой половинѣ XVIII вѣка такую разностороннюю научную подготовку, какую получилъ Ломоносовъ подъ руководствомъ Вольфа. Существовавшія на русскомъ языкѣ переведенныя произведенія: Пуффендорфа («О должностяхъ человѣка и гражданина по закону естественному», перев. съ латинскаго архимандритомъ Гавріиломъ Бужинскимъ, С.-Пб. 1726) и Хр. Вольфа «Разумныя мысли о силахъ человѣческаго разума и ихъ правильномъ употребленіи въ познаніи правды» (С.-Пб. 1765; но переводъ сдѣланъ въ 1753 г.) не заключали въ себѣ полнаго систематическаго изложенія эвдаймонистической философіи; кромѣ того, трудъ Пуффендорфа къ началу 40-хъ годовъ въ XVIII в. былъ уже распроданъ (см. у Пекарскаго, II, стр. XIII).

2) Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія соотвѣтствовали воззрѣніямъ подавляющаго большинства камералистовъ, статистиковъ, политиковъ средины XVIII в. Многихъ изъ нихъ Ломоносовъ превзошелъ независимостью и смѣлостью мысли.

Въ 60-хъ годахъ XVIII в. теорія физіократовъ распространилась не только по Франціи, но и въ другихъ государствахъ. Екатерина II, бывшая поклонницей французскихъ мыслителей, содѣйствовала распространенію въ Россіи идей физіократовъ. Подъ натискомъ новыхъ воззрѣній идеи Ломоносова о размноженіи населенія померкли. Русскіе писатели екатерининской эпохи (напримѣръ, кн. М. М. Щербатовъ — въ 1787 г.) высказываютъ иные взгляды.

Многія мѣропріятія Екатерины II, относящіяся къ области санитарной и медицинской полиціи, межеванію, иммиграціи и пр., вполнѣ соотвѣтствовали идеямъ Ломоносова — *Заслуга* Ломоносова состоитъ въ томъ, что онъ знакомилъ русскихъ придворныхъ съ господствующимъ въ Германіи ученіемъ о политикѣ народонаселенія, содѣйствовалъ распространенію въ Россіи идей естественнаго права и «просвѣщеннаго абсолютизма».

3) Могутъ возразить, что методологическіе взгляды Ломоносова отличаются отъ взглядовъ Хр. Вольфа: «этотъ послѣдній выводитъ свою систему идѣ-

Возстаніе противъ суевѣрій и предразсудковъ, преклоненіе предъ тѣмъ, что соотвѣтствуетъ принципамъ естественнаго права, раціоналистическая метода, искреннее желаніе содѣйствовать достиженію общаго блага, распространеніе въ Россіи принциповъ эвдаймонистической философіи, увѣренность, что правительство во имя jus naturae обязано заботиться объ общемъ счастьѣ,—таковы характерные признаки Ломоносова, какъ эвдаймониста.

альныхъ нормъ изъ абстрактныхъ философскихъ посылокъ, совершенно не заботясь о дѣйствительности». (А. Горбуновъ. Вып. 1. «Историческій очеркъ нѣмецкой литературы». М. 1906, стр. 45); между тѣмъ, какъ Ломоносовъ пишетъ очеркъ политики народонаселенія *въ Россіи*. Приведенное методологическое возраженіе не выдерживаетъ критики. Ломоносовъ получилъ свою философскую подготовку подъ руководствомъ Вольфа. Онъ — сторонникъ принциповъ эвдаймонистической философіи, систематизированной Вольфомъ, — отступаетъ отъ его воззрѣній только въ томъ отношеніи, что вырабатываетъ принципы правительственной дѣятельности не для всякаго правительства, а лишь для русскаго. Вполнѣ понятно, что передъ 3-ей ревизіей у Ломоносова зародилась мысль написать разсужденіе о желательной политикѣ народонаселенія *въ Россіи*, а не излагать основныя положенія и ученія, какъ таковыя. Въ *частномъ* письмѣ къ русскому государственному дѣятелю Ломоносовъ намѣчаетъ рядъ *практическихъ* мѣропріятій для устраненія недостатковъ внутренняго управленія въ Россіи, для достиженія *«общей пользы»*. Какъ Вольфъ, такъ и другіе сторонники эвдаймонистической философіи (напримѣръ, Юсти), убѣждены, что изложенные ими основные принципы политики внутренняго управленія примѣнимы къ различнымъ государствамъ: всякому, *кто усвоилъ* основныя ученія науки, *легко примѣнить* ихъ по отношенію къ тому или другому государству (см. наприм., у Justi, Grundsätze, 1756, Vorrede, S. b5 и обор.). Юсти пишетъ одновременно какъ теоретическій курсъ лекцій («Grundsätze der Policey-Wissenschaft, изданныя впослѣдствіи въ дополненномъ видѣ подъ названіемъ «Grundveste»), такъ и публицистическія статьи, въ которыхъ примѣняетъ къ Германіи изложенные имъ въ «Grundsätze» теоретическіе принципы политики внутренняго управленія. Ломоносовъ, усвоивъ основные принципы эвдаймонистической философіи, легко примѣнилъ ихъ въ своемъ очеркѣ политики народонаселенія въ Россіи.

Трагедіи Ломоносова.

В. И. Рѣзанова.

Въ числѣ произведеній, составляющихъ литературное наслѣдіе, оставшееся послѣ Ломоносова, находятся двѣ его трагедіи: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ».

Вмѣстѣ съ трагедіями Сумарокова: «Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ и Труворъ», «Аргистона» и «Семира» и «Дендамісй» Тредьяковскаго, названныя пьесы Ломоносова представляютъ собой *первыя* наши драмы французскаго классическаго стиля; въ качествѣ таковыхъ, онѣ и должны, казалось бы, привлечь къ себѣ вниманіе изслѣдователя, изучающаго начальныя судьбы новаго русскаго театра и новой русской литературы вообще. Предлагаемый этюдъ имѣетъ цѣлью разысканіе объ источникахъ драмъ Ломоносова и о тѣхъ ближайшихъ вліяніяхъ, подъ какими онѣ разработывались.

Въ журналѣ Канцеляріи Академіи Наукъ подъ 29 сентября 1750 г. записано: «Сего числа Академіи Наукъ господинъ президентъ объявилъ именной Ея Императорскаго Величества изустный указъ, коимъ ему, г. президенту, повелѣно: профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи, и о томъ имъ объявить въ Канцеляріи»...

Ломоносовъ немедленно взялся за перо; на рукописномъ экземплярѣ его первой трагедіи — «Тамира и Селимъ» — стоитъ его собственноручная подпись: *начата 29 сент. послѣ обѣда.* Привычный версификаторъ, онъ быстро нашелъ сюжетъ, энергически взялся за дѣло,— и менѣе, нежели въ мѣсяцъ задача была

выполнена; 1 ноября 1750 года въ академической Канцеляріи состоялось опредѣленіе: «Оной трагедіи немедленно напечатать 600 экземпляровъ»... Изданіе разошлось очень скоро, и въ январѣ 1751 г. послѣдовало опредѣленіе академической Канцеляріи о напечатаніи втораго изданія [1]): трагедія, очевидно, имѣла значительный успѣхъ въ средѣ тогдашней читающей публики.

Два источника теоретическихъ свѣдѣній Ломоносова о той литературной формѣ, за которую онъ теперь взялся, приходится имѣть въ виду: обучаясь въ теченіе пяти лѣтъ «въ Спасскихъ школахъ», гдѣ дошелъ до философскаго класса, Ломоносовъ долженъ былъ прослушать курсъ школьной пінтики того времени въ родѣ, напр., читаннаго въ 1726—27 гг. Исаакіемъ Хмарнымъ [2]), и познакомиться такимъ образомъ съ тѣмъ типомъ трагедіи, который процвѣталъ въ іезуитскихъ колегіяхъ [3]), а отсюда сталъ извѣстенъ и въ русскихъ духовныхъ училищахъ XVII—XVIII вв.; съ другой стороны, за границей, изучая сочиненія Готшеда [4]), Ломоносовъ узналъ «правильную» трагедію французскаго классическаго стиля, которая трудами Готшеда («Versuch einer critischen Dichtkunst», Lpz. 1730; «Sterbender Cato, ein Trauerspiel nebst einer critischen Vorrede», Lpz. 1732) только что была перенесена тогда въ Германію [5]). Этого послѣдняго типа трагедія оказалась передъ Ломоносовымъ зарождающеюся и на русской почвѣ — въ видѣ первыхъ трагедій Сумарокова; изъ этихъ послѣднихъ «Гамлета» Ломоносовъ долженъ былъ, въ

---

1) Соч. Ломоносова, подъ ред. М. И. Сухомлинова, изд. Имп. Акад. Наукъ, т. I, примѣч., стр. 427, 434.

2) «Officina praestantissimae artis poeticae diligentibus Rossicae Minervae operariis edita», etc. — см. Вл. Рѣзановъ, Изъ исторіи русской драмы: Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ, М. 1910, стр. 47 и слѣд.

3) Вл. Рѣзановъ, Къ исторіи русс. драмы: Экскурсъ въ область театра іезуитовъ, Нѣжинъ. 1910.

4) Соч. Ломоносова, подъ ред. М. И. Сухомлинова т. III, примѣч., стр. 26—27.

5) «Die deutsche Schaubühne nach den Regeln und Exempeln der Alten....», I—VI, Lpz. 1741—1745; G. Waniek, Gottsched und die deutsche Litteratur seiner Zeit, Lpz. 1897.

октябрѣ 1748 года, по спеціальному порученію Канцеляріи Академіи Наукъ, «освидѣтельствовать», чтобы дать отзывъ, можно ли эту пьесу печатать[1]).

Эти источники и должны были оказать свое вліяніе на Ломоносова при сочиненіи имъ драмъ, со стороны формы послѣднихъ.

Объ трагедіи Ломоносова начинаютъ «Краткимъ изъясненіемъ»[2]), излагающимъ обстоятельства, непосредственно предшествующія тому, что изображается въ пьесѣ. Манера открывать пьесу подобнымъ введеніемъ, подъ названіемъ «argumentum», обычно присуща школьнымъ драмамъ какъ іезуитовъ[3]), такъ и нашихъ школьныхъ драматурговъ[4]); учившійся въ той же Московской духовной Академіи Тредьяковскій и сочинившій, какъ извѣстно, уже въ бытность студентомъ Академіи двѣ драмы («Іазонъ» и «Титъ Веспасіановъ сынъ»), свою трагедію «Деидамія» открываетъ также «Перечневымъ описаніемъ», въ которомъ дается объясненіе содержанія пьесы; напротивъ, у Сумарокова и другихъ нашихъ псевдоклассиковъ, не проходившихъ школы Духовной Академіи и чуждыхъ вліянія «школьныхъ дѣйствъ», такихъ объясненій при трагедіяхъ не имѣется. «Краткія изъясненія» Ломоносова приходится, такимъ образомъ, относить, очевидно, на счетъ вліянія школьной драмы, коснувшагося его черезъ Московскую духовную академію.

Въ этомъ, впрочемъ, одномъ только и усматривается у Ломоносова, какъ драматурга, отзвукъ нашихъ старыхъ школьныхъ дѣйствъ; въ формѣ своихъ трагедій, отъ перваго явленія

---

1) П. С. Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 114—115: П. П. Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, II, 131, 397—398.

2) Соч. Ломоносова, I, 221; II, 3.

3) См. мой «Экскурсъ въ область театра іезуитовъ», стр. 166, 175, 194, 200, 396, 405, 409, 411, 416 и др.

4) В. Н. Перетцъ, Памятники русск. драмы эпохи Петра Великаго, стр. 394 (драма того же Исаакія Хмарнаго объ Езекіи царѣ Израильскомъ); ср. «Краткое драмы изъявленіе» въ началѣ драмы «Стефанотокосъ» (Вл. Рѣзановъ, Памятники русской драматической литературы: Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв., Нѣжинъ. 1907, стр. 234).

до послѣдняго, онъ слѣдуетъ всецѣло стилю французской классической трагедіи, перенесенной Готшедомъ и его послѣдователями на нѣмецкую почву, а Сумароковымъ — на русскую.

Содержаніе «Тамиры и Селима» Ломоносовъ взялъ изъ Синописса, какъ выясняется изъ наблюдаемыхъ совпаденій. Въ «Краткомъ изъясненіи» говорится: «Въ сей трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ *позорная погибель гордаго* Мамая Царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ, будучи *побѣжденъ* храбростью Московскаго Государя, Великаго Князя Дмитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ *съ четырьмя Князьми своими* въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ»... Въ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, внесенной въ Синописецъ — эту популярнѣйшую историческую книгу XVIII в., авторитетъ которой признавался и Ломоносовымъ [1]), — было сказано: «О погибели Мамаевой. *Побѣжденну* же сущу воинству татарскому вконецъ..., самъ поганый Царь Мамай *съ четырьми Князьми своими*, въ маломъ числѣ побѣгъ съ побоища, забѣже отъ великаго страха даже до града, лежащаго надъ моремъ, Кафы, идѣже и имя свое утаи, но вскорѣ познанный убіенъ бысть отъ врагъ (опечатка; должно читать: фрягъ), и яко злый злѣ погибе», оставивъ по себѣ *вѣчный студъ* и попописіе наслѣдникомъ своимъ поганымъ бесурманомъ»... [2]). Та же повѣсть Синописса приписывала Мамаю «*гордое* сердце», смирить которое молилъ Бога князь Дмитрій Ивановичъ [3]).

Въ 4 явленіи I дѣйствія «Тамиры и Селима» Царь Муметъ разсказываетъ о полученномъ имъ извѣстіи, что

---

1) См. Пекарскій, Ист. Акад. Н., т. II, стр. 427, 430, а также «Предувѣдомленіе читателю» въ изданіи: «Кіевскій Синописецъ или краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцовъ о началѣ Славенороссійскаго Народа» и проч. Кіевъ, 1836 (пять кіевскихъ изданій и девятнадцать петербургскихъ).

2) Синописецъ, или краткое описаніе отъ различныхъ лѣтописцовъ о началѣ славенскаго народа, и проч., С.-Пб. 1762 (не имѣя подъ руками болѣе ранняго петербургскаго изданія Синописца, пользуюсь изданіемъ 1762 г. и Кіевскимъ 1836 г.), стр. 176.

3) Тамъ же, стр. 126.

Олегъ Резанскій князь и Князь Олгердъ Литовскій
Свои къ Мамаевымъ поставили полки [1]), —

срв. въ Синописѣ: «Олегъ Резанскій и Олгердъ Литовскій приложилися къ Мамаю» [2]).

Въ 6 явл. II дѣйствія вѣстникъ разсказываетъ:

И ранами покрыть отъ бою уклонился
Димитрій...

Но —

Сильный Челубѣй пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ! [3])

Въ Синописѣ: «И самого Великаго Князя уязвиша вельми, дондеже нуждою склонився съ коня, пойде съ побоища, яко уже не мощно бѣ ему битися» [4]). Татаринъ-великанъ, сраженный Пересвѣтомъ, названъ въ Синописѣ Челубеемъ: «Абіе выйде татаринъ единъ изъ полка Татарскаго, именемъ Челубей, предъ всѣми являяся мужествомъ, яко древній отъ Голіаѳ»... [5]).

Въ 1 явленіи III д. Мамай появляется на сценѣ со словами:

Еще великій страхъ меня не оставляетъ!
Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
И блѣдныхъ лицъ меня мечтаніе смущаетъ! [6])

Въ Синописѣ: «Тогда Мамай, видя погибель свою..., нача свою главу уносити, и абіе силою божіею одолѣнъ побѣже съ четырьми Князи своими. Мнози же Русскіи воини гониша по нихъ... [7]).

Въ 4 явл. того же III дѣйствія Мамай говоритъ про себя, что онъ

правѣда въ себѣ Батыя воскресилъ [8]);

---

1) Соч. Ломоносова, т. I, стр. 230.
2) Синопс. 1762 г., стр. 123.
3) Соч. Ломоносова, I, стр. 247.
4) Синопс., стр. 160.
5) Тамъ же, стр. 158.
6) Соч. Ломоносова, I, стр. 248.
7) Синопс., стр. 163.
8) Соч. Ломоносова, I, стр. 254.

въ Синопсисѣ: «Ревнуя погибшему Батыю сверному прародителю своему»... [1]).

Влагаемое въ уста Наресму въ послѣднемъ явленіи V дѣйствія описаніе битвы на Куликовѣ полѣ [2]) основано на соотвѣтствующихъ мѣстахъ Синопсиса [3]), хотя послѣдовательность моментовъ боя Ломоносовъ не всегда соблюдаетъ ту же, какая находится въ его источникѣ, и не всегда даетъ то же освѣщеніе; такъ, «о видѣніи отверстыхъ небесъ» въ Синопсисѣ говорится передъ моментомъ ослабленія русской рати и выступленія засаднаго полка: «Яко шестаго часа надъ великимъ Княземъ бяше небо отверсто, изъ него же изъиде облакъ акп багряна заря, ниско держащься; той же облакъ исполненъ бяше рукъ человѣческихъ, ниіи руцѣ держаху оружіе, ниіи вѣнцы, ниіи цвѣты мнози прекрасныя. Наставшу же седьмому часу, абіе мнози вѣнцы отъ рукъ оныхъ полка облачнаго опустишася на полки Христіанскія: уже бо поганіи отвсюду обступиша, а Христіанстіи полки оскудѣша, аки класы пшеничныя подавляеми терпѣмъ»... [4]). У Ломоносова это видѣніе передаетъ Наресмъ и изображаетъ его какъ заключительный моментъ боя, моментъ побѣды христіанъ:

Тогда надъ Росскими полками отворились
И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ побирая,
И подалъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
Глазами я искалъ и не нашолъ Мамая;
Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ [5]).

Въ заключеніе трагедіи Ломоносовъ влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ моральныя мысли по поводу гибели Мамая:

---

1) Синопс., стр 123.
2) Соч. Ломоносова, I, 287—289.
3) Синопс., 159—164.
4) Тамъ же, стр. 160—161.
5) Соч. Ломоносова, I, стр. 289.

Толь тяжко съ высоты Богъ гордыхъ повергаетъ...
Мамаева притомъ кичливость поражена
Другихъ пусть устрашитъ гордиться выше мѣръ [1])...

Съ тою же идеей встрѣчаемся и въ повѣсти Синопсиса, — въ уста митрополиту Кипріану влагаются слѣдующія пророческія слова о Мамаѣ: «Аще же того ради не смирится, то Господь самъ, ими же вѣсть судбами, смиритъ его; яко Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать»... [2]).

Взявъ эти элементы изъ повѣсти Синопсиса, Ломоносовъ все прочее, что находимъ въ его трагедіи, «изобрѣлъ» при помощи собственнаго «творческаго вымысла»: Мамаю помогаетъ союзный крымскій отрядъ подъ начальствомъ царевича Нарсима, сына крымскаго царя Мумета; дочь этого послѣдняго — царевна Тамира — невѣста Мамая; въ отсутствіе Нарсима съ войскомъ, Кафу, которая представлена резиденціей царя Мумета, осаждаетъ явившійся изъ-за моря царевичъ Багдадскій Селимъ; дѣйствіе трагедіи разыгрывается въ день заключеннаго Муметомъ съ Селимомъ перемирія.

Развить это дѣйствіе помогъ Ломоносову тотъ шаблонъ, который онъ усвоилъ изъ наблюденій надъ строеніемъ современныхъ ему трагедій, какія были ему извѣстны: это были прежде всего, разумѣется, трагедіи Готшеда («Sterbender Cato») и Сумарокова («Хоревъ», «Гамлетъ»). Готшедъ въ предисловіи къ своему «Катону» [3]) подробно объясняетъ, въ какой мѣрѣ и почему имъ измѣнена и дополнена историческая фабула; Ломоносовъ послѣдовалъ примѣру Готшеда, но ему не было нужды, подобно Готшеду, проводившему и защищавшему свою реформу нѣмецкаго театра, писать длинное предисловіе, и Ломоносовъ ограничился отмѣткой въ своемъ «Краткомъ изъясненіи», что «въ до-

---

1) Тамъ же, стр. 291, стихи 1576, 1590—1591.

2) Синопс., стр. 122.

3) Пользуюсь перепечаткой: Joh. Chr. Gottscheds Sterbender Cato, nach der ältesten Ausgabe von 1732 herausgegeben und eingeleitet von Otto F. Lachmann (Reclam's Universal-Bibliothek, 2097).

полненіе сего (сказаннаго въ Синопсисѣ) представляется здѣсь» (въ трагедіи), и проч. Готшедъ въ предисловіи разсказываетъ, какъ онъ заимствовалъ матеріалъ для созданія своей пьесы (у Аддисона, Des Champs), и оправдываетъ этотъ пріемъ примѣромъ Теренція; Ломоносовъ, ставъ Racine malgré lui, какъ ядовито выразился одинъ изъ современниковъ[1]), долженъ былъ также вступить на путь подражанія,—онъ, однако, остался гораздо болѣе самостоятеленъ въ развитіи своего сюжета и выработкѣ сценъ, нежели Готшедъ, въ большей части пьесы ограничившійся сведеніемъ и контаминаціей своихъ источниковъ[2]).

Употребительнымъ пріемомъ французскихъ классиковъ и ихъ послѣдователей было открывать трагедію сценой двухъ женщинъ — героини и ея наперсницы, — разговоръ которыхъ дѣлаетъ извѣстнымъ зрителю узелъ дѣйствія: признаваемый Готшедомъ (въ предисловіи къ «Катону») авторитетомъ и высокимъ образцомъ «Сидъ» Корнеля начинается извѣстною сценой Химены и ея воспитательницы Эльвиры; «Горацій»[3]) и «Цинна» Корнеля, «Британникъ» Расина открываются подобными же сценами героинь и наперсницъ (Сабины и Юліи, Эмиліи и Фульвіи, Аграппины и Альбины); въ 1 явл. акта «Катона» Готшеда ведутъ бесѣду героиня (Arsene) и ея наперсница (Phenice) объ обстоятельствахъ, среди которыхъ начинается дѣйствіе: Арсена волнуется въ ожиданіи прибытія немилаго ей жениха — Фарнака, царя Понтійскаго — и признается, что пылаетъ любовью къ другому; подобною же сценой началъ и Сумароковъ свою первую трагедію, «Хорева»: юная Оспельда признается своей мамкѣ Астрадѣ, что ей — увы! — милъ Хоревъ, братъ Кія, врага ея родителя Завлоха.

«Тамира и Селимъ» Ломоносова открывается сценой героини и ея мамки Клеопы: Тамира говоритъ о томъ, что̀ должно

---

1) Соч. Ломоносова, подъ ред. Сухомлинова, I, примѣч., 435.

2) G. Waniek, Gottsched u. die deutsche Lit., 187.

3) И «Сидъ», и «Горацій» даны были въ нѣмецкомъ переводѣ въ первой же части Готшедовскаго изданія: Die deutsche Schaubühne nach den Regeln u. Exempeln der Alten... ans Licht gestellt von Joh. Chr. Gottsched, Lpz. 1741.

происходить въ данную минуту передъ городомъ (послѣдній приготовленія и начало битвы), говоритъ о Селимѣ, молодомъ предводителѣ враговъ, котораго она мечтой не переставала видѣть передъ собой и во снѣ, и посылаетъ маму за вѣстями:

Клеона, посмотри, и скоро возвратись.

Нѣтъ сомнѣнія, что начало своей трагедіи Ломоносовъ сочинилъ подъ вліяніемъ съ одной стороны «Катона» Готшеда, литературному авторитету котораго онъ долженъ былъ подчиниться въ бытность свою въ Германіи, а съ другой стороны, и даже, кажется, ближайшимъ образомъ, — «Хорева», на котораго такое вниманіе было обращено въ это время въ Петербургѣ; думать такъ побуждаетъ сходство не только общей ситуаціи, но и такая частность: Сумароковъ заканчиваетъ свою сцену тѣмъ, что Оснельда тоже посылаетъ свою мамку за новостями —

Поди и извѣстись, уже ль судьбина лота и проч. [1]).

Первое явленіе «Тамиры и Селима» отличается эпическимъ характеромъ; явленіе второе — лирико-драматическій монологъ. Руководимый, повидимому, тѣмъ же примѣромъ Сумарокова, у котораго 2-ое явленіе I дѣйствія «Хорева» наполнено монологомъ Оснельды, высказывающей происходящую въ душѣ ея борьбу чувства съ сознаніемъ долга:

О честь! о долгъ! любовь! мой Князь! родитель мой! [2]) —

Ломоносовъ влагаетъ въ уста своей героинѣ рѣчь подобнаго же содержанія. Монологъ Тамиры болѣе развитой и сложный: не сознавая первоначально, что она полюбила Селима, она постепенно приходитъ къ этому сознанію, и въ ней поднимается борьба чувства любви къ врагу съ чувствомъ долга по отношенію къ отчизнѣ; присоединяется опасеніе гнѣва родительскаго, а съ другой стороны — ревнивое подозрѣніе, что

1) Соч. Сумарокова, ч. III, стр. 6.
2) Соч. Сумарокова, III ч. стр. 7.

Селиму можетъ быть въ отечествѣ своемъ
Любима и залогъ любви взяла иная...

Любовь беретъ, однако, верхъ, и когда вслѣдъ за тѣмъ (явл. 3) мамка возвращается и сообщаетъ, что Селимъ отводитъ свое войско отъ стѣнъ Кафы и, повидимому, намѣренъ удалиться изъ Крыма, Тамира потрясена; она открываетъ Клеонѣ свою любовь къ Селиму, свои мученія и свое отчаяніе при мысли, что Селимъ уѣдетъ о ея «любови неизвѣстенъ», и она съ нимъ никогда не увидится [1]).

Мамка пытается образумить свою питомицу:

Послѣдуй моему совѣту и забудь
Пусты мечтанія, чѣмъ мысль отягощаешь,
И кровь кипящую къ спокойствію принудь, и проч.

Поведеніе Клеопы напоминаетъ въ данномъ случаѣ Астраду, мамку въ «Хоревѣ» Сумарокова: когда Оснельда признается ей, что она любитъ Хорева, Астрада тоже старается успокоить увлекшуюся дѣвушку:

Искорепяй сей ядъ... [2])

Но въ то время, какъ у Сумарокова мамка напоминаетъ при этомъ Оснельдѣ объ отцѣ и ея дочернихъ обязанностяхъ («Отецъ тебя желаетъ»), Ломоносовъ привлекаетъ мотивъ изъ миоа объ Ипполитѣ. Клеона говоритъ Тамирѣ:

Селимъ, я слышала, о нѣжности не знаетъ,
Онъ въ полѣ только жить и на стану привыкъ, и проч.

Обстоятельства, среди которыхъ начинается дѣйствіе трагедіи Ломоносова, приблизительно тѣ же самыя, что и въ «Хоревѣ», а еще ближе — въ «Катонѣ» Готшеда: дѣйствіе разыгрывается въ осажденномъ городѣ (въ Кіевѣ у Сумарокова, въ Утикѣ у

1) Соч. Ломоносова, I, стр. 228.
2) Соч. Сумарокова, III, 5.

Готшеда, въ Кафѣ у Ломоносова); передъ городомъ стоитъ непріятельскій флотъ (флотъ Фарнака у Готшеда, флотъ Селима у Ломоносова); враги готовятся къ штурму:

Die Felder werden voll von Cäsars wilden Schaaren,
Und Utica soll selbst den ersten Sturm erfahren;
So werdet ihr samt uns dem Sieger unterthan

(«Sterb. Cato», I, 6-te Auftr.).

Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ...
Багдадско воинство умножилось безъ счета!
При всходѣ свѣтлыя я видѣла луны,
Что мосты и пути и городски ворота
Противныхъ силою вездѣ осажены.

(«Там. и Сел.», I, явл. 1).

Царевна любитъ предводителя непріятельскаго войска, котораго едва видѣла: Арсена — Цезаря у Готшеда, Тамира — Селима у Ломоносова.

Сходство положенія Тамиры съ Арсеной дополняется четвертымъ явленіемъ I дѣйствія трагедіи Ломоносова: входитъ отецъ Тамиры, царь Муметъ, и объявляетъ дочери, что онъ рѣшилъ выдать ее замужъ за царя Мамая, такъ какъ это весьма выгодный бракъ; такимъ образомъ, и Тамира, подобно Арсенѣ, любитъ одного и невѣста другого. Передъ мамкой она изливаетъ (явл. 5-ое) свое душевное состояніе:

Ненависть въ одну страну склоняетъ,
Въ другу отчаянье несчастную влечетъ...
Такъ я противными страстями вдругъ борима...

Расположеніе этихъ двухъ послѣднихъ сценъ напоминаетъ собой 1 и 2 явленія III дѣйствія трагедіи Сумарокова «Гамлетъ», которую незадолго передъ этимъ «свидѣтельствовалъ» Ломоно-

совѣ: Полоній объявляетъ Офеліи, что онъ рѣшилъ выдать ее замужъ за короля Клавдія, пожелавшаго сдѣлать ее королевой. а затѣмъ слѣдуетъ небольшой монологъ Офеліи, изливающей свои чувства любви и преданности Гамлету:

Будь Царь, или не будь, хотя бъ ты былъ и рабъ,
Офелія тебя любила и тогда бъ [1]).

Тамира даже прямо завидуетъ положенію простолюдиновъ:

Коль щастлива былабъ, коль щастлива Тамира!
Когдабъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу пастухъ:
Не злато, не вѣнцы, не царская порфира,
Но вѣрная любовь соединила двухъ [2]).

Враги заключили миръ. Селимъ проникаетъ въ Кафу, является во дворецъ Мумета, чтобы просить руки Тамиры, которую полюбилъ, увидавъ на городской стѣнѣ, — ситуація, напоминающая отчасти 4 сцену I акта Корнелевскаго «Горація», гдѣ Куріаціи, пользуясь перемиріемъ, является къ своей невѣстѣ, Камиллѣ. Селимъ встрѣчается съ братомъ царя Мумета, Надиромъ; происходитъ сцена «узнанія»: Надиръ, путешествуя вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, сыномъ Мумета Нарсимомъ, по Индіи, встрѣтился здѣсь съ Селимомъ, и между ними возникла пріязнь; Селимъ и Надиръ встрѣчаются теперь, какъ старые друзья, и первый съ восхищеніемъ узнаетъ, что его «пріятель искреней» Нарсимъ — братъ возлюбленной его Тамиры [3]).

Слѣдуетъ встрѣча Тамиры и Селима (д. II, явл. 2): признанія, взаимныя клятвы вѣрности. Обозначаются и возникающія препятствія на пути къ счастію любящихся: отцомъ Тамиры обѣщана рука ея Мамаю. Сцена преисполнена реторическихъ восклицаній, но въ сущности довольно холодная. Аналогичная и, можетъ быть, послужившая для Ломоносова образцомъ сцена

1) Соч. Сумарокова, III, стр. 88.
2) Соч. Ломоносова, I, стр. 235.
3) Дѣйствіе II, явленіе 1 (соч. Ломоносова I, 235—238).

Хорева и Оснельды въ 3 явленіи I дѣйствія Сумароковскаго «Хорева» гораздо драматичнѣе.[1]).

Въ дальнѣйшей разработкѣ пьесы, въ составленіи, комбинаціи и послѣдовательности сценъ, Ломоносовъ дѣлается болѣе самостоятеленъ, — по крайней мѣрѣ, не имѣемъ пока въ виду ближайшихъ параллелей, вліяніе которыхъ чувствовалось бы на томъ или иномъ явленіи трагедіи. Селимъ проситъ у Мумета руки Тамиры: этотъ бракъ долженъ быть «залогъ и совершенство и вѣчная печать» союза двухъ примирившихся враговъ (д. II, явл. 4); Мумету въ затрудненіи: Тамира обѣщана Мамаю, но «ей Мамаій постылъ»; къ тому же царь знаетъ про «ненависть Нарсимову къ Мамаю»; такимъ образомъ, принимая ненавистнаго и дочери и сыну Мамая въ семью, Мумету долженъ «гнушествовать кровь свою». Визирь Зайсанъ убѣждаетъ царя отдать Тамиру Мамаю, такъ какъ «будетъ дерзновенно вооруженнаго Мамая раздражить»; брать Мумета Надиръ высказывается противъ Мамая (д. II, явл. 5). Но является вѣстникъ «съ придонскихъ полей» и объявляетъ, что въ битвѣ русскихъ съ татарами побѣда клонится на сторону Мамая; это извѣстіе заставляетъ Мумета рѣшиться:

Мамаю небеса Тамиру поручаютъ,
И слово данное сама судьба крѣпитъ, —

говоритъ онъ (д. II, явл. 6). Такъ представляетъ Ломоносовъ требуемое теоріей[2]) возрастаніе препятствій, возстающихъ передъ героемъ трагедіи.

Дѣйствіе III открывается монологомъ впервые теперь выступающаго на сцену Мамая: разбитый ратью Дмитрія Донского, бѣглецъ, едва пришедшій въ себя отъ ужаса, онъ замышляетъ однако въ Кафѣ скрыть пораженіе, какое потерпѣлъ,

---

1) Соч. Сумарокова, ч. III, стр. 7—13.

2) «Que le trouble, toujours croissant de scène en scène... (Boileau, L'Art poet., III, v. 55). «Die so genannte Intrigue... sich im Anfange des Schauspieles anfängt in einander zu schlingen, und allmählig immer mehr und mehr verwirret, bis der letzte Aufzug, oder wo möglich der letzte Auftritt alles auf einmal auflöset» (Gottsched, Versuch einer critischen Dichtkunst, Lpz. 1737, стр. 679).

утаить гибель Нарсима (котораго считаетъ убитымъ), жениться на Тамирѣ, получить войско ея отца и сдѣлать опять набѣгъ на Москву. Въ этихъ видахъ Мамай и обращается къ Мумету съ наглою ложью:

Имѣя всю страну россійскую подвластну,
Я радость сообщить изъ устъ своихъ спѣшилъ...
(д. III, явл. 2).

Онъ увѣряетъ, что Нарсимъ съ нимъ примирился, и что

Уже все воинство со плескомъ ожидаетъ
Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ,

т. е. съ Тамирой. Довѣрчивый Муметъ, не подозрѣвая обмана, объявляетъ дочери, что она станетъ женою Мамая, и не обращаетъ вниманія на ея скромный протестъ («Но есть ли смѣю я»... Д. III, явл. 3). Мамай хочетъ плѣнить Тамиру ложнымъ изображеніемъ своего могущества:

Ты можешь получить великаго Героя,
Которой мужествомъ вселенну удивилъ,
Превысивъ славою Чингиса и Хозроя,
И прадѣда въ себѣ Батыя воскресилъ (III, 4)...

По обычаю псевдоклассическихъ трагиковъ, Ломоносовъ пытается превратить Мамая въ страстнаго любовника: онъ «побѣжденъ красотой» Тамиры, «ищетъ быть ея плѣнникомъ», «не обинуется быть ея просителемъ». Тамира холодно отвѣчаетъ, что любитъ другого и удалится. Мамай старается выспросить у мамки, кто его соперникъ, и обѣщаетъ Клеонѣ дары, если она склонитъ къ нему Тамиру. Мамка отказывается, однако называетъ Селима (III, явл. 5). Мамай въ ярости; онъ устремляется уничтожить Селима (III, явл. 6). Любовь дѣлаетъ Тамиру непоколебимо твердою (III, 7), она рѣшается бѣжать съ Селимомъ на его корабль, прощается съ отечествомъ (III, 6). Послѣдній мотивъ, можетъ быть, подсказанъ былъ Ломоносову Готшедомъ,

у котораго въ «Катонѣ» (II Handl. 7 Auftr.) Фарнакъ хочетъ увезти на своемъ кораблѣ Арсену:

Die Königin lass ich nach meinem Schiffe tragen, etc.

Бѣгство Тамиры не удается: Зайсапъ встрѣчаетъ ее у городскихъ воротъ и возвращаетъ домой. Селимъ и Мамаи встрѣчаются во дворцѣ Мумета. Селимъ, узнавъ, что Тамира не будетъ ему отдана, приходитъ въ ярость, грозитъ гибелью городу, потомъ Мамаю, жаждетъ смерти и для себя (IV, 4). Соперники обнажаютъ сабли и бросаются другъ на друга, ихъ разнимаютъ (IV, 5), — сцена, навѣянная, быть можетъ, 4-мъ явленіемъ III дѣйствія «Синава и Трувора» Сумарокова, гдѣ братья соперники бросаются съ обнаженными мечами одинъ на другого.

Селимъ и Мамаи продолжали свой поединокъ, удалившись за городъ; Селимъ одержалъ верхъ, но подосп̀ли мурзы Мамая... Съ такимъ сообщеніемъ является вѣстникъ къ Тамирѣ и Надиру (V, 3). Второй разъ пользуется здѣсь Ломоносовъ пріемомъ, какой употребленъ имъ и раньше, въ 6 явл. II дѣйствія: вѣстникъ, не дождавшись окончательной развязки событія (конца Куликовской битвы, поединка Селима и Мамая), приноситъ извѣстіе, не соотвѣтствующее дѣйствительному исходу дѣла. Это тотъ самый пріемъ, какой примѣненъ Корнелемъ въ 6 явл. III акта «Горація»[1]), гдѣ Юлія преждевременно и невѣрно сообщаетъ объ исходѣ боя Гораціевъ и Куріаціевъ[2]).

Тамира въ отчаяніи; она хочетъ заколоться, но въ этотъ моментъ вбѣгаетъ Селимъ и братъ Тамиры Нарсимъ. Селимъ удерживаетъ руку Тамиры; Нарсимъ сообщаетъ, что онъ поразилъ Мамая (мурзы, о появленіи которыхъ сообщилъ вѣстникъ, были самъ Нарсимъ и его спутники), а затѣмъ подробно разсказываетъ о ходѣ Куликовской битвы, о покушеніи Мамая на его жизнь, о

---

1) Познакомиться же съ этой трагедіей Ломоносовъ могъ, проще всего, по нѣмецкому переводу, помѣщенному въ I части «Deutsche Schaubühne» Готшеда (стр. 325 и слѣд.).

2) Als er (Горацій) ganz allein bey dreyen Feinder war, Und sich bezwungen sah, entwich er der Gefahr (Die deut. Schaub., Lpz. 1746, I, 369).

пораженіи и бѣгствѣ Мамая: Селимъ описываетъ послѣднія минуты Мамая, пораженнаго мечомъ Нарешомъ. Мотивъ о враждѣ Мамая и Нарема и о покушеніи на жизнь послѣдняго внесенъ Ломоносовымъ въ свою пьесу, повидимому, изъ «Катона» Готшеда, гдѣ Фарнакъ является искать руки Арсены, коварно умертвивъ ея брата — причина ея отказа отъ брака (I Handl., 1 Auftr.). Пріемъ же влагать разсказъ о событіи въ уста участника его заимствованъ Ломоносовымъ, по всей вѣроятности, изъ «Сида» Корнеля (актъ IV, сц. 3); тѣмъ же мотивомъ о предстоящемъ бракѣ, какимъ заключается «Сидъ», разрѣшается и пьеса Ломоносова: Муметъ зоветъ Тамиру и Селима къ алтарю. Готшедъ (см. его предисловіе къ «Катону») высоко ставилъ Корнеля и особенно его «Сида» («berühmte Cid»), — такъ же высоко стоялъ Корнель, какъ образецъ, и въ глазахъ Ломоносова.

Теорія [1]) учила дѣлить пьесу на пять актовъ, извѣстнымъ образомъ разработывать фабулу, соблюдать законъ трехъ единствъ, выводить извѣстные характеры; съ точки зрѣнія соблюденія этихъ требованій псевдоклассицизма оцѣнена трагедія Ломоносова Вас. Перевощиковымъ, который и указалъ рядъ недочетовъ: «*Тамира и Селимъ* не имѣетъ единства дѣйствія... Побѣгъ Тамиры совершенно излишенъ. Одинъ токмо характеръ Мамая изображенъ съ нѣкоторою силой. Мумету не знать, что̀ дѣлать... Тамира и Селимъ холодны... Занесенъ есть лицо вовсе ненужное... Единство мѣста соблюдено... Но четвертое дѣйствіе вовсе безполезно для трагедіи; дѣйствующія лица исчезаютъ со сцены, приходятъ на сцену много разъ, безъ всякой побудительной причины»... [2]). Оцѣнка строгая, но ее нельзя признать несправедливою; Ломоносовъ не былъ драматургомъ по призванію.

Тотъ же В. Перевощиковъ произнесъ приговоръ и другой трагедіи Ломоносова — «*Демофонтѣ*»: «И сія трагедія также

---

1) «Versuch einer critischen Dichtkunst», von Joh. Chr. Gottscheden. Lpz. 1737, стр. 666 и слѣд.: Von Tragödien oder Trauerspielen, особенно стр. 672 и слѣд.

2) В. Перевощиковъ, Матеріалы для исторіи россійской словесности — «Вѣстникъ Европы» 1822 г., № 18, стр. 104—105.

не имѣетъ единства дѣйствія. Въ поступкахъ дѣйствующихъ не только нѣтъ почти никакой связи, но и соотвѣтственности ихъ положеніямъ. Главные характеры изображены неестественно» и проч.[1]).

«*Демофонтъ*»[2]) былъ написанъ Ломоносовымъ вслѣдъ за первою его трагедіею, въ 1751 г.[3]). За сюжетомъ на этотъ разъ нашъ драматургъ обратился къ античной миѳологіи, близкое знакомство съ которой онъ обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ стихахъ. Рѣшаясь взяться за обработку болѣе сложной интриги, Ломоносовъ, подобно Расину въ его «Андромахѣ», выводитъ двойную пару влюбленныхъ, контаминируя два мѳа: а) о Филлидѣ и Демофонтѣ[4]) и b) о Полиместорѣ и Иліонѣ[5]). Трудно рѣшить, что̀ остановило вниманіе Ломоносова именно на этихъ двухъ мѳахъ. Не имѣлъ ли онъ подъ руками уже готовую драматическую обработку ихъ? Однако, извѣстна пока единственная только драма, въ которой обработанъ одинъ изъ этихъ мѳовъ: это — сохранившаяся въ отрывкахъ трагедія Пакувія «Iliona»[6]), съ которой, однако, пьеса Ломоносова не имѣетъ ничего общаго.

Что послужило Ломоносову источникомъ его знакомства съ этими мѳами?

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что у нашего писателя отцомъ Филлиды названъ Ликургъ[7]). Древними отцомъ ея считался то Phyleus, то Philandros, Kiasos, Thelos, Sithon[8]):

---

1) Тамъ же, стр. 105—106.

2) Соч. Ломоносова, подъ ред. Сухомлинова, II, стр. 3—77.

3) Тамъ же, примѣч., стр. 10 и слѣд.

4) См. Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, hrggb. v. G. Wissowa, B. V, 1 (Stuttg. 1903), стр. 14 и слѣд. подъ словомъ «Demophon»; W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, B. III (Lpz. 1897 — 1909), стр. 2484, подъ словомъ «Phyllis».

5) См. Roscher, op. cit., II, стр. 118, подъ словомъ «Ilione»; I, стр. 983, подъ словомъ «Deipylos»; III, стр. 2656, подъ словомъ «Polymnestor».

6) O. Ribbeck, Die Römische Tragödie im Zeitalter der Republik, Lpz. 1875 стр. 232 и сл.

7) Соч. Ломоносова, ред. Сухомлинова, т. II, стр. 3.

8) Roscher, Ausführl. Lexic., III, 2484.

Ликурга же называютъ нѣкоторые комментаторы героиды Овидія «Phyllis Demophoonti»[1]); такъ, въ лондонскомъ изданіи Овидія 1689 года комментаторъ предпосылаетъ тексту такое argumentum:

Demophoon, Thesei et Phaedrae filius, a bello Trojano in patriam rediens, maris tempestatibus in Thraciam delatus, a Phyllide, Lycurgi et Crustumenae filia (quae tunc Thraciae imperabat) hospitio et lecto benigne susceptus est, cum qua aliquamdiu consuevit. Audita deinde morte Mnestei, qui post ejectum Athenis patrem Thesea imperium occupaverat, regni cupidine captus, Phyllidi fidem dat se intra mensem rediturum, confingens ad res componendas se suas ire. Mox refectis navibus Athenas petiit, nec redire cogitat...[2]). То же самое читается въ амстердамскомъ изданіи 1702 г.[3]).

Предпосылаемое своей трагедіи Ломоносовымъ «Краткое изъясненіе» представляетъ вначалѣ текстуальныя совпаденія съ приведеннымъ argumentum:

«Послѣ разоренія Трои, Демофонтъ сынъ Тезея царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, противною бурею занесенъ былъ къ берегамъ Оракійскимъ, и съ разбитаго флота принятъ царевною Филлидою, дочерью Ликурга царя... Филлида съ Демофонтомъ возымѣвъ великую взаимную любовь, положили сочетаться между собою бракомъ»...[4]).

Почерпнутый, какъ явствуетъ изъ этого сопоставленія, изъ героиды Овидія, по изд. 1689 или 1702 гг., мотивъ о любви Фил-

---

1) Commentaires sur les Epistres d'Ovide, par messire Gaspar Bachet, à la Haye, 1716, t. I, p. 121: «Quelques modernes auteurs disent que Phillis fut fille de Lycurgus Roy de Thrace. Presque tous ceux qui ont commenté ces epistres, et ceux qui ont fait des argumens dessus, sont de cette opinion» (самъ Bachet иного мнѣнія: «Cette opinion n'ayant point l'appuy d'aucun ancien autheur, avec raison doit estre rejettée». Тамъ же, стр. 122).

2) P. Ovidii Nasonis opera, interpretatione et notis illustravit Daniel Crispinus Helvetius, t. I, Lugduni. 1689, p. 10.

3) P. Ovidii Nasonis opera omnia, studio Borchardi Cnippingii, Amstelodami, 1702, t. I, p. 15.

4) Соч. Ломоносова, ред. Сухомлинова, II, 3.

лиды и Демофонта [1]) осложнить присоединеніемъ мноа объ Иліонѣ, дѣйствіе котораго разыгрывается также во Оракіи и около этого же времени. Ломоносовъ (если только онъ самъ произвелъ контаминацію) могъ знать этотъ миоъ, всего проще, изъ книги: «Mythographi latini. C. Jul. Hygimus. Fab. Planciades Fulgentius, etc. Thomas Munckerus emendavit...» Amstelodami. 1681; здѣсь, между Hygini Fabulae, читается:

CIX. *Iliona.* Priamo Polydorus filius ex Hecuba cum esset natus, Ilionae filiae suae dederunt eum educandum quae Polymnestori regi Thracum erat nupta, quem illa pro filio suo educavit. Deiphilum autem, quem ex Polymnestore procreaverat, pro suo fratre educavit, ut, si alteri eorum quid foret, parentibus praestaret. Sed cum Achivi, Troja capta, prolem Priami extirpare vellent, Astyanacta Hectoris et Andromachae filium de muro dejecerunt: et ad Polymnestorem legatos miserunt, qui ei Agamemnonis filiam nomine Electram pollicerentur in conjugium, et auri magnam copiam, si Polydorum Priami filium interfecisset. Polymnestor legatorum dicta non repudiavit, Deiphilumque filium suum imprudens occidit, arbitrans se Polydorum filium Priami interfecisse... [2]).

Въ трагедіи Ломоносова оба миоа сведены такимъ образомъ, что Полиместоръ представленъ не царемъ, а лишь намѣстникомъ Оракіи, опекуномъ юной Филлиды, дочери умершаго оракійскаго царя Ликурга; Иліона въ трагедіи не жена, а пока только невѣста Полимнестора; Демофонтъ увлекается Иліоной, возбуждая ревность Филлиды, но Иліона питаетъ къ нему ненависть, какъ къ врагу ея родины, Трои; Полиместоръ оказывается влюбленнымъ въ Филлиду; введенъ и мотивъ о гибели Демофила сына Полимнестора вмѣсто Полидора брата Иліоны, скрытаго послѣднею; развязка сочинена совершенно иная, чѣмъ та, о какой говорится въ миоахъ [3]): въ трагедіи Филлида и Демофонтъ

---

1) Болѣе значительнаго вліянія героиды на трагедію, однако, не замѣтно.

2) Th. Munckerus, Mythographi latini, Amst. 1681, стр. 172.

3) По миоамъ, Демофонтъ уѣзжаетъ, Филлида умираетъ отъ тоски, Полидоръ убиваетъ Полимнестора (Mythographi latini, стр. 107, 173).

гибнутъ при пожарѣ флота Демофонта, подожженнаго по приказанію Филлиды.

Кромѣ четырехъ названныхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ введены еще четыре: Мемнонъ, правитель города Сеста (гдѣ происходитъ дѣйствіе), Драметъ полководецъ Демофонта, Креуза мамка Филлиды и вѣстникъ.

Развитіе дѣйствія въ драмѣ Ломоносова такое:

Пьеса открывается сценою Филлиды и Демофонта. Демофонтъ — достойный сынъ Тезея, неустрашимый герой, который «Гектора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался»; Филлида — робкая дѣва, трепещущая «грозы» своего опекуна Полимнестора, опасающаяся, какъ бы послѣдній не принудилъ ее выйти замужъ не за Демофонта, котораго она полюбила, а за того, за кого укажетъ онъ, Полимнесторъ. Филлида мечтала въ отсутствіе своего опекуна, отправившагося на войну со скиѳами, вступить въ бракъ съ Демофонтомъ, надѣясь, что тогда ѳракійцы признаютъ ее царицей, и Полимнесторъ долженъ будетъ уступить ей власть. Но Демофонтъ медлилъ, отлагалъ бракъ до возвращенія своего изъ Аѳинъ, куда онъ долженъ отправиться къ своему престарѣлому отцу, чтобы смирить

гордаго Миестея,
Что хочетъ хищной спять рукой вѣнецъ съ Тезея.

Между тѣмъ, Полимнесторъ возвратился; Филлида въ отчаяніи: она начинаетъ думать, что Демофонтъ разлюбилъ ее, увлеченный другою страстью, и высказываетъ ему это свое подозрѣніе.

Драгая, перестань терзать мой духъ смущенный!

отвѣчаетъ Демофонтъ, и величаво удаляется.

Филлида посылаетъ вслѣдъ за нимъ мамку, чтобы вывѣдать истинное его расположеніе (явл. 2), и оставшись одна разражается сѣтованіями (явл. 3). Этотъ пріемъ — посылка мамки разузнать, а затѣмъ монологъ героини, выражающей свое состояніе — тотъ же самый, какимъ воспользовался Ломоносовъ, какъ мы видѣли выше, въ началѣ и своей первой трагедіи.

Сѣтованія Филлиды прерываетъ Полиместоръ (явл. 4). Онъ радъ возвратиться послѣ трехлѣтняго отсутствія, и находитъ, что Филлида за эти три года расцвѣла, похорошѣла, и что ей пора замужъ, — только бы отыскать достойнаго человѣка. Онъ выражаетъ свою преданность царевнѣ, наслѣдницѣ оракійскаго царства, истинныя же чувства его прорываются въ его словахъ:

Кого твой нѣжный взоръ и сердце изберетъ,
О щастливъ, щастливъ тотъ, и всѣхъ онъ смертныхъ болѣ!
(стр. 13).

Мемнонъ разсказываетъ Полиместору (явл. 5) о прибытіи Демофонта и сообщаетъ, что «онъ сердца нашей царевны господинъ»; Полиместоръ чувствуетъ «сугубо бремя на плечахъ»: его ждетъ его невѣста, Иліона, а онъ любитъ Филлиду, влюбленную въ другого.

Такимъ образомъ первое дѣйствіе трагедіи представляетъ собой, какъ того требовала теорія, протазисъ — объясненіе обстоятельствъ, среди которыхъ станетъ развиваться драма.

Во второмъ дѣйствіи возникаютъ «замѣшательства»: Иліона открываетъ, что ея женихъ Полиместоръ охладѣлъ къ ней, полюбивъ Филлиду; въ монологѣ (явл. 4) она сѣтуетъ на свое горестное положеніе; Демофонтъ дѣлаетъ Иліонѣ свои признанія въ любви, но она его отвергаетъ, какъ врага ея родины Трои; Филлида слышитъ эти страстныя рѣчи Демофонта, убѣждается въ его измѣнѣ, и — въ отчаяніи; въ душѣ Демофонта поднимается борьба двухъ чувствъ (монологъ, явл. 7); Драметъ убѣждаетъ Демофонта исполнить свой долгъ по отношенію къ своему отцу и родинѣ, призываетъ попрать страсть во имя добродѣтели, убѣждаетъ не измѣнять Филлидѣ; внутренняя борьба Демофонта продолжается («*Честь* въ одну страну, въ другу *любовь* влечетъ» — стр. 33), но онъ овладѣваетъ собой и выражаетъ готовность остаться вѣрнымъ Филлидѣ (явл. 8).

Въ слѣдующемъ дѣйствіи «замѣшательства» продолжаются: Полиместоръ открываетъ свою любовь Филлидѣ; послѣдняя увѣ-

рена, что его привлекаетъ не она сама, но сестра, ей принадлежащій; она въ отчаяніи, что не можетъ подавить въ себѣ любви къ Демофонту, жаждетъ отомстить ему за измѣну; она приказываетъ черезъ мамку своимъ вѣрнымъ рабамъ устроить засаду невдалекѣ отъ кораблей Демофонта, и быть готовыми, по ея новому распоряженію, мгновенно поджечь аѳинскій флотъ. Однако, когда Демофонтъ является къ ней со словами раскаянія, въ доказательство искренности котораго пытается даже заколоться, Филлида, встрѣтившая его сначала сурово, смягчается; въ ней происходитъ борьба: «Смерть мнѣ не простить, простить мнѣ вѣчной срамъ», говоритъ она, но затѣмъ склонность къ Демофонту окончательно въ ней торжествуетъ:

Еще тебя люблю, хотя ты пзмѣнилъ.
Ахъ, чтобъ я здѣлала, когда бъ ты вѣренъ былъ!
Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю,
Но радость всю въ тебѣ и щастье полагаю.
Въ державѣ я своей пріемлю твой законъ,
Вручаю сердце, жизнь, отечество и тронъ! (стр. 48).

Демофонтъ клянется въ вѣчной вѣрности. По замыслу драматурга, это должна была быть сильная патетическая сцена, исполненная большого подъема.

Казалось бы, дѣло шло къ счастливой развязкѣ. Однако четвертое дѣйствіе, въ которомъ напряженіе страстей достигаетъ высшей степени, заключаетъ въ себѣ перипетію (поворотъ событій въ противоположномъ направленіи, по ученію классической поэтики), — и грозитъ катастрофа: Полимнесторъ объявляетъ Иліонѣ, что боги противъ ихъ брака, и совѣтуетъ ей выйти за влюбленнаго въ нее Демофонта; Иліона и возмущена и приведена въ отчаяніе; она задумываетъ месть. Мемнонъ приноситъ Иліонѣ вѣсть объ опасности, грозящей ея брату Полидору: послѣдняго Полимнесторъ приказалъ отдать въ руки грековъ, и онъ долженъ быть увезенъ Демофонтомъ, сбирающимся уѣхать на своихъ корабляхъ, вмѣстѣ съ Филлидой, въ Аѳины. Все готово

къ отплытію; Филлида рѣшается слѣдовать за Демофонтомъ[1]), чтобы затѣмъ возвратиться вмѣстѣ съ нимъ, когда Полимнесторъ будетъ низвергнутъ Мемноном, и принять тронъ Ѳракіи. Вдругъ мамка Креуза сообщаетъ, будто Демофонтъ, какъ ей показалось, вновь измѣнилъ: на корабли Драметъ пронесъ — видѣла она — младенца (мнимаго Полидора), и Демофонтъ, говорили ей, готовится увезти съ собой Иліону. Въ отчаяніи, не провѣривъ ложной вести, Филлида отдастъ приказаніе поджечь аонскій флотъ:

Велѣ пуститься въ Понтъ стоящимъ подъ горами,
И воздухъ огустить горящими стрѣлами,
Чтобъ тучей огненной покрылись корабли (стр. 62).

Въ послѣднемъ дѣйствіи происходитъ трагическая развязка: Мемнонъ удивленъ, заставъ Филлиду еще на берегу; Драметъ является за Филлидой, чтобы отвести ее на корабль Демофонта, и разсѣиваетъ ея подозрѣнія. Филлида посылаетъ мамку отмѣнить приказаніе о поджогѣ флота. Но уже поздно: надъ моремъ поднимается зарево пожара; Филлида бросается къ берегу, а Иліона злорадствуетъ, видя, какъ «Теперь противникамъ за Трою боги мстятъ». Самая катастрофа разыгрывается за сценой: является вѣстникъ и сообщаетъ, что Демофонтъ погибъ, пораженный одною изъ горящихъ стрѣлъ, которыми подожженъ аонскій флотъ, а Филлида надъ его трупомъ пронзила себѣ грудь кинжаломъ. Полимнесторъ въ отчаяніи также хочетъ заколоться; мстительная Иліона удерживаетъ его руку и заставляетъ испить всю чашу страданія, открывая, что упесенный Драметомъ подъ видомъ Полидора младенецъ, также погибшій во время пожара, былъ Деифилъ, сынъ Полимнестора, Полидоръ же, заблаговременно подмѣненный Иліоной, укрытъ въ безопасномъ мѣстѣ. Полимнесторъ сраженъ, и призываетъ на себя громы небесные.

Обрабатывая такимъ образомъ въ своей драмѣ античные миѳы, при содѣйствіи собственаго «творческаго вымысла» и

---

1) Подобно тому, какъ Темира рѣшалась отплыть съ Селимомъ въ первой трагедіи Ломоносова.

«изобрѣтенія», Ломоносовъ находился подъ вліяніемъ тѣхъ образцовъ трагедіи, какіе могъ имѣть въ то время,—прежде всего, какъ оказывается, подъ вліяніемъ трагедіи Расина «Андромаха»: это доказываютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія, которыя наблюдаются между обѣими пьесами. Отмѣчу прежде всего текстуальныя совпаденія; у Расина:

Je t'aimois inconstant, qu'aurois-je fait fidèle?[1])

У Ломоносова:

Еще тебя люблю, хотя ты измѣнилъ.
Ахъ чтобъ я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!
(стр. 48, стихи 951—952).

Первыя два явленія IV-го дѣйствія «Демофонта» по содержанію, по построенію (Полимнесторъ объявляетъ Иліонѣ, что ихъ бракъ не можетъ состояться, упреки Иліоны, монологъ Иліоны) имѣютъ сходство съ концомъ IV-го (явл. 5) и началомъ V-го (явл. 1) дѣйствій «Андромахи» (Пирръ объявляетъ Герміонѣ, что онъ вступаетъ въ бракъ не съ ней, а съ Андромахой, упреки Герміоны, ея монологъ). Замѣчаются и текстуальныя совпаденія; Герміона говоритъ Пирру:

Vous ne répondez point? Perfide! je le voi,
Tu comptes les moments que tu perds avec moi,
Ton coeur, impatient de revoir ta Troyenne,
Ne souffre qu'à regret qu'une autre t'entretienne:
Tu lui parles du coeur, tu la cherches des yeux.
Je ne te retiens plus, sauve-toi de ces lieux:

---

1) Andromaque, acte IV, sc. 5 (Oeuvres de Jean Racine, tome I. Imprimé par ordre du Roi, Paris. 1783, стр. 241). Графъ Д. И. Хвостовъ перевелъ этотъ стихъ Расина такимъ образомъ:

Когда къ измѣнику огнь страсти былъ безмѣренъ,
Что сдѣлала бъ тогда, когда бъ ты былъ мнѣ вѣренъ?

(Андромаха, соч. г. Расина, переводъ графа Хвостова, изд. 3, С.-Пб. 1815, стр. 112).

Va lui jurer la foi que tu m'avois jurée;
Va profaner des dieux la majesté sacrée.
Ces dieux, ce justes dieux n'auront pas oublié
Que les mêmes serments avec moi t'ont lié.
Porte au pied des autels ce coeur qui m'abandonne[1])...

Иліона высказываетъ Полимнестору:

Безчеловѣчной, что ты очи отвращаешь?
Ты тщетными со мной минуты всѣ считаешь.
Уже ты не меня, но и себя забылъ:
Твои всѣ мысли съ той, которой ты постылъ.
Съ ней сердцемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ.
Свидѣтели всему на небесахъ однѣ.
Я знаю, что они того не позабыли,
Каковъ они союзъ межъ нами утвердили.
Ты чистой жаръ ко мнѣ безстуднымъ погаси.
И сердце предъ алтарь преступно понеси.

(Стр. 53—54, стихи 1086—1097).

Герміона припоминаетъ Пирру его жестокія дѣянія:

Du vieux père d'Hector la valeur abattue
Aux pieds de sa famille expirante à sa vue,
Tandis que dans son sein votre bras enfoncé
Cherche un reste de sang que l'âge avoit glacé;
Dans des ruisseaux de sang Troie ardente plongée;
De votre propre main Polyxene égorgée...[2])

Монологъ Иліоны (Д. IV, явл. 2) начинается сходнымъ припоминаніемъ бѣдствій и кровопролитія:

1) Oeuvres de J. Racine, t. I, p. 241—242.
2) Ibid., стр. 240.

И братей и сестры несносное мученье,
Как Гекторъ былъ попранъ...
Как матери моей растерзанна утроба,
Пронзенный какъ Пріамъ предъ алтаремъ лежалъ,
Въ сыновней и въ своей крови живота скончалъ!..
Как Греки нашихъ стѣнъ освѣщены пожаромъ
На пагубу Троянъ спѣшили въ бойствѣ яромъ;
Чрезъ сродниковъ моихъ стремилися тѣла,
Изъ коихъ по земли густая кровь текла...

(стр. 54—55, стихи 1103—1115).

Стихи 1128—1133 монолога Иліоны представляютъ явное заимствованіе изъ монолога Герміоны (д. V, явл. 1):

Еще смущеннымъ я умомъ того не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу!
Съ какимъ презрѣніемъ оставилъ онъ меня!
Пустилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли отходя?
Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
Въ отчаяньѣ еще надежда мигъ сіяетъ (стр. 55).

Ah! ne puis-je savoir si j'aime ou si je hais?
Le cruel! de quel oeil il m'a congédiée!
Sans pitié, sans douleur au moin étudiée!
L'ai-je vu se troubler, et me plaindre un moment?
En ai-je pu tirer un seul gémissement?
Muet à mes soupirs, tranquille à mes alarmes,
Sembloit-il seulement qu'il eût part à me larmes?
Et je le plains encore! et, pour comble d'emmi,
Mon coeur, mon lache coeur s'intéresse pour lui![1])

1) Ibid., стр. 243.

Сходство наблюдается и въ другихъ мѣстахъ. Пятое явленіе II-го дѣйствія «Демофонта» (объясненіе Демофонта съ Иліоной) обработано Ломоносовымъ, видимо, подъ вліяніемъ 4-го явленія I-го акта «Андромахи» (объясненіе Пирра съ Андромахой). Чтобы склонить къ себѣ Андромаху, Пирръ обѣщаетъ ей спасти Астіанакса и даже возстановить Трою:

Madame, dites-moi seulement que j'espère,
Je vous rends votre fils, et je lui sers de père;
Je l'instruirai moi-même à venger les Troyens;
J'irai punir les Grecs de vos maux et des miens.
Animé d'un regard, je puis tout entreprendre:
Votre Ilion encor peut sortir de sa cendre;
Je puis, en moins de temps que les Grecs ne l'ont pris,
Dans ces murs relevés couronner votre fils [2]).

Подобными же обѣщаніями пытается склонить къ себѣ Иліону Демофонтъ:

Я жду лишь отъ тебя, драгая, только слова.
Со мною станешь ты и съ нами Полидоръ
Съ богатствомъ на брегу въ тѣни Троянскихъ горъ.
На слухъ со всѣхъ сторонъ Фригійцы соберутся,
И къ облакамъ верьхи Троянскіе простругся...
По жребью получилъ я въ Троѣ ту корону —
На Полидоровъ ту, на твоій верьхъ возложу,
И сѣтующему народу покажу,
Что паки живъ Пріамъ и обновляетъ Трою... (стр. 28)

Иліона остается вѣрна Полимнестору («Какъ можешь требовать, чтобъ я тебя любила? Судьба и страсть меня другому поручила» — II д., явл. 5, стихи 500—501) и напоминаетъ Демофонту о Филлидѣ («Филлида ль отъ тебя сего ждала себѣ?» — тамъ же, ст. 491), подобно тому, какъ это дѣлаетъ Андромаха,

2) Ibid., стр. 186.

храня вѣрность памяти Гектора (Souffrez que | J'aille cacher mon fils, et pleurer mon époux—I, sc. 4, стр. 186) и убѣждая Пирра возвратиться къ Герміонѣ (Retournez, retournez à la fille d'Hélene, тамъ же).

Послѣднее (восьмое) явленіе II дѣйствія «Демофонта» (Драметъ убѣждаетъ Демофонта возвратить свою любовь Филлидѣ) вполнѣ аналогично послѣднему явленію II-го же акта «Андромахи», гдѣ Фениксъ склоняетъ Пирра исполнить данное имъ Герміонѣ слово. Такимъ образомъ, окончаніе II-го дѣйствія въ обѣихъ трагедіяхъ тождественно по своему значенію въ ходѣ дѣйствія пьесы.

Третье явленіе III-го дѣйствія «Демофонта» (Филлида и Креуза) подобно первой сценѣ II-го акта «Андромахи» (Hermione, Cléone): героини въ бесѣдѣ съ наперстницами высказываютъ свою рѣшимость отомстить измѣнившимъ имъ женихамъ. Роль Креузы у Ломоносова вообще тождественна роли Клеоны у Расина.

Плюна проситъ Филлиду: «Предстательствомъ спаси отъ смерти Полидора» (стихъ 1350), подобно тому, какъ Андромаха (III, sc. 4) проситъ Герміону за Астіанакса.

Пирръ гибнетъ по волѣ Герміоны такъ же точно, какъ Демофонтъ по волѣ Филлиды; объ героини мстятъ за измѣну, одна—за дѣйствительную, другая—за мнимую, и объ же въ отчаяніи кончаютъ жизнь самоубійствомъ, поражая себя кинжаломъ; у Расина Пиладъ такъ описываетъ послѣднія минуты Герміоны:

Nous l'avons rencontrée
Qui couroit vers le temple, inquiete, égarée,
Elle a trouvé Pyrrhus porté sur des soldats...
...enfin nous l'avons vue
Un poignard à la main sur Pyrrhus se courber,
Lever les yeux au ciel, se frapper, et tomber[1]).

Ломоносовъ влагаетъ въ уста вѣстнику такой разсказъ:

---

1) Ibid., стр. 253 (acte V, scene 4).

Филлида къ намъ спѣшитъ...
Увидѣла его (умирающаго Демофонта) безгласна
предъ собой,
Старалась во слезахъ поднять его рукой... ...и вдругъ
кинжалъ во грудь вонзила
И путь себѣ за нимъ со свѣта отворила...

(д. V, явл. 6, стр. 73—74, стихи 1448—1450, 1467—1468).

Сравненіе «Демофонта» съ «Андромахой», обнаруживая точки соприкосновенія между двумя трагедіями, которыя ставитъ внѣ сомнѣнія значительное вліяніе Расина, испытанное Ломоносовымъ,—показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣднему, не обладая драматическимъ талантомъ, не удалось возвыситься до созданія въ своей пьесѣ такихъ драматическихъ характеровъ, какъ Расиновскіе Пирръ и Герміона[1]), служившіе, повидимому, главными образцами Ломоносову для ролей Филлиды и Иліоны, Демофонта и Полимнестора.

«Демофонтъ» оканчивается монологомъ сраженнаго обрушившимися несчастіями Полимнестора. Такое заключеніе подсказано Ломоносову, повидимому, другимъ драматургомъ, вліяніе котораго было уже нами отмѣчено при разборѣ первой трагедіи Ломоносова,—Сумароковымъ. Трагедія послѣдняго «Синавъ и Труворъ» (впервые представленная 21 іюля 1750 года, а напечатанная въ 1751 г.) заканчивается монологомъ сраженнаго бѣдствіями Синава, который сначала пытается заколоться, чтобы послѣдовать за любимою имъ Ильменой, лишившею себя жизни:

Закрылись очи тѣ, что кровь мою вспалили...
Чего жъ я жду! пойдемъ въ тьму вѣчную за ней.
Вынимаетъ шпагу...

Когда же «Гостомыслъ съ вождями вырываетъ шпагу изъ рукъ его», Синавъ призываетъ на себя громы небесные:

---

1) См. ихъ характеристику, напр., въ книгѣ La Poétique de Racine, par P. Robert, Paris. 1891, pp. 108—109, 132—134.

Претемный облакъ свѣтъ отъ глазъ моихъ закрылъ.
Прекрасно солнце! чемъ тебя я прогнѣвилъ,
Что пламень твой меня уже не освѣщаетъ?
Или въ сей страшный день вселенна погибаетъ?
Пронзаютъ темноту лучи: преходитъ мгла?
Прешла, и небесамъ цвѣтъ прежній отдала....
О солнце, для чево еще ты мною зримо!..
Карай мя небо, я погибель въ даръ приемлю.
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!..[1])

Подобную же сцену видимъ и въ концѣ «Демофонта»; наблюдаются нѣкоторыя даже текстуальныя совпаденія. Полимнесторъ, услыхавъ о смерти Филлиды, говоритъ:

Прекрасны очи ты во вѣки затворила...
Я слѣдовать тебѣ не устрашусь во адъ...
Что долго смерти ждать?
хочетъ заколоться.

Иліона удерживаетъ ею руку и сообщаетъ о гибели Демфила; Полимнесторъ произноситъ послѣдній монологъ, тему котораго, взятую у Сумарокова, Ломоносовъ разработалъ риторически сильнѣе:

Ахъ что еще въ мои глаза блистаетъ свѣтъ?
Филлиды больше здѣсь и Демфила нѣтъ!..
Какая круть мени бунтуетъ непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Свѣтила идутъ всѣ обратно на востокъ:
Законы естества преобращаетъ рокъ...
Нептунъ стремитъ на брегъ морскую глубину...
И вѣчные Плутонъ заклены отверзаетъ,
Рыгаетъ въ воздухѣ ядъ и звѣзды помрачаетъ...

---

1) Синавъ и Труворъ, трагедія въ 5 д. А. Сумарокова. С.-Пб. 1751, стр. 79—80.

Когда меня теряѣть не можетъ естество:
Скончай меня, скончай, о силно божество!

(стр. 75—77).

Изученіе трагедіи Ломоносова приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. На трагедіяхъ этихъ сказалось двоякое вліяніе: съ одной стороны, вліяніе школьной драмы — слабѣйшее, выразившееся лишь отчасти, въ помѣщеніи Ломоносовымъ «краткихъ изъясненій» передъ началомъ драмы, — съ другой стороны, вліяніе трагедіи французскаго классическаго стиля, который всецѣло и выдерживается въ «Тамирѣ и Селимѣ» и «Демофонтѣ».

2. Содержаніе «Тамиры и Селима» заимствовано изъ Синописа, именно изъ Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ; при разработкѣ многое въ дополненіе «изобрѣтено» самимъ драматургомъ.

3. На обработкѣ явленій и сценъ «Тамиры и Селима» отразилось вліяніе теоріи и образцовъ, которымъ мѣстами, повидимому, подражалъ Ломоносовъ: «Катона» Готшеда, «Сида» Корнеля, и «Хорева» и «Гамлета» Сумарокова.

4. Содержаніе «Демофонта» восходитъ къ античнымъ миѳамъ объ Иліонѣ и Филлидѣ и Демофонтѣ, контаминированнымъ Ломоносовымъ съ присоединеніемъ собственныхъ домысловъ и вымысловъ.

5. На разработку сценъ «Демофонта» сильно повліяла трагедія Расина «Андромаха», а въ концѣ — «Синавъ и Труворъ» Сумарокова.

Нѣжинъ.

Нѣкоторыя данныя къ біографіи Ломоносова, извлеченныя изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за XVIII вѣкъ.

П. Н. Столпянскаго.

Работая по исторіи Петербурга и извлекая матеріалы, между прочимъ, и изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» XVIII вѣка, мнѣ пришлось встрѣтиться съ рядомъ объявленій и сообщеній, имѣющихъ отношеніе къ М. В. Ломоносову. Весь этотъ матеріалъ (съ 1746 года по 1785 годъ включительно) можетъ быть раздѣленъ на три группы: первая, самая немногочисленная, касается личной жизни Ломоносова, вторая — научной дѣятельности и третья, наиболѣе многочисленная, — содержитъ въ себѣ объявленія о появленіи въ свѣтъ какъ отдѣльныхъ работъ Ломоносова, такъ и собраній его сочиненій.

Вотъ эти данныя, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ:

1) *С.-Петерб. Вѣд. 1746, № 31, отъ 18 Апрѣля, въ отдѣлѣ подъ заголовкомъ: Для Извѣстій:* Въ Книжной Лавкѣ при Академіи Наукъ продается: Экспериментальная Вольфіанская Физика съ фигурами на Русскомъ языкѣ, цѣною каждая книга безъ переплету по 60 коп. (Билярскій, Матеріалы, стр. 63, 72, 82).

2) *ib. 1746, № 50, отъ 24 Іюня, ст. 300 (слѣдуетъ 400), въ отдѣлѣ подъ заголовкомъ: Въ С.-Петербургѣ Іюня 24 дня:* Сего Іюня, 20 дня, по опредѣленію Академіи Наукъ президента Ея Императорскаго Величества дѣйствительнаго Камергера

и ордена св. Анны кавалера его Сіятельства графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, той же Академіи профессоръ Ломоносовъ началъ о Физикѣ экспериментальной на Россійскомъ языкѣ публичныя лекціи читать, при чемъ сверьхъ многочисленнаго собранія воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушателей и самъ господинъ президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными Кавалерами и другими знатными персонами присутствовалъ. Для сегодняшняго праздника вторая лекція отложена до наступающаго четверга, а впредь оныя еженедѣльно будутъ продолжаться по вторникамъ и пятницамъ отъ трехъ до пяти часовъ пополудни. (См. В. И. Ламанскій, Ломоносовъ и Имп. Академія Наукъ, М. 1865, стр. 102).

3) *ib. 1746, № 62, отъ 5 Августа, ст. 496, въ отдѣлѣ подъ заголовкомъ: Для Извѣстія:* Охотникамъ до Физики Экспериментальной чрезъ сіе объявляется, что Академіи Наукъ Профессоръ, господинъ Ломоносовъ, съ предбудущей пятницы по прежнему въ положенные часы, а именно отъ трехъ до пяти часовъ начнетъ продолжать публичныя свои лекціи.

4) *ib. 1748, № 54, отъ 5 Іюня, ст. 432,* въ томъ же отдѣлѣ: Въ Академической книжной лавкѣ продается Ритторика, сочиненная господиномъ профессоромъ Ломоносовымъ безъ переплету по пятидесяти копѣекъ. (Билярскій, ст. 88, 106).

5) *ib. 1748, № 96, отъ 29 Ноября, стр. 769, въ отдѣлѣ: Въ Санктпетербургѣ Ноября 29 дня:* Того же числа (25 Ноября) Его Сіятельство господинъ Президентъ Академіи Наукъ Графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій поднесъ Ея Императорскому Величеству именемъ Академіи Наукъ поздравительную Оду на сей торжественный день (восшествіе на престолъ), которую Ея Императорское Величество милостиво принять соизволила и сочинителю сего поздравленія Профессору Химіи господину Ломоносову всемилостивѣйше пожаловать изволила двѣ тысячи рублевъ въ награжденіе (см. П. Пекарскій, Исторія Имп. Ак. Н., т. II, стр. 392; Билярскій, ст. 118).

6) *ib. 1753, № 45, отъ 4 Іюня, ст. 364, въ отдѣлѣ: Въ*

Санктпетербургъ Іюня 4 дня: Въ разсужденіи бывающей въ воздухѣ электрической силы коллежскій совѣтникъ и профессоръ господинъ Ломоносовъ примѣтилъ слѣдующее:

Минувшаго Маія 26 дня по полудни около втораго часа появились отъ Зюйдъ-Оста до Зюйдъ-Веста на горизонтѣ тучи посредственной величины и темности, изъ которыхъ по долгомъ примѣчаніи не видно было блеску, ни́же грому слышно; однако соединенной съ выставленнымъ на воздухѣ въ вышинѣ около 6 саженъ желѣзнымъ прутомъ Указатель электрической силы показывалъ что воздухъ оную въ себѣ имѣетъ, ибо нитка отъ висящаго съ нею желѣза чувствительно удалялась и за пальцемъ гонялась. А того же Маія 29 дня около полудни проходилъ весьма темный облакъ съ крупнымъ дождемъ отъ Зюйдъ-Веста: грому и молніи ни прежде, ни послѣ онаго облака, ни́же съ нимъ вдругъ не примѣчано; однако нитка Указателя отходила далѣе 30 градусовъ, и удары изъ проволоки съ ярыми искрами и съ трескомъ до того сильны были, что перстомъ прикоснуться едва было сносно и хотя къ концу желѣзнаго внизу прута, при которомъ нитка, какъ Указатель привѣшена, металлы въ разстояніи трехъ или четырехъ линѣй были приближены, мѣдь, желѣзо и серебро поперемѣнамъ, и всякую секунду по двѣ и по три ѝскры въ нихъ ударяли и почти безпрерывно съ трескомъ продолжались; однако нитка весьма мало опадывала, но показывала почти одинъ электрической силы градусъ близъ получаса во время крупнаго дождя, потомъ переставъ оная сила около 5 минутъ началась снова въ такой же дождь и продолжалась съ четверть часа.

Сіе наблюденіе почитается за чрезвычайное, ибо прежде того обще примѣчано, что 1) въ воздухѣ не было электрической силы, а особливо толь чувствительной безъ весьма яснаго и блискаго грома и молніи и 2) что во время грозы обыкновенно прежде дождя показывала электрическая сила больше дѣйствія, нежели когда у̀же дождь шолъ.

Изъ сего наблюденія явствуетъ, что электрическая въ воздухѣ сила долѣе громоваго треску простирается, или и безъ дѣйстви-

тельнаго грому быть можетъ. Ежели второе правда, то сама электрическая сила грому и молніи причина. Сіе подтверждается 1) тѣмъ, что электрическую силу искусствомъ безъ грому произвести можно; напротивъ того произведенный искусствомъ громъ и молнія электрической силы не показываетъ, что господинъ профессоръ Рихманъ при помянутомъ Господинѣ Совѣтникѣ и другихъ любопытныхъ въ торжественный праздникъ коронаціи Ея Императорскаго Величества на Санктпетербургской крѣпости при надобѣ изъ шупекъ способомъ пристойныхъ инструментовъ пробовалъ. (Ср. Пекарскій, Исторія Имп. Акад. II., стр. 57—60. Билярскій, 210; въ письмѣ Ломоносова къ Шувалову есть указаніе на эти опыты).

7) *ib. 1757, № 14, отъ 10 Іюня, въ отдѣлѣ: Для Извѣстія:* На заведенную въ Копорскомъ уѣздѣ въ Усть-рудицкой мызѣ господина Колежскаго Совѣтника Ломоносова фабрику дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ потребенъ бухгалтеръ, куда есть ли кто пожелаетъ, тотъ бы явился въ домѣ помянутаго совѣтника.

8) *ib. 1757, № 75, отъ 19 Сентября, въ томъ же отдѣлѣ:* Въ Академической Книжной Лавкѣ продается господина колежскаго совѣтника Ломоносова рѣчь, говоренная въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ сего Сентября 6 числа о рожденіи металловъ отъ трясенія земли на Россійскомъ языкѣ по 12 копѣекъ. (Билярскій, 348 ст.).

9) *ib. 1758, № 30, отъ 14 Апрѣля, въ томъ же отдѣлѣ:* Въ Академической Книжной Лавкѣ продается рѣчь, говоренная въ 1756 году колежскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ о свѣтѣ и о цвѣтахъ на Латинскомъ языкѣ по 15 копѣекъ.

10) *ib. 1758, № 80, отъ 6 Сентября, въ томъ же отдѣлѣ:* Въ Академической книжной лавкѣ находится въ продажѣ недавно напечатанное въ Московскомъ Университетѣ Собраніе разныхъ Сочиненій въ Стихахъ и прозѣ господина Колежскаго Совѣтника и Профессора Михайла Ломоносова книга первая второе изданіе въ четверть листа на Александрійской бумагѣ по 2 рубли по 30 копѣекъ, на любской по 2 рубля безъ переплету.

11) *ib. 1759, № 59, отъ 23 Іюля, въ томъ же отдѣл.*: Въ книжной лавкѣ при Академіи Наукъ находятся въ продажѣ слѣдующія недавно напечатанныя книги:

4) Собраніе разныхъ Сочиненій.... [см. № 10].

5) его жъ Разсужденіе о большой точности Морского пути, читанное въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ Маія 8 дня 1759 года по 25 копѣекъ.

6) то жъ на Латинскомъ языкѣ по 25 копѣекъ. (Билярскій, 383 ст.).

12) *ib. 1761, № 2, отъ 5 Января, въ томъ же отдѣлѣ:* въ Академіи художествъ, состоящей между 3 и 4 линіями, продаются напечатанныя на россійскомъ языкѣ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ книги, а имянно: ..... сочиненія г. совѣтника Ломоносова по 2 р. 30 копѣекъ.

13) *ib. 1761, № 10, отъ 2 Февраля, въ томъ же отдѣлѣ:* Въ Академической Книжной Лавкѣ продаются: ..... 3) Волфіанская Експерментальная Физика съ Нѣмецкаго подлинника на Латинской языкъ сокращенная и на Россійской языкъ переведенная Михайломъ Ломоносовымъ, напечатана вторымъ тисненіемъ съ прибавленіями 1760 года въ 8°, по 60 копѣекъ.

№ 14) *ib. 1761, № 37, отъ 8 Маія, въ томъ же отдѣл.*: Въ Академической Книжной Лавкѣ продается новонапечатанной Краткой Россійской Лѣтописецъ съ родословіемъ сочиненія господина Коллежскаго Совѣтника и профессора Химіи М. Ломоносова 1760 года въ 8° по 25 к. (Билярскій, 482, 511).

15) *ib. 1761, № 59, отъ 24 Іюля, въ томъ же отдѣл.*: Въ Академической Книжной Лавкѣ продается новонапечатанная книга: Героической поэмы сочиненной г. Коллежскимъ Совѣтникомъ и профессоромъ М. Ломоносовымъ Пѣснь вторая по 20 коп.

16) *ib. 1762, № 5, отъ 15 Января, въ томъ же отдѣлѣ:* Въ Академической Книжной Лавкѣ продаются новонапечатанная ода на новый 1762 годъ сочиненія господина коллежскаго совѣтника и профессора Ломоносова каждой экземпляръ по 10 коп.

17) *ib. 1763, № 85, отъ 24 Октября, особое приложеніе:* Въ

Санктпетербургѣ Октября 23 дня. Сего Октября 10 дня 1763 года въ Императорскую Академію Художествъ господинъ Коллежской Совѣтникъ и Профессоръ Михаило Ломоносовъ избранъ въ Почетные Члены той Академіи Художествъ, что ниже писаннымъ порядкомъ производилось (смотри: Билярскій ст. 618 и Смирдинское изданіе сочиненій Ломоносова, т. I, ст. 726, гдѣ перепечатано цѣлкомъ описаніе избранія Ломоносова въ почетные члены Академіи Художествъ).

18) *ib. 1763, № 89, отъ 7 Ноября, въ отдѣл.:* Для Извѣстія: Въ Академической Книжной Лавкѣ продается вновь напечатанная книга на Россійскомъ языкѣ называемая: Первыя основанія Металлургіи или рудныхъ дѣлъ, сочиненія коллежскаго совѣтника господина Ломоносова по 1 рублю. (Билярскій, ст. 505, 618).

19) *ib. 1763, № 93, отъ 21 Ноября, въ отдѣл.:* Продажа: Въ Академической Книжной Лавкѣ продается вновь напечатанная на россійскомъ языкѣ книга: Первыя основанія Металлургіи или рудныхъ дѣлъ сочиненія коллежскаго совѣтника г. Ломоносова по 1 р. Содержаніе оной книги слѣдующее: Часть I о металлахъ и съ ними находящихся въ землѣ другихъ минералахъ. Глава 1 о металлахъ. 2 о полуметаллахъ. 3 о жирныхъ минералахъ. 4 о солях. 5 о камняхъ и земляхъ. 6 о рудахъ. Часть II О рудныхъ мѣстахъ, о жилахъ и о пріискахъ ихъ. Глава 1 о расположеніи мѣстъ. 2 о жилахъ. 3 о пріисканіи жилъ. 4 о надеждѣ рудоконовъ. Часть III О учрежденіи рудниковъ. Глава 1 о копаніи и укрѣпленіи ихъ. 2 о подъемныхъ машинахъ. 3 о водоливныхъ машинахъ. 3 о машинахъ для перемѣны воздуха въ рудникахъ. 5 о изпареніи рудниковъ. Часть IV О пробѣ рудъ и металловъ. Глава 1. О печахъ, посудѣ и инструментахъ пробирныхъ. 2 о заготовленіи матеріаловъ къ пробованію. 3 о пробѣ золотыхъ и серебряныхъ рудъ. 4 о пробѣ рудъ и простыхъ металловъ. 5 о пробѣ другихъ минераловъ. Часть V О отдѣленіи металловъ отъ рудъ. Глава 1 о приготовленіи рудъ къ сплавленію. 2 о выплавкѣ металловъ изъ рудъ въ слитокъ. 3. о отдѣленіи металловъ изъ особливыхъ рудъ. 4 о раздѣленіи слитыхъ металловъ. 5. о отдѣ-

леній полуметалловъ и другихъ миераловъ. Прибавленіе: о движеніи воздуха въ рудникахъ. 2 о слояхъ земныхъ.

20) *ib. 1763, № 102, отъ 23 Декабря, въ отдѣль: Въ Санктпетербургѣ декобря 23 дня:* Именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки коллежской совѣтникъ и профессоръ господинъ Ломоносовъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ, съ произведеніемъ 1875 рублевъ годоваго жалованья, которое ему получать изъ суммы Академической. (Билярскій, 628).

21) *ib. 1764, № 2, отъ 6 Января, въ отдѣль:* Продажа: Ея Императорскому Величеству на Новый годъ поднесенная Ода, сочиненная Статскимъ Совѣтникомъ господиномъ Ломоносовымъ въ Академической Книжной Лавкѣ продается по 15 коп. экземпляръ. (Билярскій, 639).

22) *ib. 1764, № 44, отъ 1 Іюня, въ отдѣль:* Продажа: Въ Академической Книжной Лавкѣ продается новопапечатанная на нѣмецкомъ языкѣ Россійская грамматика, сочиненная статскимъ совѣтникомъ господиномъ Ломоносовымъ по 70 коп. безъ перепету.

23) *ib. 1764, № 48, отъ 15 Іюня, въ отдѣль: Въ Санктпетербургѣ Іюня 15 дня:* Монаршее благоволеніе къ Наукамъ и Художествамъ есть нѣкоторое божественное одушевленіе оныхъ. Снисхожденіе Величества подобно живительной силѣ, которую благорастворенный воздухъ вливаетъ въ животныя и произрастающіе отъ нѣдръ земныхъ творенія. Таковымъ несравненнымъ и въ самыхъ издавна благоустановленныхъ народахъ рѣдко слышанным примѣромъ предшествовалъ въ Россіи безсмертныя памяти Государь Петръ Великій, посѣщая не токмо ученыя общества, но и приватные домы въ Наукахъ и Художествахъ людей искусныхъ и рачительныхъ. Таковымъ прехвальнымъ подражаніемъ ему послѣдуетъ достойная дѣлъ его Преемница, всемилостивѣйшая самодержица Наша, Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна. Извѣстны Отечеству и всему Науки почитающему свѣту всемилостивѣйшія посѣщенія отъ Ея Императорскаго Ве-

дичества Академіямъ Наукъ и Художествъ, которымъ не токмо онымъ учрежденіямъ высочайшую Свою милость благоизволяетъ оказывать, но и дѣйствителью простирает Свое проницательное вниманіе въ самыя тонкости и въ подробное разсмотрѣніе приращенія и успѣховъ. Сего Іюня 7 дня пополудни въ четвертомъ часу благоизволила Ея Императорское Величество съ нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами удостоить Своимъ высокомонаршескимъ посѣщеніемъ Статскаго Совѣтника и Профессора Господина Ломоносова въ его домѣ, гдѣ изволила смотрѣть производимыя имъ работы Мозаичнаго Художества, для монумента вѣчнославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ Физическіе инструменты и нѣкоторые Физическіе и Химическіе Опыты, чѣмъ подать благоволила высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи Своемъ о Наукахъ и Художествахъ въ Отечествѣ. При окончаніи шестаго часа, оказавъ всемилостивѣйшее Свое удовольствіе изволила во дворецъ возвратиться. Помянутой господинъ статской совѣтникъ Ломоносовъ при отъѣздѣ подалъ Ея Императорскому Величеству всеподданѣйше слѣдующіе стихи тогдашняго имъ сочиненія:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монарши доброты.
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
Блаженства новаго и дѣлъ златыхъ причина.
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ Своимъ списходитъ до Наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель
Богиня, коль Твоя велика добродѣтель!

(У Билярскаго, стр. 642, приведена выдержка со словъ: Сего іюня 7 дня..., безъ стиховъ).

24) *ib. 1764, № 50, отъ 22 Іюня, съ отдѣлъ:* Подряды: Желающіе позолотить доброю жаркою позолотою мѣдныя рамы къ

мозаической картинѣ Полтавскія Побѣды, въ которыхъ вся поверхность около трехъ сотъ квадратныхъ футовъ, могутъ для подряду явиться у Статскаго Совѣтника господина Ломоносова въ домѣ Его на Мойкѣ.

25) *ib. 1764, № 72, отъ 7 Сентября, въ отдѣлѣ: Въ Санктпетербургѣ Сентября 7 дня:* Въ здѣшнемъ Императорскомъ Саду, что у Лѣтняго дворца, старшей садовникъ Эклебенъ прошлаго года посѣялъ на небольшихъ полоскахъ пшеницу и рожь на пробу искусства своего въ размноженіи разнаго сѣву. Сіе такъ удалось ему, что почти всякое зерно взошло многочисленными колосами, на подобіе кустовъ. Въ одномъ изъ оныхъ содержалось 43 колоса сильныхъ, да 5 недошлыхъ, изъ коихъ въ одномъ начтено 81 зерно, а всѣхъ въ цѣломъ кустѣ изъ единаго посѣяннаго зерна вышло 2375 зеренъ, вѣсомъ $9^3/_8$ золотника. Въ другомъ кустѣ начтено 47 колосовъ сильныхъ, да 12 несильныхъ, изъ коихъ одинъ колосъ состоялъ изъ 62 зеренъ, а въ цѣломъ кусту было 2523 зерна, вѣсомъ въ $10^1/_2$ золотника.

Пшеничной кустъ, изъ одного зерна произшедшей, состоялъ изъ 21 колоса, изъ коихъ одинъ былъ въ 61 зерно, а всѣхъ зеренъ 852, вѣсомъ $7^3/_4$ золотника.

Сей первый опытъ доказываетъ, что и въ нашихъ сѣверныхъ краяхъ натура въ разсужденіи хлѣба плодовитѣе быть можетъ старательнымъ искусствомъ. Ея Императорское Величество Всевысочайшая Государыня Наша, оказавъ о семъ Свое удовольствіе, повелѣть изволила, учинить сего большіе опыты съ вящшимъ раченіемъ и разсмотрѣніемъ для изысканія способовъ, не возможно ли таковаго размноженія производить въ знатномъ количествѣ для общей пользы. [Эта—выражаясь современнымъ языкомъ—хроникерская замѣтка принадлежитъ перу М. В. Ломоносова и написана имъ по повелѣнію Екатерины II. Оказывается, что М. В. Ломоносовъ присутствовалъ при опытахъ Эклебена. Объ этомъ находимъ указаніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1772 года, № 61, въ статьѣ, описывающей продолженіе опытовъ Эклебена. Авторъ этой статьи, самъ Андрей Эклебенъ, говоритъ, что

первое описаніе его опытовъ, помѣщенное въ № 72 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1764 года, сдѣлано по повелѣнію Императрицы Екатерины II покойнымъ статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ. См. «Новое Время» 1911 г., №№ 12687 и 12696).

25) *ib. 1765, № 41, отъ 24 Мая, въ отдѣлѣ: Продажа:* Въ Академической Книжной Лавкѣ имѣются въ продажѣ новонапечатанная вторымъ тисненіемъ Риторика г. Ломоносова по 65 коп.

27) *ib. 1781, № 12, отъ 9 Февраля, въ отдѣлѣ: Для Извѣстій:* Отъ Академіи Наукъ чрезъ сіе объявляется, что въ типографіи оной печатается съ нѣкотораго времени собраніе всѣхъ вообще Ломоносова сочиненій наилучшимъ образомъ расположенное. Къ симъ твореніямъ толь славнаго мужа присовокуплено будетъ все то, что для придапія ко внутреннему ихъ совершенству и вѣшняго великолѣпія отъ художествъ заимствовать можно.

28) *ib. 1781, отъ 17 Августа, № 166, особое приложеніе съ заголовкомъ:* «Реестръ, имѣющимся при бывшей С.-Петербургской губернской канцеляріи для рѣшенія старыхъ дѣлъ департаментъ судныхъ дѣламъ въ бою и безчестіи:

отъ 1741 года за № 273 дѣло комисара Михаила Камеръ съ студентомъ Михайлою Ломоносовымъ.

отъ 1742 года за № 363 дѣло бухгалтера Сигмунта Прейсеръ съ адьютантомъ (sic) Ломоносовымъ.

отъ 1742 года за № 364, дѣло его же Ломоносова съ садовникомъ Яганомъ Штрумаиомъ (sic).

отъ 1750 года за № 1417 дѣло профессора Михайла Ломоносова съ адьюнктомъ Герардъ Фридрихъ Миллеромъ (Билярскій, стр. 147).

29) *ib. 1782, отъ 15 Февраля, № 13, особое приложеніе съ заголовкомъ:* Продолженіе реестра судныхъ дѣламъ въ учрежденномъ при Санктпетербургской губернской канцеляріи департаментъ, по которымъ хожденія нѣтъ.

отъ 1761 года № 820 Колежскаго совѣтника и профессора Михайлы Ломоносова съ генералъ-лейтенантомъ Василіемъ Скворцовымъ въ приходѣ людьми его къ крестьянамъ и въ причиненіи имъ немалаго разоренія.

30) *іb. 1783, № 22, отъ 17 Марта, въ отдѣлѣ: Для Извѣстій:* Здѣшняя Императорская Академія Наукъ, почитая себя обязанною воздавать по мѣрѣ силъ своихъ достодолжную честь бывшимъ своимъ сочленамъ трудившимся въ наукахъ къ пользѣ и славѣ Россіи, предпріемлетъ издать на хорошей бумагѣ и наилучшими литерами самое полное собраніе сочиненій покойнаго господина Ломоносова. Первая часть сего сочиненія будетъ украшена его портретомъ, вырѣзаннымъ со всевозможною точностію и эстампомъ, изображающимъ надгробный монументъ, воздвигнутый сему славному мужу въ Александро-Невскомъ монастырѣ покойнымъ его покровителемъ Его Сіятельствомъ графомъ Михаломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ; протчее же напечатается съ приличными эстампами и виньетами. Таковое предпріятіе всеконечно будетъ всѣмъ любителямъ Россійскаго слова служить къ удовольствію, тѣмъ паче, что сочиненія сего славнаго стихотворца никогда еще не были напечатаны всѣ вмѣстѣ, хотя многія собранія таковыхъ и обѣщали публикѣ заглавіями своими, что оныя всѣ его сочиненія въ себѣ заключать будутъ. Господинъ Ломоносовъ, яко членъ здѣшней Академіи, отдавалъ печатать свои сочиненія въ Академическую Типографію, какъ то Оды, Трагедіи, Исторію, Грамматику и пр., а послѣ оныя и въ другихъ типографіяхъ перепечатаны были. Посему Академія, имѣя старшое право къ напечатанію трудовъ своего бывшаго сочлена, нынѣ къ оному и приступаетъ, обѣщая публикѣ доставить и такія сочиненія, которыя прежде сего и совсѣмъ напечатаны не были; причемъ однакожъ Академія проситъ всѣхъ любителей Россійскаго слова, пріятелей и свойственниковъ сего славнаго мужа присылать на Имя Академіи Наукъ г. Директора Ея Сіятельства Княгини Екатерины Романовны Дашковой или въ Академиче-

скую Канцелярію, въ которой Она присутствуетъ, достовѣрныя извѣстія о жизни сего славнаго сочинителя, письма и другія могущія находиться его сочиненія. Симъ они не только сдѣлаютъ великое удовольствіе Академіи и Публикѣ, но и воздадутъ съ своей стороны достодолжную честь сему безсмертному сочиненіями своими мужу. Какъ Академія Наукъ предпринимаетъ сіе изданіе начать въ будущемъ 1784 году, то она и не оставитъ заблаговременно публику о расположеніи онаго увѣдомить.

31) *ib. 1783, № 25, отъ 28 Марта, особое приложеніе съ заводкомъ:* Въ учрежденномъ при С.-Петербургской губерніи для рѣшенія старыхъ дѣлъ департаментѣ судномъ нерѣшеннымъ дѣламъ въ бою и безчестіи:

1742 года дѣло солдата Василія Павлова жены Прасковьи Васильевой съ адъюнктомъ Михайлою Ломоносовымъ.

32) *ib. 1783, № 27, отъ 4 Апрѣля, въ отдѣль: Для Извѣстій* повторено объявленіе о изданіи собранія сочиненій Ломоносова (смотри № 30).

33) *ib. 1783, № 80, отъ 6 октября, въ отдѣль: Продажа:* Въ той же (т. е. академической) лавкѣ продаются слѣдующія грамматики: Россійская сочиненія г. Ломоносова 8⁰ по 50 к. Она же на нѣмецкомъ и на французскомъ для обученія нѣмцевъ и французовъ россійскому языку въ 8⁰, первая по 80 коп., а послѣдняя на бѣлой бумагѣ по 1 р. 15 коп., а на ординарной по 1 рублю.

34) *ib. 1784, № 33, отъ 24 апрѣля, въ отдѣль: Для Извѣстій:* Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ чрезъ сіе объявляетъ, что въ типографіи ея отпечатана Первая часть полнаго собранія сочиненій Михайла Василіевича Ломоносова въ 4° съ портретомъ сочинителя, эстампомъ, изображающимъ воздвигнутый ему въ Александро-Невскомъ Монастырѣ монументъ и съ разными виньетами; почему господа, подписавшіеся на сіе изданіе, благоволили бы присылать свои билеты къ полученію экземпляровъ.

Есть ли же кто вновь желаетъ на сіе изданіе подписаться, то можетъ при внесеніи напередъ 12 руб. получитъ первую часть и билеты; ибо порознь оное продаваться не будетъ. Сія первая часть содержитъ: Жизнь покойнаго Сочинителя. Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ. Письмо о Россійскомъ стихотворствѣ. Оды духовныя, изъ коихъ одна никогда не была напечатана; Оды похвальныя; Вѣчная Надежда Россійской Имперіи. Разговоръ съ Анакреонтомъ. Ода на щастіе. Похвальныя надписи: Разныя стихотворенія, которыя никогда еще не были напечатаны; Письма къ Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, которыя никогда еще не были напечатаны.

35) *ib. 1784, № 90, отъ 8 Ноября, въ отдѣлѣ: Для Извѣстій:* Вторая часть полнаго собранія сочиненій М. В. Ломоносова, содержащая въ себѣ: 1) Героическую поему Петръ Великій, 2) Трагедію Тамира и Селимъ, 3) Трагедію Демофонтъ, 4) Письмо о пользѣ стекла, 5) Слово Похвальное Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 6) Слово похвальное Государю Петру Великому. Господа подписавшіеся на сіе изданіе, благоволили бы присылать свои билеты къ полученію экземпляровъ.

36) *ib. 1785, № 17, отъ 28 Февраля, въ отдѣлѣ: Для Извѣстій:* Вновь вышедшая Риторика Россійская г. Ломоносова по 60 коп.

37) *ib. 1785, № 56, отъ 15 Іюля, въ отдѣлѣ: Для Извѣстій:* Третія часть полнаго собранія сочиненій Михаила Васильевича Ломоносова, содержащая въ себѣ: 1) Слова: о пользѣ Химіи; о явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы произходящихъ; о произхожденіи свѣта, повую теорію о цвѣтахъ представляющее; о рожденіи металловъ отъ трясенія земли; 2) Разсужденіе о большей точности морского пути; 3) Явленіе Венеры на Солнцѣ. Господа подписавшіеся на сіе изданіе благоволили бы присылать свои билеты къ полученію экземпляровъ.

38) *ib. 1785, № 57, отъ 18 Іюля, въ отдѣлѣ: Для Извѣстій:* Какъ Императорская Академія Наукъ, желая издаваемое отъ оной Полное собраніе сочиненій Покойнаго Профессора и Статскаго Совѣтника Михайла Васильевича Ломоносова сдѣлать

сколь можно совершеннымъ, опредѣлила къ отысканнымъ еще вновь его г. Ломоносова нѣкоторымъ сочиненіямъ присовокупить и Латинскія, кои въ ученомъ свѣтѣ съ неменьшею похвалою приняты, такъ что все изданіе будетъ вообще состоять изъ шести частей, прежнее же расположеніе было сдѣлано только на четыре части; то почтенная публика черезъ сіе предувѣдомляется, что желающіе имѣть сіе изданіе могутъ вновь подписываться на оное съ 1-го будущаго Августа; цѣна будетъ отнынѣ впредь на Александрійской бумагѣ 16 рублей, а на обыкновенной бѣлой 14 рублей; по прежней же цѣнѣ, т. е. по 12 руб. окромѣ подписавшихся, кои благосклонно первыхъ частей ожидали и деньги давно взнесли, по причинѣ лишнихъ на печатаніе прибавившихъ частей издержекъ, Академія себя не считаетъ обязанною отпускать.

39) *ib. 1785, № 63, отъ 8 Августа, въ отдѣл: Для Извѣстій:* Академія Наукъ, удовлетворяя петерпѣнію, которое Публика оказывала о выходѣ покойнаго г. Ломоносова сочиненій, нынѣ третью [sic!] часть оныхъ выдала въ свѣтъ; почему имѣющіе на оныя сочиненія билеты благоволили бъ принимать оную; фигуры же слѣдующія къ оной части безъ замедленія издадутся.

Вышеприведенныя объявленія и замѣтки могутъ быть систематизированы—какъ и было указано выше—въ три группы:

I) Касающіяся личной жизни М. В. Ломоносова: №№ 5, 7, 20, 23, 24, 28, 29, 31.

Изъ этихъ выписокъ особенно заслуживаютъ вниманія 24, 28, 29 и 31.

Какъ извѣстно, мозаическая картина Ломоносова «Полтавская баталія» въ настоящее время значительно уменьшена; въ приводимой нами подъ № 24 выпискѣ Ломоносовъ вызываетъ позолотчиковъ рамы для этой картины, при чемъ довольно точно указываетъ размѣръ этой картины: «поверхность около трехсотъ квадратныхъ футовъ»; такимъ образомъ, является возможность опредѣлить, какому сокращенію подверглась работа Ломоносова:

стоитъ только смѣрить существующую картину и вычесть ея поверхность изъ 300 квадратныхъ футовъ.

Далѣе, извѣстно, что М. В. Ломоносовъ отличался неукротимымъ характеромъ, особенно подъ вліяніемъ «винныхъ паровъ»; на этой почвѣ у него неоднократно возникали ссоры, и начинались дѣла «о безчестіи и боѣ». Объ этихъ дѣлахъ довольно подробно разсказываетъ Билярскій въ своихъ «Матеріалахъ» къ біографіи Ломоносова (см., напримѣръ, 147 стр.). Но изъ этого описанія не видно, каковъ былъ конецъ дѣламъ. Изъ приведенныхъ нами выписокъ подъ №№ 28, 29 и 31, видно, что эти дѣла при жизни Ломоносова не были окончены, числились на производствѣ и въ 1781, 1782 и 1783 гг. особый департаментъ, учрежденный при бывшей С.-Петербургской Канцеляріи для рѣшенія старыхъ судныхъ дѣлъ въ бою и безчестіи, печатая роспись разбираемымъ и разсматриваемымъ дѣламъ, включилъ въ нихъ и дѣла Ломоносова, при чемъ въ первомъ спискѣ (№ 28) Ломоносовъ фигурируетъ и какъ студентъ, и какъ адъюнктъ (въ объявленіи напечатано ошибочно: адъютантъ), и какъ профессоръ. Такимъ образомъ, видимъ, что за свои «вспышки молодости»—какъ выразился Билярскій—Ломоносовъ по суду не былъ подвергаемъ никакому взысканію. Кромѣ того, приводимыя нами извлеченія являются еще лишней черточкой къ характеристикѣ медленности правосудія XVIII вѣка: дѣла числились на производствѣ и оставались нерѣшенными въ теченіе 40 и больше лѣтъ.

II) Касающіяся научной дѣятельности Ломоносова: №№ 2, 3, 6, 17, 25.

Изъ этихъ выписокъ, какъ мы и указали въ примѣчаніи, особенно интересна выписка подъ № 25: авторство Ломоносова этой небольшой замѣтки устанавливается нами впервые; быть можетъ, оригиналъ этой замѣтки и сохранился гдѣ-либо въ архивѣ Академіи.

III) Содержанія объявленія о книгахъ Ломоносова; группа эта можетъ быть раздѣлена на двѣ подгруппы:

А) Отдѣльныя изданія: №№ 1, 4, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 25, 36.

В) Собранія сочиненій: №№ 10, 11, 12, 27, 30, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39.

Большинство изъ этихъ объявленій мы снабдили ссылками на трудъ Билярскаго, а именно на выдержки изъ журналовъ Академіи Наукъ съ постановленіями о печатаніи того или другого сочиненія Ломоносова. Изъ сравненія этихъ постановленій съ приведенными нами объявленіями можно видѣть скорость печатанія, количество экземпляровъ, а также скорость помѣщенія того или другого объявленія по отпечатаніи книги. Кромѣ того, не можемъ не подчеркнуть выписки подъ № 27, въ которой говорится о предполагавшемся въ 1781 году академическомъ изданіи собранія сочиненій Ломоносова; изъ текста объявленія видно, что это собраніе «печатается съ нѣкотораго времени». Такого изданія собранія сочиненій мы не знаемъ; точно также намъ неизвѣстно, почему оно пріостановилось печатаніемъ и что стало съ отпечатанными листами: воспользовалась ли ими княгиня Дашкова для своего изданія собранія сочиненій Ломоносова, или начинаніе Домашнева было продано, какъ бумага, на вѣсъ съ пуда. Изъ объявленій №№ 34, 35, 37 можно довольно точно установить срокъ выхода частей собранія сочиненій Ломоносова: 1-ая часть вышла 24 Апрѣля 1784 г., 2-ая часть 8 Ноября того же года и 3-ья часть — 15 Іюля 1785 года.

Собранныя объявленія объ отдѣльныхъ изданіяхъ — намъ кажется — могутъ быть не безполезны для библіографовъ, которые, можетъ быть, найдутъ среди нихъ не сохранившіеся до нашихъ дней изданія, а главное — указаніе на ихъ цѣну. Вопросъ о цѣнѣ книги въ столь отдаленную отъ насъ эпоху почти не разработанъ.

Къ исторіи родины Ломоносова.

Историко-географическія замѣтки.

П. Л. Маштакова.

Холмогорская лука рѣки Сѣверной Двины, образующая нѣсколько острововъ, на одномъ изъ которыхъ — Курostровѣ — находится деревня Денисовка, родина Ломоносова, по всей вѣроятности, была заселена Новгородскими выходцами въ глубокой древности. Но, къ сожалѣнію, достовѣрныя свѣдѣнія о поселеніяхъ въ этихъ мѣстахъ восходятъ лишь къ половинѣ XIII в. Всѣ же попытки доказать болѣе раннее существованіе Новгородскихъ поселеній по нижнему теченію Двины отъ устья Пинеги, пока мало вѣроятны. Такъ, мысль академика Миллера, современника Ломоносова, о томъ, что Холмогоры упоминаются въ Шведской исторіи Стурлесона подъ именемъ Гольмъ-гарда[1]), мѣстности, куда не разъ направлялись воинственные Норманны,— до сихъ поръ является еще недостаточно обоснованной, равно какъ и утвержденіе о тождествѣ Холмогоръ съ Уикратомъ византійскихъ историковъ[2]). Также весьма шатко и предположеніе

---

1) В. Крестининъ, «Начертаніе исторіи г. Холмогоръ», с. 10. Ту же мысль о древности Холмогоръ, ссылаясь на Стрyлесона, но не называя Гольмъ-гарда, проводитъ Ломоносовъ въ своей «Древней Росс. Исторіи», ч. I, гл. 6. Противъ отождествленія Гольмъ-гарда съ Холмогорами высказывается Карамзинъ, «Ист. Госуд. Росс.», т. II, прим. 62; а также П. Базилевскій, «Арханг. Губ. Вѣд.» 1852 г., № 11.

2) М. Чулковъ, «Историческое описаніе Россійской Коммерціи», т. I, кн. I, сс. 102—3.

о томъ, что въ Иванъ-погостѣ, упоминаемомъ въ Уставной грамотѣ князя Святослава Ольговича, 1137 г., надо видѣть Ивановскій посадъ позднѣйшаго времени, вошедшій въ предѣлы Холмогоръ[1]). Это предположеніе могло бы имѣть болѣе основанія, если бы подтвердился фактъ существованія въ XII в. монастыря св. Михаила Архангела при устьѣ Двины, какъ то доказывалъ Крестининъ, а за нимъ Карамзинъ и другіе[2]). Но позднѣйшими изслѣдованіями основаніе Михаило-Архангельскаго монастыря относится къ XIV вѣку[3]).

Первой, несомнѣнно достовѣрной датой, касающейся поселеній въ Холмогорской лукѣ, слѣдуетъ признать 1271 г., подъ которымъ упоминаются Матигоры въ надписи на Паремейникѣ, хранящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ[4]).

---

1) «Урядилъ есмь азъ святѣи Софии... въ Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ два сорочка, на Тудоворѣ погостѣ два сорочька, на Ивани погостѣ с даромь г҃ сорочки, на Ракулѣ г҃, на Спирковѣ два, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезѣ г҃, въ Кегрелѣ г҃, устье Емьцѣ два, устье Ваги два...». «Русскія Достопамятности», т. I, сс. 83—4, изд. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., 1815 г.

Н. П. Барсовъ въ «Очеркахъ русской исторической географіи» (Варшава. 1885 г.), примѣч. 325, для Иваня-погоста указываетъ на оз. Иванъ (Ивановское) съ протокомъ въ Мошу (правый притокъ Онеги).

2) В. Крестининъ, «Историческіе начатки о Двинскомъ народѣ», сс. 16—17; Карамзинъ, «Исторія Госуд. Росс.», т. II, прим. 61. Предположеніе о существованіи Михаило-Архангельскаго монастыря въ XII в. основывается на благословенной грамотѣ архіеп. Новгородскаго Іоанна игумену Архангельскаго монастыря Лукѣ (напечатана въ «Описаніи Архангельской губ.» К. Молчанова, с. 65, примѣч., и въ «Изслѣдованіи о Двинскихъ грамотахъ» А. А. Шахматова, ч. II, сс. 145—6). Грамота эта не датирована, а въ числѣ епископовъ и архіепископовъ Новгородскихъ было три Іоанна: 1110 г.—1130 г., 1165 г.—1186 г., 1388 г.—1414 г. (П. Строевъ, «Списки іерарховъ», сс. 33, 35). Названные изслѣдователи приписывали грамоту одному изъ первыхъ Іоанновъ.

3) П. Строевъ, «Списки», с. 822; В. В. Звѣринскій, «Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи», С.-Пб. 1890 г., № 629; А. А. Шахматовъ, «Изслѣд.», ч. I, с. 40.

4) «Въ лѣто ҂зѱѳ҃ написахъ книгы сиѧ. азъ попъ ст҃го Дмитрьѧ. съ сн҃мь своимь Матигорьцамъ за Волокъ...».

И еще приписка на оборотѣ л. 91: «на Матигоры. к' цр҃кви ст҃ымъ стр҃тотерицемъ Борисѹ і Глѣбѹ». (И. И. Срезневскій, «Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XV вѣковъ)», С.-Пб. 1882 г., с. 138).

Возможно, что Матигоры и были первымъ болѣе или менѣе значительнымъ населеннымъ пунктомъ въ этой мѣстности, гдѣ находилась и администрація, переведенная впослѣдствіи въ Холмогоры.

Холмогоры же, или, точнѣе, — Колмогоры («Холмогоры» — только съ XVIII в.)[1]) пріобрѣтаютъ значеніе позднѣе: по крайней мѣрѣ первое о нихъ упоминаніе находимъ въ грамотѣ вел. князя Ивана Калиты 1328—1340 гг.[2]). Къ концу XIV в. въ Холмогорской лукѣ, несомнѣнно, существовало уже нѣсколько значительныхъ пунктовъ поселенія: въ Уставной Двинской грамотѣ вел. князя Василія Дмитріевича 1398 г. вмѣстѣ съ Колмогорами и Матигорами упоминаются и Куростровъ, Ухтостровъ, Чухчелема[3]). Наконецъ, въ первой половинѣ XV в. всѣ острова и оба берега материка оказываются довольно густо заселенными и обработанными. Особенную хозяйственную дѣятельность проявляетъ здѣсь Николаевскій Чухченемскій монастырь, возникшій, вѣроятно, въ концѣ XIV в.[4]). Во владѣніе этого монастыря мало-по-малу переходятъ многіе куски земли, прежде всего на Куростровѣ, который въ Двинскихъ грамотахъ XV в. называется Великимъ[5]). Изъ населенныхъ пунктовъ на Великомъ островѣ, сохранившихъ свое названіе до настоящаго времени, въ Двинскихъ грамотахъ упо-

---

1) Въ грамотѣ 1700 г. октября 22 чуть ли не впервые называются «Холмогоры»:... По указу преосвящ. Аѳанасія архіеп. Холмогорскаго и Важескаго, память града Холмогоръ Богоявленскаго собора священнику...

Рум. Муз., собр. Бѣляева, карт. VII.

2) Отъ Великаго князя отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкаго Аѳрама и отъ всего Новагорода къ Двинскому посаднику на Колмогоры и къ бояромъ Двинскимъ...

«Акты Археогр. Экспед.», т. I, № 2; См. также И. И. Срезневскій, «Древніе памятники», с. 190.

3) ... а бѣды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки, бѣду до Колмогоръ двѣ бѣлки, до Куростровa двѣ бѣлки, до Чохчелема двѣ бѣлки, до Ухтьострова двѣ бѣлки...

«Акты Археогр. Экспед.», т. I., № 13.

4) И. Строевъ, «Списки», с. 827; В. В. Зѣкринскій, «Матеріалы», № 2226; А. А. Шахматовъ, «Изслѣд.», ч. I, сс. 40—41.

5) А. А. Шахматовъ, «Изслѣд.», ч. II, с. 21.

минаются Ровдина Гора и находящаяся рядомъ съ ней деревня Заозерская; тутъ же впервые упоминается и церковь св. Димитрія, по всей вѣроятности, давшая имя Дмитріевскому погосту.

На Великомъ же островѣ находилась Юрмола и Лукинъ берегъ, неоднократно упоминаемые въ Двинскихъ грамотахъ. Юрмола—это низменная часть Кургострова по берегу р. Ухтостровки (Богоявленки); Лукинымъ, повидимому, называется берегъ р. Ровдогорки отъ Ровдиной Горы до Димитріевскаго погоста (теперь Кургостровскаго). Далѣе можно опредѣлить мѣстность, названную въ грамотахъ: «на противѣ на носу» (= противъ Николаевскаго Чухченемскаго монастыря на Кургостровѣ), и гору Кругляцу (нынѣ мѣстность того же имени), а также Залывье (нынѣ Залывскій приходъ). Были обработаны земли и на Пальеостровѣ, впервые упоминаемомъ въ этихъ грамотахъ, между прочимъ около озеръ: Паритова и Рушелгра[1]); на этомъ же островѣ была и пожня Батюрмола. Также и на островахъ: Маломъ, Парьѣ (между прочимъ у озера Хлюнина), Луготинѣ были пашни и пожни. На Ухтостровѣ уже въ XV в. были двѣ церкви, давшія названія нынѣшнимъ приходамъ: Богоявленскому и Троицкому, а на правомъ берегу Двины — Ильинская церковь, нынѣ Чухченемскій Ильинскій приходъ.

Со второй половины XVI в., благодаря возникшимъ сношеніямъ съ англичанами черезъ Бѣлое море, усилилось административное значеніе Холмогоръ и еще болѣе развилась экономическая жизнь всей этой мѣстности. Холмогоры значительно расширились и объединили своимъ именемъ отдѣльныя части, составлявшія ихъ, именно (въ порядкѣ по теченію рѣки): городъ, Куропольскій и Курцевскій посады, дер. Качковку (Качковскую), Глинскій, Никольскій (Верхняя половина), Ивановскій (Нижняя половина) и Падрокурскій (Заладрокурскій) посады[2]). Изъ нихъ древнѣйшій,

---

1) Нынѣ оз. Рушелда, по предположенію А. А. Шахматова, «Изслѣд.», ч. II, с. 24.

2) В. Крестининъ, «Начерт. исторіи г. Холмогоръ», сс. 5—8; Е. Е. Замысловскій, «Извлеченія изъ переписныхъ книгъ», С.-Пб., 1888 г., вып. I, сс. 15—18.

повидимому, Падрокурскій, упоминаемый въ грамотѣ 1471 г. [1]).

Въ теченіе XVII в., судя по писцовымъ книгамъ Мирона Вельяминова 1622—1624 г. [2]) и по переписнымъ книгамъ 1678 г. [3]), жизнь на островахъ Холмогорской луки все болѣе развивается.

Такъ, въ переписныхъ книгахъ 1678 г. вездѣ отмѣчаются прибавки дворовъ и жителей сравнительно съ предшествующими переписями; въ Холмогорахъ насчитывалось 594 дворовъ и 1817 жителей (по переписи 1897 г.: 334 зданія и 1112 жителей); появляются новые населенные пункты. При впаденіи р. Вавчуги въ Двину заселяется «дер. Вавчюжская Колмогорца Андрѣя Баженина» [4]). Матигорцы имѣютъ тони на р. Поноѣ и по Терскому берегу Кольскаго полуострова [5]).

---

1) Приводимъ изъ этой грамоты все, относящееся къ Холмогорской лукѣ: А се земли князя великаго на Двинѣ:... да на Матигорахъ Великое поле у озерка, да Быстрокурія, межа по Хурдогу рѣку и по Матигорское озеро, Виковъ наволокъ, тянетъ къ Великому жъ полю отъ Плеского ручья до Семежничи горы, поль-Палиострова, поль-Кураострова, поль-Чухчолема, Лукинъ берегъ, поль-Ухтаострова ..... А Колмогоры и Падринъ погостъ, Матигорьская лука отъ Орлеца на Лѣстровъ (= Палѣстровъ) до Великаго поля, Курьестровъ, Чухчелема, Ухты-островъ... то все вотчина осподарей великихъ князей.

«Акты Археогр. Экспед.», т. I, № 94.

2) «Подлинная писцовая книга города Архангельска, Двинскихъ посадовъ и становъ и волостей Двинскаго уѣзда, писма и мѣры Мирона Андреевича Вельяминова и подъячихъ: Бажена Степанова и Антона Подольскаго» хранится въ Моск. Арх. Мин. Юст. («Опис. докум. и бумагъ» Архива, т. I, с. 4, № 39).

Мы воспользовались выдержками изъ копіи съ этой писцовой книги, приведенными въ статьѣ свящ. А. Грандилевскаго (см. «Ломонос. Сборн.», сс. 98—103).

3) Е. Е. Замысловскій, «Извлеч.», сс. 12—101. Подлинная переписная книга 1678 г. городовъ: Архангельска и Холмогоръ и Двинскаго уѣзда посадовъ, становъ и волостей, переписи стольника Аѳанасія Денисовича Фон-Визина и подьячаго Ѳедора Замятнина, хранится въ Моск. Арх. Мин. Юст. («Опис. докум. и бумагъ» Архива, т. I, с. 4, № 40).

4) Е. Е. Замысловскій, «Извлеч.», с. 41.

5) Въ грамотѣ 1686 г., марта 11, читаемъ:... Въ Кольскомъ уѣздѣ на Терской сторонѣ рыбные саможьи (семожьи) ловли, рѣчки и тони, которые у насъ (Антоніева-Сійскаго мон.) были куплены въ прошлыхъ годѣхъ у Поповскихъ жителей и у лопарей и Матигорские волости Борисоглѣбскаго приходу жителей.

Моск. Арх. Мин. Юст., № 6139/6.

На ряду со своими сосѣдями и Куростровцы, повидимому, достигли значительнаго благосостоянія, судя по количеству деревень и населенія въ Куростровской волости и по количеству угодій и земель, принадлежавшихъ къ этой волости [1]).

Почти всѣ населенные пункты Куростровской волости сохранили свои названія до настоящаго времени [2]) но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ картографическаго матеріала, удалось нанести на прилагаемую при семъ карту лишь нѣкоторые изъ нихъ.

---

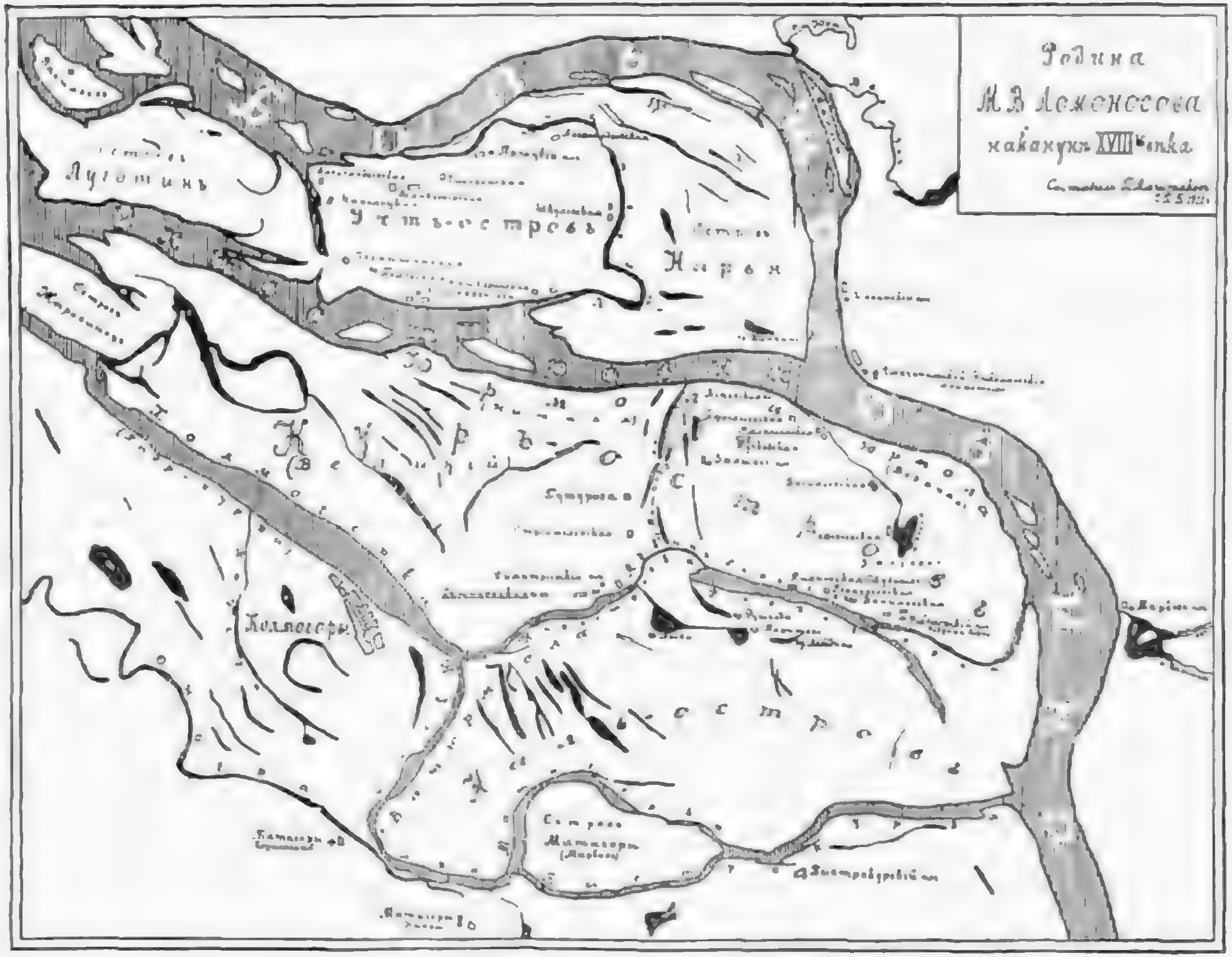
1) Кстати, для сравненія съ выдержкой изъ писцовой книги Мирона Вельяминова 1622 — 24 гг. (см. «Ломонос. Сборн.», сс. 98 — 103, въ статьѣ свящ. А. Грандилевскаго), приводимъ извлеченіе изъ переписной книги 1678 г. (Е. Е. Замысловскій, «Извлеч.», с. 40):

Волость Куростровъ. Въ ней великаго государя деревни черныя: Луховская, Мелешевская, Григоревская, Тучковская, Ендыска, Денисовская, Мишанинская, Калитинская, Худяковская, Настасьевщина, Аѳонасьевская, Шипачевская, Поколотова, Лупева, Сивцевская, Перевозникова, Казимеровская, Торокановская, Бѣберевская (Басовская), Резановская, Нестеровская, Боярщина, Тушковаса, Зиновьевская, Олѳеревская, Тушковская, Родіоновская, Осѣевская, Кичигинская, Ту[ту]ровская, Строителевская, Краковская (Бабинская), Селивановская, Онанина Гора, Василевская, Пероилевская, Маланинская, Галтышевская, Скоробовская, Гундыревская, Остахновъ Наволокъ.

Всего въ Куростровской волости 41 деревня, а въ нихъ 229 дворовъ, въ нихъ 763 человѣка.

«И передъ прежними переписными книгами прибыло» 50 дворовъ и 229 человѣкъ.

2) См. Атласъ Архангельской епархіи, 1890 г., I благоч. Холмогор. у., Куростровскій приходъ.


Родина
М. В. Ломоносова
накануне XVIII века
Остров Лугонинъ
Ухтъ-островъ
Островъ Нарон
Куростровъ
Холмогоры
Островъ Матигоры
(Мировы)

Ломоносовъ и мозаичное дѣло въ Россіи.

Н. Е. Макаренко.

Мозаика въ Россіи, какъ заносная тепличная диковина, пышно распустившись въ XI—XII вв., завяла и умерла вмѣстѣ съ великокняжеской культурой, съ ея чудными эмалями, богатыми художественными издѣліями изъ серебра. Она погребена въ хаосѣ наслоеній, надвинувшихся на Русь съ татарскими нашествіями и княжескими неурядицами. Съ этого времени, съ ослабленіемъ центра Руси — Кіева, и до половины XVIII вѣка о мозаикѣ въ Россіи не вспоминали. Лишь безграничная любознательность и всеобъемлющее творчество геніальнаго Ломоносова были причиной возрожденія въ Россіи этой монументальной техники искусства. Но и теперь, вспыхнувъ яркимъ феерическимъ блескомъ, мозаика со смертью своего отца немедленно угасаетъ, чтобы потомъ, уже перейдя за грань XVIII вѣка, едва влачить свое существованіе.

М. В. Ломоносову, такимъ образомъ, по праву принадлежитъ имя отца возрожденной мозаики въ Россіи — искусства, давно и, къ удивленію, прочно забытаго, не смотря на всѣ его лучшія качества. Съ чутьемъ и знаніемъ передового человѣка своего времени, русскій самородокъ сразу понялъ всю неоцѣнимую важность и значеніе мозаики, какъ вѣчнаго матеріала для искусства и лучшаго способа въ передачѣ красочныхъ гармоній, что, къ слову сказать, не было оцѣнено ни его современниками, ни послѣдователями.

Не будучи художникомъ ни по образованію, ни по профессіи, ни даже рисовальщикомъ, Ломоносовъ, со свойственной ему энергіей, берется за это сложнѣйшее дѣло съ увѣренностью опытнаго мастера, даже больше — художника и въ теченіе короткаго, сравнительно, промежутка времени даетъ блестящее доказательство и своего всесторонняго дарованія, и прекрасной постановки многосложнаго и крайне труднаго дѣла, доведя его, въ краткое время, до «столь хорошева состоянія, до котораго въ Римѣ въ нѣсколько сотъ лѣтъ достигло»[1]).

И въ этой спеціальности, требовавшей отъ него, какъ инициатора всего дѣла, не только соотвѣтственнаго данными цвѣтамъ оригинала подбора стеклянныхъ палочекъ и кусковъ, но и всей химической и технической трудности по составленію цвѣтныхъ массъ, а кромѣ того и знанія рисунка при передачѣ оригинала и вкуса въ выборѣ тоновъ, онъ выходитъ побѣдителемъ затѣи неблагодарной. Стеклянная масса изготовляется имъ въ сотняхъ и тысячахъ цвѣтовъ и тоновъ, не смотря на частыя затрудненія, иногда самаго элементарнаго свойства, какъ отсутствіе дровъ, уголья, за которыми приходилось посылать бумаги въ Академическую Канцелярію, отсутствіе въ лабораторіи сторожа, который бы при химическихъ опытахъ (гдѣ ему приходилось изготовлять стеклянную массу) «уголье носить и лабораторію чисто содержать и при ней безотлучно быть могъ»[2]).

Пробы стеклянныхъ массъ идутъ неукоснительно, работы по изготовленію портретовъ на удивленіе быстры,— и въ результатѣ распускается пышная гамма радужныхъ и бархатно глубокихъ тоновъ на портретѣ Елисаветы Петровны и скромныхъ сѣро-жемчужныхъ переливовъ на портретѣ Екатерины II.

Въ послѣднемъ портретѣ онъ достигаетъ, повидимому, высшаго техническаго совершенства своего времени въ мозаическомъ

---

1) В. Пассекъ, Очерки Россіи, II, стр. 67. Портфель служебной дѣятельности Ломоносова; П. Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 564.

2) Билярскій, Указ. соч., стр. 114.

искусствѣ и мастерски справляется съ рисункомъ: тонкая обработка формъ, портретное сходство и благородное отношеніе тоновъ убѣждаютъ зрителя въ извѣстныхъ достиженіяхъ техническихъ и художественныхъ. Эти достиженія. эти достоинства самоучки въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ — результатъ не преемственныхъ традицій вѣкового производства, не заимствованіе техническихъ пріемовъ и готовыхъ формъ и не подражаніе производству своихъ предшественниковъ. Мы имѣемъ дѣло съ инымъ явленіемъ, рѣдкимъ, свойственнымъ исключительнымъ личностямъ. Начиная съ приготовленія стекляныхъ массъ, начало которыхъ восходитъ къ изготовленію простыхъ и цвѣтныхъ оконныхъ стеколъ и до передачи портретнаго сходства, мы имѣемъ дѣло съ неусыпнымъ, упорнымъ трудомъ и съ всеобъемлющимъ знаніемъ. Передъ наблюдателемъ развертывается, длинной перспективой, картина философски теривливаго, усидчиваго искапія различныхъ химическихъ и техническихъ совершенствъ и быстрыхъ достиженій въ выполненіи художественныхъ формъ и колористическихъ задачъ. И вправѣ была коммиссія Академіи Художествъ произнести свою похвалу, когда было запрошено у нея мнѣніе о качествѣ мозаичныхъ работъ на фабрикѣ Ломоносова: «со удивленіемъ признавать должно, что первые опыты такой мозаики безъ настоящихъ мастеровъ и безъ наставленія въ такое малое время столь далеко доведены, что Россійскую Имперію поздравляемъ съ тѣмъ, что между благополучными успѣхами наукъ и художествъ.... и сіе благородное художество изобрѣтено»...[1]). Только постепенное и непрерывное занятіе изготовленіемъ простыхъ и цвѣтныхъ стеколъ и стеклянной посуды, а также одновременное занятіе изготовленіемъ красокъ[2]), повидимому, привели Ломоносова къ мысли о работахъ надъ цвѣтными стеклами особаго рода, среди которыхъ вскорѣ «нашлось немалое число такихъ стеколъ, которые

---

1) Билярскій, стр. 353. П. Пекарскій, Ист. Имп. Акад. Наукъ въ С.-Пб., II, стр. 634.

2) Билярскій, стр. 132 и 139.

въ мусію годятся»[1]). Объ этомъ фактѣ онъ сообщаетъ рапортомъ въ Академію 29 Марта 1750 года. «А для лучшаго ихъ виду должно де отточить и съ одной стороны вышлифовать», прибавляетъ онъ тамъ же. Очевидно, мысль о работѣ въ области мозаики у Ломоносова къ этому времени созрѣла, и возможно, что были выработаны планы на будущее этого предпріятія, такъ какъ стекла для мусіи, мы знаемъ, были взяты графомъ М. Л. Воронцовымъ, какъ пробы мусіи для представленія Государынѣ[2]), въ Августѣ 1751 года. Въ то же время Ломоносовъ занимается изготовленіемъ стеклянной посуды изъ разноцвѣтнаго стекла и обученіемъ этому мастерству другихъ:... «по канцелярскому указу обучалъ составленіямъ разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ Канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ»[3]). Теперь слава Ломоносова, какъ искуснаго мастера въ стекляномъ художествѣ, извѣстна Канцеляріи строеній, которая и пользуется имъ: «небезъизвѣстно есть Канцеляріи отъ строеній, что обрѣтающійся при Академіи Наукъ совѣтникъ и проф. химіи господинъ Ломоносовъ по его искусству въ томъ знаніе имѣетъ, и къ приращенію Ея Императорскаго Величества высокого интереса довѣренному человѣку показать можетъ...»[4]). Этотъ довѣренный человѣкъ былъ мастеръ Иванъ Коперовъ.

Эти факты ясно опредѣляютъ направленіе, по которому должно идти изученіе происхожденія мозаичныхъ работъ Ломоносова. Оно, это происхожденіе, находится въ связи съ изготовленіемъ оконныхъ цвѣтныхъ стеколъ и стеклянной посуды. Здѣсь и получила начало стеклянная масса для спеціальнаго употребленія — для мозаики.

Но начало мозаичныхъ работъ Ломоносова восходитъ, однако же, благодаря, конечно, длинному предварительному про-

---

1) Билярскій, стр. 139—40.

2) Тамъ же, стр. 154.

3) Мухановскій сборникъ бумагъ Ломоносова въ I Отд. Библ. И. А. Н. стр. 36. Рапортъ Шувалову о работахъ 1752 года. Петръ Дружининъ— «архитектуріи ученикъ».

4) Билярскій, Указ. соч., стр. 157.

цессу ознакомленія его со стеклами и красками, лишь къ 1752 году. Въ этомъ году онъ занимается уже изготовленіемъ образа «Пресвятыя Богоматере мозаическою работою». Еще въ Августѣ этого года онъ сообщалъ рапортомъ въ Канцелярію Академіи Наукъ, что сдѣланныя имъ пробы мозаики «хранятся при лабораторіи въ Боновскомъ домѣ, въ особливомъ покоѣ, и каждая особливо подъ померомъ противъ химическаго журнала, въ которомъ по мѣсяцамъ и числамъ оные составы описаны»[1]); и что всѣхъ этихъ пробъ образцы онъ, Ломоносовъ, представитъ «въ Канцелярію по совершенію мозаическаго образа[2]).

Такимъ образомъ, первымъ произведеніемъ Ломоносова въ области мозаичнаго искусства, по его же признанію, былъ образъ Пресвятыя Богоматери (25 Августа 1752 года): «...оной образъ съ Божіею помощью на сей недѣлѣ готовъ быть имѣетъ, и рамы уже изъ зеленой мѣди вылиты, которыи длиною два фута, а шириною въ 19 дюймовъ, и на позолоту оныхъ потребно шесть червонныхъ, да для соблюденія онаго образа кіотъ деревянной, орѣхомъ выкрашенной, а внутри зеленымъ сукномъ убитой...» Постановленіе Академической Канцеляріи по этому дѣлу состоялось такое: «на позолоту рамъ шесть червонныхъ купить..., что-жъ касается до здѣланія кіота, и оной немедленно по указанію Совѣтника Ломоносова сдѣлать мастеру Фричу». Это постановленіе можетъ служить нѣкоторымъ мѣриломъ хорошаго, отзывчиваго отношенія Канцеляріи къ мозаичнымъ работамъ: и заказъ рамы и кіота исполняется безъ замедленія и какихъ-либо оговорокъ. Столь благожелательное отношеніе, какъ увидимъ ниже, было не по праву нѣкоторымъ современникамъ и соратникамъ Ломоносова, выступившимъ, даже въ литературѣ, съ нападками и критикой на вводимое имъ вновь мозаичное дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія о скоромъ окончаніи образа, именно 4-го Сентября 1752 года образъ этотъ былъ готовъ: «Сего числа — значится въ журналѣ Ака-

---

1) Билярскій, стр. 176.
2) Тамъ же, стр. 176—7.

деміи — Совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ въ Канцелярію Академіи Наукъ взноситъ образъ Пресвятыя Богоматере въ присутствіи г. Совѣтника Шумахера, здѣланный имъ, господиномъ совѣтникомъ и профессоромъ мозаическою работою, а при томъ объявлено, что онъ тотъ образъ имѣетъ поднести Ея Императорскому Величеству»[1]). Того же числа онъ былъ поднесенъ Государынѣ[2]) и принятъ «съ оказаніемъ удовольствія». Образъ исполненъ по оригиналу римскаго живописца Соллмены[3]); въ немъ «всѣхъ составныхъ кусковъ поставлено больше 4000, все ево руками, а для пзобрѣтенія составовъ дѣлано 2184 опыта въ стеклянной печи».

Выраженіе удовольствія Государыней по поводу принятія образа съ одной стороны, большія затраты времени и труда — съ другой побуждаютъ, поэтому, Ломоносова ходатайствовать, чтобы начатое имъ столь блестящее дѣло не заглохло, а такъ какъ самъ онъ «всегда въ томъ не можетъ упражняться, желая служить отечеству другими знаніями и науками»[4]), то просить дать ему въ ученье достойнаго ученика. Просьба не осталась напрасной: послѣдовавшимъ опредѣленіемъ Академической Канцеляріи онъ получилъ двухъ способныхъ къ тому человѣкъ изъ рисовальныхъ учениковъ мастера Гриммеля.

Повидимому, и въ это время Ломоносовъ еще не стремится отдѣлить занятіе по изготовленію разноцвѣтныхъ стеколъ и мелкихъ изъ него предметовъ отъ работъ по изготовленію стекляпныхъ массъ для мозаики. И въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же 1752 года обсуждается въ Правительствующемъ Сенатѣ его просьба о разрѣшеніи ему «къ пользѣ и славѣ Россійской Имперіи завесть фабрику дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисеру, пропизокъ и стеклярусу и всякихъ дру-

---

1) Билярскій, стр. 176—7.

2) Тамъ же, стр. 179.

3) Соллмена род. въ 1657 г. въ Ночерѣ, умеръ въ 1747 г. Roger Peyre. Répertoire chronologique de l'histoire universelle des Beaux Arts, pp. 349 и 416.

4) Билярскій, стр. 179.

гихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще поныне въ Россіи не дѣлаютъ, но привозятъ изъ-за моря великое количество» [1]). Просьба — весьма характерна для дѣятельнаго, сообразительнаго Ломоносова, сразу же замѣтившаго и оцѣнившаго значеніе подобныхъ подѣлокъ, привозимыхъ изъ за моря въ «великомъ количествѣ».

Это было время, съ котораго, главнымъ образомъ въ домашнемъ помѣщичьемъ обиходѣ, а затѣмъ уже въ монастырскихъ кельяхъ широко распространяются издѣлія изъ мельчайшаго бисера, — матеріала, до сихъ поръ сравнительно дорогого, привозимаго изъ Италіи. Бисерные ридикюли, кошельки, чубуки, бумажники, пеналы, шнурки, подстаканники, кисеты и множество самыхъ обыкновенныхъ, всегда необходимыхъ предметовъ и даже ненужныхъ бездѣлушекъ покрывается сложнѣйшимъ рисункомъ, цвѣтистымъ ковромъ.

Достойно удивленія это стремленіе ученаго и поэта вникнуть во все, его окружающее, обратить вниманіе на всѣ мелочи обыденной обстановки и одновременно заниматься разрѣшеніемъ десятковъ вопросовъ научнаго характера. Бисеръ, ода, мозаичные портреты, руды, географическія карты, стеклянная посуда, проэкты иллюминацій, химія, физика, экспедиціи, древніе портреты государей, князей и множество другихъ работъ... Какой-то гигантскій фейерверкъ, ослѣпительный и мощный! И понятна намъ его жалоба: «ибо хотя голова моя и много зачинаетъ, да руки одни» [2]) и просьба, обращенная къ И. И. Шувалову о содѣйствіи къ облегченію въ мелочныхъ заботахъ, бѣготнѣ по канцеляріямъ и пр.

Просьба о разрѣшеніи открыть фабрику удовлетворяется Сенатомъ указомъ послѣдняго 14 Декабря 1752 года [3]) Высочайшее

---

1) Билярскій, стр. 181.

2) Тамъ же, стр. 151.

3) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XIII, стр. 750-ая, столб. 2-й, № 10057. изд. 1830 года. «Декабря 14-го. Сенатскій. О позволеніи Профессору Ломоносову завесть фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру, стеклярусу и другихъ галантерейныхъ вещей, съ привиллегіею на 30 лѣтъ».

утвержденіе этого постановленія Сената, въ нѣсколько измѣненной формѣ, состоялось 15 Марта 1753 года. Онъ получилъ землю и крестьянъ «въ Коважской мызѣ, въ дер. Усть-Рудицы за Рапшбаумомъ двадцать четыре версты, гдѣ строится помянутая фабрика»[1]).

Многочисленныя, очевидно, хлопоты по испрошенію земли и устройству фабрики заставляютъ ѣхать въ Москву, гдѣ въ то время пребывалъ Дворъ, какъ самого Ломоносова[2]), такъ и его лаборанта[3]); съ этой поѣздкой онъ хотѣлъ соединить и осмотръ «въ московскихъ соборахъ и другихъ церквахъ также и въ Новѣгородѣ старинныхъ мозаичныхъ образовъ греческой работы»[4]).

Не лишены интереса и тѣ условія, по которымъ должна была быть открыта фабрика.

Ломоносовъ получаетъ на первоначальное обзаведеніе отъ казны 4000 рублей и 30-ти-лѣтнюю привиллегію; ни кому не дозволялось, въ теченіе этого времени, устраивать подобной же фабрики, — для того, чтобы его фабрика «подрыву имѣть не могла»; пошлинъ съ предметовъ производства не взымалось въ теченіе 10 лѣтъ; запрещенъ былъ ввозъ иностранныхъ вещей, выдѣлываемыхъ на фабрикѣ, и проч.

Но, видно, не легко досталась Ломоносову фабрика. По этому поводу (о чинимыхъ въ его хлопотахъ о ней препятствіяхъ) находимъ извѣстія и въ «Краткой исторіи о поведеніи Академической Канцеляріи»[5]). Любопытное письмо о пользѣ стекла, адресованное къ И. И. Шувалову, служитъ отчасти свидѣтелемъ того положенія, что Ломоносовъ нуждался въ защитѣ своего дѣла отъ

---

1) Билярскій, стр. 207.

2) Билярскій, стр. 195 и Пекарскій, стр. 510—513.

3) Пекарскій, стр. 510.

4) Какія мозаичныя работы Ломоносовъ хотѣлъ осмотрѣть, намъ неизвѣстно. Кромѣ мозаичныхъ паніо въ алтарѣ Новгородской Софіи, едва ли онъ могъ встрѣтить на своемъ пути другія.

5) «Краткая исторія о поведеніи академической Канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени»: статья В. И. Ламанскаго «Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ» — «Чт. И. О. И. и Др. Р.» 1865, I, Смѣсь, 37—192, на стр. 77-й.

извѣтовъ недруговъ; извѣстный разсказъ о стеклянныхъ пуговицахъ кафтана Ломоносова, будто бы вызвавшихъ пророческое замѣчаніе какого то скептика, вѣроятнѣе — лишь анекдотъ[1]). Въ самомъ же дѣлѣ нападки на Ломоносова и на его работы со стеклами и мозаикой вызваны завистью однихъ, злостью другихъ и даже непониманіемъ задачъ и цѣлей мозаики[2]) у третьихъ.

Въ концѣ 1752 года, въ Сентябрьскую треть его, когда Ломоносовъ «изыскивалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію»[3]), было извѣстно, что на фабрикѣ его дѣлается портретъ Петра Великаго: «къ дальнѣйшему производству мозаичнаго дѣла учинены мною приуготовленія къ составленію портрета блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, при чемъ опредѣленнымъ комнѣ для ихъ ученія сего дѣла рисовальнымъ ученикамъ показалъ я способы, какъ приготовлять надлежащія изъ составовъ куски къ набиранію онаго портрета, которыхъ они уже нарочитое количество наготовили». Цѣлый рядъ свѣдѣній, имѣющихся въ рапортахъ Ломоносова объ изготовленіи портрета Петра Великаго, ставитъ изслѣдователя въ затруднительное положеніе въ смыслѣ опредѣленія, — къ одному ли портрету относятся эти свѣдѣнія. Изъ этого положенія одинъ выходъ — признать всѣ эти свѣдѣнія относящимися не къ различнымъ портретамъ, а къ одному, но тогда страннымъ покажется столь большой промежутокъ времени — конецъ 1752 года и средина 1754 года — для изготовленія одного и того же портрета. 8 и 13 Февраля 1753 года Ломоносовъ требуетъ для изготовленія портрета денегъ на покупку матеріаловъ[4]), 13 Апрѣля 1754 года — угольевъ и глины московской, для тѣхъ же цѣлей[5]); 28 Іюля того же года онъ рапортомъ объявляетъ объ изготовленіи рамы къ портрету Петра В. Если считать, что рама къ портрету

---

1) Пекарскій, указ. соч., стр. 499.
2) «Русскій Архивъ» 1869, № 1, стр. 13.
3) Билярскій, стр. 187.
4) Билярскій, стр. 194 и 219.
5) Тамъ же, стр. 262.

была заказана и исполнена лишь по окончаніи портрета, то это время и надо считать временемъ окончанія его. Дальнѣйшая судьба портрета извѣстна изъ записи въ журналѣ Сената отъ 12 Декабря 1755 года: «Вчерашнѣ былъ Коллежскій Совѣтникъ и Академіи Наукъ Профессоръ М. Ломоносовъ и собранію Правительствующаго Сената доносилъ, что онъ въ знакъ благодарности за пожертвованную ему бисерную фабрику сдѣлалъ изъ мозаиковыхъ камней портретъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Г. П. Петра Великаго, который при томъ объявя, просилъ, чтобъ повелѣно было оный портретъ у него, Ломоносова, въ Правительствующій Сенатъ принять»[1]). Сенатъ принялъ портретъ и Ломоносову объявилъ свое удовольствіе.

Какъ выраженіе своей искренней признательности за содѣйствіе И. И. Шувалова въ полученіи фабрики, а за нею деревень и крестьянъ и «въ начинаніи опытовъ мозаичнаго художества», Ломоносовъ посылаетъ въ даръ небольшой образокъ Спасителя на Убрусѣ женѣ Шувалова — Маврѣ Егорьевнѣ»[2]) бывшей, судя по врѣзанной надписи на обратной сторонѣ образка, вдохновительницей Ломоносова въ изготовленіи этого образка. Изготовленъ онъ въ 1753 году, какъ видно изъ упомянутой надписи. Эта небольшая работа характерна для начинающаго мозаиста Ломоносова: она любопытна и въ отношеніи взгляда Ломоносова на мозаичное искусство, и въ сужденіи нашемъ о силахъ автора образка, какими онъ обладалъ, какъ рисовальщикъ: внимательное отношеніе къ формамъ, переданнымъ помощью широкихъ плановъ,—чисто декоративнаго свойства. Благородные блеклые тона, гармонично понятые, производящіе впечатлѣніе и на большомъ разстояніи. Эти обстоятельства были оцѣнены и самимъ авторамъ и высказаны имъ въ письмѣ къ Шувалову отъ 10 мая

---

1) «Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», 1856 г., V, стр. 102. П. Пекарскій, стр. 589—590. Исторія Правительствующаго Сената, т. V-й, дополнительный, стр. 41.

2) Пекарскій, стр. 513—514; Билярскій, стр. 203.

1753 года: «который (образъ) хотя нарочитые недостатки имѣетъ, однако, для новости дѣла и для малости изображенія, упованіе нѣкоторое мнѣ извиненіе пріобрѣсти можетъ; а особливо, ежели нѣсколько повыше, въ удобномъ мѣстѣ поставленъ будетъ».

Намъ не извѣстны другія работы Ломоносова отмѣчаемаго времени: ни въ его перепискѣ, ни въ протоколахъ Академической Канцеляріи, ни даже въ рапортахъ, подаваемыхъ имъ за каждую треть года о произведенныхъ работахъ, не встрѣчается на это указаній. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ, что таковыхъ работъ за означенный періодъ времени не было,—и мы увидимъ, почему. Уѣзжая на лѣтніе мѣсяцы 1755 года на свои заводы, онъ, очевидно, чтобы успокоить Академическую Канцелярію на счетъ лѣтней дѣятельности своей, какъ руководителя отданныхъ ему учениковъ, рапортомъ въ Канцелярію сообщалъ: «Данные мнѣ отъ академической канцеляріи ученики рисовальнаго художества для наученія мозаики имѣютъ въ оной не малые успѣхи, что явствуетъ изъ составленнаго ими мозаичнаго портрета Государя Императора Петра Великаго блаженныя памяти, и нынѣ составляютъ мозаичный же портретъ св. Апостола Петра по римскому примѣру»[1]). Въ этомъ сообщеніи кроется разгадка того количества портретовъ Петра Великаго, которое въ настоящее время приписывается Ломоносову и его фабрикѣ. Въ настоящее время мнѣ извѣстно пять такихъ портретовъ: 1) въ залѣ 1-го Департамента Сената, 2) въ большой конференцъ-залѣ Имп. Академіи Наукъ, 3) въ Музеѣ Имп. Общества Поощренія Художествъ, 4) въ галлереѣ Петра Великаго въ Имп. Академіи Наукъ и 5) въ Петергофскомъ Дворцѣ. Исполнялись они, какъ видно изъ рапорта, не только самимъ Ломоносовымъ, какъ портретъ, принадлежащій Сенату, но и, главнымъ образомъ, его учениками. Это положеніе освѣщается и его же, болѣе раннимъ признаніемъ, относящимся къ 1752 году, ко времени изготовленія перваго портрета Петра Великаго: «А въ нынѣшнюю Генварь-

---

1) Пекарскій, стр. 580—581.

скую треть намѣрен... съ помощіемъ рисовальныхъ учениковъ въ дѣланіи портрета Великаго Государя со всякимъ раченіемъ простираться»[1]); это — вполнѣ естественное теченіе дѣлъ, гдѣ группа учащихся занимается исполненіемъ работы на заданную руководителемъ тему. У Ломоносова этой темой, въ настоящій періодъ, быть можетъ, надо считать изготовленіе портретовъ Петра Великаго. Подробнѣе о всѣхъ этихъ портретахъ — ниже. Но, какъ ни восторженны отзывы Академіи Художествъ, какъ ни похвальны выраженія меценатовъ-покровителей о мозаичныхъ работахъ Ломоносова, матеріальное положеніе его не было завиднымъ, а быть можетъ и вовсе не изъ пріятныхъ.

Ни «славные» вельможи Елисаветинскаго времени, ни дворъ, на которыхъ, повидимому, разсчитывалъ Ломоносовъ, открывая свою фабрику, не поддержали его заказами.

Въ понятіяхъ меценатовъ и любителей вѣка пышныхъ формъ и красочнаго блеска не вязалась «грубость» формъ, переданныхъ мозаичной техникой,— техникой, по своей сущности исключительно декоративной. Къ тому же, надо прибавить и явныя «безсовѣстія недоброхотовъ» Ломоносова, которые не стѣснялись выражать,—добро бы свой скептицизмъ,—а то и «злые нападки» на мозаичное дѣло, даже въ литературной формѣ, какъ это произошло впослѣдствіи[2]) и какъ показалось это самому Ломоносову, потому что на самомъ дѣлѣ нападокъ этихъ нельзя же видѣть тамъ, гдѣ видитъ ихъ оскорбленное чувство Ломоносова, и гдѣ ихъ съ нашей точки зрѣнія нѣтъ. «Не токмо въ Академическихъ дѣлахъ Ломоносову чинились препятствія, но и по его приватнымъ трудамъ оскорбленія, когда мозаичное дѣло привелъ онъ до такова совершенства, что стали многіе похвалять его стараніе[3]).

Имѣя лишь небольшіе заказы, явно не оправдывавшіе даже

---

1) Билярскій, стр. 187.

2) «Трудолюбивая Пчела» 1759 года, стр. 353—360.

3) § 42. Краткой исторіи о поведеніи Академической Канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени — въ «Чтеніяхъ И. О. И. и Др. Рос.» 1865. I, Смѣсь, стр. 86—87. Черновикъ писанъ рукою Ломоносова.

простыхъ расходовъ не только по содержанію фабрики, но даже и по изготовленію самаго заказа, при поддержкѣ двухъ-трехъ вельможъ, Ломоносову, въ концѣ концовъ, пришлось избрать столь обычный путь ходатайства о пособіи отъ правительства въ той или иной формѣ. Онъ хлопоталъ о порученіи ему «отъ казны мозаичныхъ работъ», справедливо видя въ нихъ единственное въ то время средство существованія его фабрики.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ рѣшительно никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о работахъ на Усть-Рудицкой фабрикѣ въ области изготовленія бисера, стекляруса и галантерейныхъ вещей. Что на фабрикѣ изготовлялись предметы этого рода, едва ли возможны сомнѣнія; по крайней мѣрѣ въ челобитной Ломоносова мы находимъ на это указаніе: «На привилегированной моей фабрикѣ дѣланія изобрѣтенныхъ мною разноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисеру, пронизокъ и стеклярусу и всякихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ *производится между прочими мастерствами* мозаическое художество»[1])... Возможно, что въ періодъ, когда фабрика была поглощена сильнымъ изготовленіемъ заказа отъ казны, т. е. уже «Полтавской баталіей» и др., производство бисера и пр. было нѣсколько нарушено, но прямыхъ указаній на это я не встрѣтилъ. Было бы весьма любопытно встрѣтить какія-либо указанія на производство бисера и на состояніе этого рода производства въ промышленномъ отношеніи. Нѣсколько позже, именно въ началѣ XIX вѣка, какъ извѣстно, бисерное производство въ Россіи находилось въ періодѣ наивысшаго развитія: этотъ періодъ оставилъ намъ множество предметовъ, изготовленныхъ изъ бисера; но намъ пока мало извѣстны подобные предметы русскаго происхожденія отъ второй половины XVIII вѣка и въ томъ числѣ бисерныя издѣлія Елизаветинскаго времени, когда бисеръ, благодаря мѣстному изготовленію на Ломоносовской фабрикѣ, вошелъ во всеобщее употребленіе.

Мысль о заказахъ отъ казны явилась у Ломоносова вслѣдъ

---

1) Билярскій, стр. 350.

за основаніемъ фабрики; въ Октябрѣ 1757 года Ломоносовъ бьетъ челомъ Государынѣ, а незадолго передъ этимъ ведетъ съ И. И. Шуваловымъ переписку объ изготовленіи портрета, какого — намъ не извѣстно, но едва ли не портрета Елисаветы Петровны, который былъ заказанъ Шуваловымъ для Московскаго Университета, какъ объ этомъ извѣстно изъ письма Ломоносова отъ 3 Марта 1760 года. 27 Сентября 1757 года Ломоносовъ пишетъ Шувалову, повидимому, по поводу того же портрета: «Чтожъ до портрета надлежитъ, съ котораго дѣлать; то я думаю, чтобы наперво хотя одинъликъ скопировать съ самаго лучшаго приказать Федору»[1]). О портретѣ Елисаветы Петровны скажемъ ниже.

Въ своей челобитной о пособіи отъ казны Ломоносовъ, ссылаясь на указъ Государыни, «данный изъ Правительствующаго Сената прошлаго 1756 года», которымъ повелѣвалось приложить особое стараніе «къ размноженію» мозаическаго искусства, перечисляетъ качества и преимущества мозаики передъ другими способами изобрѣтенія, излагаетъ успѣхи и совершенство, до которыхъ дошла работа на привиллегированной его фабрикѣ, и въ заключеніе излагаетъ самую просьбу: «и желаю я нижайшій, какъ для церквей божіихъ сѣтыя образы, такъ и для другихъ публичныхъ строеній изображать на моихъ заводахъ лица и дѣла великихъ вашихъ предковъ, а особливо безсмертныя памяти дражайшихъ вашихъ родителей, равно какъ и геройское Вашего Величества на родительскій престолъ восшествіе... и всемилостивѣйше указать на моихъ заводахъ составлять мозаическія живописныя вещи для украшенія казенныхъ строеній по данным оригиналамъ или рисункамъ за надлежащую цѣну»[2])...

Просьба эта и была предшественницей Высочайшаго повелѣнія объ освидѣтельствованіи Академіей Художествъ мозаичныхъ работъ Ломоносовскихъ фабрикъ. Весьма хорошій отзывъ, данный

---

1) Билярскій, стр. 351. По предположенію П. Петрова (см. примѣчаніе 46 и 89-е къ его Матеріаламъ по исторіи Акад. Худ.), — Федоръ Рокотовъ.

2) Билярскій, стр. 351.

Академіей Художествъ о мозаикахъ Ломоносова, и послѣдовавшія послѣ него распоряженія относительно полученія заказовъ не могли удовлетворить его. Не смотря на детальный разборъ работы, не смотря на многочисленныя преимущества мозаики, вытекавшія изъ оцѣнки даже составныхъ частей ея: хорошія стекла, разнообразіе цвѣтовъ и ихъ прочность, доброта и чистота композиціи мастики, прочная установка камней (мозаичныхъ палочекъ) и рекомендаціи, что мозаика «съ пользою и великолѣпіемъ употреблена быть можетъ къ живописнымъ всякаго званія малымъ и большимъ изображеніямъ въ церквахъ, залахъ, садахъ, гротахъ и прочихъ монументахъ»[1]), Ломоносову было объявлено въ февралѣ 1758 года, что по указу Ея Величества Сенатъ «съ удовольствіемъ похваляетъ», «видя таковыя его изобрѣтенія мозаики полезныя успѣхи» и рекомендуетъ въ Канцелярію отъ строеній и прочія мѣста, гдѣ потребна будетъ мозаика, «чтобы его Ломоносова за надлежащую цѣну призывать» для составленія работъ. Подобный результатъ ходатайства едва ли бы далъ возможность Ломоносову примѣнить свое «изобрѣтеніе». Это, вѣроятно, чувствовалось имъ самимъ и его покровителями. И въ томъ же Февралѣ мѣсяцѣ 1758 года одинъ изъ его вельможныхъ покровителей — графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ — предлагаетъ Сенату, не найдетъ ли послѣдній возможнымъ «приказать» совѣтнику и профессору Ломоносову сдѣлать, на его привиллегированныхъ фабрикахъ, мозаичныя украшенія и изобразить то, что «пристойно будетъ» въ память Императора Петра Великаго, для монумента внутри церкви св. Апостола Петра и Павла «въ Санктъ-петербургской крѣпости». Немедленно же по полученіи предложенія была увѣдомлена Академическая Канцелярія и Ломоносовъ, а также и Академія Художествъ для участія въ составленіи проэкта памятника. Тутъ и начинается для Ломоносова пора желанныхъ для него работъ, — моментъ начала широкаго примѣненія добытыхъ имъ, съ такимъ трудомъ и знаніемъ, въ

---

1) Билярскій, стр. 353.

теченіе многихъ лѣтъ, техническихъ и художественныхъ совершенствъ.

Особое усердіе изъ трехъ учрежденій, принявшихъ участіе въ составленіи и разработкѣ проэкта, оказала Академія Художествъ, члены которой въ разныхъ засѣданіяхъ «прилѣжно разсуждали»[1]) какой монументъ достоинъ памяти Петра Великаго. Итакъ, прилежно разсудивъ, послали въ Канцелярію Академіи Наукъ «два архитектурныхъ проэкта съ «инвенціями» объ аллегорическомъ представленіи, поставляемые на стѣнѣ, надъ самымъ надгробнымъ мѣстомъ, а именно № 1, 2, 3 и 4»[2]). Въ настоящее время проэкты эти мнѣ не извѣстны; они должны хранится въ Архивѣ Сената, куда, очевидно, переданы вмѣстѣ съ отвѣтомъ Академической Канцеляріи[3]). Въ представленныхъ двухъ проэктахъ, такимъ образомъ, имѣлось четыре «инвенціи»: первая Штелина, вторая архитектора Шумахера, третья — Дункера, а четвертая (уже картина) Валеріани по изобрѣтенію Штелина.

Память Великаго Преобразователя для его Царственной дочери была дорога, его слава заслуживала особливаго вниманія и поэтому «прежде, нежели за самое дѣло приняться, надлежитъ въ разсужденіе взять величество Государя, которому монументъ посвящается, и знатность и силу Имперіи, которая изъявляетъ тѣмъ свою благодарность, да еще время Славнаго государствованія Его Дщери»[4]). Высказанныя соображенія, естественно вытекавшія изъ самой идеи, были причиной задержки въ разработкѣ проэкта памятника. Въ ноябрѣ 1760 года, по указу Сената, были разосланы проэкты возможно большему числу учрежденій и лицъ, ученыхъ и художниковъ, чтобы собрать мнѣнія о томъ, «каковъ бы сей

---

1) Билярскій, стр. 369.

2) Тамъ же.

3) Билярскій, стр. 369, говоритъ объ этомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Надѣюсь, при предполагаемомъ мною, въ будущемъ, продолженіи работы о мозаикѣ использовать и Архивъ Сената, что я не могу сдѣлать при настоящей работѣ, обусловленной кратким срокомъ и опредѣленнымъ временемъ производства.

4) Билярскій, стр. 472.

монументъ быть имѣлъ». И. И. Шуваловъ 21 Мая 1761 г.[1]) по этому вопросу высказалъ, между прочимъ, что не мѣшало бы проэкты послать въ Академіи Римскую и Парижскую съ одной стороны, а съ другой—свое желаніе, чтобы проэкты были всѣ одного масштаба, а монументъ былъ не изъ мрамора, какихъ вездѣ много, а изъ другого матеріала, который бы въ другихъ странахъ былъ рѣдкимъ: «колонады и прочіе окрестные украшенія сдѣлать мѣдные, надъ гробницей въ срединѣ украшеніе серебряное, стѣны за гробомъ изъ лаписъ лазури, подлитной изъ ямы..., въ простѣнкахъ проэктованные совѣтникомъ Ломоносовымъ мозаическія картины»[2]). Къ тому времени (отъ 8 іюня 1761 года) и отъ Ломоносова поступила въ Сенатъ новая примѣрная смѣта, въ которой онъ предполагаетъ израсходовать на мозаичныя картины уже 80,764 р. 10 коп. вмѣсто прежней имъ заявленной суммы 148,682 р. Тутъ же онъ просилъ о разрѣшеніи выдать ему для уплаты долговъ, произведенныхъ на устройство фабрики, заготовленіе матеріаловъ и прочихъ принадлежностей, на первый случай 6000 рублей[3]). Въ эти годы своей дѣятельности Ломоносовъ часто жалуется на затруднительное матеріальное положеніе, въ которое его поставили, конечно, обстоятельства по постройкѣ фабрики. Въ одной изъ своихъ просьбъ въ Сенатъ онъ сообщаетъ, что, доведя на своей фабрикѣ дѣла до совершенства и стараясь исполнить порученіе Сената, онъ вслѣдствіе этого «пришолъ въ долги около четырнадцати тысячъ»[4]). Извѣстны и другіе факты, свидѣтельствующіе о матеріальныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ его. Приходится думать, что фабрика была для Ломоносова тяжелымъ бременемъ въ смыслѣ ея содержанія.

---

1) Докладъ о монументѣ и мозаичныхъ картинахъ надъ гробомъ Петра I. въ «Чт. И. О. И. и Др. Рос.» 1867. 2. Смѣсь стр. 18 и 34—35.

2) Билярскій, стр. 526—7.

3) Докладъ о монументѣ и мозаичныхъ картинахъ надъ гробомъ Петра I. «Чт. И. О. И. и Др. Рос.» 1867. II. Смѣсь. стр. 19.

4) Билярскій, стр. 564.

Украшеніе мозаичными картинами задуманнаго монумента — работа чрезвычайно обширная и многочисленная и, какъ выяснилось въ самомъ же началѣ подготовительныхъ къ ней работъ, непосильная для наличнаго состава фабрики; поэтому Ломоносовъ обращается къ Сенату о разрѣшеніи дать ему для обученія семь человѣкъ «учениковъ живописнаго художества»[1]) изъ Академіи Наукъ или канцеляріи отъ строеній. Но всѣ лучшіе ученики оказались заняты работами: «обрѣтаются при самонужнѣйшихъ живописныхъ работахъ, какъ у письма въ каменномъ зимнемъ Ея Императорскаго Величества домѣ въ церковь святыхъ образовъ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ». Все же онъ получилъ пять человѣкъ. Удовлетворена также была и его просьба о выдачѣ пособія въ 6000 рублей[2]). Помимо этого понадобился и человѣкъ, который бы зналъ, кромѣ россійской грамоты, и другіе языки и ариѳметику, «дабы при ономъ дѣлѣ съ лучшею впредь пользою былъ употребленъ»[3]). Останавливаюсь на этихъ мелкихъ фактахъ, въ сущности мало интересныхъ, но дающихъ все же нѣкоторыя понятія о томъ многосложномъ дѣлѣ, какое не всегда подъ силу одному дѣятелю, для того, чтобы обратить вниманіе читателя, какъ много заботъ вызывало мозаичное дѣло у человѣка, занятаго къ тому же десятками другихъ научныхъ вопросовъ. Такая многосложность ничуть не мѣшала ему, однако же, не только отлично справляться съ задачами, но и идти въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ значительно дальше своего времени.

Что можно сказать о внѣшнемъ видѣ предполагавшагося монумента Петру Великому и о его архитектурныхъ формахъ? До тѣхъ поръ, пока не будутъ извѣстны проэкты его въ «рисункахъ и чертежахъ», каковые были представлены въ Сенатъ[4]), говорить о самомъ памятникѣ представлялось бы возможнымъ лишь словами описанія этого памятника, составленнаго самимъ Ломоно-

---

1) Билярскій, стр. 538.
2) «Чт. И. О. И. и Др. Рос.» 1867. II. См. стр. 19.
3) Билярскій, стр. 339.
4) Билярскій, стр. 369.

совымъ. Это описаніе извѣстно намъ изъ того «доношенія» Сенату, которое доставлено Ломоносовымъ послѣ требованія того же Сената вслѣдствіе «доношеній» самого Ломоносова, — «что проэкты и сношенія о сооруженіи... монумента хотя и учинены были между назначенными къ тому членами, однако, никакого начала къ произведенію сего дѣла... не положено»[1]). Столь спокойное отношеніе къ дѣлу о сооруженіи монумента гг. членовъ, которымъ оно поручено, повидимому безпокоило Ломоносова уже заканчивавшаго, къ тому времени, первую картину изъ тѣхъ, которыми долженъ быть украшенъ монументъ, и онъ позволилъ себѣ заявить о таковомъ отношеніи къ дѣлу назначенныхъ членовъ Сенату, съ приложеніемъ описаній картинъ, памятника, расположенія памятника и внутренности церкви Петра и Павла въ соборѣ крѣпости. Въ надеждѣ на благопріятный результатъ предпринятыхъ нами поисковъ за рисунками-проэктами памятника, помѣщаемъ лишь описаніе его, оставленное намъ Ломоносовымъ.

«Середи Петропавловскаго Собора[2]), подъ куполомъ поставить гробницу на возвышеніи, подымающемся ступенями уступами. Около оныя колоннадъ изъ четырехъ паръ столбовъ со всѣми украшеніями Римскаго ордена безъ особливыхъ пьедесталовъ; на оном возвышеніи тумбъ, украшенный гирляндами, содержитъ на себѣ гробницу, на которой статуя отходящаго отъ свѣта Петра Великаго въ вѣчность одною рукою указываетъ кверху, другою подымаетъ подъ плече, по другую сторону геніусъ, Россійское желаніе являющій на шарѣ, Россійскій свѣтъ представляющемъ, удержать его тщится за руку прискорбнымъ видомъ, герой отходя бодрымъ видомъ ступаетъ ногою на облако, а на геніуса оглянувшись, оставляемъ ему щитъ съ изображеннымъ на немъ солнцемъ, яко защититель, кушно и просвѣтитель.

---

1) Чт. И. О. И. и Др. Рос. 1867. II. См. стр. 21.

2) Петропавловскаго собора, какъ это извѣстно рѣшительно изъ всѣхъ документовъ, а не въ Александро-Невской лавры какъ говорится въ одной изъ статей журнала «Искусство и Художественная промышленность» 2-й годъ (1899—1900), стр. 471.

Статуи, украшающіе сіе зданіе, сверхъ показанныхъ главныхъ суть слѣдующія: группами одинакія, по четыремъ сторонамъ у каждой пары столбовъ, стоятъ правосудіе, премудрость, мужество, милосердіе; ниже того по четыремъ сторонамъ при ступеняхъ четыре группы: 1) къ востоку двѣ женскія сидячія статуи Россія и благодарность съ ихъ признаками, якобы между собою разговаривающія; 2) въ такомъ же видѣ на западной сторонѣ группы воспоминаніе и удивленіе; 3) на южной сторонѣ просвѣщеніе, опровергающее варварство; 4) на сѣверной трудолюбіе, одолѣвающее зависть; промежъ ними на покелахъ четыре геніуса, изображающіе главныя Государевы охоты, одинъ съ книгою, какъ символъ всякаго ученія; другой съ циркулемъ и наугольникомъ, знакъ математики; третій съ домкратомъ показуетъ механику; четвертой съ радіусомъ и компасомъ являетъ мореплаваніе.

Противъ сихъ геніусовъ четыре трофея отъ разныхъ народовъ Европейскихъ и Азійскихъ съ морскимъ и съ сухопутнымъ оруліемъ, надъ трофеями плѣнники: Шведъ, Полякъ, Турокъ, Персъ, на подобіе францовъ.

На верху, сверхъ корниша, статуи къ олтарю: вѣра, надежда и любовь, на западъ слава, поправшая смертную косу, правда и вѣрность, по сторонамъ по геніусу сплетающіе лавровые вѣнцы, кругомъ на щитахъ и по фризамъ гербы Россійскіе, на самомъ верху Императорская корона. Ширина возвышенія со ступенями во всѣ стороны невступно четыре сажени, а колонады около двухъ, вышина семь сажень, такъ что столбы будутъ вышиною въ три сажени, ежели модуль взять въ одинъ футъ, а весь монументъ возвысится около семи сажепъ. Все сіе сооруженіе изъ мѣди литой, а гдѣ потребуется и кованой, развѣ одно возвышеніе, кромѣ статуи и украшеній здѣлать изъ чернаго Россійскаго мрамора, а мѣдь вездѣ жарко вызолотить въ огнѣ»[1]). Невозможно

---

1) «Описаніе самого монумента съ гробницею Петра Великаго» въ «Чт. И. О. И. и Др. Рос.» 1867. II. См. стр. 28—29.

ясно представить себѣ это монументальнѣйшее сооруженіе, доходящее высотою до 7 саженъ, украшенное многочисленными фигурами, гербами, колоннами, ступенями и, наконецъ, десятью мозаичными картинами въ простѣнкахъ [1]): двумя большими и восемью меньшими [2]). Изъ большихъ — «Полтавская баталія» и «Азовское взятье»—первая закончена, вторая, будучи начата, пропала безслѣдно, остальныя: «Начало государевой страны въ малолѣтствѣ»; «Сообщеніе съ иностранными»; «Спасеніе изъ Риги»; «Ангутская побѣда», описаніе которыхъ сохранилось, и четыре послѣднихъ безъ описаній: «достальные шкицы писмомъ начаты»: избавленіе отъ стрѣльцовъ; начало флота, заложеніе Петербурга; учрежденіе Сената. Какъ распредѣлялись эти картины по проэкту на памятникѣ, намъ остается пока неизвѣстнымъ. Вотъ въ краткихъ словахъ сообщеніе о памятникѣ, такъ и оставшемся въ проэктѣ.

По постановленію Сената, послѣдовавшему въ 1761 году, 14 Іюня [3]), разрѣшено выдать Ломоносову, ежегодно потомъ выдававшуюся, не всегда правда исправно [4]), сумму 13,460 рублей т. е. шестую часть всей суммы, потребной по исчисленію Ломоносова на производство мозаичныхъ картинъ. Производство ихъ началось, по словамъ самого же Ломоносова, по первой выдачѣ опредѣленной суммы [5]).

Первая картина изъ предположенной серіи была извѣстная Полтавская баталія. Въ теченіе почти четырехъ лѣтъ напряженной и успѣшной работы надъ картиной она была закончена въ Мартѣ мѣсяцѣ 1764 года *«и теперь (Мая 9-го) на мѣстѣ отшлифовывается»* [6]). Не смотря на новизну дѣла, на сложность и размѣръ

1) Билярскій, стр. 527.

2) «Чт. И. О. И. и Др. Рос.» 1867. II. См. стр. 33.

3) Тамъ же, стр. 19.

4) Арх. Кн. Воронцова кн. IV стр. 489—90. Просьба Ломоносова изъ Москвы къ Р. Л. Воронцову объ исходатайствованіи слѣдуемой выдачи денегъ.

5) В. Пассекъ. Оч. Россіи. II. стр. 67. ст. Портфель служебной дѣятельности Ломоносова.

6) Арх. Кн. Воронцова кн. IV. стр. 496. Письмо Ломоносова къ гр. Мих. Лар. Воронцову изъ С.-Пб. отъ 9 мая 1764 года.

картины и на массу разнохарактерныхъ препятствій, преодолѣть которыя пришлось Ломоносову, картина вышла не только удовлетворительной, но и прекрасной по тому времени и самъ авторъ, справедливо гордясь своимъ произведеніемъ, разсыпалъ ей похвалы и не стѣснялся хвалить самого себя. «Фигуры выше чаяній хорошо выходятъ и не сомнѣваюсь, что въ половинѣ Іюня мѣсяца все дѣло начисто окончится» (имѣется въ виду окончательная отшлифовка картины), писалъ онъ М. Л. Воронцову[1]). Имѣется подробное описаніе этой картины, составленное самимъ Ломоносовымъ и въ немъ между прочимъ указаніе на нѣкоторые процессы изготовленія рисунка, напр., указаніе, что голова Петра исполнена по восковому портрету Кунсткаммеры, а красками написана по лучшимъ портретамъ, каковые нашлись въ Петербургѣ; портреты слѣдующихъ за государемъ лицъ «знатнѣйшихъ генераловъ» Шереметева, Меньшикова, Голицына взяты съ имѣющихся оригиналовъ и пр.[2]).

«Сіе изображеніе Полтавскія побѣды набрано изъ мозаичныхъ составовъ въ мѣдной плоской сковородѣ, которая тянетъ 3000 фунтовъ (больше осьмидесяти пудъ, кромѣ рамъ мѣдныхъ) и укрѣплена желѣзными полосами вѣсомъ 2000 фунтовъ (слишкомъ 50 пудъ), поставлена на бревенчатой машинѣ, которая удобно поворачивается для лучшей способности самой отдѣлки и для смотрѣнія когда надобно»[3]).

Размѣры картины нынѣ ничего не имѣютъ общаго съ размѣрами первоначальными. На состояніи картины весьма отразился пріемъ, оказанный ей преемниками мозаичнаго дѣла и тѣми, въ рукахъ которыхъ картинѣ приходилось пробыть почти полтораста лѣтъ. Размѣры картины, какъ описываетъ ихъ самъ Ломоносовъ, были слѣдующіе: длина = 9 аршинъ, а вышина = $6^1/_2$ аршинъ

---

1) Тамъ же.

2) Билярскій, стр. 636. П. Пекарскій 854—5. «Чт. И. О. И. и Др. Рос.» 1867. II. См. стр. 24—26.

3) «Ежемѣсячныя Сочиненія» 1764 г. стр. 465—469 и П. Пекарскій. Ист. И. Акад. Наукъ, стр. 854.

«а съ Павломъ Апостоломъ, и съ рамами и съ картушами въ ширину около 12, въ вышину около 11 аршинъ»[1]). Апостола Павла нынѣ уже нѣтъ и картина не имѣетъ никакихъ картушей и нѣсколько меньше указанныхъ размѣровъ: $9 \times 6^1/_2$ аршинъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, особенно у краевъ, реставрирована. Относительно рамы, заказанной самимъ Ломоносовымъ, имѣется свѣдѣніе, характеризующее заботливое, добросовѣстное отношеніе Ломоносова къ работѣ. Это — объявленіе, которымъ онъ вызывалъ лицъ, желающихъ позолотить *доброю жарκою позолотою* мѣдныя рамы къ мозаической картинѣ Полтавскія побѣды, въ которыхъ вся поверхность около трехъ сотъ квадратныхъ футовъ»[2]).

Эти лица и должны были явиться къ Ломоносову «въ домѣ его на Мойкѣ».

Вслѣдъ за «Полтавской побѣдой» Ломоносовымъ начата «другая, сей парная по размѣру, картина» — Азовское взятье, но сей такъ и не удалось быть оконченной, а исполненная часть ея пропала безслѣдно.

Этими двумя послѣдними произведеніями заканчивается серія мозаичныхъ работъ, исполненныхъ при жизни Ломоносова имъ самимъ и его учениками на его привиллегированной фабрикѣ.

Послѣ смерти Ломоносова на фабрикѣ начались неурядицы на почвѣ несогласій вдовы съ мастерами. Одинъ изъ мастеровъ Ломоносова и его ближайшихъ помощниковъ Матвѣй Васильевъ почувствовавъ себя единственнымъ, все понимающимъ мастеромъ, пересталъ повиноваться вдовѣ Ломоносова, что и было причиной жалобы послѣдней И. И. Бецкому и затѣмъ секретарю М. Л. Воронцова Крамаренкову[3]). Жалоба эта не принесла вдовѣ желанныхъ успокоеній фабричныхъ рабочихъ и дѣло производства мозаикъ остановилось. Наконецъ, 14-го Іюня 1766 года фабрика была передана Президентомъ Академіи Художествъ и Директоромъ надъ строеніями Е. И. В. домовъ и

---

1) «Чтенія» 1867. Указ. статья, стр. 26.
2) «С.-Пб. Вѣдомости» 1764 г. № 50. отъ 22-го Іюня, въ отдѣлѣ подряды.
3) Арх. Кн. Воронцова, кн. IV.

садовъ И. И. Бецкимъ «въ Канцелярію строенія Е. И. В. домовъ и садовъ», пребывъ подъ управленіемъ Бецкаго съ 11 Іюня 1765 года до передачи въ Канцелярію[1]), т. е. почти годъ. Подъ управленіемъ Канцеляріи фабрика продолжала работать въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, хотя и не принадлежала уже наслѣдникамъ Ломоносова. Но вскорѣ, именно 9-го Декабря 1768 года, Высочайшимъ повелѣніемъ всѣ зданія фабрики и крестьяне оставлены, въ уваженіе заслугъ великаго ученаго, за дочерью его Еленой, а фабрика была уничтожена[2]) и мастерская мозаики переведена въ училищный домъ, а мастеровые въ Головкинской[3]).

---

1) Общій Архивъ М-ва И. Двора, опись имяннымъ Высочайшимъ повелѣніямъ № 36/1629, дѣло за № 98, стр. 70. «Предложеніе Канцеляріи строенія Е. И. В. домовъ и садовъ. Сего Іюня 24 дня Ея Императорское Величество изоустно повѣлеть соизволила, начатое покойнымъ статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ мозаичное дѣло, которое по конференціи Ея Величества 1765-го года іюня 11 дня на поднесенномъ отъ Правительствующаго Сената докладѣ, препоручено было въ распоряженіе мое; нынѣ препоручить оной канцеляріи по удобности той, что и стекляные заводы въ веденіи Ея состоятъ, о чемъ оной Канцеляріи коисполненію сприложеніемъ присемъ писменного обономъ производства предлагаю, и въ правительствующій Сенатъ во известие отъ рапортовано. Иванъ Бецкой. Іюня 14 дня 1766 году».

2) «... что Ея Императорскому Величеству отъ Правительствующаго Сената по прошенію покойнаго статскаго советника и профессора Ломоносова дочери ево Елены всеподаннѣйше докладомъ представлено, не угодно ли будетъ Е. И. В. такъ какъ Высочайшей Покровительницѣ наукъ во уваженіе ево Ломоносова оказанныхъ Ея Величеству и отечеству многими полезными науками и изобретеніями заслугъ данные для бисерной фабрики двести одиннадцать душь съ принадлежностьми оставить во владеніе за дочерью Еленою, фабрику жъ уничтожить; а какъ производимое у него Ломоносова дело мозаики поручено канцеляріи отъ строеній, то тому такъ и остаться, каменное жъ изъ казенныхъ денегъ для мозаичнаго дела исправленное на ево земле строеніе содержать въ казенномъ канцеляріи отъ строеній ведомстве съ мостовою и полицейскими должностьми на одно то время, пока во ономъ мозаичная работа продолжится, а когда оная переведется въ другое казенное строеніе, тогда и оное место съ казеннымъ строеніемъ оставить за нею; и на томъ докладѣ минувшаго декабря въ 9 день подписано собственною Е. И. В. рукою тако: Быть по сему ..... февраля 9 дня 1769-го году». Докладъ И. И. Бецкому изъ Канцеляріи отъ строеній. Общ. Арх. М-ва И. Двора, дѣло по описи 73/187, за № 112, стр. 585—6, № бумаги 436.

3) «Предложеніе Канцеляріи отъ строеней Ея Императ. Величества домовъ и садовъ. На представленіе сей Канцеляріи въ резолюцію предлагаю. Изъ дому покойнаго господина Статскаго Совѣтника и профессора Ломоносова мозаич-

Настоящими краткими свѣдѣніями, собственно говоря, и заканчивается исторія въ общихъ чертахъ Ломоносовскаго предпріятія, такъ энергично имъ проводившагося и такъ быстро навшаго съ его смертью. Гдѣ искать причину столь быстраго паденія интереса къ мозаикѣ и главнымъ образомъ къ проэкту памятника Петра Великаго, на который такъ много было затрачено со стороны правительства? Перемѣна не только царствованія, но и перемѣна настроеній при Дворѣ играли здѣсь не маловажную роль. Посѣщеніе Екатериной II мастерской Ломоносова 4 Іюня 1764[1]) не улучшило, а можетъ быть даже и ухудшило положеніе мозаичнаго дѣла на Ломоносовскихъ фабрикахъ.

Чтобы покончить съ этимъ краткимъ изложеніемъ историческихъ судебъ фабрики и перейти къ краткому же обозрѣнію извѣстныхъ мнѣ мозаичныхъ работъ, остановлюсь нѣсколько на нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни Ломоносова, неразрывно связанныхъ съ его любимымъ дѣтищемъ — мозаичнымъ производствомъ. Несомнѣнно, что среди массы различныхъ хлопотъ, недоразумѣній и огорченій, эти факты вносили въ его жизнь, полную бурныхъ моментовъ, успокоеніе и убѣжденіе, съ одной стороны, — въ полезности своихъ занятій мозаикой, съ другой, — важное для него сознаніе своего превосходства надъ заполонившими въ то время Академію иностранцами, съ которыми Ломоносову приходилось вести вѣчную войну.

Только что учрежденная тогда Императорская Академія Художествъ, «почитая толь рѣдкое еще мозаичное искусство», избрала 10 Октября 1763 года Ломоносова за его заслуги въ этой области въ свои почетные члены[2]).

ную мастерскую въ училищной, а мастеровыхъ въ Головкинской домы перевесть, построенное жъ господиномъ Ломоносовымъ на казенные деньги строеніе дочери ево во владѣніе оставить опредѣляется. Февраля 25 дня 1769 году». Тамъ же, стр. 589.

1) Камеръ-фурьерскіе журналы 1764 года II. Пекарскій, стр. 863—4. Билярскій, 642.

2) Билярскій, стр. 619. Рѣчь, произнесенная Ломоносовымъ по случаю избранія въ члены,—см. Сочиненія М. В. Ломоносова т. V. Стр. 137—8. Изд. Имп. Акад. Наукъ. 1902 года.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1764 года онъ получаетъ извѣщеніе отъ Секретаря Академіи Наукъ Боноскаго Института о выборѣ его въ члены этой Академіи; при этомъ въ ученыхъ флорентійскихъ вѣдомостяхъ отъ 12 Марта 1764 года, въ связи повидимому съ избраніемъ и какъ бы въ ознакомленіе иностранцевъ съ заслугами Ломоносова, помѣщена статья о его работахъ въ области мозаики, весьма любопытная въ смыслѣ установленія нѣкоторыхъ фактовъ [1]).

Во время одной изъ своихъ болѣзней Ломоносовъ написалъ въ Сенатъ просьбу о томъ, какъ поступить надо было бы послѣднему съ мозаичнымъ производствомъ въ случаѣ смерти его, Ломоносова [2]). Эта просьба по своему значенію весьма характерна; она лишній разъ напоминаетъ намъ, какъ заботился Ломоносовъ о мозаикѣ. Здѣсь онъ указываетъ Сенату и желательнаго для дѣлъ замѣстителя своего, Ивана Цилиха, который «дошелъ въ семъ искусствѣ толь довольнаго совершенства, что никто въ Европѣ лучшихъ успѣховъ показать не можетъ» — аттестація Цилиха, такимъ образомъ, наилучшая, какую только могъ дать о немъ Ломоносовъ; однако, мы знаемъ, что послѣ его смерти мозаичное дѣло перешло въ руки Матвѣя Васильева, исполнившаго, между прочими, слѣдующія мнѣ извѣстныя работы: Св. Великомученицу Екатерину и Св. Апостола Павла для «Зимняго Ея И. Величества дома въ Эрмитажѣ» [3]) въ Сентябрѣ 1769 года и го-

---

1) Эта статья переведена въ издававшемся тогда журн. «Ежемѣсячныя Сочиненія» 1764, стр. 465—469.

2) В. Пасекъ. Оч. Россіи. II. стр. 69.

3) Общ. Арх. М-ва Импер. Двора, опись 73/187 за № 112 стр. 593. Бумага за № 4199-мъ И. И. Бецкому. «Изъ канцеляріи отъ строеній Ея Величества домовъ и садовъ. Титулярный Совѣтникъ и мозаическаго художества инспекторъ Бельской рапортомъ представляя, что повелѣнныя прошлаго 1768 года указомъ оной канцеляріи двѣ картины святыхъ одна Апостола Павла, а другая Великомученицы Екатерины мозаическимъ художествомъ здѣланы и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ сего году представлены къ Вашему Высокопревосходительству, которые и поставлены въ Зимнемъ Ея Императорскаго Величества домѣ въ Эрмитажѣ»... Упоминаемыя мозаики хранятся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ и имѣютъ на мѣдной доскѣ обратн. стороны врѣзанную надпись одну и ту же на обѣихъ: «Набиралъ мастеръ Матвей Васильевъ оригинала; || мозаичнаго ис-

лову старика, исполненную въ 1768 году, топчайшей отдѣлки, вовсе не мозаичнаго характера по производимому внечатлѣнію [1]); мастеръ же Цилихъ послѣ смерти Ломоносова на службу въ Канцелярію строеній не являлся [2]).

Свѣдѣнія, относящіяся къ занятіямъ Ломоносова мозаикой, заимствованы, главнымъ образомъ, изъ изданныхъ уже дѣлъ Академической Канцеляріи, протоколовъ ея и переписки, а равно изъ писемъ Ломоносова къ различнымъ лицамъ. Лишь незначительная часть фактическаго матеріала, послужившая основаніемъ для сужденій о состояніи мозаичной фабрики послѣ смерти Ломоносова, заимствована изъ Общаго Архива министерства Двора [3]). Матеріалъ этого характера, надежный во всякомъ случаѣ, все же не дастъ полной картины любопытнаго производства, а главнымъ образомъ, и къ удивленію, не дастъ опредѣленныхъ указаній ни на количество работъ, исполненныхъ Ломоносовымъ и его фабрикой, ни тѣмъ болѣе, на характеръ ихъ. Не можетъ быть, конечно, и мысли найти ключъ къ эволюціи производства, а также художественныхъ и техническихъ пріемовъ, практиковавшихся въ мастерской. Эти особенности выяснялись бы въ достаточной степени тѣми произведеніями Ломоносова, въ которыхъ его собственноручная работа засвидѣтельствована либо подписью, либо указаніями письменнаго характера, но и въ этомъ случаѣ налич-

---

куства инспектора титулярнаго || совѣтника Ивана Бельскова подъ вѣдомствомъ || канцеляріи строенія Императорскихъ || домовъ и садовъ въ С: Петербурге 1769 года || К: П: Т:». Инвентарный № Эрмитажа 13 и № 2042-й Каталога, составленнаго членами Академіи Художествъ въ 1797 году для Эрмитажа Таврич. и Мраморнаго дворцовъ.

1) Хранится въ Имп. Эрмитажѣ. На обрати. сторонѣ врѣзана въ мѣдной доскѣ надпись: «Дѣлана подвѣдомствомъ канцеляріи строенія Ея Императорскаго величества домовъ || и садовъ мозаичнымъ мастеромъ Матвѣемъ Васильевымъ поднадсмотромъ инспектора || Ивана Бельскаго. 1768 году. К: П: Т:».

2) Общ. Арх. М-ва П. Двора дѣло по описи 73/187 за № 112 стр. 581—2. № рапорта 1788.

3) Изъ статьи: «Къ исторіи Мозаичнаго искусства въ Россіи» А. П. Новицкаго въ журн. «Искусство и Художественная Промышленность», Октябрь 1900 года, стр. 11, видно, что настоящіе матеріалы не были извѣстны ея автору.

ность произведеній стѣснитъ насъ въ выводахъ и заставитъ пока воздерживаться отъ какихъ-либо опредѣленныхъ сужденій. Ни рисунокъ, ни техника производства, ни колоритъ произведенія не можетъ служить намъ основаніемъ для достаточно обоснованныхъ опредѣленій въ настоящемъ случаѣ. Рисунокъ могъ бы служить однимъ изъ признаковъ, опредѣляющихъ автора разбираемаго произведенія, лишь въ томъ случаѣ, когда этотъ рисунокъ является продуктомъ собственнаго творчества автора разбираемаго произведенія; но въ мозаикахъ наблюдается иное: Ломоносовъ, какъ и его ученики и затѣмъ послѣдователи, да наконецъ какъ и всѣ мозаисты, пользовался для воспроизведенія въ мозаикѣ картинами, рисунками, а можетъ быть и гравюрами, какъ оригиналами, другихъ художниковъ, работавшихъ безъ мысли о томъ, что ихъ произведенія будутъ когда-либо исполняться въ мозаикѣ, и мозаистамъ приходилось лишь приводить чужую работу, копировать, приправляя ее нерѣдко плодами своей неосвѣдомленности въ рисункѣ, въ колоритѣ; съ другой же стороны свойство матеріала не давало возможности мозаисту, даже и желавшему точно подражать оригиналу, справляться съ этимъ условіемъ. Работнику въ мозаичномъ искусствѣ невольно приходилось прибѣгать къ обобщеніямъ, къ схемѣ и достигать впечатлѣнія картины извѣстными чисто декоративными пріемами, въ чемъ, собственно говоря, и заключается мозаичная техника, — простыми и даже условными. Работы упоминаемаго мастера Васильева и отличаются своимъ не мозаичнымъ характеромъ, а подлаживаніемъ подъ живописную картину; наоборотъ, собственныя работы Ломоносова, особенно въ ранній періодъ, еще имѣютъ въ себѣ всѣ задатки декоративнаго стѣннаго пятна. Эти соображенія и заставляютъ воздержаться отъ какихъ-либо опредѣленныхъ сужденій относительно мозаичныхъ работъ, *приписываемыхъ* Ломоносову.

Въ настоящемъ описаніи перечислены работы, какъ тѣ, которыя исполнены самимъ Ломоносовымъ и происхожденіе которыхъ устанавливается либо надписями на нихъ, либо указаніями, находящимися въ письмахъ его или документахъ иного характера,

такъ и тѣ, правда не многочисленныя мозаики, которыя лишь приписываются ему и о которыхъ пока не удалось мнѣ найти какихъ-либо положительныхъ свѣдѣній.

Мозаичныя работы Ломоносова и его фабрики:

1) Образъ Богоматери съ оригинала Соликены. Размѣръ 2 фута × 19 дюймовъ. Поднесенъ Имп. Елисаветѣ Петровнѣ 4 Сентября 1752 года. Въ настоящее время мѣстонахожденіе его мнѣ неизвѣстно.

2) Нерукотворный образъ Спасителя, поднесенный Ломоносовымъ Маврѣ (Маріѣ) Егорьевнѣ Шуваловой, а послѣднею завѣщанъ Николо-Малицкому монастырю близъ г. Твери, которому и принадлежитъ въ настоящее время. На мѣдной доскѣ обратной стороны вырѣзана надпись: «Сей Нерукотворный Образъ || Христа Спасителя Нашего || пожеланію || Сіятельнѣйшія Графини || Мавры Егорьевны || Шуваловой || сложенъ || Михайломъ Ломоносовымъ || въ начинаніи опытовъ || Мозаичнаго Художества || въ Санктпетербургѣ || 1753 Года». Лицо Спасителя выполнено въ сѣровато-розовыхъ тонахъ большими кусками чисто декоративнаго характера, той техникой, которая можетъ считаться чисто мозаичной, въ противоположность техническимъ пріемамъ послѣдователей Ломоносова. Размѣры = 0,118 × 0,093 m.

3) Портретъ Императора Петра Великаго. Поднесенъ Правит. Сенату 12 Декабря 1755 года Ломоносовымъ. Хранится въ залѣ засѣданій 1-го Департамента Правит. Сената[1]). Исполненъ той же декоративной техникой, но уже съ значительнымъ отличіемъ отъ образка въ сторону передачи картины живописной. Однообразно розоватое лицо съ сильной темнокоричневой тѣнью и теплымъ рефлексомъ; въ латахъ. Волосы густые, черные. Овалъ. Размѣръ = 0,483 × 0,405 m. На обратной сторонѣ мѣдной сковородки косыя желѣзныя полосы для укрѣпленія, а плоскость сковородки усѣяна ямками. Безъ надписей. Былъ на Таврической

---

1) П. Пекарскому не было извѣстно его мѣстонахожденіе: см. Исторія И. А. Н., томъ II, стр. 590, примѣч. 1.

выставкѣ [1]) портретовъ. Изданъ въ V доп. томѣ Исторіи Сената [2]).

Кромѣ описаннаго, въ настоящее время извѣстно еще четыре мозаичныхъ портрета Петра Великаго приписываемыхъ фабрикѣ Ломоносова; о нихъ скажемъ ниже.

4) Портретъ Императора Петра Великаго, находящійся нынѣ въ большой конференц-залѣ Имп. Академіи Наукъ. На мѣдной доскѣ обратной стороны имѣется надпись: «Михаиль Ломоносовъ 1757 года»; надпись — шрифтомъ печатнаго характера и по палеографическимъ признакамъ едва ли не болѣе поздняго времени, не начала ли XIX вѣка? Портретъ имѣетъ свою длинную исторію: до 1822 года онъ хранился въ собраніи картинъ графа П. В. Гудовича и на аукціонѣ этого собранія былъ пріобрѣтенъ издателемъ «Отечественныхъ Записокъ» П. П. Свиньинымъ за 240 рублей [3]). Къ гр. Гудовичу портретъ перешелъ отъ Разумовскаго [4]). Въ Академію Наукъ портретъ переданъ Свиньинымъ въ 1834 г. [5]). Овалъ. Величина та же, что и портрета, принадлежащаго Сенату; тотъ же типъ, съ незначительными измѣненіями въ костюмѣ.

Въ указанной статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» объ аукціонѣ

---

1) Каталогъ историко-художественной выставки русскихъ портретовъ въ Таврическомъ Дворцѣ 1905 года. № 25 стр. 5. 1-го выпуска.

2) Исторія Сената т. V доп. стр. 40—41 Упоминается у Ровинскаго, въ Подробн. Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ т. II. Приложеніе столб. 272-й

3) Отечественныя Записки 1822 года № 26-й. Стр. 444—448.

4) См. письмо Свиньина къ Шишкову въ Запискахъ Засѣданій Имп. Россійской Академіи за 1834 г., листъ 215—6 и № засѣданій 12, листъ 30—31. «Я беру смѣлость предложить еще для пріобрѣтенія Рос. Академіи мозаичный портретъ Петра Великаго трудовъ знаменитаго преобразователя Россійскаго слова М. В. Ломоносова. Подробное произведеніе сего поэта-художника находится только въ Правит. Сенатѣ, которому пожаловала его Императрица Елисавета Петровна. Сей же портретъ принадлежалъ гр. Разумовскому и купленъ мною отъ гр. Гудовича за 1500 рублей»... Извѣстно, что портретъ Петра В. поднесъ Сенату самъ Ломоносовъ; настоящій же купленъ Свиньинымъ не за 1500 р., а за 240 рублей (1-е Отд. Библ. Академіи Наукъ).

5) У Ровинскаго, Подр. Словарь русскихъ граверов. портретовъ, т. II, столб. 290, упоминается, какъ хранившійся въ 1829 году у Свиньина, тогда какъ онъ хранился уже во время изданія Словаря въ Академіи Наукъ. См. его же Словарь, столб. 255 того же II-го тома.

гр. Гудовича приведено извѣстіе, откуда-то заимствованное и неоднократно повторяющееся между прочимъ въ собраніи сочиненій Ломоносова изданія Смирдина, а сюда попавшее вѣроятно изъ «Вѣстника Европы» [1]); встрѣчается оно также и во 2-мъ Академическомъ изданіи Собранія Сочиненій Ломоносова о происхожденіи портрета Петра В. Насколько это свѣдѣніе заслуживаетъ довѣрія, видно изъ нижеслѣдующаго. Въ немъ говорится, что Ломоносовъ рѣшилъ попробовать свои силы въ мозаичномъ дѣлѣ, увидѣвъ у Воронцова мозаичный образъ плачущаго Ан. Петра. Да, у Воронцова дѣйствительно былъ такой образъ, но Ломоносовъ могъ видѣть его у Воронцова въ то время, когда имъ были уже изготовлены: образъ Богоматери съ оригинала Солимены; образокъ Спасителя, подаренный имъ Шуваловой (Никола-Малицкаго м-ря) и портретъ Петра Великаго, находящійся нынѣ въ Сенатѣ, а можетъ быть и другія работы. Утверждаю это на основаніи слѣдующихъ данныхъ: мозаичный образъ плачущаго Ан. Петра, принадлежавшій нѣкогда Воронцову, хранится нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ и имѣетъ на мѣдной доскѣ обратной стороны вырѣзанную красивымъ почеркомъ надпись, заключенную въ орнаментальную рамку — картушъ: «Сей образъ || Святого Апостола || Петра || здѣланной изъ Мозаики || подарилъ папа || Венедиктъ XIV || графу Міхайлѣ Ларіоновичу || Воронцову || въ проездъ его || чрезъ Римъ въ Неаполь || 1754 года || Декабря 28 дня». Образъ этотъ, слѣдовательно, не могъ попасть въ Россію ранѣе начала 1755, а къ этому времени Ломоносовъ не только исполнилъ указанныя выше работы, но имѣлъ уже свою мозаичную фабрику, гдѣ работы находились въ полномъ ходу. Свѣдѣніе это, такимъ образомъ, принадлежитъ къ области легендъ. Послѣдующіе авторы о мозаичномъ дѣлѣ въ Россіи, пересказывая эту легенду, даютъ нѣсколько иныя подробности. Одинъ изъ нихъ [2])

---

1) Вѣстникъ Европы. 1806 г. часть XXVIII, стр. 31—37. Статья: «О мозаикѣ». До 34-й стр. идетъ общій обзоръ мозаичн. работъ въ древности. Далѣе о Ломоносовѣ и его работахъ.

2) М. И. Соловьевъ въ статьѣ: «Мозаика на Западѣ и въ Россіи» въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ» 1885 года, т. III, стр. 84—85.

утверждаетъ, что Ломоносовъ вдохновился портретомъ, привезеннымъ Шуваловымъ изъ Италіи, но вслѣдъ за этимъ, во второй части своего утвержденія, сообщаетъ свѣдѣніе, отличающееся до нѣкоторой степени отъ фактической стороны дѣла, и тѣмъ обезцѣниваетъ первую часть своего сообщенія, неизвѣстно, къ тому же, откуда почерпнутаго.

5) Портретъ Императрицы Елисаветы Петровны, исполненный Ломоносовымъ по заказу Шувалова для Московскаго Университета. Объ этомъ портретѣ имѣется въ собственноручныхъ бумагахъ Ломоносова письмо его къ Шувалову отъ 3 Марта 1760[1]) и весьма любопытный «счотъ во что стало по сіе время дѣланіе мозаичнаго портрета Ея Величества для Московскаго Университета». Послѣ счета — приписка: «А въ прошломъ 1757 году Пятьсотъ рублевъ получено». А также указаніе въ счетахъ Академіи Художествъ за 1760 г., уплатившей Ломоносову деньги: «за портретъ мозаичный Г. И. Елисаветы Петровны заплочено профессору г. Ломоносову 1300 рублей»[2]). Въ настоящее время мозаичный портретъ Елизаветы Петровны хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Елизавета стоитъ у двухъ малахитовыхъ колоннъ; надъ головой ея свѣшивается красная драпировка съ золотымъ позументомъ; одѣта въ красное платье, расшитое пышнымъ золотымъ орнаментомъ; ру-

---

1) Собственноручныя бумаги Ломоносова, принесенныя въ даръ Д. Т. С. Павломъ Мухановымъ Имп. Академіи Наукъ. I Отд. Библ. А. Н., стр. 17—18. «Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ. По вашего высокопревосходительства Повелѣнію составленной мозаичной портретъ для Московскаго Университета уже приходитъ къ окончанію и нынѣшнею весною готовъ будетъ. Между тѣмъ недостатки мои принуждаютъ показать вамъ счотъ, во что онъ мнѣ нынѣ стоитъ и всепокорнѣйше просить Васъ млтиваго гдря о вспоможеніи, чтобы я въ нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ могъ исправиться деньгами. Ежели угодно освидѣтельствовать; то оная работа здѣсь и трудящіяся мастеровыелюди. Ожидая млтиваго неоставленія съ дастадолжнымъ высокопочитаніемъ пребываю вашего высокопревосходительства всеуниженный и всеусердный слуга Михайло Ломоносовъ. Марта 2 дня 1760 года». См. также П. Пекарскій, стр. 710—711.

2) П. П. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Имп. Академіи Художествъ, I. стр. 27.

Императрица Екатерина II.

Библиотека Академии наук СССР

кава и лифъ платья обшиты пышными кружевами; на головѣ малая бриллиантовая корона, волосы гладко причесаны; на плечахъ горностаевая мантія, спускающаяся внизъ у лѣвой руки; черезъ правое плечо голубая лента, а сверху на плечѣ — коса; на лѣвой сторонѣ груди звѣзда ордена Андрея Первозваннаго; въ правой рукѣ держитъ скипетръ на фонѣ розовой драпировки, лѣвую опустила внизъ; на голубомъ столикѣ передъ Императрицей лежитъ, на подушкѣ, обитой позументомъ, держава. Фонъ между колоннами сѣрозеленый; лицо и тѣло розоватое, съ розовыми пятнами на щекахъ; губы красныя, глаза сѣрые; полутона на тѣлѣ пріятнаго сѣрокоричневатаго тона. Техническія особенности этой мозаики близки къ работамъ Ломоносова. Съ боковъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мозаичные куски вываливаются. Имѣются трещины черезъ весь портретъ въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ. На груди двѣ заплаты. Овальной формы. Высота = 1,30, ширина = 1,20 metr. Описанный портретъ по его техническимъ особенностямъ, по колориту тѣла и полутоновъ на немъ, по способу укладки кусковъ и пр. возможно отнести къ работамъ Ломоносова. Но при условіи неизвѣстности мозаичнаго портрета Елисаветы Петровны, исполненнаго римскимъ мастеромъ Кохіа съ оригинала Каравака, привезеннаго изъ Рима живописцемъ Пренеромъ[1]), воздерживаюсь отъ категорическаго утвержденія.

---

1) «Санктпетербургскія Вѣдомости» 1750 г., № 68, стр. 541—542, Авг. 24 дня: «На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Рима сюда живописецъ господинъ Каспаръ Пренеръ, который вписанъ въ службу ко двору Ея Императорскаго Величества. Онъ имѣлъ уже счастье представлять быть нашей всемилостивѣйшей Самодержицѣ и Ихъ Импер. Высочествамъ.... Помянутый же г. Пренеръ привезъ собою портретъ Ея Императорскаго Величества мозаической работы, который отъ Его Сіятельства г. Вице-Канцлера и Кавалера графа Михайла Ларіоновича Воронцова собственнымъ коштомъ черезъ Римскаго Сенатора, Господина графа Бѣлка дѣлать заказанъ былъ. Сей драгоцѣнный и великолѣпный портретъ дѣланъ съ оригинала господина Каравака черезъ Римскаго мастера Кохіа, который надъ онымъ близъ четырехъ лѣтъ въ непрестанной работѣ упражнялся и по благополучномъ окончаніи, какъ отъ папы Римскаго, такъ отъ кардиналовъ и многихъ знатныхъ въ Римѣ господъ съ немалымъ удивленіемъ и похвалами смотрѣнъ и признанъ былъ за вещь, достойную лучшихъ въ свѣтѣ кабинетовъ»...

6) Портретъ Императрицы Екатерины II. Объ этомъ портретѣ имѣется указаніе въ письмѣ Ломоносова къ графу М. І. Воронцову: «По отъѣздѣ вашемъ, поднесъ я Всемилостивѣйшей Государынѣ нашей... мозаичный Ея же Величества портретъ, что... принято съ удовольствіемъ» — отъ 19 Января 1764 года[1]). Портретъ хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ и имѣетъ на мѣдной доскѣ обратной стороны глубоко вырѣзанную надпись: «*Съ Россійскихъ мозаичныхъ заводовъ* 1763 года», окаймленную прямоугольной рамкой. Поясной. Профиль. Императрица въ розовомъ платьѣ, украшеномъ кружевами. Парчевая мантія подбита горностаемъ, на правомъ плечѣ застегнута фибулой. На головѣ маленькая серебряная корона, въ ухѣ круглая серьга. Черезъ правое плечо лента ордена Андрея Первозваннаго. На груди брильянтовое украшеніе. Тѣло легкаго желто-розоватаго оттѣнка, тѣни охристые, легкаго тона; на щекѣ розовое пятно, губы того же цвѣта. Профильное изображеніе влѣво отъ зрителя. Любопытная техническая особенность исполненія этого портрета заключается въ соединительной, какъ бы, линіи между профилемъ портрета и темнымъ фономъ; эта линія изъ сѣрозеленой полоски, смягчающей рѣзкое соединеніе темнаго фона и свѣтлаго лица весьма замѣтна вблизи, но теряется на нѣкоторомъ разстояніи. Въ смыслѣ рисунка, а равно и колористическихъ задачъ портретъ отличается отъ другихъ работъ: тщательнѣе выисканы формы и благородная гармонія сѣроватыхъ тоновъ оставляютъ хорошее впечатлѣніе. Высота = 0,94 т., ширина = 0,81 т.[2]).

7) «Полтавская Баталія». О времени начала и окончанія ея, а также исторія происхожденія — выше. Послѣ смерти Ломоносова хранилась до 1769 года въ домѣ его же[3]), когда по распоряженію И. И. Бецкаго[4]) отъ 23 Іюня 1769 года должна была

---

1) Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.

2) Инвентарный № Имп. Эрмитажа 24 по отдѣленію Галлереи Драгоцѣнностей.

3) Общій Архивъ М—ва И. Двора, дѣла по описи 73/187 за № 112, листъ 588. Изъ Канцеляріи отъ строеній рапортъ И. И. Бецкому.

4) Тамъ же, листъ 591-й, предложеніе И. И. Бецкаго: «Имѣющуюся въ

быть перенесена на другое мѣсто. Это не было исполнено своевременно и Константиновъ (зять Ломоносова) ходатайствовалъ о вынесеніи ея на дворъ подъ особое покрытіе, въ виду невозможности храненія въ разрушающемся зданіи съ условіемъ ручательства за ея хорошее храненіе [1]). Но на это предложеніе Канцеляріи отъ строеній И. И. Бецкой далъ тотъ же отвѣтъ: «въ силу прежняго моего предложенія по имѣнію довольно магазиновъ и прочихъ строеній перевесть и поставить въ удобное мѣсто, непремѣнно наблюдая, дабы напраснаго убытка миновать» [2]). На этомъ имѣющіяся у меня свѣдѣнія о Баталіи прерываются до 1786 года [3]). Въ этомъ году (31 Августа) тотъ же И. И. Бецкой извѣщаетъ Академію Художествъ, что имъ отправлена состоящая въ вѣдѣніи Конторы отъ строеній мозаическая картина Полтавская Баталія въ Академію, о чемъ проситъ Контору увѣдомить [4]). Здѣсь, въ Академіи Художествъ, гигантская картина не нашла себѣ приличнаго мѣста и въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ только грудные младенцы, да безногіе старики не наносили ей обиды [5]). Наконецъ и здѣсь она была сочтена за лишнюю и предложена одному изъ крупныхъ Петербургскихъ музеевъ, но послѣдній на-

---

домъ покойнаго Статскаго Совѣтника Ломоносова сдѣланную изъ мозаичную картину, изображающую Полтавскую Баталію, имѣетъ оная Канцеляріи за ветхостью покоя, въ коемъ оная состоитъ, перенести въ другое удобное мѣсто по разсмотрѣнію своему».

1) Тамъ же, листъ 592-й. Отъ 15 Октября 1769 г. Рапортъ И. И. Бецкому Канцеляріи отъ строеній.

2) Тамъ же, листъ 594. Отъ 27 Октября 1769 г.

3) Они несомнѣнно могутъ найтись въ архивахъ, но лично я не имѣлъ возможности исчерпать весь матеріалъ, за краткостью времени, имѣвшагося въ моемъ распоряженіи для настоящей краткой замѣтки.

4) И. И. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Худ., т. I, стр. 291 («Августа 31 № 21»).

5) См., напр., сообщеніе въ статьѣ А. И. Новицкаго: «Изъ исторіи мозаичнаго искусства въ Россіи» въ журн. «Искусство и Художественная Промышленность» 1900 г., Октябрь, стр. 18-я. (Упоминаемое здѣсь описаніе собранія Спиридина неизвѣстно въ концѣ концовъ кому принадлежитъ; изъ личныхъ моихъ переговоровъ съ М. П. Боткинымъ выяснить это не удалось). И. Некрасовъ, стр. 885. Примѣчаніе. И. Петровъ: «Краткое обозрѣніе мозаичнаго дѣла, особенно въ Россіи», стр. 42 и мн. др.

шелъ ее, по какимъ то соображеніямъ, неподходящей для себя и отказался отъ такого дара. Обильно насыщенная восковой мастикой въ мастерской Фролова и реставрированная тамъ же на средства одного изъ членовъ Имп. Общества Поощренія Художествъ, она поступила и нынѣ хранится въ Музеѣ этого Общества[1]). Оригиналъ, съ котораго исполнена Ломоносовымъ настоящая мозаика, указывается Ровинскимъ[2]) и во всѣхъ статьяхъ о мозаикѣ вслѣдъ за нимъ: въ картинѣ Полтавской Баталіи Pierre Denis Martin le jeune, находящейся нынѣ въ Большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ. Но эта картина если и могла бы служить какимъ нибудь пособіемъ Ломоносову, то лишь въ небольшой части, вѣрнѣе не оригиналомъ, а какъ бы руководительнымъ матеріаломъ, на основаніи котораго Ломоносовымъ, быть можетъ съ помощью какого-нибудь художника, составлена композиція Полтавской Баталіи; о таковомъ собственноручномъ распредѣленіи фигуръ имѣется указаніе въ ученыхъ Флорентійскихъ вѣдомостяхъ: «всѣмъ обще рисованіемъ послѣдовано картинамъ знатныхъ живописцевъ, баталіи представляющимъ, съ выборомъ по приличеству обстоятельствъ сего изображенія, которое расположилъ господинъ Ломоносовъ»[3]). Въ смыслѣ же точной или хотя бы приблизительной копіи мозаики Ломоносова съ картины Мартена младшаго не можетъ быть разсужденій: между ними нѣтъ никакихъ общихъ мѣстъ.

8) «Азовское взятье». Извѣстно, что эта картина была начата Ломоносовымъ вслѣдъ за окончаніемъ Полтавской Баталіи, но дальнѣйшихъ свѣдѣній о ней никакихъ нѣтъ; «... а и другая

---

1) Напрасно авторъ той же статьи А. П. Новицкій утверждаетъ, что Полтавская Баталія не была совсѣмъ закончена Ломоносовымъ и заканчивалась мозаичистомъ Дольфини. Этотъ Дольфини исправлялъ только тѣ дефекты, которые картина получила вслѣдствіе своего небрежнаго храненія и приводилъ въ болѣе приличный видъ. Стр. 8-я той-же статьи.

2) Д. Ровинскій. Подробн. словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. II, столб. 1425 — 1427, № 541.

3) Билярскій, стр. 636.

большая картина изъ Азовскаго взятья начата»...[1]), говоритъ Ломоносовъ.

9) «Апостолъ Петръ, по римскому примѣру». О немъ упоминаетъ Ломоносовъ отъ 3 Мая 1755 года, какъ о работѣ, исполняющейся его учениками[2]). Мѣстонахожденіе его мнѣ неизвѣстно.

10) Портретъ Императора Петра III-го. Хранится въ настоящее время въ Императорскомъ Эрмитажѣ[3]). Погрудной. Петръ одѣтъ въ красный мундиръ, расшитый золотомъ, съ голубыми отворотами, со знаками ордена Св. Андрея; черезъ правое плечо голубая лента. Сѣдой парикъ. На шеѣ черный галстукъ. Лицо розоватое, обычнаго для Ломоносовскихъ мозаикъ тона, съ румянцемъ, особенно замѣтнымъ налѣвой щекѣ. Фонъ у лица голубоватый, книзу переходящій въ коричневый и темно-лиловый. Работа хорошая. Типъ Антропова. Справа и слѣва портрета на самой мозаикѣ имѣются нумера, написанные красной масляной краской: «146» и «89». Эти №№ соотвѣтствуютъ старымъ описямъ, такъ: № 89 описи 1797 г.[4]), а № 146 — Каталогу портретовъ годъ составленія котораго мнѣ неизвѣстенъ. Здѣсь названъ и авторъ портрета — Ломоносовъ. Въ послѣдующихъ описяхъ авторъ не называется. Овалъ размѣрами: выс. = 0,58 м., шир. = 0,50 metr.

11) Портретъ Императрицы Екатерины Первой(?). Погрудное изображеніе. Одѣта въ сѣро-голубое платье съ полосками на рукавахъ и кружевами у лифа. На груди брильянтовая эгретка.

---

1) Докладъ Сената о мозаичномъ монументѣ—«Чт. И. О. И. и Др.» Рос. 1867, кн. 2. См. стр. 21.

2) П. Пекарскій, стр. 581.

3) Инвентарный № Эрмитажа 15 по отдѣл. Галлереи Драгоцѣнностей (кабинетъ Гваренги).

4) Каталогъ картинъ, хранящихся въ Импер. Галлереѣ Эрмитажа, въ Таврическомъ и Мраморномъ Дворцахъ. Сочиненный по Высочайшему... повелѣнію объявленному Академіи Художествъ, черезъ кн. Н. Б. Юсупова, оной Академіи нижеподписавшимися членами... Акимовымъ, Угрюмовымъ, Гордѣевымъ, Козловскимъ 1797 г. Въ этомъ каталогѣ портретъ описанъ на стр. 37, какъ произведеніе Ломоносова.

Черезъ правое плечо красная лента и на лѣвой сторонѣ звѣзда. Въ ушахъ серьги характернаго типа русскихъ жемчужныхъ серегъ. Черные волосы съ косами ниспадаютъ на плечи; украшены брильянтами. Цвѣтъ лица розовѣе предыдущихъ портретовъ, губы ярко красныя. Тѣло розоватое съ различными нюансами, допущены даже сѣро-голубоватые куски. Между фономъ и лицомъ — коричневатая полоска, смягчающая рѣзкость. Тона въ тѣневыхъ частяхъ тѣла охристые съ розоватымъ отливомъ; на носу и бровяхъ сѣрые, прозрачные. Этотъ портретъ въ Эрмитажной описи, составленной въ 1859 году (подъ № 4518), названъ портретомъ принцессы Анны Леопольдовны. Трудно допустить, съ одной стороны, чтобы во времена Ломоносова, въ тѣ времена, когда объ Аннѣ Леопольдовнѣ и упоминать было рискованно, кто-нибудь рѣшился бы исполнять ея портретъ; съ другой стороны, въ той же описи 1797 года описывается мозаичный портретъ Екатерины Первой, исполненный Ломоносовымъ[1]). Указанные тамъ размѣры соотвѣтствуютъ описываемому нами портрету. На обратной сторонѣ мѣдной доски написанъ масляной красной краской № 162; соотвѣтственнаго описанія я не могъ отыскать. На деревянной рамѣ портрета съ обратной стороны — сургучная печать съ инициалами вязью П. П. Овалъ размѣрами = 0,58 × 0,49 metr.

12) Образъ Господа Саваова, принадлежащій нынѣ Московскому Университету. Въ овалѣ — голова съ пышными волосами и благословляющая правая рука. Пріемы исполненія чисто декоративнаго характера. Способъ кладки кусковъ тотъ же, что и на другихъ работахъ Ломоносовской фабрики. На табличкѣ, прикрѣпленной къ рамѣ образа, надпись: «Отецъ Россійскаго краснорѣчія, безсмертный Ломоносовъ показалъ въ Россіи первые опыты Искусства Мозаичнаго. Сей драгоцѣнный памятникъ трудовъ Его принесенъ въ даръ Университету Господиномъ Коллежскимъ Совѣтникомъ почетнымъ училищъ Смотрителемъ Яковомъ Евграфовичемъ Арсеньевымъ 1824 года Августа 30 дня».

---

1) Подъ № 90-мъ, на стр. 15-й тома I-го.

Въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ помѣщаются мозаичныя произведенія, въ которыхъ авторство Ломоносова документально не могло быть установлено, но въ принадлежности ихъ Ломоносову или его фабрикѣ едва ли можетъ встрѣтиться серьезное возраженіе.

Прежде всего — о портретахъ Петра Велпкаго. Кромѣ описанныхъ Сенатскаго и Академическаго, въ настоящій моментъ извѣстно еще три портрета, приписываемыхъ фабрикѣ Ломоносова:

1) Портретъ, хранящійся въ Музеѣ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ. Погрудный. Черные волосы, коричневато-розовое лицо; тѣни лица густо коричневыя, сильныя. Тонъ и размѣръ тотъ же, что и Сенатскаго [1]). Пожертвованъ Музею А. А. Половцовымъ [2]).

2) Портретъ Кабинета Петра Велпкаго въ Имп. Академіи Наукъ. Поясной, — этимъ и отличается отъ остальныхъ погрудныхъ. По своимъ техническимъ особенностямъ, по тому, какъ пользовался авторъ кусками смальты, чтобы вызвать впечатлѣніе извѣстной формы, портретъ наболѣе соотвѣтствуетъ задачамъ этого рода производства и въ этой своей части наболѣе приближается къ техникѣ образка, принадлежащаго Николо-Малицкому монастырю, расходясь съ нимъ лишь въ задачахъ колористическихъ — яркіе рѣзкіе цвѣта, повидимому разсчитанные на далекое разстояніе, но тѣмъ не менѣе непріятные. Размѣры: 1 арш. 4 в. × 1 арш. Происхожденіе портрета пока не ясно. Ни въ книгѣ О. Бѣляева [3]), ни въ описи Кабинета, изданной въ 1844 году [4]), о мозаичномъ портретѣ Петра Великаго нѣтъ упо-

---

1) Изданъ въ журн. «Искусство и Художественная промышленность» 1900 г., Октябрь, № 1-й, на титульномъ листѣ.

2) Былъ на выставкѣ портретовъ 1870 года. См. «Каталогъ Исторической выставки портретовъ XVI — XVIII вв., устроенной Обществомъ Поощренія Художествъ», стр. 20 № 56.

3) О. Бѣляевъ. Кабинетъ Петра Великаго. С.-Пб. 1800 г.

4) «Кабинетъ Петра Великаго. Описи предметамъ сохраняющимся въ И. А. И... въ отдѣлѣ называемомъ Кабинетъ Петра Великаго приведенномъ въ новое устройство въ 1837 году. Второе тисненіе 1844 года».

миній. Онъ числится тамъ значительно позже — упоминается въ Путеводителѣ барона Ливена[1]). Раньше этого значится лишь въ рукописной описи, составленной въ 1859 году, гдѣ значится состоящимъ на лицо въ 1859 году, подъ № 138-мъ, безъ указанія происхожденія. Такимъ образомъ въ 1837 г. портрета этого въ Кабинетѣ не было, а въ 1859 г. онъ числился тамъ. Не появился-ли онъ тутъ съ переходомъ Кабинета изъ Акад. Наукъ въ Эрмитажъ?

3) Портретъ Петра Великаго, находящійся нынѣ въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ, въ рабочемъ кабинетѣ Петра Великаго; виситъ на стѣнѣ между окопъ[2]).

Къ какому изъ перечисленныхъ портретовъ возможно было бы пріурочить портретъ, исполненный учениками Ломоносова, о которомъ онъ самъ писалъ въ своемъ донесеніи Академической Канцеляріи[3]), сказать ничего опредѣленнаго не представляется возможнымъ. Также неизвѣстнымъ остается гдѣ находится нынѣ портретъ Петра В., украденный изъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ[4]).

О другихъ работахъ, яко бы исполненныхъ на фабрикѣ Ломоносова и упоминаемыхъ въ литературныхъ замѣткахъ и статьяхъ, мнѣ не случалось встрѣтить никакихъ источниковъ. Неизвѣстно, что за образъ и гдѣ нынѣ находится, упоминаемый въ книжкѣ П. П. Петрова[5]). Нѣтъ свѣдѣній о тѣхъ пяти иконахъ о которыхъ сообщается въ статьѣ М. Н. Соловьева[6]). Откуда заимствованы эти свѣдѣнія?

4) Есть еще одна прекрасная работа приписываемая Ломо-

---

1) Путеводитель по Кабинету Петра Великаго и Галлереѣ Драгоцѣнностей. С.-Пб. 1901. На стр. 22. № 49.

2) М. И. Путеводитель по Петергофу. Къ 200-лѣтію Петергофа. С.-Пб. 1909. Стр. 118.

3) П. Пекарскій, стр. 580 — 581.

4) П. Пекарскій, стр. 590, примѣч. 1-е.

5) П. Петровъ. Краткое обозрѣніе мозаичнаго дѣла, особенно въ Россіи. С.-Пб. 1865. Стр. 44 и примѣчаніе.

6) М. Н. Соловьевъ. Мозаика на Западѣ и въ Россіи. — «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ». 1885, т. III. Стр. 85.

Императоръ Петръ III.

Библіотека Академіи Наукъ

посову — портретъ Князя Григорія Орлова. Изображенъ по грудь въ профиль, налѣво; одѣтъ въ красный кафтанъ. Съ оригинала Девейля или гравюры Чемезова съ этого оригинала[1]).

Это всѣ работы, извѣстныя мнѣ въ настоящій моментъ. Думается что таковыхъ, въ самомъ дѣлѣ, больше, но что они мало извѣстны вслѣдствіе того индифферентнаго отношенія къ нимъ, какое испытываютъ вообще мозаичныя работы Ломоносова и его фабрики, все прочнѣе и основательнѣе забываемыя.

Я считалъ бы свою настоящую замѣтку достигнувшей цѣли, если бы она послужила толчкомъ къ выясненію нѣкоторыхъ фактовъ мозаичнаго дѣла въ Россіи, возрожденнаго Ломоносовымъ, и тѣмъ открыла бы его произведенія изъ темныхъ угловъ кладовыхъ, пышныхъ дворцовыхъ хранилищъ и частныхъ собраній.

Началомъ исполненія картины «Азовское взятье» закончилось производство мозаикъ, руководимое русскимъ геніемъ, не знавшимъ ни отдыха, ни усталости. Удивительно отношеніе современниковъ Ломоносова къ мозаикѣ, забытой вслѣдъ за смертью его, а равно и Сената, отпустившаго средства на мозаичныя картины къ памятнику Петру Великому и тотчасъ забывшему свою идею. Забыты и горячія защиты энергичнаго Ломоносова, воспѣвшаго —

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою́ вознесъ,
Коль пользы отъ стекла́ пріобрѣло велики,
Доказываютъ то Финифти, Мозаики,
Которы въ вѣкъ хранятъ Геройскихъ бодрость лицъ,
Пріятность нѣжную и красоту дѣвицъ;
Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
Великой древности грызенья не боятся»[2]).

---

1) Принадлежитъ В. И. Орлову. Изданъ въ Подробномъ иллюстрированномъ каталогѣ выставки русской портретной живописи за 150 лѣтъ, составленномъ бар. Н. Н. Врангелемъ. Изд. О-ва Синяго Креста, на стр. 85-й и описаніе его на стр. 89 — 90.

2) «Письмо о пользѣ стекла» — Сочин. М. В. Ломоносова. Изд. Имп. Акад. Наукъ, т. II. 1893. Стр. 93.

Быть можетъ, работы, собранныя на предстоящей Выставкѣ, устраиваемой Академіей Наукъ въ честь Ломоносова и его неоцѣнимыхъ заслугъ передъ Россіей, убѣдятъ и нашихъ современниковъ «въ пользѣ стекла» и вызовутъ заслуженный интересъ къ этому роду искусства, нынѣ потерявшему свои основные принципы и безполезно плетущемуся по стопамъ живописи.

Родъ и потомство Ломоносова.

Б. Л. Модзалевскаго.

Въ одномъ изъ приложеній къ составленному П. И. Мельникову «Описанію празднества, бывшаго въ С.-Петербургѣ 6—9 апрѣля 1865 г. по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова», дана была краткая схематическая таблица потомства Ломоносова къ столѣтію со дня его смерти. За истекшія 45 лѣтъ потомство великаго ученаго значительно разрослось и въ настоящее время насчитываетъ около 50 представителей, въ возрастѣ отъ 76 лѣтъ до 1 года отъ роду.

Желая, по образцу выше названнаго юбилейнаго Ломоносовскаго сборника, дать и въ сборникѣ, посвященномъ Ломоносову по случаю исполняющагося 200-лѣтія со дня его рожденія, таблицу его рода и потомства, Академическая Коммиссія по вопросу о празднованіи этого событія поручила мнѣ составить такую таблицу; къ ней я счелъ нелишнимъ приложить настоящую поколѣнную роспись,— съ краткими свѣдѣніями о каждомъ членѣ семьи,—въ которую включилъ только кровныхъ потомковъ Ломоносова, происходящихъ отъ него черезъ его единственную дочь Елену Михайловну, по мужу Константинову; что касается другихъ родственниковъ его, идущихъ отъ его сестры (отъ 1-й его мачехи) Маріи Васильевны Головиной и отъ брата (отъ 2-й его мачехи) Ивана Васильевича Ломоносова, то я ограничился лишь указаніемъ на ближайшее ихъ потомство, не приводя дальнѣйшихъ его отвѣтвленій, — какъ по отдаленности кровнаго родства, такъ и по неточности свѣдѣній, которыя удалось мнѣ собрать.

Источниками для составленія росписи мнѣ послужили документальныя данныя, а также достовѣрныя свѣдѣнія, сообщаемыя И. И. Лепехинымъ[1]), П. И. Челищевымъ[2]), М. И. Сухомлиновымъ[3]), І. М. Сибирцевымъ[4]), Н. А. Голубцовымъ[5]) и нѣкоторыми другими изслѣдователями; кромѣ общихъ генеалогическихъ пособій, мною использованы были свѣдѣнія (особенно о послѣднихъ поколѣніяхъ), любезно сообщенныя мнѣ потомками Ломоносова — княземъ Л. В. Яшвилемъ и Е. Н. Орловой[6]), а также Н. С. Плаутинымъ, которымъ считаю долгомъ принести выраженіе моей искренней благодарности.

Первое лицо въ росписи — Леонтій — извѣстенъ лишь изъ отечества его сына — Луки Леонтьевича Ломоносова; происхожденіе отъ него отца великаго ученаго — Василія Дороѳеевича Ломоносова — документальными данными подтверждено быть не можетъ и указывается лишь условно; не удалось документально установить и единства двухъ извѣстныхъ по документамъ Никитъ Ломоносовыхъ, почему они и показаны подъ двумя №№.

Въ поколѣнной росписи всѣ лица занесены подъ валовыми №№ слѣва; №№, стоящіе справа при каждомъ имени, показываютъ, отъ кого данное лицо происходитъ.

---

1) «Путешествія академика Ивана Лепехина. Часть IV.», С.-Пб. 1805.

2) «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году», изд. Л. Н. Майкова, С.-Пб. 1891.

3) «Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго Университета»—«Русск. Вѣсти.» 1861 г., т. XXXI, № 1, стр. 127—165.

4) «Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ», Арханг. 1911 г. (изъ «Извѣстій Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера» 1911 г.), а также «Ломоносовскій Сборникъ», изд. Имп. Академіи Наукъ, С.-Пб. 1911 г. и «Ломоносовскій Сборникъ», изд. Арханг. Губерниск. Статистическаго Комитета, Арх. 1911 г.

5) а) «М. В. Ломоносовъ» и б) «Родъ Ломоносова и его потомство» — статьи въ «Ломоносовскомъ Сборникѣ», изд. Арханг. Губерниск. Статистич. Комитета, Арханг. 1911 г., въ которомъ напечатаны всѣ документы о Ломоносовѣ, хранящіеся въ учрежденіяхъ г. Архангельска.

6) При любезномъ содѣйствіи М. О. Гершензона.

Поколѣнная роспись.

I.

1. Леонтій.

II.

2. Лука Леонтьевичъ **Ломоносовъ.**
род. въ 1646; въ 1698 г. ему заложили, за 20 рублей, землю Чюриносовы; въ 1701 г.—церковный староста; въ 1703—въ числѣ выборныхъ волостныхъ людей, неграмотный; въ 1705 г. Двинскій земскій староста; въ 1708 г.—тоже, неграмотный; владѣлъ съ Василіемъ Дорофѣевичемъ Ломоносовымъ участкомъ сѣнокосной земли, которую продалъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1714 году; въ 1719 г.—крестьянинъ дер. Мишанинской, Куростровской волости † 30 марта 1727 г. — 1

3. Дороѳей (Ѳедоръ), жилъ во 2-й половинѣ XVII вѣка . . — 1

III.

4. Ѳедоръ Лукичъ **Ломоносовъ.**
† въ молодости, до 1702 года
Ж. . . . . † послѣ мужа. — 2

4а. N. (одно лицо съ № 4?).
Ж. Пелагея Клементьевна; въ дек. 1729 г. жила въ Архангельскѣ. — 2?

5. Иванъ Лукичъ **Ломоносовъ.**
въ 1702 г. грамотный; крестьянинъ дер. Мишанинской † 7 декабря 1720 г.
Ж. Наталья . . . . . ; въ 1727 г. жила у Луки Ломоносова; жива въ 1728 г. — 2

6. Василій Дороѳеевичъ (Ѳедоровичъ) **Ломоносовъ.**
род. въ 1681 г.; крестьянинъ Архангелогородской губерніи Двинскаго уѣзда Куростровской волости, дер. Мишанинской, 1719—1722 г.; владѣлъ съ Лукою Леонтьевичемъ Ломоносовымъ участкомъ сѣнокосной земли, ко- — 3

торую продалъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1714 году; въ 1739 г. продалъ свой покосъ на Палье-Островѣ † въ первой половинѣ (лѣтомъ?) 1741 г. (утонулъ въ морѣ).
Ж. 1) съ 1709—1710 г. Елена Ивановна Сивкова, дочь дьякона Николаевской Матигорской волости; жива въ 1719 г. (Мать М. В. Ломоносова).

2) около 1721 г. Осодора Михайловна Уская, дочь крестьянина Троицкой Ухтостровской волости † 14 іюля 1724 г. 3

3) съ 11 октября 1724 г. вдова Ирина Семеновна, рожд. Корельская, дочь крестьянина Николаевской Матигорской волости Семена Корельскаго; жива въ февралѣ 1731 г. † въ 1732 г.

IV.

7. Никита Ѳедоровичъ **Ломоносовъ**.
род. въ 1688—1689 гг.; въ 1702 г. — грамотный; въ 1719 г. — крестьянинъ дер. Мишанинской † 8 декабря 1726 г. 4

7а. Никита **Ломоносовъ** (одно лицо съ № 7?).
Архангелогородской Портовой Таможни копіистъ; въ 1725 г. былъ въ Петербургѣ † до ноября 1729 г.
Ж.....; во 2-мъ бракѣ была (1729) за капитаномъ Архангелогородскаго полка Григоріемъ Воробьевымъ, который въ декабрѣ 1730 г., будучи Холмогорскимъ воеводой, выдалъ паспортъ М. В. Ломоносову при уходѣ его въ Москву. 4?

8. Михаилъ Васильевичъ **Ломоносовъ** (отъ 1-го брака).
род. 8 ноября 1711 г. въ дер. Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда † 4 апрѣля 1765 г. въ Петербургѣ.
Ж. съ 6 іюня 1740 г., въ г. Марбургѣ, въ реформатской церкви, Елизавета Андреевна (Елизавета-Христина) Цильхъ, дочь умершаго члена Марбургской Городской Думы и церковнаго старшины Генриха Цильхъ (Zilch) и его жены Екатерины-Елизаветы; род. 22 іюня 1720 въ Марбургѣ † въ 1766 г. (до 11 октября) въ Петербургѣ, переживъ мужа на $1^1/_2$ года. 6

9. Марья Васильевна **Ломоносова** (отъ 3-го брака).
род. около 1730 г.; занималась костоправнымъ искусствомъ; жива въ 1807 г. † до 1826 г.
За Евсеемъ Осдоровичемъ Головинымъ, Матигорскимъ государственнымъ крестьяниномъ; живъ въ 1796 г. 6

10. Иванъ Васильевичъ **Ломоносовъ** (отъ 2-го брака): существуетъ его потомство (?).

V.

11. Иванъ Михайловичъ **Ломоносовъ**.
род. 1 января 1742 г. въ Марбургѣ; крещенъ реформатскимъ пасторомъ 4 января † 7 февраля 1742 г. въ Марбургѣ.

12. Елена Михайловна **Ломоносова**.
род. 21 февраля 1749 г. † 21 мая 1772 г.; погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.
За (съ 15 сентября 1766 г.) Алексѣемъ Алексѣевичемъ Константиновымъ, колл. сов., род. 5 февраля 1728 † 11 мая 1808; погребенъ съ женою. 8

13. Михаилъ Евсеевичъ **Головинъ**.
род. въ 1756 г.; въ 1764 г. принятъ въ Гимназію при Академіи Наукъ; 23 октября 1773 г. — элевъ Академіи Наукъ; 15 января 1776 г. — адъюнктъ по физикѣ Имп. Академіи Наукъ; 16 января 1779 г. исключенъ изъ подушнаго оклада; колл. асс. съ 1785 г.; выбылъ изъ Академіи 19 января 1786 г. и тогда же избранъ почетнымъ членомъ Академіи; надв. сов. † 8 іюня 1790 г. въ Петербургѣ, холостымъ. 9

14. Петръ Евсеевичъ **Головинъ**.
род. около 1765 г.; крестьянинъ Матигорской волости Холмогорскаго уѣзда † до 1826 г. Отъ него допытѣ существуетъ многочисленное потомство.
Ж. Авдотья Кузьминична, дочь крестьянина Куростровской волости, «зильбердинерскаго помощника въ оберъ офицерскомъ чинѣ», служившаго при Высочайшемъ Дворѣ, Кузьмы Ильина.

15. Матрена Евсеевна **Головина.**

род. около 1756 г.; занималась костоправным искусством; жива въ 1828 г. Отъ нея донынѣ существуетъ многочисленное потомство.

За Осдоромъ Яковлевичемъ Лопаткинымъ, крестьяниномъ. 9

16. Анна Евсеевна **Головина.**

† до 1826 г. Отъ нея донынѣ существуетъ многочисленное потомство.

За Иваномъ Титовымъ, крестьяниномъ Матигорской волости.

VI.

17. Алексѣй Алексѣевичъ **Константиновъ.**

Подполковникъ; бездѣтный † въ 1814 г.

18. Софія Алексѣевна **Константинова.**

род. 25 августа 1769 г. † 16 декабря 1844 г. въ Римѣ, гдѣ и погребена на кладбищѣ Testaccio.

Съ 1794 г. (?) за Николаемъ Николаевичемъ Раевскимъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членомъ Государственнаго Совѣта, род. 14 сентября 1771 г. † 16 сентября 1829 г. 12

19. Екатерина Алексѣевна **Константинова.**

род. 3 апр. 177.. г. † 25 апрѣля 1846 [1]), погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

20. Анна Алексѣевна **Константинова** [2]).

род. около 1775 г. † послѣ 1864 г. 12?

VII.

21. Александръ Николаевичъ **Раевскій.**

Полковникъ; род. 16 ноября 1795 † 23 октября 1868 г. Ж. (ст. 11 ноября 1834 въ Москвѣ) Екатерина Петровна Кипдякова, род. 3 ноября 1812 † 26 ноября 1839 г. 18

---

1) На надгробной надписи ошибки и въ годъ рожденія (1774), и въ годъ смерти (1847).

2) См. о ней «Архивъ Раевскихъ». Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго», т. II, С.-Пб. 1909, стр. 84—85.

22. Николай Николаевичъ **Раевскій.**
род. въ 1800 † младенцемъ.

23. Николай Николаевичъ **Раевскій.**
Генералъ-Лейтенантъ.
род. 14 сентября 1801 г. † 24 іюля 1843 г.
Ж. (съ 22 января 1839 г. въ Москвѣ) Анна Михайловна Бороздина, род. 29 декабря 1819 † 10 декабря 1883 г.

24. Екатерина Николаевна **Раевская.**
род. 10 апрѣля 1796 г. † 22 января 1884 г.
За (ст. 15 мая 1821 г. въ Кіевѣ) Михаломъ Осдоровичемъ Орловымъ, генералъ-маіоромъ, род. 25 марта 1788 † 19 марта 1842 г.

25. Софія Николаевна **Раевская.**
† 1 года отъ роду.

26. Елена Николаевна **Раевская.**
Фрейлина.
род. 29 августа (?) 1804 г. † 4 сентября 1852 г.

27. Марія Николаевна **Раевская.**
род. 25 декабря 1805 (?) г. † 10 августа 1863 г.
За (ст. января 1825 г.) княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ **Волконскимъ** † 28 ноября 1865 г.

28. Софія Николаевна **Раевская.**
Фрейлина.
род. 17 ноября 1806 (?) г. † 13 февраля 1881 г.

18

VIII.

29. Александра Александровна **Раевская.**
род. 6 ноября 1839 г. † 18 іюля 1863 г.
За (ст. 15 января 1861 г.) графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Ностицъ, генералъ-лейтенантомъ, род. 3 января 1824 † 4 марта 1905 г.

21

30. Николай Николаевичъ **Раевскій.**
Полковникъ.
род. 5 ноября 1839 г. † 20 августа 1876 г.

23

31. Михаилъ Николаевичъ Раевскій.
Генералъ-маіоръ.
род. 15 февраля 1841 г. † 10 октября 1893 г.
Ж. (съ 11 апрѣля 1871 г. въ Петербургѣ) княжна Марія Григорьевна Гагарина, род. 2 іюня 1851 г.

23

32. Николай Михайловичъ Орловъ.
род. 20 марта 1821 г. † 17 іюня 1886.
Ж. (съ 12 іюля 1857 г. въ Москвѣ) Ольга Павловна Кривцова, род. 10 сентября 1838 г.

33. Анна Михайловна Орлова.
род. 20 іюня 1826 г. † 30 декабря 1887 г.
За княземъ Владиміромъ Владиміровичемъ Яшвилъ, род. 19 декабря 1815 † 7 февраля 1864 г.

24

34. Князь Николай Сергѣевичъ Волконскій.
род. 2 января 1826 г. † въ началѣ 1828 г.

35. Князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій.
Членъ Государственнаго Совѣта.
род. 10 марта 1832 г. † 7 декабря 1909 г.
Ж. (съ 24 мая 1859 г.) свѣтлѣйшая княжна Елизавета Григорьевна Волконская, род. 19 октября 1838 г. † 15 февраля 1897 г.

36. (Княжна) Софія Сергѣевна Волконская.
род. п † 1 іюля 1830 г.

27

37. (Княжна) Елена Сергѣевна Волконская.
род. 28 сентября 1835 г.
За: 1) (съ 185.. г.) Дмитріемъ Васильевичемъ Молчановымъ † 1858 г.
2) (съ 1858 г.) Николаемъ Аркадьевичемъ Кочубеемъ, род. 27 октября 1827 г. † 27 октября 1865 г. (его 2-я жена).
3) (съ 1868 г.) Александромъ Алексѣевичемъ Рахмановымъ †.

IX.

38. Графъ Григорій Ивановичъ **Ностицъ.**
Генералъ-маіоръ.
род. 23 марта 1862 г.
Ж. (съ 29 іюля 1907 г.) Лилли-Маделена Павловна Нимптшъ, рожд. . . .

29

39. Николай Михайловичъ **Раевскій.**
Корнетъ Кавалергардскаго полка.
род. 10 декабря 1873 г. † 27 мая 1900 г.

40. Михаилъ Михайловичъ **Раевскій.**
Штабсъ-ротмистръ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка.
род. 16 марта 1875 г.
Ж. (съ 1909 г.) княжна Ольга Сергѣевна Гагарина.

41. Григорій Михайловичъ **Раевскій.**
род. 6 декабря 1878 г. † 23 февраля 1883 г.

42. Петръ Михайловичъ **Раевскій.**
Отст. поручикъ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка.
род. 15 марта 1883 г.
Ж. (съ 27 апрѣля 1908 г.) графиня Софія Павловна Ферзенъ, род. 20 мая 1888 г.

31

43. Марія Михайловна **Раевская.**
род. 15 мая 1872 г.
За (съ 20 сентября 1892 г.) Николаемъ Сергѣевичемъ Плаутинымъ, род. 21 января 1868 г.

44. Анна Михайловна **Раевская.**
род. 2 сентября 1876 г.
За (съ 29 апрѣля 1902 г.) Николаемъ Николаевичемъ Шиповымъ, род. 6 февраля 1875 г.

45. Софія Михайловна **Раевская.**
род. 7 марта 1881 г.
За (съ 1909 г.) княземъ Михаиломъ Анатоліевичемъ Гагаринымъ, род. 8 ноября 1881 г.

46. Елена Михайловна Раевская.
род. 9 февраля 1888 г. † 17 іюня 1889 г.

47. Анастасія Михайловна Раевская.
род. 12 апрѣля 1890 г.

31

48. Ирина Михайловна Раевская.
род. 6 августа 1892 г.

49. Михаилъ Николаевичъ Орловъ.
род. 10 апрѣля 1866 г. † 22 января 1907 г., холостымъ.

50. Елизавета Николаевна Орлова.
род. въ 1858 г. † въ ноябрѣ 1860 г.

51. Елизавета Николаевна Орлова.
род. 5 іюня 1861 г.

52. Екатерина Николаевна Орлова.
род. 17 марта 1869 г.
За (съ 1898 г.) Сергѣемъ Андреевичемъ Котляревскимъ, профессоромъ Имп. Московскаго Университета, род. въ 1873 г.

32

53. Князь Николай Владиміровичъ Яшвиль.
род. 8 іюня 1857 г. † 27 іюня 1893 г.
Ж. (съ 1890 г.) Наталья Григорьевна Фрейнсонъ, род. 28 декабря 1861 г.

54. Князь Левъ Владиміровичъ Яшвиль.
род. 7 марта 1859 г.
Ж. 1) (съ 1897 г.) Доминика Владиміровна Стаховичъ † въ янв. 1898 г.
2) (съ 1900 г.) Анастасія Петровна Стаховичъ, род. 31 января 1881 г.

33

55. Княжна Марія Владиміровна Яшвиль.
Фрейлина.
род. 8 ноября 1852 г.

56. Княжна Софія Владиміровна Яшвиль.
род. 25 мая 1854 г.
За (съ 1877—1878 г.) Сергѣемъ Аполлоновичемъ Уваровымъ † въ январѣ 1900 г.

57. Княжна Павла Владиміровна Яшвиль.
род. 10 января 1856 г. † 23 марта 1881 г.

33

58. Князь Сергѣй Михайловичъ Волконскій.
род. 4 мая 1860 г.

59. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.
род. 17 сентября 1861 г.
Ж. (съ 23 мая 1890 г.) княжна Елизавета Алексѣевна Шаховская, род. 17 августа 1867 г.

60. Князь Григорій Михайловичъ Волконскій.
род. 19 сентября 1864 г.
Ж. (съ 29 іюля 1894 г.) графиня Ида Витовна Дамміеръ, род. 8 сентября 1869 г.

61. Князь Александръ Михайловичъ Волконскій.
Военный агентъ въ Римѣ.
род. 25 апрѣля 1866 г.
Ж. Евгенія Петровна Васильчикова.

35

62. Князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій.
Товарищъ Предсѣдателя 3-й Государственной Думы.
род. 17 сентября 1868 г.
Ж. (ст. 26 января 1892 г.) Анна Николаевна Звегинцова, род. 31 іюля 1870 г.

63. Княжна Марія Михайловна Волконская.
Фрейлина.
род. 13 марта 1863 г.

64. Сергѣй Дмитріевичъ Молчановъ.
Полковникъ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка.
род. въ 185.. г. † 9 мая 1905 г.

65. Михаилъ Николаевичъ Кочубей.
род. 5 января 1863 г.

37

66. Марія Алексѣевна **Рахманова.**
За Александромъ Ивановичемъ Джуліани. | 37

67. Елена Сергѣевна **Рахманова.**

X.

68. Сергѣй Михайловичъ **Раевскій.**
род. въ 1910 г. } 40

69. Николай Николаевичъ **Плаутинъ.**
род. 15 іюля 1893 г.

70. Михаилъ Николаевичъ **Плаутинъ.**
род. 2 іюня 1895 г. } 43

71. Сергѣй Николаевичъ **Плаутинъ.**
род. 4 ноября 1897 г.

72. Георгій Николаевичъ **Плаутинъ.**
род. 5 декабря 1898 г.

73. Николай Николаевичъ **Шиповъ.**

74. Михаилъ Николаевичъ **Шиповъ.** } 44

75. Марія Николаевна **Шипова.**

76. Павла Сергѣевна **Котляревская.**
род. 11 октября 1906 г. } 52

77. Князь Владиміръ Николаевичъ **Яшвиль.**
род. 8 февраля 1893 г. } 53

78. Княжна Татьяна Николаевна **Яшвиль.**
род. 14 апрѣля 1892 г.

79. Князь Михаилъ Львовичъ **Яшвиль.**
род. 7 января 1902 г. } 54

80. Княжна Марія Львовна **Яшвиль.**
род. въ 1903 г. † въ 1905 г.

81. Владиміръ Сергѣевичъ **Уваровъ.**

Новоградъ-Волынскій Уѣздный Предводитель Дворянства.

82. Михаилъ Сергѣевичъ **Уваровъ.**

род. въ 1880 г.
Ж. 1) Аполлинарія Петровна N.
2) Вѣра Васильевна N.

83. Сергѣй Сергѣевичъ **Уваровъ.**

Бердичевскій Уѣздный Предводитель Дворянства.
Ж. (1910 г.) Наталья Осдоровна Терещенко.

84. Анна Сергѣевна **Уварова.**

род. въ 1878—1879 г. † въ декабрѣ 1899 г.

85. Прасковья Сергѣевна **Уварова.**

род. въ 1891 г.

} 56

86. Князь Михаилъ Петровичъ **Волконскій.**

род. 22 іюля 1891 г.

} 59

87. Князь Вадимъ Григорьевичъ **Волконскій.**

род. 24 мая 1895 г.

88. Княжна Елизавета Григорьевна **Волконская.**

род. 13 декабря 1896 г.

89. Княжна Марія Григорьевна **Волконская.**

род. 14 декабря 1898.

} 60

90. Князь Даніилъ Александровичъ **Волконскій.**

91. Князь Никита Александровичъ **Волконскій.**

92. Князь Владиміръ Александровичъ **Волконскій.**

93. Княжна Марія Александровна **Волконская.**

} 61

94. Княжна Елена Владиміровна **Волконская.**

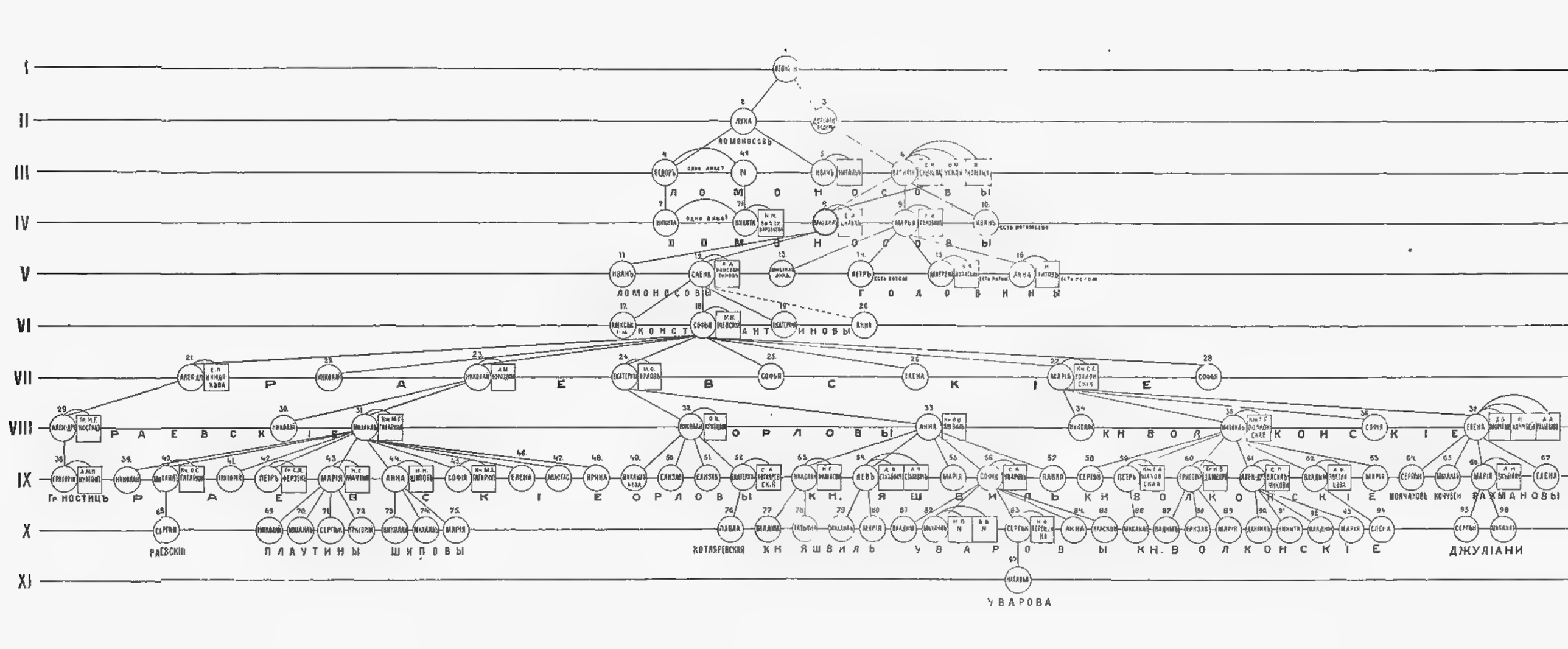
род. 5 августа 1894 г.

} 62

95. Сергѣй Александровичъ Джуліани. } 66
96. Михаилъ Александровичъ Джуліани. }

XI.

97. Наталья Сергѣевна Уварова. } 83
род. въ 1911 г. }


I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
ЛОМОНОСОВЪ
ЛОМОНОСОВЫ
ГОЛОВИНЫ
КОНСТАНТИНОВЫ
РАДЕВСКІЕ
ОРЛОВЫ
КНВОЛКОНСКІЕ
Гр. НОСТИЦЪ
РАДЕВСКІЙ
ЛЛАУТИНЫ
ШИПОВЫ
КОТЛЯРЕВСКІЙ
КН ЯШВИЛЬ
УВАРОВЫ
КН.ВОЛКОНСКІЕ
ДЖУЛІАНИ
МОЧАНОВЫ КОЧУБЕИ
ЯХМАНОВЫ
УВАРОВА

Объ открытіи крокоита.

В. И. Вернадскаго.

1. Въ исторіи минералогіи и химіи красная свинцовая руда — крокоитъ — сыграла извѣстную роль, и во второй половинѣ XVIII столѣтія его изслѣдованіе вызвало цѣлую литературу.

На него обратилъ вниманіе ученыхъ впервые въ 1766 году академикъ І. Г. Леманнъ, одинъ изъ ближайшихъ замѣстителей М. В. Ломоносова по каѳедрѣ химіи. Въ засѣданіи Академіи Наукъ 9 іюня 1766 года Леманнъ, сообщая объ открытіи этого минерала, указалъ, что нѣкоторыя его количества были отправлены за границу и несомнѣнно должны попасть въ руки иностранныхъ ученыхъ, которые могутъ опубликовать объ этомъ минералѣ раньше, чѣмъ выйдутъ изданія Академіи. Поэтому академики (Штелинъ, Фишеръ, Браунъ, Котельниковъ, Леманнъ и Протасовъ) рѣшили, что необходимо опубликовать объ этомъ открытіи раньше, чѣмъ выйдетъ очередной выпускъ «Комментаріевъ» Академіи — «ne Academiae nostrae palmam praeripiant novitatis»[1])...

Согласно этому постановленію, Леманнъ опубликовалъ уже 22 іюня 1766 г. свою работу о крокоитѣ здѣсь, въ Петербургѣ, отдѣльной брошюрой, на латинскомъ языкѣ, придавъ ей форму письма къ знаменитому естествоиспытателю Бюффону[2]). Ле-

---

1) См. Протоколы засѣданій Конференціи Имп. Акад. Наукъ съ 1725 по 1803 годъ. II. С.-Пб. 1899, стр. 565.

2) I. G. Lehmann. De nova minerae plumbi, specie crystallina rubra. Epistola ad virum illustr. et excell. Dominum de Buffon. Petr. MDCCLXVI.

манъ совершенно точно описалъ химическія свойства этого тѣла, его отношеніе къ кислотамъ, возгонкѣ, плавленію, но выяснить химическую природу крокоита онъ не могъ. Онъ точно описалъ его парагенезисъ и условія его нахожденія въ жилахъ Березовскаго завода[1]). У Леманна было въ распоряженіи небольшое количество этой руды и она только незадолго передъ тѣмъ была открыта (novissime in Siberia detecta).

Точному и основательному наблюдателю Леманну[2]) ясно бросилась особенность этой руды, ея отличіе отъ всего, что раньше было извѣстно для свинцовыхъ рудъ. Обращаясь къ современной и предшествовавшей ему литературѣ, онъ приводитъ указанія Эркера, Валлеріуса, Юсти о нахожденіи въ разныхъ мѣстахъ земной коры «красной свинцовой руды», но ни въ какихъ сомнѣній отдѣляетъ эти руды отъ открытой имъ[3]). Раньше были находимы только глинистыя и землистыя, содержащія свинецъ, скопленія краснаго цвѣта, ничего общаго не имѣющія съ великолѣпными, прозрачными кристаллами крокоита, бывшими въ рукахъ Петербургскаго академика.

2. Леманнъ не ошибся въ томъ, что его открытіе возбудитъ вниманіе. Его работа была переведена на французскій (Сажемъ)[4]) и нѣмецкій языки[5]). Цѣлый рядъ изслѣдователей пы-

---

1) «Pirosowska Sawod» (l. c. p. 4). Онъ точно указываетъ, что красная свинцовая руда не образуетъ жилъ, но наблюдается въ пустотахъ. Нерѣдка срастается съ псевдоморфозами лимонита или гетита по пириту («Dantur quoque exemplaria quamvis rarissima, quibus cubi regulares ferruginosi pyritis inhaerent»). Онъ указываетъ, что эта свинцовая руда сопровождается халькопиритомъ, галенитомъ, изрѣдка мелкими кристаллами церуссита и пироморфита. Трудно идентифицировать только слѣдующее его замѣчаніе: въ исключительныхъ случаяхъ «adhaerent lamellae tenues eius indolae Magnesiae (Russ. магнезія) cujus nonnulla frustula Orenburgo ad me delata sunt, singularis plane texturae» (l. c. p. 5).

2) О Леманнѣ см. В. Вернадскій. О значеніи трудовъ М. В. Ломоносова въ минералогіи и геологіи. М. 1900, стр. 11 — 12 (Оттискъ изъ «Ломонос. Сборника», изд. Моск. Общ. Любит. Естеств.).

3) I. G. Lehmann, l. c. 1766 p. 11.

4) Въ сборникѣ—B. G. Sage. Examen chimique des diff. subst. minér. P. 1769.

5) О существованіи нѣмецкаго перевода см. J. F. Gmelin. Geschichte d. Chemie. II, Gött. 1798, p. 581.

тался выяснить химическую природу загадочной руды, рѣзко отличавшейся своимъ цвѣтомъ, кристаллическою и прозрачностію отъ всѣхъ извѣстныхъ тогда соединеній свинца и тяжелыхъ металловъ.

Лучшіе аналитики того времени занялись изслѣдованіемъ Леманновской руды. Надъ ней работали Вокелень (1787), Макаръ, Сажъ, Палласъ, Фуркруа.

Надъ ней же была сдѣлана одна изъ первыхъ научныхъ работъ по минералогіи въ Москвѣ преподавателемъ Московскаго Университета І. Биндгеймомъ[1]), который долженъ считаться родоначальникомъ Московской научной работы въ области минералогіи.

Всѣ эти работы были неудачны. Въ красной свинцовой рудѣ находили серебро, мышьякъ, алюминій, желѣзо, сѣру и многія другія тѣла, но было ясно, что, кромѣ свинца и кислорода, указанія на другіе элементы являются загадочными и запутанными.

3. Прошло много лѣтъ—больше 30—прежде, чѣмъ загадка химическаго состава крокоита была разрѣшена. Въ 1797 году французскій ученый Вокелень открылъ нахожденіе въ крокоитѣ новаго, неизвѣстнаго химическаго элемента—*хрома*; работа эта была подтверждена независимо шедшими изслѣдованіями Клапрота. Этимъ объяснились фантастическія сужденія, какія имѣли о химическомъ составѣ этого тѣла раньше изучавшіе его химики.

Вскорѣ соединенія хрома были выдѣлены изъ крокоита, и ихъ изученіе положило начало изслѣдованію химіи этого элемента. Но источникомъ его для насъ—его рудой—явился въ концѣ концовъ не рѣдкій крокоитъ, а болѣе распространенный хромистый желѣзнякъ, открытіе хрома въ которомъ было сдѣлано въ самомъ концѣ XVIII столѣтія (1799) Тассертомъ[2]).

---

1) I. I. Bindheim. Beobachtungen u. Entdeckungen aus d. Naturkunde, von d. Gesellschaft naturf. Freunde in Berlin. IV. B. 1792, p. 288 сл.

2) Любопытно, что представленіе о хромѣ, какъ новомъ элементѣ, вошло въ сознаніе изслѣдователей медленно. Его, напримѣръ, не знаетъ Гмелинъ въ своей исторіи химіи, вышедшей въ 1799 году. Еще въ первой четверти XIX в. шла оживленная полемика о его свойствахъ, въ виду рѣзкихъ отличій въ свои-

4. Красная свинцовая руда потеряла тогда свое значеніе въ химіи, но долгое время сохранила его цѣликомъ въ минералогіи. На ея кристаллахъ изучались свойства триклинической системы. По своей рѣдкости и красотѣ она привлекала къ себѣ коллекторовъ. Однако, только въ 1832 году Бертье далъ ей то имя, какое она сохранила до сихъ поръ [1]). Еще въ 1852 году Брукъ и Миллеръ въ своей переработкѣ минералогіи Филлипса пытались связать ее съ Леманномъ, назвали *леманнитомъ*, названіе, которое не удержалось въ наукѣ.

Крокоитъ являлся однимъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ русскихъ миналовъ. До находокъ его въ Тасманіи только въ Березовскѣ встрѣчались его большіе красивые кристаллы [2]). Вскорѣ и здѣсь эти друзы стали рѣдкостію. Послѣднія значительныя добычи его были сдѣланы въ Преображенскомъ рудникѣ, принадлежащемъ къ Березовской группѣ, въ первой половинѣ XIX столѣтія. Съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ пересталъ попадаться въ Березовскихъ рудникахъ или попадается, какъ величайшая рѣдкость. Въ настоящее время, кажется, нѣтъ ни одного извѣстнаго мѣсторожденія крокоита — онъ находится только въ коллекціяхъ.

5. Такова исторія крокоита, какъ она вырисовывается изъ имѣющихся въ научномъ обиходѣ данныхъ. Однако, она далеко не отвѣчаетъ фактамъ.

За три года до брошюры Леманна, въ сочиненіи М. В. Ломоносова, появившемся въ свѣтъ въ 1763 году, мы находимъ ясное и точное описаніе красной свинцовой руды. *Изъ него видно, что Ломоносову въ это время крокоитъ былъ извѣстенъ.* Онъ го-

---

ствахъ соединеній окиси хрома и хромовой кислоты. Русскіе химики, работавшіе въ это время надъ хромомъ — Ф. Брандербургъ, А. Мусинъ-Пушкинъ, Т. Ловицъ — исходили въ своихъ работахъ изъ крокоита.

1) Бертье и затѣмъ Бедаинъ назвали ее крокоизомъ (crocoïse). Въ крокоитъ передѣлалъ ее Брейтгауптъ въ 1841 году. См. J. D. Dana. System of min., 6-th ed. L. 1892 p. 914.

2) Несомнѣнно большіе и хорошіе кристаллы крокоита встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ, напр., на о. Люконѣ, но они мало и рѣдко попадали въ руки изслѣдователей (Ср. J. D. Dana. l. c.).

ворить: «Красная свинцовая руда имѣетъ фигуру брусковую и слоеватую, и серебра въ себѣ ничего не содержитъ»[1]). По ясности и точности это указаніе не оставляетъ желать ничего большаго. Призмы и пластинки (фигура брусковая и слоеватая) красной свинцовой руды ничего не имѣютъ общаго съ тѣми красными свинцовыми землями и охрами, упоминанія о которыхъ встрѣчались у минералоговъ XVIII столѣтія. Оно можетъ относиться только къ крокоиту или близкому къ нему хромовому (м. б. ванадіевому?) соединенію свинца.

6. Указаніе на кристаллическую красную руду Ломоносовымъ въ «Основаніяхъ металлургіи» вызываетъ особое недоумѣніе еще потому, что эта часть книги должна быть отнесена не къ 1760-мъ годамъ, а къ гораздо болѣе раннему времени. Несомнѣнно, металлургія была перепечатана Ломоносовымъ безъ перемѣнъ по рукописи 1742 года[2]). Даже тѣ ея части, гдѣ встрѣчались явные анахронизмы, очень неудобные и вполнѣ ясные для Петербургскаго читателя, напр., указанія на незамерзаемость ртути, оставлялись Ломоносовымъ безъ измѣненія; онъ прибавилъ только внизу въ примѣчаніи, что «сіе писано въ 1742 году; послѣ иначе оказалось»[3]). А между тѣмъ, замерзаемость ртути была открыта въ 1759 году въ Петербургѣ академикомъ Брауномъ. Это открытіе произвело большой шумъ, и въ торжественныхъ засѣданіяхъ Академіи Наукъ 1760 года о немъ читали передъ избранной Петербургской публикой какъ самъ Браунъ, такъ и Ломоносовъ, производившій въ этомъ направленіи самостоятельные опыты.

На каждомъ шагу въ этой первой части книги виденъ рѣзкій анахронизмъ между состояніемъ знаній въ 1763 году и ихъ уровнемъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Ломоносовъ не знаетъ

---

1) М. В. Ломоносовъ. Первыя основанія металлургіи, ч. I, гл. VI, § 32. С.-Пб. 1763, стр. 44.

2) См. П. Пекарскій. Исторія Акад. Наукъ. II. С.-Пб. 1873 года, стр. 811. В. Вернадскій. О значеніи трудовъ М. В. Ломоносова въ минер. и геол. М. 1900 г., стр. 3.

3) М. Ломоносовъ, l. c., 1763, стр. 20.

среди металловъ платину, никель, кобальтъ, открытые въ промежутокъ между 1742 — 1763 годами, дастъ устарѣлыя свѣдѣнія о сѣрной кислотѣ, совсѣмъ невозможныя для 1763 года данныя объ оловянныхъ рудахъ и т. д. Очевидно по тѣмъ или инымъ причинамъ ему надо было издать при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II книгу и, не имѣя подъ руками готовой работы, онъ издалъ безъ измѣненія старый трудъ, написанный еще въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны. Къ этой старой работѣ онъ приложилъ дополненіемъ свою статью «О слояхъ земныхъ», являющуюся одной изъ лучшихъ работъ по геологіи въ XVIII вѣкѣ. Это приложеніе погибло благодаря этому, такъ какъ каждому была ясна обветшалость въ 1760-хъ годахъ главнаго сочиненія, которымъ начиналась книга, представлявшая, казалось, нѣчто цѣльное.

7. И все же и въ этой старой работѣ находятся новинки, какъ знакомство въ 1742 году съ красной кристаллической свинцовой рудой, которая была описана только въ 1766 году. Какимъ образомъ Ломоносовъ могъ знать о ней, когда красная свинцовая руда была впервые описана изъ Березовска, а Березовскіе золотые рудники, открытые въ 1745 году, начали разрабатываться только съ 1752 года, а самые старые рудники въ ближайшемъ районѣ — Пышминскіе — начали разрабатываться только въ 1745 году[1]). Очевидно, Ломоносовъ могъ знать эту руду не изъ Березовска, или наше предположеніе о неприкосновенности текста 1742 года «Первыхъ основаній металлургіи» въ этой своей части требуетъ поправки.

8. И дѣйствительно, мы имѣемъ ясныя указанія на знакомство любителей минералогіи съ кристаллической красной свинцовой рудой задолго до работы Лемана, уже въ 30-хъ годахъ

---

1) Историческія указанія см. P. S. Pallas. Reise durch versch. Prow. d. Russ. Reiches. II. 1. Spb. 1773 г. p. 162. B. F. Hermann. Versuch ein. mineral. Beschreib. d. Ural. Erzgebürg. I. Spb. 1789. И. Поповъ. Хозяйственное описаніе Пермской губ. I. Пермь. 1804 г., стр. 275, 218. И. Чупинъ. Географ. словарь Пермской губ. I. II. 1873.

XVIII столѣтія, причемъ она была извѣстна въ условіяхъ, дѣлавшихъ ее доступною Ломоносову.

Во-первыхъ, въ 1730-хъ годахъ, не далеко отъ Фрейберга, въ Саксоніи, въ рудникахъ около Чопау (Zschopau) была найдена въ видѣ тонкихъ прозрачныхъ призматическихъ кристалловъ красная свинцовая руда [1]). По указанію Ромэ Делиля эта руда была болѣе темнаго краснаго цвѣта, чѣмъ крокоитъ, т. е. вѣроятно принадлежала къ мелапохроиту или березовиту или къ какому-нибудь другому аналогичному соединенію. Уже въ 1783 году, когда писалъ Де-Ромэ Делиль, образцы ея были очень рѣдки, такъ какъ она сейчасъ же была выработана и послѣ своего одиночнаго открытія больше не встрѣчалась. Въ литературѣ, кажется, она была впервые описана только послѣ выхода въ свѣтъ металлургіи Ломоносова въ 1772 году въ каталогѣ аукціона минералогическаго собранія нѣмецкаго натуралиста І. Форстера [2]).

Весьма возможно, что Ломоносовъ зналъ объ этой находкѣ, сдѣланной вблизи Фрейберга, въ года, когда онъ тамъ былъ и интересовался мѣстной минералогіей. Какъ въ «Металлургіи» (1742), такъ и въ «Слояхъ земныхъ» (1763) мы имѣемъ многочисленныя указанія его на условія саксонскихъ рудниковъ [3]); кажется, даже,

---

1) «Il y a environ cinquante ans qu'on a rencontré dans la mine de Tschopau en Saxe, du plomb rouge en prismes mince set transparentes».—De Romé Delisle. Cristallographie. 2 ed. III. P. 1783, p. 398.

2) (I. Forster). Catalogue raisonné d'une collection choisie des minéraux, cristallisations etc. P. 1772. Каталогъ этотъ былъ мнѣ недоступенъ. Форстеръ указываетъ, что эта руда очень рѣдка. Она встрѣчалась съ кварцемъ и арсенопиритомъ (см. Romé Delisle, l. c.). Это мѣсторожденіе не указано Френцелемъ въ его минералогіи Саксоніи, но парагенезисъ для Чопау вполнѣ возможный.

3) Напр. М. Ломоносовъ. Первыя основанія мет. С.-Пб. 1763 г.; стр. 19 (§ 10), 35 (§ 22), 36 (§ 23), 37 (§ 24), 42 (§ 31) и т. д. О своихъ наблюденіяхъ въ Саксоніи говоритъ Ломоносовъ и въ работѣ «О слояхъ земныхъ» (напр. § 75, стр. 293). Любопытно его общее замѣчаніе: «Много достойныхъ вниманія дѣйствій производитъ въ рудникахъ натура; но рѣдко знаемыхъ ученому свѣту. Работники и хозяева привѣжатъ своей корысти. Пріѣзжіе молодые люди, для ученія рудныхъ дѣлъ, вникаютъ больше въ производимыя работы и не знаютъ, что къ изъясненію физической географіи примѣчать должно» (ib. § 76). Такимъ молодымъ человѣкомъ Ломоносовъ въ Саксоніи не былъ.

что нѣкоторыя изъ его указаній являются новыми въ литературѣ того времени для минералогіи Саксоніи.

9. Однако, возможно, что Ломоносову была извѣстна и русская красная свинцовая руда, такъ какъ она несомнѣнно встрѣчена впервые не въ Березовскѣ и найдена въ 1730-хъ, а не въ 1760-хъ годахъ. Во время своего путешествія по Уралу въ 1770 г. совершенно неожиданно Палласъ нашелъ значительныя скопленія красной свинцовой руды въ Точильной горѣ, верстахъ въ 80 отъ Екатеринбурга. Здѣсь существовали старинныя ломки песчаника для нуждъ казенныхъ и Демидовскихъ желѣзныхъ заводовъ. Ломки эти существовали очень давно; часть ихъ Палласъ нашелъ заброшенными. Богатая крокоитомъ ломка песчаника, разрабатывавшаяся въ 1770 году наслѣдниками Демидова, была уступлена Демидовымъ изъ казны въ 1739 году. Крокоитъ здѣсь не только встрѣчался призматическими и пластинчатыми («prismatisch, prattviereckig») кристаллами, но образовывалъ даже довольно мощную жилу въ песчаникѣ. Въ отличіе отъ Ломоносова, Палласъ нашелъ въ крокоитѣ серебро: по онъ обработалъ для этого центнеръ руды, очевидно недоступный Ломоносову[1]).

10. Такимъ образомъ крокоитъ могъ попасть въ руки Ломоносова и въ Россіи въ 1742 году[2]). А Ломоносовъ уже въ это время интересовался минералогіей Россіи. Въ его руки попадали минералы отъ разныхъ лицъ. Уже въ текстѣ «Металлургіи» мы видимъ многочисленныя указанія Ломоносова на мѣсторожденія минераловъ въ Россіи и на экземпляры коллекціи Академіи Наукъ[3]).

---

1) P. S. Pallas. l. c. II. 1773, p. 275—276. Ср. B. F. I. Hermann. Mineralog. Reisen in Sibirien. I. Spb. 1797. p. 87 сл.

2) Въ коллекціи Академіи Наукъ имѣются экземпляры крокоита изъ Точильной горы, судя по этикеткамъ, — изъ XVIII вѣка. Они не могли быть изъ коллекціи Палласа, которая не сохранилась.

3) Въ каталогѣ этой коллекціи, изданномъ Ломоносовымъ (Musei Imperialis Petropolitani. Vol. I, pars tertia qua continentur res naturales ex regno miner. Spb. 1745) упоминаній о красной свинцовой рудѣ нѣтъ. О сильности и небрежности въ составленіи этого каталога см. А. Гебель. Записки Имп. Акад. Наукъ. VIII. С.-Пб. 1865, стр. 57 сл.

Но мы находимъ въ немъ еще одно указаніе, которое затѣмъ не разъ повторяется Ломоносовымъ. Онъ говоритъ[1]): «Притомъ искусство показываетъ, что почти всякая земля свои особливыя руды имѣетъ и въ новосысканыхъ рудникахъ новыя руды находятъ; о чемъ наши Россійскіе, а особливо Сибирскія рудныя мѣста свидѣтельствуютъ». Это замѣчаніе Ломоносова не могло основываться на литературныхъ данныхъ не только въ 1742, но и въ 1763 году. «Новыя руды», если и были извѣстны интересующимся лицамъ, — въ это время не были описаны. Они сдѣлались извѣстны въ наукѣ лишь въ Екатерининское время и въ началѣ XIX вѣка. Къ этому времени на территоріи Россіи были описаны — открыты — новые минералы, ранѣе неизвѣстные, какъ, напр., айкинитъ, хромистый желѣзнякъ, гесситъ, алтаитъ, плюмбостибъ (эндлихитъ), крокоитъ и т. д.; частью ранѣе извѣстныя тѣла были встрѣчены въ совершенно невиданныхъ формахъ и красивыхъ образцахъ, какъ золото, платина, осмистый иридій, лазуритъ, аквамаринъ, топазъ, красный турмалинъ и т. п. Многія изъ этихъ тѣлъ были давно извѣстны любителямъ и хранились въ многочисленныхъ въ то время въ Россіи коллекціяхъ много раньше, чѣмъ они попали въ руки ученаго изслѣдователя, ихъ описавшаго[2]). Ломоносовъ, очевидно, многое зналъ, чего не успѣлъ опубликовать. Ибо онъ и въ позднѣйшей своей дѣятельности не разъ упоминаетъ о нахожденіи среди произведеній минеральнаго царства Россіи новыхъ, неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ минераловъ[3]), а между тѣмъ мы напрасно стали бы искать отраженія этого въ современной ему литературѣ.

11. Зналъ ли Ломоносовъ красную свинцовую руду изъ

---

1) М. Ломоносовъ, l. c. 1763, стр. 50 (§ 39).

2) Еще и теперь пересмотръ старыхъ коллекцій открываетъ новое. Такъ, напр. недавно въ старинной коллекціи Академіи Наукъ открытъ тетрадимитъ изъ Шилово-Исетскаго руд. на Уралѣ, разработки коего шли въ XVIII вѣкѣ. (см. К. Пенадкевичъ. Труды Геолог. Музея. Акад. Наукъ. I. С.-Пб. 1907, стр. 81. В. Вернадскій. Извѣстія И. Акад. Наукъ. Спб. 1907. стр. 27).

3) См. напр. Билярскій. Матеріалы для біогр. Ломоносова. С.-Пб. 1865, стр. 532 (проектъ 1761 г. объ изслѣдованіи минераловъ Россіи).

Чонау или, что вѣроятнѣе, крокоитъ съ Урала еще въ 1742 г., — во всякомъ случаѣ кристаллическая красная свинцовая руда была въ его рукахъ раньше, чѣмъ она попала въ руки другого изслѣдователя.

Въ этомъ случайномъ указаніи мы наталкиваемся на одинъ изъ слѣдовъ той большой работы, которую онъ началъ передъ смертью и къ которой стремился при самомъ началѣ своей научной дѣятельности въ Россіи — точнаго изученія и описанія минераловъ Россійскаго государства. Смерть прервала и скрыла то, что онъ могъ намъ дать своевременнымъ изданіемъ минералогіи Россіи.

Ломоносовъ былъ великъ не только идеями, которыя опередили вѣка, и синтезомъ, связаннымъ съ правильнымъ объясненіемъ тѣхъ или иныхъ явленій природы: онъ былъ великъ и тѣмъ, что стремился къ точному познанію фактовъ и ихъ тщательному и ясному утвержденію.

Онъ могъ идти дальше своего времени не только по свойствамъ своего ума, но и потому, что въ его распоряженіи были неизвѣстные современникамъ факты. Въ этомъ соединеніи точнаго наблюдателя и мыслителя кроется его обаяніе для современнаго натуралиста.

БИБЛИОТЕКА
Акад. наук
СССР

159/13.